

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки
Институт Дальнего Востока Российской
академии наук
Центр корейских исследований

КНДР и РК – 70 лет

Москва
ИДВ РАН
2018

УДК [327+339.5](519.3:519.5)(082)
ББК 66.4(5Кoo)(5Кop)я4+65.59(5Кoo)(5Кop)я4
К53

*Рекомендовано к публикации
Ученым советом ИДВ РАН*

Рецензенты:

д.и.н. Ю.М. Галенович, д.э.н. В.М. Мазырин

Редакционная коллегия:

к.полит.н. А.З. Жебин (отв. ред.), к.и.н. К.В. Асмолов, к.э.н. Л.В. Захарова,
к.филос.н. Ким Ен Ун, д.э.н. С.С. Сулина, к.культурологии М.Е. Осетрова,
м.н.с. А.Л. Поленова

К53 КНДР и РК — 70 лет. — М.: ИДВ РАН, 2018. — 376 с.
ISBN 978-5-8381-0339-0

В коллективной монографии российских корееведов, посвященной исполняющемуся в 2018 г. 70-летию образования КНДР и РК, дается оценка предпосылок раскола полуострова, подводятся итоги политического, экономического, культурного развития двух корейских государств. Рассматриваются некоторые проблемы становления и развития государственности, форм и методов управления и регулирования общественных отношений в КНДР и РК. Анализируются причины разных результатов процессов экономической модернизации двух корейских государств, приведших к существенно различным уровням жизни населения, проблемы их торговых и внешнеэкономических связей. Исследуются отношения КНДР и РК как между собой, так и с соседними странами. Большое внимание при этом уделено денуклеаризации полуострова как важной международной проблеме, решением которой уже многие годы занимаются ведущие мировые державы и ООН. Рассматриваются итоги межкорейского саммита 27 апреля 2018 г. и дается прогноз возможных последствий первой в истории встречи на высшем уровне между КНДР и США. Монография подготовлена на основе докладов, апробированных на XXII конференции корееведов России и стран СНГ, проведенной в ИДВ РАН в Москве 29—30 марта 2018 г.

УДК [327+339.5](519.3:519.5)(082)
ББК 66.4(5Кoo)(5Кop)я4+65.59(5Кoo)(5Кop)я4

ISBN 978-5-8381-0339-0

© Коллектив авторов, 2018
© ИДВ РАН, 2018

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute of Far Eastern Studies
Center for Korean Studies

THE DPRK AND THE ROK: THE 70TH ANNIVERSARY OF FOUNDATION

Moscow
Russian Academy
of Sciences
Institute of Far Eastern
Studies
2018

*Recommended for publication by:
Academic Council of the Institute for Far Eastern Studies
Russian Academy of sciences*

The DPRK and the ROK: the 70TH anniversary of foundation. Moscow, RAS IFES Press, 2018.

The collective monograph by Russian experts on Korea devoted to the 70th anniversary of the foundation of the DPRK and the ROK celebrated in 2018, assesses the prerequisites for the peninsula's split, summarizes the political, economic, cultural developments of the two Korean states. Some problems of formation and development of statehood, forms and methods of management and regulation of social life in North Korea and South Korea are explored. The causes of different results of the processes of economic modernization of the two Korean States, which led to significantly different living standards of the population, the problems of their trade and foreign economic relations are analyzed. The relations between the DPRK and the ROK, both among themselves and with neighboring countries are examined. Much attention is paid to the denuclearization of the peninsula as an important international problem, the solution of which has been sought for many years by the world's leading powers and the UN. The results of the inter-Korean summit on April 27, 2018 are considered and the forecast of possible consequences of the first summit in the history between the DPRK and the United States is given. The monograph includes the articles prepared on the basis of academic papers presented at the XXII conference of Russia and CIS countries experts on Korea, held in the Institute of Far Eastern Studies in Moscow on March 29–30, 2018.

Оглавление

Предисловие	13
-------------------	----

Раздел I ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ, ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Глава 1. ПОЛИТИКА И ГОСУДАРСТВО В КОРЕЕ

<i>Жебин А.З.</i> Корея на распутье	17
<i>Толорая Г.Д., Яковлева Л.Н.</i> Отношения Российской Федерации с КНДР: три десятилетия, четыре этапа	33
<i>Казарьян Р.Л.</i> О некоторых итогах политики «солнечного тепла» в контексте перспектив межкорейского сближения	49
<i>Ким Ен Ун</i> Тенденции развития государственности в КНДР и РК	60
<i>Курбанов С.О.</i> Северокорейская интерпретация проблемы прав человека и корейская традиционная культура	74
<i>Ковш А.В.</i> Сравнительный анализ отдельных положений уголовных кодексов КНДР и РК	84

Глава 2. ПРОБЛЕМА БЕЗОПАСНОСТИ НА КОРЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

Дьячков И.В.

Урегулирование ядерной проблемы Корейского полуострова:
возможности для России 94

Асмолов К.В.

КНР и государства Корейского полуострова 101

Евсеев В.В.

Северокорейский ракетно-ядерный потенциал:
домыслы и реальность 116

Кику Д.В.

Эффективность воздействия санкций Совета Безопасности ООН
на ракетно-ядерную программу КНДР 128

Кирьянов О.В.

Ядерное вооружение Южной Кореи как ответ на угрозу КНДР:
активизация дискуссии и возможные последствия 137

Раздел II

ЭКОНОМИКА И ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ

Суслина С.С.

70 лет экономического соревнования КНДР и РК:
некоторые итоги 151

Захарова Л.В.

Внешнеэкономическое сотрудничество и его значение
для экономики КНДР 164

Синякова А.Ф.

Развитие экономики Республики Корея после освобождения
через призму внешней торговли 178

Зуева А.Г.

Роль подготовки научно-технических кадров
в социально-экономическом развитии Южной Кореи
(1948—2018 гг.) 188

Эм П.П.

Изучение роли пригородных зон в развитии урбанизации
в Республике Корея (на примере столичной агломерации) 200

Раздел III ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА, ФИЛОЛОГИЯ

Глава 1. ИСТОРИЯ

Акуленко В.С.

Эволюция теорий этногенеза корейцев в РК и КНДР 213

Овчинникова Л.В.

Влияние японской политики и права на формирование
государственности в Южной Корее 226

Вишнякова В.В.

О роли СМИ Южной Кореи в подготовке раскола страны
(1945—1948) 239

Ермолаева Е.М.

Государственная идеология Республики Корея:
от истоков к современности 252

Ким Н.Н.

Эволюция женского общественного движения
в Республике Корея 263

Шарафетдинова А.И.

Военно-политические аспекты политики США
на Корейском полуострове после 1945 г. 277

Лобов Р.Н.

Взаимоотношения в треугольнике КНДР—РК—Япония
после холодной войны: основные тренды и проблемы развития 290

Глава 2. КУЛЬТУРА, ЛИТЕРАТУРА, ФИЛОЛОГИЯ

Хохлова Е.А.

Семьдесят лет южнокорейского искусства: вопрос самобытности . . . 302

<i>Цой И.В.</i> Эволюция тем художественной литературы Республики Корея (1948—2018)	317
<i>Солдатова М.В.</i> Язык художественной литературы РК и КНДР о корейской войне (1950—1953)	329
<i>Сухинин В.Е.</i> Перевод и политика (на материале корейского языка)	339
<i>Гурьева А.А.</i> Основные вехи развития корейской филологии в Республике Корея (с 1948 г. до наших дней)	346
<i>Мозоль Т.С.</i> Языковая ситуация на Корейском полуострове спустя 70 лет после разделения	358
Список авторов	373

Content

Preface	13
----------------------	----

Part I **SECURITY PROBLEM, FOREIGN** **AND DOMESTIC POLICIES**

Chapter 1. POLITICS AND STATE IN KOREA

<i>Zhebin A.Z.</i> Korea at the Crossroad	17
<i>Toloraya G.D. Yakovleva L.V.</i> Russia — North Korea Relations: Three Decades, Four Stages	33
<i>Kazarian R. L.</i> On Some Results of the Sunshine Policy in the Context of Inter-Korean Rapprochement	49
<i>Kim En Un</i> Tendencies of Statehood Development in the DPRK and the ROK	60
<i>Kurbanov S. O.</i> The North Korean Interpretation of the Human Rights Problem and the Traditional Korean Culture	74
<i>Kovsh A. V.</i> A Comparative Analysis of Some Provisions of the Criminal Law of the DPRK and the ROK	84

Chapter 2. SECURITY PROBLEM ON THE KOREAN PENINSULA

Dyachkov I. V.

Korean Peninsula Nuclear Problem Resolution:
Opportunities for Russia 94

Asmolov K.V.

China and Two Koreas 101

Evseev V.V.

North Korean Nuclear Missile Potential: Speculations and Reality 116

Kiku D.V.

Effectiveness of the UN Security Council Sanctions Impact
on the DPRK Nuclear Weapons and Ballistic Missile Programs 128

Kiryanov O. V.

South Korea's Nuclear Armament Option as a Response
to the North Korean Threat: Recent Discussions
and Possible Implications 137

Part II

ECONOMY AND EXTERNAL ECONOMIC TIES

Suslina S.S.

70 Years of Economic Competition between the DPRK
and the Republic of Korea: Some Results 151

Zakharova L.V.

Economic Cooperation with Foreign Countries
and Its Role for the DPRK's Economy 164

Sinyakova A. F.

Economic Development of the Republic of Korea
from the Perspective of International Trade 178

Zueva A.G.

The Role of Scientific and Technological Training
in Social and Economic Development of South Korea 188

Em P.P.

- A study of the Role of Suburban Areas in the Development
of Urbanization in the Republic of Korea 200

Part III

HISTORY, CULTURE, PHILOLOGY

Chapter 1. HISTORY

Akulenko V.S.

- Evolution of Theories of Ethnogenesis of Korean People
in the RoK and the DPRK 213

Ovchinnikova L.V.

- The Influence of Japanese Colonial Legacy
on the Korean Postcolonial State System 226

Vishnyakova V.V.

- Role of the South Korean Mass Media
in the Division of Korea (1945—1948) 239

Ermolaeva E. M.

- South Korean State Ideology — the Past and the Present 252

Kim N. N.

- Evolution of the Women's Movement in the Republic of Korea 263

Sharafetdinova A. I.

- Military and Political Aspects of the US Policy
on the Korean Peninsula since 1945 277

Lobov R.N.

- Bilateral Relations in the DPRK—Republic of Korea—
Japan Triangle after the Cold War: Trends and Issues 290

Chapter 2. CULTURE, LITERATURE, PHILOLOGY

Khokhlova E.A.

- 70 years of South Korean Art: Question of Identity 302

<i>Tsoy I.V.</i> Evolution of Main Themes in South Korean Fiction	317
<i>Soldatova M.V.</i> The Language of ROK's and DPRK's Literature about the Korean War (1950—1953)	329
<i>Sukhinin V. E.</i> Translation and Politics (based on Korean Language Material)	339
<i>Guryeva A.A.</i> Korean Philology and the Main Stages of its Development in the Republic of Korea	346
<i>Mozol T. S.</i> Language Situation on the Korean Peninsula after 70 Years of Division	358
List of authors	373

Предисловие

В 2018 г. Корейская Народно-Демократическая Республика и Республика Корея отмечают каждая свой семидесятилетний юбилей со дня образования. Первой 15 августа 1948 г. была провозглашена Республика Корея, тремя с лишним неделями спустя — 9 сентября 1948 г. — КНДР. Это хороший повод для анализа основных результатов, достигнутых двумя государствами за этот длительный период раздельного развития в политической, экономической и культурной жизни. 70-летняя годовщина образования РК и КНДР дала также дополнительный стимул провести комплексный и компаративистский анализ, выявить достижения и проблемы в развитии каждого корейского государства.

История поставила на Корейском полуострове самый протяженный за прошлый век и пока не нашедший своего решения в нынешнем XXI в. эксперимент политического и социально-экономического противостояния двух систем в рамках одной нации. Решение корейской проблемы оказалось в тесной зависимости от геополитических интересов супердержав мира, главным образом США, КНР, России, что повлияло на продвижение Северной и Южной Кореи к сближению и воссоединению. Между тем, проблемы и вызовы, с которыми сталкиваются государства Корейского полуострова, особенно в последнее десятилетие, катастрофически нарастают и требуют неотложного решения. Одной из самых острых проблем, имеющих резонансное значение для Восточной Азии и мира в целом, является проблема денуклеаризации Корейского полуострова и упрочения мира и безопасности в регионе. Наметившееся в начале 2018 г. потепление в отношениях между корейскими государствами, проявившееся в успешном проведении исторического третьего межкорейского саммита 27 апреля с.г., в очередной раз подарило корей-

скому народу надежду на продвижение к заветной цели — мирному разрешению ядерной проблемы Корейского полуострова (ЯПКП) и налаживанию сотрудничества через снятие санкций и взаимное признание. Еще более значимым событием не только для стран Корейского полуострова, но и для мира, могут стать результаты состоявшегося 12 июня 2018 г. в Сингапуре саммита КНДР—США, который поднял международный имидж Северной Кореи, существенно разрядил международную обстановку и перевел угрозу военного столкновения в фазу переговорного процесса.

Всей этой актуальной и в значительной степени современной тематике и посвящена представляемая вашему вниманию очередная коллективная монография, подготовленная по итогам обсуждения указанных выше вопросов на 22-й международной конференции корееведов России и стран СНГ «КНДР и РК — 70 лет», проведенной в ИДВ РАН в Москве 29—30 марта 2018 г.

В коллективном исследовании анализируются проблемы безопасности, а также внутренней и внешней политики двух корейских государств, подведены некоторые итоги прежней в целом успешной политики «солнечного тепла» в контексте перспектив межкорейского сближения, показаны опции для корейских государств, стоящих в настоящее время «на распутье». Серьезное внимание уделено основным тенденциям развития государственности в Северной и Южной Корее. Значительный интерес может представить рассмотрение северокорейской интерпретации проблемы прав человека в контексте корейской традиционной культуры. Конкретизацией отдельных аспектов этой проблематики можно считать сравнительный анализ отдельных положений уголовных кодексов КНДР и РК.

В книге представлены различные точки зрения российских экспертов на ЯПКП, анализируются роли России, КНР, РК и Совета Безопасности ООН в ее перспективном разрешении. Особо пристальное внимание уделено поиску путей урегулирования указанной проблемы, которые в связи с последними саммитами КНДР—РК и КНДР—США еще более выдвинулись в число приоритетных задач.

Коллективная монография была бы неполной без рассмотрения основных результатов 70-летнего раздельного развития двух корейских государств в экономической и культурной жизни. Анализ от-

дельных составляющих социально-экономического и культурного развития свидетельствует о различных подходах и результативности моделей экономического развития двух корейских государств, окончательную оценку которым еще не выставила история. Отсталая, подвергающаяся всеобъемлющим санкциям КНДР смогла в течение почти 30 лет выстоять и создать ракетно-ядерный потенциал, а РК, превосходящая Северную Корею по национальному доходу на душу населения в 15 раз и став третьим самым развитым государством в СВА, не смогла создать на полуострове «климат доверия» и наладить эффективное взаимовыгодное сотрудничество со своим северным соседом. В этом плане интересные проблемы освещены в тематике внешнеэкономических связей двух государств, которые в перспективе могли бы содействовать развитию межкорейского взаимодействия.

В монографии освещение получили также малоизученные в настоящее время темы значимости научно-технических кадров в социально-экономическом развитии РК и проблемы ее урбанистического развития.

Особое место в юбилейном издании отведено темам, посвященным корейской истории, культуре и филологии. Рассмотрены вопросы эволюции теорий этногенеза корейской нации, влияния японской политики и права на формирование государственности в Южной Корее, развития государственной идеологии РК, роли СМИ Южной Кореи в событиях, приведших к расколу страны.

Аналізу подверглись военно-политические аспекты политики США на Корейском полуострове после освобождения Кореи и взаимоотношения в треугольнике КНДР—РК—Япония после окончания холодной войны.

В работе достаточно полно представлен пласт культурного наследия и послевоенного его развития в двух корейских государствах. Наличие общего культурного наследия рассматривается как важный фактор в межкорейском диалоге.

В заключение следует отметить, что авторский коллектив предлагаемой вашему вниманию монографии постарался ответить на наиболее актуальные вопросы современности и задать новые темы для исследования процессов, которые идут на Корейском полуост-

рове или в которые вовлечены не только корейские государства, но и страны региона. Представляется, что, с учетом возросшей в последние годы «популярности» корейской проблематики, данная коллективная монография будет интересна не только узкой аудитории специалистов, но и самому широкому кругу читателей, ищущих ответы на свои вопросы, касающиеся Кореи.

С.С. Суслина, А.З. Жебин

Раздел I

ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ, ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Глава 1

ПОЛИТИКА И ГОСУДАРСТВО В КОРЕЕ

А.З. Жебин

КОРЕЯ НА РАСПУТЬЕ

Автор предлагает свое видение возможных перемен в обстановке на Корейском полуострове и в регионе Северо-Восточной Азии в связи с проведением 3-го межкорейского саммита в апреле 2018 г. и первой в истории встречи на высшем уровне между КНДР и США. На основе анализа кризисной ситуации, сложившейся на Корейском полуострове в 2017 г., дается прогноз наиболее вероятных, по мнению автора, тем, которые будут обсуждаться участниками саммитов. Рассматриваются варианты возможных договоренностей, которые могут быть достигнуты, и их влияние на ситуацию на Корейском полуострове, отношения двух корейских государств с соседними странами и положение в СВА в целом.

Ключевые слова: КНДР, КНР, РФ, РК, США, Корейский полуостров, безопасность, межкорейские отношения.

The author offers his vision of possible changes in the situation on the Korean Peninsula and in Northeast Asia in the context of the 3rd inter-Korean summit in April of 2018, as well as the first ever summit between the DPRK and the United States. Based on the analysis of the crisis situation on the Korean Peninsula in 2017, the author gives a forecast of the most likely, in his opinion, topics to be discussed by the participants of the summits. The options of possible agreements that can be reached and their impact on the situation on the Korean peninsula and the relations of the two Korean states with neighboring countries and the situation in the NEA as a whole are considered.

Keywords: DPRK, PRC, RF, ROK, USA, Korean peninsula, security, inter-Korean relations.

1. Американские претензии против северокорейских амбиций

В 2017 г. Корейский полуостров оказался на грани катастрофы, которая, по мнению ряда экспертов, вполне могла перерасти в мировую войну. Главными причинами этого стали, с одной стороны, качественный скачок в развитии ракетно-ядерной программы КНДР, а с другой — крайне обостренная реакция президента США Д. Трампа на эти успехи. Для правящих кругов США оказалась невыносимой остающаяся пока что все еще гипотетической вероятность того, что в КНДР создан или вот-вот появится потенциал нанесения ядерного удара по континентальной части США.

Отсюда и заявления о том, что Вашингтон всерьез рассматривает все варианты не допустить такой ситуации, включая силовой. Такие предупреждения делались и раньше, но в исполнении Д. Трампа они звучали настолько зловеще, что вынудили президента РК Мун Чжэ Ина заявить, что никакая война в Корее не может быть начата без согласия его страны. Более того, южнокорейский лидер призвал Вашингтон к прямому диалогу с Пхеньяном.

Руководитель КНДР Ким Чен Ын на встрече 5 марта 2018 г. с южнокорейской делегацией в Пхеньяне, по словам гостей, заявил о готовности к диалогу с США и пообещал на время таких переговоров воздержаться от новых ракетных пусков и ядерных испытаний. Он также сообщил, опять же со слов членов делегации, что КНДР не

будет нуждаться в ядерном оружии, когда исчезнет военная угроза и его стране будут даны гарантии безопасности¹.

Вряд ли стоит сомневаться в том, что решение о том, ликвидирована такая угроза или нет и насколько надежны будут гарантии, о которых еще предстоит договориться, в Пхеньяне оставляют за собой. Таким образом, согласие северокорейцев на денуклеаризацию (если оно действительно было дано) отнюдь не безусловно и не необратимо. Показательно, что в Пхеньяне о саммите с США до самого последнего момента молчали.

Д. Трамп устное приглашение Ким Чен Ына встретиться принял. И сделал это практически единолично, без должного обсуждения с помощниками, за что его сразу же стали критиковать. Тем не менее в результате двух поездок в КНДР нового госсекретаря США М. Помпео дату и место первого в истории американо-корейского саммита удалось согласовать: если верить очередному твитту Д. Трампа, он должен состояться 12 июня 2018 г. в Сингапуре.

Д. Трамп пообещал заключить с Ким Чен Ыном «великую сделку», не расшифровав, что он под ней понимает. Сможет ли он отказаться от требований, отлитых в формулировке о «полном, проверяемом и необратимом демонтаже» всех ядерных программ КНДР? Ведь в этом случае на него обрушится такая волна критики, с которой ему до сих пор ещё, возможно, не приходилось сталкиваться².

Позиция Пхеньяна, судя по заявлениям северокорейского МИД и публикациям в СМИ, существенно отличается от подхода США. Как отмечают в столице КНДР, «диалог, к которому мы стремимся, — это диалог, при котором стороны обсуждают и решают вопросы, представляющие взаимный интерес, находясь в равном положении»³. На следующий день после встречи Ким Чен Ына с южнокорейской делегацией главная партийная газета КНДР «Нодон синмун» сообщила, что создание ядерного оружия было «правильным выбором», который позволил «надежно гарантировать мир на Корейском полуострове, в Северо-Восточной Азии и во всем мире»⁴.

В Пхеньяне дают понять, что рассчитывают на то, что предстоящая встреча в верхах станет переговорами между лидерами двух ядерных держав, которые бы нормализовали двусторонние отноше-

ния, дали бы друг другу некие гарантии безопасности и, возможно, обозначили бы устраивающие обе стороны вехи урегулирования остающихся разногласий.

Готовясь к саммитам с Южной Кореей и США, Пхеньян сделал упреждающий шаг, на который ему, скорее всего, пришлось бы пойти на предстоящих переговорах. Теперь эти меры выглядят как не вынужденная уступка, а как жест доброй воли. КНДР пообещала впредь не запускать межконтинентальные баллистические ракеты (МБР) и ракеты средней дальности, не проводить испытаний ядерного оружия, а также не передавать кому-либо такое оружие и технологии его создания, в чем они уже не раз заверяли мировое сообщество.

Эти решения были приняты на 3-м пленуме ЦК ТПК 7-го созыва, состоявшемся 20 апреля 2018 г. На пленуме было заявлено об успешном выполнении задач, поставленных в рамках политики параллельного строительства экономики и ядерных сил и провозглашен новый курс с главным упором на экономическую модернизацию⁵.

В Пхеньяне, возможно, сочли бы достаточными гарантии безопасности, которые могли быть зафиксированы в совместном заявлении или декларации, где содержалось бы такое обещание, данное на этот раз на высшем уровне.

В свою очередь, Вашингтон, например, может согласиться на определенное снижение военной активности США в районе Корейского полуострова, частичную отмену санкций против Северной Кореи и оказание ей гуманитарной помощи.

Успех саммита нужен обеим сторонам. Но ни одна другой до конца не поверит. Особенно это касается северокорейцев, для которых исход данного спора — вопрос жизни и смерти. Может быть, они захотят дополнительных гарантий безопасности. Односторонние обязательства США, как показывает их поведение даже в отношениях со старыми союзниками, оказались ненадежными.

Выход США из ядерной сделки с Ираном, анонсированный Д. Трампом 6 мая 2018 г., почти наверняка еще больше обострит споры в руководстве КНДР о надежности любых американских обещаний.

2. ЯПКП: возможны варианты

Всю ядерную проблему Корейского полуострова (ЯПКП) в один присест урегулировать вряд ли удастся. Это уже попытались сделать на шестисторонних переговорах, но безуспешно. На взгляд автора, ракетную и ядерную проблемы нужно решать по отдельности или с разными скоростями.

Дело в том, что прошлогоднее обострение отношений между КНДР и США было вызвано прежде всего тем, что северокорейцы создали ракету, которая может достать до американской территории. Американцев не так волнует количество ядерных зарядов у КНДР, как то, что эти заряды могут угрожать американским городам. Главная головная боль США — северокорейские МБР. Трамп не раз обещал, что не допустит того, чтобы американские города находились под их прицелом.

Поэтому для Трампа важно, чтобы северокорейцы взяли обязательство больше не испытывать МБР и боеголовки к ним. В обмен на это КНДР, возможно, захочет признания ее права на запуски спутников. Северокорейцы считают, что, поскольку они присоединились к договору о космосе, никто, даже СБ ООН, не может лишить их права на запуски спутников и запретить участвовать в договоре, который открыт для всех государств. Сейчас все соседние с КНДР страны запускают спутники, в том числе Япония и Южная Корея. Поэтому Северная Корея от этого права никогда не откажется. В этом направлении компромисс может быть найден. Такую «молчаливую» сделку предлагали и некоторые американские эксперты⁶. Будет ли о ней официально объявлено — другой вопрос.

Есть еще проблема верификации, т. е. проверки. Опыт показал, что в случае с КНДР согласия по этому вопросу достичь очень сложно. Между тем, все ракетные пуски могут контролироваться США, Россией и Китаем с помощью имеющихся у них национальных средств. Здесь не нужны инспекции на месте, по крайней мере на первом этапе. Специалисты сразу определяют, что произошло — запуск спутника на околоземную орбиту или испытание МБР, которая должна пролететь 6—7 тыс. км и попасть в определенную точку земной или водной поверхности.

В то же время ядерная программа в основном реализуется под землей. Для определения интрузивности инспекций наверняка потребуется гораздо больше времени. Поэтому, что касается решения ядерной проблемы, северокорейцы на первом этапе, на взгляд автора, могут согласиться, *во-первых*, взять на себя обязательство больше не проводить ядерных испытаний, *во-вторых*, не передавать ядерное оружие и технологии его создания третьим странам и негосударственным группам.

Это тоже может устроить американцев. Для них прежде всего важно, чтобы ядерные заряды не долетели до США и не попали в руки террористов. Д. Трамп вполне может предъявить американцам указанные три договоренности: по МБР, о запрете ядерных испытаний и обязательство КНДР не распространять ядерные и ракетные технологии в качестве своего успеха.

В свою очередь, для КНДР, которая уже давно хочет избавиться от статуса «изгоя» и позиционировать себя как «нормальное» государство Азии, важен престиж, де-факто признание этого статуса со стороны США, что и произойдет, когда лидеры двух стран усядутся за один стол. Заодно северокорейцы, вероятно, попросят снять какие-то односторонние санкции США, наложенные не конгрессом, а администрацией Д. Трампа, что он вправе сделать без согласия законодателей.

В целом поле для ограниченного, но вполне разумного компромисса есть, особенно если обе стороны поймут, что все их желания сразу выполнить не получится. Но большая часть решений должна быть согласована до саммита. Лидеры двух стран никогда не встречались и не могут сесть за стол и начать договариваться, как говорится, с чистого листа. Нужно согласовать повестку дня и определить хотя бы базовый перечень договоренностей, которые планируются достигнуть.

3. Китай — главная цель

Ситуацию, сложившуюся вокруг КНДР, на взгляд автора, нельзя понять вне контекста геополитических амбиций США в АТР.

Действия США свидетельствуют о том, что главной целью их геополитических комбинаций в регионе является Китай. Вашингтон, не оставляя надежд все же интегрировать Китай в возглавляемый США международный порядок, все более заметно сползает в сторону «сдерживания» и неприкрытого силового давления на Китай, о чем свидетельствуют действия ВМС США в Южно-Китайском море.

Одновременно Китай принуждают присоединиться к американскому варианту торговых, финансовых и иных санкций против КНДР. Однако для КНР как по военно-стратегическим, так и престижно-политическим соображениям ликвидация КНДР, тем более силовым путем, совершенно неприемлема. Такое развитие событий привело бы к выходу вооруженных сил США на 1360-километровую сухопутную границу с Китаем, серьезно подрывало бы престиж и внешнеполитические позиции КНР в Азии и во всем мире, практически ставило бы крест на планах Пекина вернуть в «лоно родины» Тайвань.

Какая из малых и средних стран по периметру китайских границ стала бы впредь полагаться на Пекин, если бы он без боя сдал своему главному геополитическому сопернику, а скорее противнику, КНДР, а вместе с ней и весь Корейский полуостров, на протяжении многих веков находившийся в исключительной сфере влияния Китая?

В то же время Китай недоволен ядерными амбициями КНДР, которые дали американцам предлог для давления на Пекин. Китай также опасается, что если КНДР станет ядерной державой, то это может привести к появлению такого оружия у Японии, Южной Кореи и, самое худшее, у Тайваня.

Китай пока не готов к прямому противостоянию с США. Ему нужно время для самоусиления. Поэтому он вынужден соглашаться на принятие резолюций СБ ООН, вводящих санкции в отношении КНДР. Расчет делается на то, что это может, *во-первых*, действительно заставить Пхеньян свернуть или хотя бы заморозить его ракетно-ядерную программу. *Во-вторых*, отодвинуть вероятность военного удара США по КНДР, на что Китаю придется, как стране, имеющей военно-политический договор с Северной Кореей, как-то реагировать.

Китай заинтересован в урегулировании в Корее и всегда старался играть роль посредника в этих делах. Но получилось так, что эта роль перешла к Республике Корея. Возможно, потому, что КНДР была не довольна действиями Китая: его голосованием за санкции в СБ ООН, серьезными ограничениями, которые он ввел в торговле с КНДР.

Северокорейцы выразили свое недовольство позицией КНР, выступив с открытой критикой публикаций в некоторых китайских СМИ и политики Китая в отношении КНДР⁷.

С учетом стратегии США в отношении Китая и обид Пхеньяна на поведение Пекина нельзя исключить вариант, чреватый серьезными переменами в структуре международных отношений в Восточной Азии. Некоторые американские аналитики строят планы превращения КНДР, пусть не сразу, во второй Вьетнам с точки зрения нынешних отношений этой страны с Китаем. С другой стороны, можно вспомнить неоднократные высказывания северокорейских лидеров о желании жить в мире и дружбе с США⁸.

Возможен ли такой разворот? Напомним, что Вьетнам, как и КНДР в свое время, американцы жестоко бомбили, война принесла этой стране много жертв и разрушений. А сейчас у Ханоя очень хорошие отношения с Вашингтоном на антикитайской основе. Попытки сближения США с КНДР на такой же платформе вполне возможны. Для американцев стало бы самым большим успехом в Азии включение КНДР в некий «санитарный кордон», формируемый США по периметру китайских границ с целью сдерживания «экспансионизма» Китая. Возможно, когда Трамп говорил о возможности «великой сделки» с КНДР, он как раз это и имел в виду.

Однако, судя по всему, КНДР не решилась пойти на саммит с США, не заручившись пониманием, а возможно, и поддержкой своей позиции со стороны Китая. В ходе двух внезапных визитов Ким Чен Ына в КНР (25—28 марта и 7—8 мая 2018 г.) и его переговоров с Председателем КНР Си Цзиньпином стороны договорились выполнять «важное соглашение», достигнутое между ними, и заявили, что состоявшиеся встречи открыли «новую страницу великой корейско-китайской дружбы»⁹.

4. Межкорейская разрядка

Север и Юг Кореи заинтересованы в том, чтобы снизить напряженность, к которой привели угрозы США нанести удар по КНДР. Новая война стала бы катастрофой для обеих частей Кореи. Ведь любое сколько-нибудь широкое применение ядерного оружия на Корейском полуострове чревато превращением его в зону, не пригодную для проживания человека.

Договоренность о проведении 27 апреля 2018 г. межкорейского саммита свидетельствует о том, что корейцы осознали эту опасность и поняли, что пора играть большую роль в определении своей судьбы.

«Пханмунджомская декларация о мире, процветании и объединении Корейского полуострова» (далее Декларация), принятая по итогам саммита, может открыть путь от состояния военно-политической конфронтации между Севером и Югом к отношениям мирного сосуществования и способствовать созданию предпосылок для сближения двух частей страны.

Центральным положением Декларации, как представляется, является обязательство руководителей двух корейских государств, данное ими торжественно перед 80 млн корейцев Севера и Юга и всем миром о том, что на Корейском полуострове больше не будет войны¹⁰. Это важнейшее положение Декларации, которое, как весь документ, хотя и не носит юридически обязывающего характера, тем не менее при возникновении ситуации, непосредственно угрожающей миру, может сыграть ключевую роль в предотвращении конфликта.

Политическое значение этого обязательства состоит в том, что оно фактически выводит Республику Корея из военно-политического альянса с Соединенными Штатами Америки в том случае, если последние захотят применить силу против КНДР. Если следовать букве и духу Декларации, то Республика Корея должна не только отказаться от военных акций против КНДР, но и предпринимать необходимые меры, чтобы не допустить их со стороны иностранных сил, дислоцированных на территории южной части полуострова.

Несмотря на то что у Республики Корея есть военно-политический договор с Соединенными Штатами и даже объединенное командование вооруженными силами США и РК, обещание президента РК о том, что на Корейском полуострове больше не будет войны, полагаем, распространяется и на действия старшего союзника, которому, в случае попыток развязать конфликт против КНДР во имя реализации собственных геополитических устремлений, придется учитывать эти обязательства

Второй момент, который привлекает внимание, — это вопрос денуклеаризации всего Корейского полуострова, а не только Северной Кореи. Почему важна именно такая постановка вопроса?

Во-первых, в 1991 г. президент США Джордж Буш-старший заявил о том, что тактическое ядерное оружие вывезено с территории Южной Кореи. Так это или нет — большой вопрос. В КНДР в этом сомневаются. В мировых СМИ в 1970—1980-е годы появлялись сообщения о том, что к югу вдоль демилитаризованной зоны на наиболее танкоопасных направлениях установлены американские атомные мины.

Во-вторых, в морские порты Южной Кореи на регулярной основе заходят атомные подводные лодки, атомные авианосцы США, а в воздушное пространство РК — стратегические бомбардировщики — носители ядерного оружия США. Находится ли на борту этих кораблей и самолетов такое оружие — неизвестно.

В-третьих, Республика Корея имеет на своей территории 25 атомных реакторов на электростанциях и сейчас добивается от Соединенных Штатов права на переработку ядерного топлива. Здесь тоже возникает масса вопросов.

А как быть в случае возвращения КНДР в ДНЯО, чего от нее так требуют на Западе? Тогда она обретает законное право на мирную атомную энергетику и другие невоенные атомные технологии.

Север и Юг Кореи внимательно следят друг за другом, стараясь ни в чем ни на шаг не отставать один от другого.

Поэтому важно, как будет контролироваться процесс денуклеаризации не только в Северной, но и в Южной Корее. Если уже сейчас предусматривается организация масштабных инспекций на ядерных объектах КНДР, то вполне вероятно, что в Пхеньяне также

захотят убедиться в отсутствии ядерного оружия на Юге, в том числе и на американских военных базах.

Стоит отметить, что этот вопрос уже обсуждался в ходе событий, которые привели к первому ядерному кризису в Корее в 1992—1993 гг. Тогда американцы соглашались с тем, что инспекции должны проводиться и на Юге.

Третий момент, который представляет значительный интерес, в первую очередь для Северной Кореи, — это проблема возрождения межкорейского экономического сотрудничества, которое успешно росло между первым и вторым межкорейскими саммитами (2000—2007 гг.). Это одна из наиболее трудноразрешаемых задач, так как КНДР является объектом беспрецедентно жестких международных санкций, введенных резолюциями Совета Безопасности ООН. Эти санкции фактически блокируют не только торгово-экономическое и инвестиционное сотрудничество КНДР с другими странами, но и ее культурные, гуманитарные, спортивные обмены, свидетелями чего мы были в ходе недавних зимних Олимпийских игр в Южной Корее, когда возникли проблемы с заправкой северокорейских судов и самолетов, доставивших представителей КНДР на олимпиаду.

Существенными препятствиями для межкорейского экономического и любого другого сотрудничества и обменов, помимо санкций Совета Безопасности ООН, являются односторонние санкции США, Японии, ЕС и, наконец, самой Южной Кореи. Власти последней вполне могли бы проявить добрую волю и отменить те из них, которые были введены в одностороннем порядке.

В целом, если рассматривать экономический блок межкорейского сотрудничества, соответствующие пункты, упомянутые в Декларации, отнюдь не новы. Что касается железнодорожных сетей двух Корей, то они были соединены еще в 2005 г., а в декабре 2007 г. состоялись пробные прогоны поездов. Зона мира и сотрудничества на Западном море (так корейцы в обеих частях страны предпочитают именовать расположенное к западу от Корейского полуострова Желтое море) также была согласована в ходе второго межкорейского саммита в 2007 г.

Еще один блок вопросов, которые важно решить, — это завершение периода враждебности и переход к прочному миру. В этой части Декларации говорится о том, что Север и Юг будут сотрудничать в обеспечении постоянного и прочного режима мира на Корейском полуострове и содействовать проведению трехсторонней или четырехсторонней конференции с участием Севера и Юга Кореи, США и Китая для того, чтобы официально объявить об окончании войны и превратить перемирие в прочный мир¹¹.

Здесь также немало неясностей. *Во-первых*, Соглашение о военном перемирии в Корее (именно так называется этот документ) подписывалось только тремя сторонами. Вначале документ был подписан в Пханмунджоме представителем сил ООН генерал-лейтенантом армии США Уильямом Гаррисоном и северокорейским генералом Нам Иром. Затем его утвердили своими подписями Командующий Корейской народной армией Ким Ир Сен и командующий Армией китайских народных добровольцев (АКНД) Пэн Дэхуай, с одной стороны, и Главнокомандующий войсками ООН в Корее американский генерал Майкл Кларк — с другой.

Представители Южной Кореи отказались подписывать это соглашение, так как тогдашний президент РК Ли Сын Ман настаивал на продолжении войны «до победного конца». На этом основании власти Северной Кореи с 70-х годов минувшего столетия стали настаивать на заключении мирного договора между КНДР и США. Американская сторона, в свою очередь, утверждает, что их генерал не представлял американское правительство, так как США официально не принимали участия в войне, а только выделили свои войска в распоряжение ООН согласно резолюции СБ ООН. Командование войсками ООН в Корее было создано в соответствии с одной из резолюций СБ ООН, принятых в то время, когда представитель СССР не участвовал в работе Совета Безопасности.

В 1994 г. тогдашний Генеральный секретарь ООН Бутрос Гали открестился от этого пережитка, холодной войны, заявив, что в нынешнем виде Командование никак не связано с ООН.

В результате ответ на вопрос, кто должен подписывать договор, остается предметом споров. Кроме того, мирный договор — это документ, который может повлечь за собой целый ряд не только мо-

ральных, но и юридических последствий, как то: компенсации жертвам боевых действий, выплаты репараций и т. д.

В целом Декларация, подписанная 27 апреля в Пханмунджоме, во многом повторяет то, что было достигнуто КНДР и РК начиная с 1972 г. Принципиальных новшеств в новой Декларации эксперты не увидели. Даже совместное бюро межкорейских связей, решение создать которое многие сочли новацией, в известной степени имеет своим предтечей Координационный комитет Севера и Юга, учрежденный и недолго функционировавший еще в начале 1970-х годов.

Для того чтобы зафиксированные в Декларации положения и задачи были воплощены в реальности, нужно проделать огромную работу в сфере политики, права, гражданских и государственных институтов.

К примеру, Конституция Республики Корея объявляет территорией страны весь Корейский полуостров. Закон о государственной безопасности, принятый в Республике Корея в 1988, приравнивает КНДР к «антигосударственной организации», устанавливает уголовную ответственность за любые несанкционированные контакты с Севером.

В Пхеньяне, особенно в периоды обострения отношений с Сеулом, в пропаганде на домашнюю аудиторию нередко именуют РК «временно оккупированной южной половиной республики», подразумевая под республикой КНДР.

И таких моментов очень много с обеих сторон. Часть южнокорейской элиты, к примеру, вообще считает, что любые контакты с Северной Кореей ни к чему не приведут, а единственной эффективной стратегией является политика давления и санкций с конечной целью ликвидации КНДР. Особенно сильны такие настроения среди военной верхушки Республики Корея, армия которой воспитана, обучена и оснащена американцами.

Тем не менее Пханмунджомская декларация, как и сам саммит 27 апреля 2018 г. — знаменательная веха в истории двух корейских государств. Это третья попытка наладить мирные отношения и устойчивое сотрудничество между Севером и Югом Кореи, которого за минувшие 65 лет после подписания соглашения о перемирии пока так и не удалось достичь.

5. Россия: надежды и тревоги

Россия всегда выступала за политическое урегулирование корейской проблемы. Никакой военный сценарий нас не устраивает, поскольку мы являемся непосредственными соседями с КНДР, и этим, думается, все сказано.

Что касается встречи Д. Трампа и Ким Чен Ына, то в России, как отмечали ее официальные представители, «обнадежены» тем, что лидеры КНДР и США объявили о готовности встретиться лично¹².

В то же время нельзя не обратить внимание на то, что США и Южная Корея, в последние годы приложившие немало усилий, в том числе в ООН, чтобы максимально испортить наши отношения с КНДР, внезапно выступили в тоге миротворцев, моментально позабыв о своих навязчивых призывах действовать по ЯПКП «единым фронтом». Единство от нас, похоже, требовалось лишь в одном — помочь США продавить нужные им условия урегулирования.

Не исключено, что в Пхеньяне считают, что Россия и Китай слишком много уступали американцам. КНДР можно в какой-то степени понять: ведь у нас есть Договор о дружбе, сотрудничестве и добрососедстве с КНДР, а у Китая — и о взаимной помощи с этой страной, где говорить, что стороны не будут предпринимать враждебных действий друг против друга, не нарушать суверенитет и т. д. Наше голосование за беспрецедентно жесткие санкции в отношении КНДР в СБ ООН вряд ли можно считать отвечающим если не букве, то духу этих документов. Поэтому КНДР, вполне возможно, считает себя в какой-то степени свободной от своих обязательств по этим документам.

США, имея за спиной 11 (sic!) резолюций СБ ООН по ЯПКП, с полным основанием записали их в свой актив и используют их не столько против КНДР, которая их открыто игнорирует, сколько для пропагандистского и политического давления на Россию и Китай, вынуждая их едва ли не ежедневно оправдываться и заверять мировое сообщество, что они их строго выполняют.

Однако формирование нынешней благоприятной обстановки для возобновления диалога вряд ли оказалось бы возможным без на-

стойчивых усилий России и Китая по реализации дорожной карты, которую они предложили в совместном заявлении 4 июля 2017 г.¹³

Несмотря на то, что ни США, ни КНДР официально не поддержали эти предложения, первый этап дорожной карты, предусматривающий двойную заморозку (ракетно-ядерные испытания КНДР — военные маневры США—РК), де-факто был реализован: в 2018 г. северокорейцы ничего не испытывают, а США и РК отнесли совместные учения на период после окончания Паралимпийских игр и сократили их продолжительность.

Более того, возобновление межкорейского диалога, проведение межкорейского и американо-северокорейского саммитов свидетельствуют, что и второй этап дорожной карты уже в работе.

Будем надеяться, что встречи лидеров КНДР, США, КНР и РК приведут к снижению напряжённости на Корейском полуострове и окончательному переводу решения ЯПКП в дипломатическое, переговорное русло.

Примечания

¹ South, North Korea agree to hold 3rd summit in April. KoreaNet. 06.03.2018. URL: <http://www.korea.net/NewsFocus/policies/view?articleId=155265> (дата обращения: 07.03.2018).

² Трамп рассказал о пользе «сделки» с КНДР // РИА «Новости» 10.03.2018. URL: <https://ria.ru/world/20180310/1516067502.html?inj=1> (дата обращения: 11.03.2018).

³ Представитель МИД КНДР отметил вопрос диалога между КНДР и США // ЦТАК. 03.03.2018.

⁴ 조선의 핵보유는 정당하며 시비거리로 될수 없다. Нодон синмун. 07.03.2018. URL: http://www.rodong.rep.kp/ko/index.php?strPageID=SF01_02_01&newsID=2018-03-07-0040 (дата обращения: 09.03.2018).

⁵ Под руководством товарища Ким Чен Ына проведен 3-й пленум ЦК ТПК 7-го созыва. ЦТАК. 21.04.2018. URL: <http://www.kcna.kp/kcna.user.special.getArticlePage.kcmsf> (дата обращения: 23.04.2018).

⁶ Baker, Carl. Double Down on North Korea's Bluff. PacNet. Number 18A. March 19, 2012. URL: www.pacforum.org (дата обращения: 23.04.2012).

⁷ Chinese Media's Shameless and Impudent Acts Blasted // KCNA. 22.09.2017.

⁸ Беседа уважаемого и любимого вождя товарища Ким Ир Сена с корреспондентом американской газеты «Нью-Йорк Таймс» // ЦТАК. 02.06.1972; Письмо правительству и конгрессу США // ЦТАК. 10.01.1984.

⁹ Товарищ Ким Чен Ын снова встретился с товарищем Си Цзиньпином // ЦТАК. 08.05.2018. URL: <http://www.kcna.kp/kcna.user.special.getArticlePage.kcmsf> (дата обращения: 10.05.2018).

¹⁰ Пханмунчжомская декларация о мире на Корейском полуострове и его процветании и воссоединении // ЦТАК. 28.04.2018. URL: <http://www.kcna.kp/kcna.user.special.getArticlePage.kcmsf> (дата обращения: 30.04.2018).

¹¹ Там же.

¹² Интервью Министра иностранных дел России С.В. Лаврова вьетнамским и японским СМИ. Москва. 16 марта 2018 г. URL: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3126672/pop_up?_101_INSTANCE_cKNonkJE02Bw_viewMode=print&_101_INSTANCE_cKNonkJE02Bw_qrIndex=0 (дата обращения: 18.03.2018).

¹³ Совместное заявление Министерства иностранных дел Российской Федерации и Министерства иностранных дел Китайской Народной Республики по проблемам Корейского полуострова. 04.07.2017. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2807662 (дата обращения: 06.07.2017).

Г.Д. Толорая, Л.Н. Яковлева

ОТНОШЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ С КНДР: ТРИ ДЕСЯТИЛЕТИЯ, ЧЕТЫРЕ ЭТАПА

Отношения между СССР/Россией и КНДР на протяжении последних трех десятилетий можно разделить на четыре этапа: 1985—1995, 1996—2002, 2003—2011, 2011—2018 гг. Каждый из них тесно связан как с внутренними трансформациями, так и с внешними вызовами, с которыми стране пришлось столкнуться. Россия последовательно придерживается позиции безальтернативности дипломатического, переговорного решения ядерной проблемы Корейского полуострова и приветствует прогресс в отношениях между КНДР и РК при администрации Мун Чжэ Ина. Вместе с тем последние дипломатические инициативы КНДР, прежде всего визит Ким Чен Ына в Пекин и заявление о готовности встретиться с Д. Трампом, сократили возможности России влиять на ситуацию и требуют от нее решительных действий для того, чтобы остаться в игре.

Ключевые слова: КНДР, Корейский полуостров, ЯПКП, корейское урегулирование, санкции.

The USSR/Russia — North Korea relations over the last three decades can be divided into four stages: 1985—1995, 1996—2002, 2003—2011, 2011—2018. The USSR refusal from its basic foreign policy principles in mid-1980s resulted in suspicion and irritation in the DPRK. Further aggravation of the bilateral relations after the USSR collapsed was a blowback for disregard of North Korea. The two countries managed to

restore faith by the year 2000 and then laid new ground for cooperation. At the same time, intensified development of North Korean nuclear and missile programs raised tensions between the DPRK and Russia. In 2014 the events in Ukraine and Syria made Russia better understand North Korean position and contributed to greater rapprochement between the two countries. Russia welcomes the progress achieved between North and South Korea under Moon Jae-In's administration. At the same time the recent North Korean diplomatic initiatives demanded that Russia take decisive steps in order to preserve its role in the Korean settlement.

Keywords: DPRK, Korean peninsula, Korean peninsula nuclear issue, Korean settlement, sanctions.

70-летняя история наших отношений с КНДР знала спады и подъемы, но наиболее турбулентными (если не считать Корейской войны) стали последние три десятилетия после распада СССР и ликвидации мировой социалистической системы, на стандартах которой была основана КНДР. Однако излом в двусторонних отношениях произошел еще до формального распада СССР. Охлаждение было связано с отказом Москвы от практики и риторики «братской солидарности», прекращением помощи Пхеньяну и развитием отношений с Сеулом.

Первый этап

С началом перестройки и провозглашением нового политического мышления в СССР отношения с КНДР пошли на спад. На фоне стремления руководства страны во главе с М.С. Горбачёвым к нормализации отношений с Западом и странами АТР из капиталистического блока КНДР стала рассматриваться как «головная боль», тогда как отношения с Республикой Корея казались перспективными.

В Северной Корее восприятие СССР также становилось все более негативным. Ким Ир Сен уже после первой встречи с М.С. Горбачёвым в Москве в 1985 г. отнесся к его линии настороженно. Развитие советско-южнокорейских отношений в преддверии и после сеульской Олимпиады 1988 г. убедило северокорейское руководство в необходимости готовиться к худшему, несмотря на заверения со-

ветской стороны. Именно тогда была активизирована ядерная программа КНДР как запасная гарантия безопасности в случае отказа СССР от союзнических обязательств (в 1990 г. КГБ СССР доложило «наверх» о создании в КНДР прототипа ядерного устройства, но никакой политической реакции не последовало).

В сентябре 1990 г., через два месяца после встречи М.С. Горбачёва и южнокорейского президента Ро Дэ У в Сан-Франциско, Э.А. Шеварднадзе отправился в КНДР, чтобы сообщить о готовности СССР установить дипломатические отношения с Южной Кореей. Это решение вызвало острую реакцию северокорейского руководства: Ким Ир Сен отказался принять советскую делегацию, а занимавший тогда пост министра иностранных дел КНДР Ким Ён Нам заявил прямым текстом: «Вы нас бросаете, а раз так, мы будем создавать ядерное оружие»¹.

С распадом СССР двусторонние отношения покатались по наклонной плоскости. Либеральная администрация Б.Н. Ельцина была настроена резко против «тоталитарного режима». Предполагалось, во всяком случае далекими от корейских дел руководителями, что вскоре КНДР исчезнет — социализм в ней рухнет так же, как и в Восточной Европе — и произойдет объединение под эгидой передовой Южной Кореи, а объединенная Корея станет важным партнером России в АТР.

Началось давление на КНДР по поводу ядерной программы, все контакты с северокорейскими представителями были посвящены в основном этой теме. Эта политика была фактически скоординирована с США и Южной Кореей — о глубине этой координации говорит просьба США (правда, неудовлетворенная) установить шпионское оборудование в здании посольства России в КНДР. Была отвергнута просьба Ким Ир Сена отпустить в КНДР смертельно больного бывшего руководителя ГДР Э. Хоннекера. Пренебрежительное отношение выразилось и в том, что российские власти не выразили официального соболезнования по случаю смерти в 1994 г. Ким Ир Сена.

В середине 1990-х годов южнокорейцы стали давить на нас в целях аннулирования союзного договора с КНДР от 1961 г., причем не гнушались даже вербовкой российских дипломатов². Впрочем, Ким

Ён Нам, тогда министр иностранных дел КНДР (и до сих пор — номинальный глава государства), еще в 1993 г. сказал российским визитерам, что КНДР «не придает значения договору, так как от него осталась одна оболочка».

Снижение внимания к корейскому направлению было закономерным в условиях новых вызовов, с которыми столкнулась Россия в 1990-е годы. Тем не менее стремление к нормализации отношений со странами капиталистического лагеря не должно было привести к отказу от развития отношений с прежними партнерами, но уже на деидеологизированной основе. Между тем политический капитал, накопленный в советские годы в отношениях с непростым соседом, был просто отброшен. Результатом стало отстранение России от решения корейских проблем. Это выразилось, в частности, в продавливании США и РК в 1996 г. концепции переговоров по формуле «2+2», исключавшей Россию, о чем мы узнали за сутки до провозглашения этого предложения.

Второй этап

Тем временем ожидания российского руководства от сотрудничества с Южной Кореей не оправдались: крупных инвестиций в экономику не последовало, а, потеряв влияние на КНДР, Россия перестала быть интересна Сеулу и в политическом смысле, о чем южане прямолинейно заявляли. Пришло осознание необходимости подтянуть «слабое звено» — наладить отношения с Севером и «стоять на двух ногах на Корейском полуострове».

Движение РФ и КНДР навстречу друг другу началось с середины 1990-х годов, когда на разных уровнях в России была провозглашена важность развития сбалансированных отношений с обеими Кореями. Заключив Рамочное соглашение с США (1994) и усилив свои международные позиции, Пхеньян в целом перестал опасаться практики «координации» Москвой антисеверокорейских акций с другими странами. При этом обмен оценками и, соответственно, воздействие России на корейскую политику других стран даже усилились, так как в нас видели союзников по недопущению распространения ядерного оружия и канал связи с руководством КНДР.

Последнее даже стало называть Россию «дружественной страной», с которой оно готово развивать отношения, независимо от различий идеалов и общественных систем.

Процесс сближения активизировался примерно с 1998 г. Важную роль сыграл приход к руководству МИД России Е.М. Примакова и отказ российской политики от ангажированных западных клише.

Как нам кажется, именно в середине 1998 г. северокорейцы сделали выбор в пользу нормализации отношений, предлагавшейся Россией уже с середины 1990-х годов. Хотя в Пхеньяне, похоже, имелись как сторонники, так и противники такого выбора. Внешне такой поворот проявился, в частности, в ходе дипломатических консультаций осенью 1998 г.: КНДР вдруг проявила заметный конструктивизм в вопросе о новом базовом межгосударственном договоре.

Переговоры шли на фоне завершения «эпохи Ельцина» и прихода к власти в России В.В. Путина, когда новый прагматизм и динамизм российской внешней политики, ставящей во главу угла защиту национальных интересов, внесли позитивные изменения. В частности, закрепленное в Концепции внешней политики России стремление к многополярности³ было вполне созвучно как идеологическим установкам КНДР, так и ее непосредственным практическим целям.

Совокупность вышеперечисленных факторов сделала визит в Пхеньян главы российского МИД И.С. Иванова в феврале 2000 г.⁴ — первый после катастрофического визита Э.А. Шеварднадзе в 1990 г. — не просто успешным, но этапным. Если предыдущий означал окончание этапа «социалистического интернационализма», то этот символизировал переход накапливавшихся в последние годы изменений в новое качество.

9 февраля 2000 г. в Пхеньяне был подписан новый Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве⁵, который стал политико-юридическим символом и формальной базой новой системы двусторонних отношений. Благодаря налаживанию более откровенного общения дипломатов двух стран уже в начале мая 2000 г. российский президент получил официальное приглашение от лидера КНДР Ким Чен Ира, к стати первое подобное в истории КНДР.

Визит В.В. Путина в июле 2000 г.⁶ — первый в истории приезд в Пхеньян лидера российского государства — стал одним из его первых официальных зарубежных визитов в ранге главы государства. Вообще, многое в визите было первым. Лидер КНДР впервые лично подписал международный документ — Пхеньянскую декларацию⁷.

Особое значение для России имела зафиксированная в документе поддержка КНДР ее усилий по укреплению стратегической и региональной стабильности, в том числе по сохранению Договора по ПРО 1972 г., выполнению Договора СНВ-2 и по скорейшему заключению Договора СНВ-3. Сдвинулись с мертвой точки вопросы двустороннего сотрудничества. Россия предложила и добилась принятия и Пхеньяном, и Сеулом концепции трехстороннего сотрудничества. Впервые за многие годы состоялись контакты с северокарейскими военными.

Этапное значение для российско-северокарейских отношений и попыток КНДР «высунуть голову из-под панциря» имели визиты Ким Чен Ира в Россию в 2001 и 2002 гг. Северокорейский руководитель впервые побывал в посткоммунистической стране, ознакомился с опытом реформ. Не случайно именно по возвращении из первой поездки он написал директивную статью, давшую старт (с июля 2002 г.) попыткам реформ в КНДР⁸. В августе 2001 г. была подписана Московская декларация⁹, которая стала официальным признанием со стороны КНДР важности прогресса в отношениях с РК, США и Японией. Ким Чен Ир подтвердил мораторий на ракетные испытания и готовность решать все озабоченности Запада путем диалога на равноправной основе.

Российская дипломатия наглядно показала, что в решении проблем безопасности на Корейском полуострове политические переговорные средства куда более результативны, чем нажимные подходы «с позиции силы».

Подъем в российско-северокарейских отношениях в 2000—2003 гг. вывел их на уровень чуть ли не наиболее доверительных за всю историю (во всяком случае, за период после их охлаждения в 1950-х годах).

Третий этап

Однако все достижения были сведены на нет «урановым кризисом» 2002 г., как нарочно спровоцированным пришедшей к власти в США республиканской администрацией Дж. Буша. Вашингтон причислил Северную Корею к «оси зла»¹⁰ и, по сути, разорвал Рамочное соглашение 1994 г. Все предложения президента РК Ким Дэ Чжунга о продолжении либеральной линии в отношении Пхеньяна были отвергнуты, что убедило северокорейцев в необходимости прежде всего договариваться с США.

Россия, благодаря достаточно прочным отношениям с Пхеньяном, все же смогла играть проактивную роль в период кризиса. Именно Москва предложила идею «мира и безопасности КНДР в обмен на ее отказ от ядерного оружия» и передала ее северокорейской стороне уже в январе 2003 г.¹¹ Ким Чен Ир тогда сказал, что «процентов 60 этих предложений можно использовать». Это предложение стало основой обсуждения в ходе начавшихся в августе 2003 г. шестисторонних переговоров по ЯПКП.

Несмотря на это, США не хотели допускать Россию к участию в шестисторонних переговорах. Китай повел себя в этом вопросе пассивно, и лишь личное настояние Ким Чен Ира позволило РФ оказаться за столом переговоров (правда, в связи с этим там очутилась и Япония, игравшая впоследствии роль «спойлера»)¹².

Двусторонние отношения в этот период, однако, постепенно охладели, несмотря на поддержание диалога на высшем уровне, в том числе по закрытым каналам и продолжающееся обсуждение проектов сотрудничества.

В период президентства Д.А. Медведева (2008—2012) отношение Кремля к ситуации на Корейском полуострове было двойственным. С одной стороны, было понимание, что нет альтернативы прежней линии на поддержание нормальных отношений с КНДР. С другой стороны, у Кремля явно не лежала душа к сохранению близости к столь одиозному режиму: его провокационные действия служили дополнительным раздражителем в и без того непростых отношениях России с Западом. Обострять отношения с новой консервативной

администрацией РК, вернувшейся к противостоянию с Пхеньяном, в Москве также не хотели.

В августе 2011 г., в конце своего президентства, Д.А. Медведев, по инициативе КНДР, все же встретился с Ким Чен Иром в Улан-Удэ¹³. Этот визит оказался последней зарубежной поездкой лидера КНДР, что придало его итогам особую символику в глазах северокорейцев. Тогда были достигнуты важные договоренности, в том числе о возможности возврата КНДР в шестисторонние переговоры.

К сожалению, США и РК заблокировали возобновление шестисторонних переговоров неприемлемыми условиями. В результате визуально Россия и КНДР оказались «по одну сторону баррикад», хотя отношения России с Западом еще не вступили в кризисную фазу.

Четвертый этап

Развитие российско-северокорейских отношений после прихода к власти Ким Чен Ына можно условно разделить на несколько подэтапов.

В 2011—2013 гг. действия Ким Чен Ына вызывали сначала настороженность, а порой и раздражение в Москве, хотя настрой на «вовлечение» КНДР сохранялся.

Период с 2014 по 2016 г. характеризуется тенденцией, несмотря на внешнее недовольство ракетно-ядерными авантюрами КНДР, к взаимной поддержке на фоне попыток международной изоляции России (в связи с украинским кризисом), стремлением Ким Чен Ына дистанцироваться от Китая, разыграв в этих целях «российскую карту», и растущим экономическим сотрудничеством.

В 2016—2018 гг. обострение противостояния КНДР с мировым сообществом и США парализовали российские возможности, хотя северокорейцы проявляли стремление к активизации роли России в корейских делах.

Смерть Ким Чен Ира в декабре 2011 г. поначалу мало что изменила в российских подходах к ситуации на Корейском полуострове. В отличие от экспертов Запада и Южной Кореи у российских спе-

циалистов не было особых сомнений в том, что новый руководитель КНДР сможет удержать власть.

У части из них появилась надежда на то, что КНДР будет проводить более взвешенную политику. Такие надежды возросли в связи с «високосным соглашением» от 29 февраля 2012 г.¹⁴, предусматривавшим определенные шаги США и КНДР навстречу друг другу и возобновление дипломатического процесса на тему денуклеаризации. Однако иллюзии быстро развеялись. Кульминацией стала произведенная вопреки протестам всего мирового сообщества, включая Россию¹⁵, попытка запуска КНДР спутника в апреле 2012 г. Интерпретированное Западом как запрещенное решениями ООН испытание баллистической ракеты, оно серьезно осложнило ситуацию. Россия была вынуждена, хотя и с оговорками, присоединиться к санкциям СБ ООН. А в московских кулуарах власти высказывали самые жесткие оценки, пхеньянские лидеры назывались даже «жуликами и наперсточниками», играющими с миром в мошеннические игры¹⁶.

Правда, тогда сохранялась надежда на то, что этот эпизод носит преходящий характер: Ким Чен Ын не мог нарушить «завета» своего отца о запуске спутника в честь столетия со дня рождения Ким Ир Сена. Принималось во внимание и то, что он в тот момент не дал согласия на проведение уже подготовленного ядерного испытания.

Россия также предприняла важные двусторонние шаги по поддержке КНДР, прежде всего в экономической области. Например, урегулирование в 2010—2012 гг. вопроса задолженности КНДР¹⁷ и оказание продовольственной помощи.

Однако российские позиции в урегулировании на этом этапе ослабли, так как Россия пыталась «усидеть на двух стульях» — поддержки давления на КНДР в фарватере политики Запада и «вовлечения» этой страны. Россия к тому же добровольно фактически устранилась от выработки текстов резолюций СБ ООН по КНДР — они согласовывались между Китаем и США. Возобладало мнение, что поддержка принципа обязательности соблюдения принятых в установленном порядке решений ООН важнее расположения малонадежного соседа.

Кризис в отношениях вызвало ядерное испытание в КНДР 12 февраля 2013 г.¹⁸ Развернутая КНДР в последующие месяцы психологическая война против Южной Кореи и Запада вызвали раздражение в Москве. В 2013 г. был момент, когда российская пресса устроила истерику по поводу «грядущего вооруженного конфликта» на Дальнем Востоке¹⁹.

Естественно, профессионалы понимали, что действия северокорейцев — блеф и военный конфликт маловероятен, но как-то реагировать было нужно. Попытки Москвы «дать совет» северокорейцам были отвергнуты. Россия была вынуждена ограничиваться призывами к «политико-дипломатическому решению»²⁰, будучи не в состоянии предложить какие-либо конструктивные шаги на фоне реально-го наращивания американского военного присутствия вблизи ее границ.

В свою очередь, северокорейцы выражали недовольство непониманием российским руководством логики «борьбы на выживание», ведущейся Пхеньяном. Новое поколение элиты, которое, в отличие от предшественников, знает о России лишь понаслышке, утвердилось тогда во мнении, что Россия проводит в отношении КНДР неискреннюю и непоследовательную политику.

Вместе с тем в Пхеньяне надеялись на исправление ситуации в своих интересах, в том числе из-за ухудшения отношений России с Западом. Попыткой улучшить отношения можно считать неожиданный приезд председателя Президиума Верховного Народного собрания КНДР Ким Ён Нама на церемонию открытия Олимпиады в Сочи в феврале 2014 г.²¹

После акции по возвращению Крыма позиции двух стран в противостоянии Западу объективно сблизились. В неофициальном порядке северокорейцы сразу высказались в поддержку действий России. КНДР также поддержала позицию России по Сирии, тогда как Южная Корея оказалась в первых рядах сторонников американских планов военного удара и даже привлекла внимание к «связке» режимов в Дамаске и Пхеньяне. В результате российское руководство публично озвучило определенное понимание позиции КНДР в отношении ядерного вопроса.

В Москве распространилось мнение, что охлаждение в отношениях КНДР с КНР в связи с «делом Чан Сон Тхэка» и гегемонистской линией Си Цзиньпина предоставляет России шанс на налаживание доверительных отношений с руководством КНДР «кимченновского призыва».

В 2014—2015 гг. резко выросли обмены и контакты, в особенности в экономической области. Этапную роль в экономическом сближении сыграло 7-е заседание Межправительственной комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству (МПК) в апреле 2014 г. в Пхеньяне²².

Однако начавшаяся с 2016 г. резкая активизация КНДР ракетно-ядерных программ и, как следствие, международные санкции — практически полностью парализовали экономическое сотрудничество. Через СБ ООН было проведено шесть резолюций с санкциями в отношении КНДР: 2 марта 2016 г. — № 2270, 30 ноября 2016 г. — № 2321, 2 июня 2017 г. — № 2356, 5 августа 2017 г. — № 2371, 11 сентября 2017 г. — № 2375, 22 декабря 2017 г. — № 2397²³.

Москва, как представляется авторам, присоединялась к санкциям под давлением, вопреки собственным интересам и безо всякой убежденности в их действенности. В результате практически полностью были свернуты проекты экономического сотрудничества и сведены к минимуму торговые операции. На 8-м заседании МПК в марте 2018 г. в Пхеньяне глава Минвостокразвития А.С. Галушка выразил готовность продвигать двустороннее сотрудничество в сферах, не затронутых международными санкциями²⁴. Сохраняет актуальность поиск возможностей привлечения северокорейских рабочих к временной трудовой деятельности на территории России и ведения расчетов в рублях. Однако конкретных результатов достигнуто не было из-за опасений российской стороны быть обвиненной в нарушении санкций.

С течением времени и пониманием, что истинной целью санкций является удушение режима, Россия все более скептически относится к ним. По словам президента России В.В. Путина, использование санкций любого рода по отношению к Пхеньяну является «бесполезным и неэффективным»²⁵. С аналогичными заявлениями

выступил глава МИД России С.В. Лавров²⁶ и постпред России при ООН В.А. Небензя²⁷.

Россия, учитывая позицию КНДР, настоятельно предлагает дипломатический путь. Так, была взята на вооружение идея «двойной приостановки», впервые предложенная КНДР в 2015 г.²⁸ (но проигнорированная США), а затем главой МИД КНР Ван И в 2017 г.²⁹

4 июля 2017 г. министры иностранных дел России и Китая предложили дорожную карту урегулирования: 1-я фаза — «двойное замораживание» (КНДР объявляет мораторий на ядерные испытания и пуски баллистических ракет, а США и Республика Корея воздерживаются от проведения крупномасштабных совместных учений); 2-я фаза — «параллельное продвижение» (согласование отношений в двустороннем формате одновременно с переговорами по ядерному вопросу) и, наконец, формирование системы мира и безопасности в регионе³⁰.

Формально КНДР не высказалась в поддержку этой инициативы, кулуарно объяснив это «враждебной позицией США». Однако «мирное наступление Ким Чен Ына в начале 2018 г., включая активный межкорейский диалог, фактически является реализацией первой фазы инициативы. Частично началось осуществление и второй фазы. Результатом переговоров между Севером и Югом стала договоренность о проведении в апреле этого года межкорейского саммита³¹.

Для реализации российско-китайской инициативы важнее всего возобновление диалога между КНДР и США. Президент США Д. Трамп также неожиданно ответил на инициативу Ким Чен Ына о личной встрече³². Последний раз встреча руководителей США и КНДР обсуждалась в конце 1990-х. Тогда она так и не состоялась.

В сложившихся условиях, когда в ситуацию вокруг КНДР благодаря ее дипломатическим инициативам оказались вовлечены крупнейшие центры силы, у России сокращаются возможности играть проактивную роль в корейском урегулировании. Нужно действовать по нескольким направлениям.

Во-первых, усилить координацию действий с Китаем, в том числе в сфере отношений с третьими странами и международными организациями, особенно ООН, по этому поводу. Следует отдавать

себе отчет в том, что с восстановлением отношений КНДР и КНР на высшем уровне в результате визита Ким Чен Ына в Пекин в марте 2018 г.³³ возможности России по модерированию ситуации на Корейском полуострове резко упали.

Во-вторых, активизировать контакты с Пхеньяном. Это необходимо как для недопущения ослабления позиций России, так и в целях выработки единой с другими акторами линии поведения (в том числе склонения КНДР к большей терпеливости и уступчивости — для этого важен и «второй трек», неформальная дипломатия). КНДР объективно все меньше нуждается в российской поддержке, и необходимы экстраординарные и решительные меры, чтобы не остаться в стороне, такие как встреча на высшем уровне и резкая активизация экономических контактов, что можно делать и формально не нарушая санкции ООН.

В-третьих, вести линию на более решительное давление на Вашингтон (в том числе совместно с Китаем) в целях его отказа от агрессивных планов и разъяснения того, что их реализация нарушает наши существенные национальные интересы и может вызвать ответную реакцию.

В-четвертых, начать настойчивую работу и сотрудничество с руководством РК и использовать его стремление ослабить зависимость от США в вопросах межкорейских отношений с целью поощрить межкорейское потепление и не допустить чрезмерных уступок США со стороны Сеула.

В-пятых, конкретизировать и доработать (в том числе по этапам и шагам) российско-китайскую дорожную карту и активно продвигать ее в контактах со всеми партнерами и международными организациями (включая продвижение концепции шестисторонних переговоров). Так, решение ядерной проблемы Корейского полуострова (должен использоваться именно этот термин, а не «денуклеаризация», предполагающая одностороннюю «капитуляцию» КНДР) должно быть поэтапным процессом, основанным на принципе «действие за действие» (тут может быть использован опыт российско-американского переговорного процесса по сокращению стратегических вооружений конца прошлого века).

Примечания

¹ *Панов А.Н.* Если режим рухнет, элиту КНДР может ждать судьба четы Чау-шеску. 24.11.2010. URL: <http://www.mk.ru/politics/2010/11/24/546881-chuchhe-na-kryuchke.html>

² Дело В. Моисеева. URL: <http://index.org.ru/mayday/moiseev/>

³ Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. 28.06.2000). URL: <http://docs.cntd.ru/document/901764263>

⁴ Сообщение для печати МИД России, 10.02.2000. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/kp/-/asset_publisher/VJy7Ig5QaAII/content/id/607264

⁵ Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между Российской Федерацией и Корейской Народно-Демократической Республикой. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901771436>

⁶ В Пхеньяне состоялись российско-северокорейские переговоры на высшем уровне. 19.07.2000. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/38435>

⁷ Совместная российско-корейская декларация. Информационный бюллетень МИД России. 21.07.2000. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/kp/-/asset_publisher/VJy7Ig5QaAII/content/id/601336

⁸ *Булычев Г.* Зачем приезжал Ким Чен Ир // Корус Форум, 2002. № 8—9. С. 9—11.

⁹ Московская декларация Российской Федерации и Корейской Народно-Демократической Республики. 07.08.2001. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/kp/-/asset_publisher/VJy7Ig5QaAII/content/id/575630

¹⁰ Text of President Bush's 2002 State of the Union Address, 29.01.2002. URL: <http://www.washingtonpost.com/wp-srv/onpolitics/transcripts/sou012902.htm>

¹¹ Александр Лосюков предложил КНДР выход из кризиса. 19.01.2003. URL: http://www.russianla.com/common/arc/story.php?id_cr=102&id=33387

¹² Выступление и ответы министра иностранных дел России С.В. Лаврова на вопросы СМИ в ходе совместной пресс-конференции по итогам переговоров с генеральным секретарем Совета Европы Т. Ягландом. 20.05.2013. URL: http://www.mid.ru/BD0MP/Brp_4.nsf/arh/1DCF46E910ED73B944257B7200203336?0penDocument

¹³ Дмитрий Медведев встретился с Ким Чен Иром. 24.08.2011. URL: <https://rg.ru/2011/08/24/sosnovy-bor.html>

¹⁴ Leap Day in North Korea. 29.02.2012. URL: <http://foreignpolicy.com/2012/02/29/leap-day-in-north-korea/>

¹⁵ Комментарий МИД России о предстоящем запуске в КНДР искусственного спутника Земли. 16.03.2012. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/kp/-/asset_publisher/VJy7Ig5QaAII/content/id/164674

¹⁶ В Кремле называют иллюзией поддержку КНДР со стороны России. 03.05.2012. URL: <http://www.ria.ru/politics/20120503/639963911.html>

¹⁷ *Толорая Г.Д.* Северная Корея — ключ к АТР // РСМД. 25.09.2012. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/interview/georgiy-toloraya-severnay-a-koreya-klyuch-k-atr/>

¹⁸ Заявление МИД России в связи с осуществлением в КНДР нового ядерного испытания. 12.02.2013. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/kp/-/asset_publisher/VJy7Ig5QaAII/content/id/123194

¹⁹ КНДР объявила войну Южной Корее, 30.03.2013. URL: <https://lenta.ru/news/2013/03/30/war/>

²⁰ Комментарий МИД России в связи с ситуацией вокруг КНДР. 05.04.2013. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/kp/-/asset_publisher/VJy7Ig5QaAII/content/id/115682

²¹ Нодон синмун. 08.02.2014.

²² МПК Россия—КНДР: Главный принцип — равноправие отношений и реализация экономически оправданных проектов. 27.04.2015. URL: <https://minvr.ru/press-center/news/1454/>

²³ Санкции ООН в отношении КНДР. Досье. 23.12.2017. URL: <http://tass.ru/info/4837818>

²⁴ В Пхеньяне состоялось 8-е заседание Межправительственной комиссии России и КНДР. URL: <https://minvr.ru/press-center/news/14170/>

²⁵ Путин назвал нелепостью требование США к РФ ввести санкции против КНДР. 05.09.2017. URL: <http://www.ntv.ru/novosti/1924201/>

²⁶ Лавров раскритиковал решение США усилить санкции против КНДР. 30.11.2017. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreeneews/5a1fc80e9a79470d664ba2e1>

²⁷ Почему Россия и Китай — за санкции против КНДР. 08.08.2017. URL: <https://ria.ru/analytics/20170808/1499964613.html>

²⁸ США: предложение КНДР по отказу от маневров на Корейском полуострове — скрытая угроза. 11.01.2015. URL: <https://remch-ch.livejournal.com/740347.html>

²⁹ Китай предложил КНДР «ракетный компромисс». 08.03.2017. URL: <https://ria.ru/world/20170308/1489540087.html>

³⁰ Совместное заявление МИД РФ и МИД КНР по проблемам Корейского полуострова. 04.07.2017. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2807662

³¹ Inter-Korean Summit to be Held April 27th, 29.03.2018. URL: http://world.kbs.co.kr/english/news/news_Po_detail.htm?lang=e&id=Po&No=135069¤t_page=

³² Trump accepts invitation to meet with North Korean leader Kim Jong Un, 08.03.2018. URL: https://www.washingtonpost.com/world/asia_pacific/north-korean-leader-kim-jong-un-has-invited-president-trump-to-a-meeting/2018/03/08/021cb070-2322-11e8-badd-7c9f29a55815_story.html?utm_term=.339e274ed62a

³³ Xi Jinping, Kim Jong Un hold talks in Beijing. 28.03.2018. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2018-03/28/c_137070598.htm

Р.Л. Казарьян

О НЕКОТОРЫХ ИТОГАХ ПОЛИТИКИ «СОЛНЕЧНОГО ТЕПЛА» В КОНТЕКСТЕ ПЕРСПЕКТИВ МЕЖКОРЕЙСКОГО СБЛИЖЕНИЯ

Объединение Кореи — сложная и многогранная проблема. Это стратегическая задача, решение которой, учитывая социально-политические, экономические и идеологические различия, — процесс долгосрочный и многоэтапный. Политика «солнечного тепла» или аналогичная ей политическая концепция — всего лишь составная этого процесса. Насколько новая политика президента Мун Чжэ Ина будет отличаться от той, что проводили Ким Дэ Джун и Но Му Хён? Что было неприемлемо для Севера в период 1998—2008? Как сегодня выработать новые подходы, которые могли бы быть приняты обеими сторонами в ситуации, когда существуют объективные и принципиальные разногласия (например, в вопросе ядерного разоружения)?

Ключевые слова: проблема объединения, межкорейские отношения, политика «солнечного тепла», Ким Дэ Джун, Мун Чжэ Ин, Ким Ир Сен, КНДР, РК.

The unification of Korea is a complex and multifaceted problem. This is a strategic task, and its solution, given the socio-political, economic and ideological differences, is a long-term and multi-stage process. The Sunshine policy or a similar political concept is just a component of this process. How much will the new policy of President

Moon Jae-In differ from that of Kim Dae-jung and Roh Moo-Hyun? What was unacceptable for the North in the period of 1998—2008? How can we work out new approaches today that could be adopted by both sides in a situation when there are objective and principled disagreements (for example, in the issue of nuclear disarmament)?

Keywords: unification problem, inter-Korean relations, Sunshine policy, Kim Dae-jung, Moon Jae-in, Kim Il Sung, DPRK, ROK.

Импичмент первой женщины-президента Республики Корея зимой—весной 2016—2017 гг. и избрание новым президентом страны левоцентриста Мун Чже Ина ознаменовали конец правления консерваторов, длившегося почти 10 лет. За эту декаду межкорейские отношения не просто охладели и откатились до уровня конфронтации 60—70-х годов прошлого столетия, но и достигли небывалых степеней напряженности. На этом фоне в течение 2016—2017 гг. северокорейская ракетно-ядерная программа стремительно вышла на принципиально новый уровень, что позволило КНДР осуществить пуск наиболее совершенной на тот момент межконтинентальной баллистической ракеты «Хвасон-15», способной нести сверхбольшую тяжелую ядерную боеголовку, которая, по мнению специалистов, способна была поразить цели на всей материковой территории США.

Такое развитие событий привело к самому, пожалуй, резкому обострению ситуации на полуострове, грозящему и сегодня перерасти в полномасштабную войну с вероятностью применения оружия массового поражения. Подобные сценарии ставили под угрозу проведение Олимпийских игр в южнокорейском Пхёнчхане в феврале 2018 г. и, естественно, противоречили интересам не только Южной Кореи. В разрядке нуждался и Пхеньян, чье положение ухудшалось жесткими санкциями Совета Безопасности ООН, а также всевозрастающей угрозой проведения американской силовой операции против КНДР.

Несмотря на это, традиционная логика развития витков напряженности на корейском полуострове, когда периоды ситуативного накала сменялись переговорами или «внезапными» жестами доброй воли, подсказывала скорую смену кризисной фазы, чему также способствовала позиция нового президента Южной Кореи, провозгла-

сившего курс по отношению к северному соседу, в большей степени основанный на принципах политики, проводившейся в 1998—2008 гг. президентами Ким Дэ Джун и Но Му Хёном. Исходя из этого, нельзя назвать полностью неожиданными и предложения, озвученные северокорейским лидером Ким Чен Ыном в его новогоднем обращении к нации, где он призвал к скорейшей разрядке напряженности в отношениях между двумя Кореями и достижению цели объединения страны¹. Эта инициатива была радушно встречена в Южной Корее, а приближающиеся Олимпийские игры, невзирая на жесткие санкции, предоставили отличную возможность продемонстрировать на практике желание и возможности Севера и Юга сотрудничать. Таким образом, сегодня есть основания полагать, что, при определенных условиях, стороны вполне могут переломить кризисный вектор развития ситуации и вновь обратиться к опыту осуществления политики «солнечного тепла» в той или иной форме².

Тогда, в самом начале текущего столетия, было достигнуто не декларативное, а реальное изменение климата в межкорейских отношениях, своего рода «оттепель» на полуострове в целом, стороны отказались от враждебной политики и на практике перешли к осуществлению различных форм сотрудничества, продемонстрировав, что корейцы вполне способны договариваться самостоятельно без внешнего вмешательства. Однако же реальность сегодняшнего дня кардинально отличается от ситуации начала века, и вероятный новый поворот к «солнечному теплу» сегодня натолкнется на целый ряд сложнейших препятствий, новых и старых.

Проблема раскола Кореи имеет два измерения: внутреннее, исключительно межкорейское, и внешнее — связанное с пересечением и противоречиями интересов близлежащих государств, ключевых игроков в регионе. Ким Дэ Джун прекрасно понимал, что для осуществления политики «солнечного тепла» крайне важна стабильная внешнеполитическая обстановка и поддержка мирового сообщества, поэтому осуществил серию визитов в США, Японию, Китай и Россию для поддержки своей новой политики. На первых порах в этом направлении удалось достигнуть больших результатов. Так, в июне 2000 г. после примерно 50 лет были частично сняты экономические санкции США в отношении КНДР. Северная Корея устано-

вила дипломатические отношения с целым рядом европейских государств, среди которых Швеция, Финляндия, Португалия, Дания, Австрия³.

Среди крупнейших совместных экономических проектов необходимо отметить Кымгансанский туристический комплекс, который на момент прекращения действия в 2008 г. посетили около 2 млн южнокорейских туристов, соединение автомобильного и железнодорожного сообщения между странами, Кэсонскую промышленную зону (стоимость экспорта всего объема выпущенной продукции к 2012 г. составила 469,5 млн долл.)⁴. Важным для народа Кореи стало неоднократное проведение встреч родственников семей, разделенных в ходе Корейской войны 1950—1953 гг.

В первые месяцы президентства Ким Дэ Джун северокорейцы традиционно враждебно воспринимали его инициативы по нормализации межкорейских отношений и лишь в начале 1999 г. подали сигнал, свидетельствующий о готовности провести политические переговоры на высоком уровне⁵. Сказывался негативный опыт и определенное разочарование — несмотря на то что в Южной Корее в 1993 г. страну возглавил первый в истории страны гражданский президент, это не изменило враждебного (по мнению Севера) характера политики Юга (в 1993 г. возобновились прерванные в 1992 г. учения «Тим Спирит» и т. п.).

Раздражение северян вызывали и высказывания южнокорейских политиков, в которых прослеживались несколько иные, нежели декларируемые, задачи. Так, в апреле во время телевизионных дебатов, посвященных вопросам внешней политики, бывший в то время советник президента по вопросам национальной безопасности Лим Дон Вон определил политику «солнечного тепла» как направленную на отделение народа Северной Кореи от правящей элиты, за что правительство Ким Дэ Джун было подвергнуто мощной контрпропагандистской атаке со стороны КНДР⁶. Ким Джон Пхиль, бывший премьер-министром Республики Корея, в начале президентства Ким Дэ Джун, не скрывая, говорил: «Одна из задач политики «солнечного тепла» состояла в том, чтобы превратить КНДР в нормальное государство»⁷. Сам Ким Дэ Джун также в своих ранних выступлениях говорил о том, что политика, похожая на эзоповскую

притчу о ветре и солнечном тепле, успешно осуществлялась против государств социалистического лагеря, что в итоге и привело к его крушению⁸. Безусловно, такая постановка вопроса не устраивала северокорейскую сторону и лишь убеждала руководство и элиты в том, что за благостной и миролюбивой риторикой скрыто желание мягких, постепенных, но и радикальных перемен внутри КНДР. Следует признать, что опасения северокорейцев не были столь уж беспочвенными.

Программы объединения, представленные в разные годы и Севером, и Югом, в той или иной форме предполагали определенный и, возможно, довольно длительный период сосуществования разных форм социально-экономического уклада в рамках единого государства. В том или ином виде, реализация принципа «сначала экономика, потом политика» была неизбежна при очевидных принципиальных различиях и в надстройке, и в базисе двух корейских государств. Однако со временем, при достижении определенного паритета в экономическом развитии и уровне жизни, проблемы, связанные с выработкой общих принципов хозяйствования, общественных и производственных отношений, политического устройства единого государства, — должны будут решены.

Концепция Ким Дэ Джуна отвечала на этот вопрос следующим образом. Если речь шла о постепенном превращении Северной Кореи в страну с рыночной экономикой, частной собственностью на средства производства в рамках одной из форм современной представительной демократии, легализацией и интеграцией северокорейской элиты в политико-экономическую систему, то это по сути больше соответствует понятию поглощение или интеграция. В любом случае Юг в такой ситуации выступал бы субъектом, а Север — объектом политики. Руководители Северной Кореи неоднократно в своих речах и выступлениях подчеркивали, что в КНДР осуществляется строительство мощной социалистической экономики⁹. Даже несмотря на то, что в последние годы в стране в той или иной форме появляются, развиваются и укрепляются элементы рынка, а государственное законодательство корректируется с учетом необходимости приведения его в соответствие с общепринятыми международными нормами деловой практики для осуществления совместных

проектов с представителями капиталистических экономик, — в целом речи о переходе на рельсы капиталистического хозяйствования в масштабах государства не идет.

Позиция КНДР по вопросу об объединении базируется на выдвинутой Ким Ир Сенем в 1980 г. концепции формирования конфедерации двух корейских государств — Демократической Конфедеративной Республики Корё. «На Севере и на Юге, — писал он, — фактически существуют отличные друг от друга две системы, два правительства, и ни одна из сторон не хочет уступать свое другой. Стало быть, в этих условиях воссоединение страны на основе одной системы нереально, да и невозможно предвидеть, когда оно будет осуществлено. Тем более попытка к унификации систем, какими бы ни были ее способы, предполагает поглощение одной стороны другой — следовательно, эта концепция неприемлема для любой из сторон. Попытка навязать другой стороне неприемлемое неизбежно приведет к усугублению недоверия и противоборства, а далее к столкновению, что повлечет за собой непоправимые национальные бедствия»¹⁰.

Концепция Ким Ир Сена предполагала довольно длительный период существования двух систем и идеологий в рамках одного государства, акцент делался на общенациональные интересы корейского народа. Именно реализация истинных интересов единой корейской нации должна была, по мнению Ким Ир Сена, определять будущую систему, устройство и политику единой страны. Ким Дэ Джун же оставался приверженцем либерально-демократических ценностей и рыночной экономики, отдавал приоритет именно им в идее построения единого государства. Политика «солнечного тепла» должна была стать инструментом осуществления плавных и безболезненных преобразований сначала экономики, а впоследствии и политической системы КНДР в соответствии с этими представлениями. Неудивительно, что, делая акцент на принципиально разных внутренних стержнях будущего объединительного механизма, ни политика «солнечного тепла», ни инициатива Ким Ир Сена не смогли окончательно укрепиться в качестве общей базисной идеологии процесса построения единого государства.

Критики политики «солнечного тепла» в Южной Корее не скрывали своего раздражения тем, что Ким Дэ Джуну и его последователю Но Му Хёну не удалось в итоге запустить процесс внутреннего реформирования КНДР в сторону рыночной экономики, либерализации и демократизации общества, что, по мнению консервативной оппозиции, было промежуточной целью осуществления стратегии, итогом которой, вне всякого сомнения, должен был стать коллапс существующего режима власти в КНДР и бескровного поглощения последней Югом. Ровно та же самая критика и те же самые претензии продолжают звучать «справа» и из-за океана и сегодня в адрес Мун Чжэ Ина: настоятельные требования осуществления либерально-демократических и рыночных преобразований Севера, демонтаж существующего режима и элит. Если этого не будет происходить в кратчайшей перспективе, политика будет объявляться неудачной и провалившейся¹¹. В этом отношении на южнокорейском политическом небосклоне ни о какой «великой национальной консолидации» — одном из основополагающих принципов объединения страны, закрепленном Совместной декларацией 1972 г., — говорить не приходится.

Неудивительно и то, что в условиях поддержания различного рода экономических, гуманитарных и культурных совместных проектов Северная Корея, на фоне непростой ситуации в мире, сложившейся ввиду изменения американской внешнеполитической доктрины с приходом к власти в США Дж. Буша-младшего, параллельно продолжала укреплять собственную безопасность так, как она это представляла вне инициатив в рамках межкорейского диалога. Выход КНДР из ДНЯО в 2003 г., заявление об обладании ядерным оружием в 2005 г. и успешное его испытание в 2006 г. явились тяжелейшим ударом по сторонникам политики «солнечного тепла» и концепции вовлечения КНДР с целью инициализации внутренних перемен. В итоге все это во многом обусловило приход к власти в Южной Корее консерваторов и сворачивание политики «солнечного тепла» в конце первого десятилетия XXI в.

Сегодня одной из ключевых проблем в выстраивании концепции новой политики нынешней администрации Южной Кореи по отношению к Северу является ракетно-ядерная программа КНДР и

вопрос о безъядерном статусе Корейского полуострова. Очевидно, что КНДР не собирается отказываться от обладания ОМУ, а Южная Корея не может принять и признать фактически ядерный статус Корейского полуострова. Этот камень преткновения будет и впредь тормозить диалог и различные инициативы по сближению сторон.

Однако если все же предположить, что некая форма сосуществования двух частей полуострова с сохранением существующих укладов политико-экономических общественных формаций будет одобрена Севером и Югом, то реализация таковой поставит вопрос о том, какое место в архитектуре региональной безопасности займет единое государство. И если, как предполагал Ким Ир Сен, национальные интересы корейской нации будут поставлены во главу угла внешнеполитической концепции такого государства, то нейтралитет и отказ от участия в различных военно-политических союзах и блоках может стать основой для осуществления действительной политики, основанной на интересах корейцев. И вот в такой ситуации наличие ядерного потенциала или сознательный выбор в пользу отказа от такового могли бы сыграть значительную роль.

С учетом вышеизложенного вполне резонно задать вопрос об актуальности сегодня возврата к политике «солнечного тепла». С одной стороны, представляется, что инициатива, похожая на модель политики «солнечного тепла», построенная на принципах, утвержденных в основополагающих совместных документах Севера и Юга 1972, 1991, 2000 и 2007 гг., предполагающая сдержанное политико-экономическое сотрудничество и сосуществование в рамках текущих систем и идеологий, — это единственная практически реализуемая стратегия *мирного* урегулирования корейского вопроса. То, что пересмотр политики южнокорейских консерваторов в отношении Северной Кореи был неизбежен, сомнений не вызывало ввиду полного провала и Ли Мен Бака, и Пак Кын Хе на северокорейском направлении. Однако выработка более совершенной и отвечающей современным реалиям политики требует внимательного изучения как положительного, так и негативного опыта «солнечного тепла». Необходим серьезный, детальный анализ и корректировка ряда её элементов с учетом изменившейся внутри- и внешнеполитической

обстановки. Безусловно, потребуется серьезная проработка конкретных механизмов взаимодействия различных политических, социальных и иных, в том числе бизнес структур, действующих в рамках политики, подобной «солнечному теплу».

С другой стороны, с сожалением приходится наблюдать сегодня и то, как в своей программной речи, не случайно произнесенной в Германии, как и Ким Дэ Джун в 2000 г., нынешний президент Южной Кореи вновь повторяет формулу предшественников и не просто ссылается на опыт германского «объединения», но и прямо говорит, что этот опыт «указывает путь, по которому нам нужно следовать»¹². Это повторяет заложенную в фабулу эзоповской притчи, а следовательно, и политики «солнечного тепла» идею «вынудить» оппонента измениться в соответствии с неким «образцом», что делает Север объектом этой политики, а не равноправным соучастником объединения двух государств. Вновь игнорируется позиция самой КНДР по ядерной проблеме, ее ракетные пуски названы «провокацией», а Соединенные Штаты Америки, оказывается, не подрывают, а содействуют процессу мирного сближения двух Корей, что говорит о том, что руководство Юга продолжает рассматривать США как своего союзника и что нейтрального статуса в будущем у единого государственного образования не предполагается.

Ровно те же самые установки звучали, опять-таки в Германии, и в 2014 г. из уст президента Пак Кын Хе, однако никакого положительного результата такая позиция не принесла. Все это свидетельствует о том, что в представлении южнокорейских политиков, даже левоцентристов, Северная Корея по-прежнему продолжает оставаться «ненормальным» государством, требующим либерально-демократических и рыночных реформ, и уж точно не является действительно полноправным партнером в решении непростой задачи достижения объединения страны в соответствии с принципами, согласованными, принятыми и регулярно на словах подтверждаемыми политиками с обеих сторон.

Объединение Кореи — сложная и многогранная проблема. Это стратегическая задача, решение которой, учитывая социально-политические, экономические и идеологические различия, — процесс долгосрочный и многоэтапный. И политика «солнечного тепла» или

аналогичная ей политическая концепция — всего лишь составная этого процесса. Успех здесь зависит напрямую от последовательности в проведении четко выработанного единого курса. Крайне важным представляется вынесение этой проблемы за рамки текущей политической борьбы, как это уже бывало в Южной Корее, с тем чтобы не прерывать поступательного сотрудничества между Севером и Югом, а также их мирного сосуществования.

Примечания

¹ *Асмолов К.В.* Новогодняя речь Ким Чен Ына и южнокорейский шаг навстречу. URL: <https://ru.journal-neo.org/2018/01/09/novogodnyaya-rech-kim-chen-y-na-i-yuzhnokorejskij-shag-navstrechu/> (дата обращения: 11.01.2018).

² Политика «солнечного тепла» была провозглашена президентом Ким Дэ Джунгом во время его инаугурационной речи в начале 1998 г. и конкретизирована в последующих выступлениях, в частности в его знаменитой речи в Берлине в марте 2000 г. Суть политики сводилась к признанию факта существования двух корейских государств, отказу от идеи насильственного объединения или любой другой деятельности, направленной на свержение власти, налаживанию всестороннего мирного сотрудничества и сосуществования с целью подготовки основ для будущего мирного же объединения. При этом отмечалось, что Юг не потерпит никаких военных провокаций со стороны Севера. После прихода к власти в 2008 г. консервативного кандидата Ли Мен Бака политика «солнечного тепла» фактически была свернута и в межкорейские отношения вернулась прежняя конфронтация.

³ *Казарьян Р.Л.* К вопросу об актуальности политики «солнечного тепла», Корея: десятилетие новых возможностей? Доклады, представленные на XV научной конференции корееведов России и стран СНГ. Москва, 24–25 марта 2011 г. М.: ИДВ РАН, 2011. С. 83.

⁴ *Захарова Л.В.* Межкорейские экономические отношения: от истоков до современности. М.: ИДВ РАН, 2014. С. 116, 130.

⁵ *Ванин Ю.В.* Корея на трудном пути к воссоединению, Корея на рубеже веков. М., 2002. С. 351.

⁶ *Moon Chung-in.* The Sunshine policy. In *Defense of Engagement as a path to peace in Korea*. Yonsei press, 2012. С. 40.

⁷ Why Sunshine Policy was never going to succeed Kim Jong-pil Remembers. URL: <http://koreaajoongdaily.joins.com/news/article/article.aspx?aid=3014250> (дата обращения: 07.03.2018).

⁸ The Korean Problem: Nuclear crisis, Democracy and Reunification. A collection of Essays, Speeches and Discussions by Kim Dae Jung, KDJ Peace Foundation 1994. С. 48—49.

⁹ См., напр.: Нодон Синмун, передовица от 1 января 2018 г. URL: http://www.rodong.rep.kp/ko/index.php?strPageID=SF01_02_01&newsID=2018-01-01-0001 (дата обращения: 03.01.2018).

¹⁰ *Ким Ир Сен*. Новогодняя речь 1 января 1991 года // *Корея сегодня*. 1991. № 1. С. 6.

¹¹ *Andrew Salmon*. South Korea: Policy of engagement with North is a failure. URL: <http://edition.cnn.com/2010/WORLD/asiapcf/11/19/south.korea.sunshine.policy/index.html> (дата обращения: 09.07.2017).

¹² The Korea Herald, Full text of Moon Jae-in's speech at the Korber Foundation. URL: <http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20170707000032> (дата обращения: 09.07.2017).

Ким Ен Ун

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В КНДР И РК

Возникшие в 1948 г. КНДР и РК прошли сложный путь становления и трансформации формы государства. КНДР, возникшая как буржуазно-демократическое парламентское унитарное государство в форме народно-демократической республики, в результате устойчивого развития трансформировалась в социалистическую парламентско-президентскую республику с единственной правящей партией. РК, возникшая как унитарное государство в форме буржуазно-демократической парламентско-президентской республики, через ряд государственных переворотов и политических революций, военных режимов превратилась в президентскую республику с многопартийным режимом, но с вероятностью превращения снова в парламентскую республику.

Ключевые слова: КНДР, РК, государственность, парламентская, президентская республика.

The DPRK and the ROK founded in 1948 and went through a difficult way of formation and transformation of the state form. North Korea established as a bourgeois-democratic parliamentary unitary state in the form of people's democratic Republic as a result of sustainable development was transformed into a socialist parliamentary-presidential Republic with a single ruling party. South Korea founded as a unitary

state in the form of a bourgeois democratic parliamentary-presidential Republic, through a number of coups and political revolutions, military regimes turned into a presidential Republic with a multiparty regime, but with the probability of turning back into a parliamentary Republic.

Keywords: DPRK, ROK, statehood, parliamentary republic, Presidential republic.

Возникшие в 1948 г. КНДР и РК прошли сложный путь становления и трансформации формы государства. В правовой научной литературе форма государства определяется из трех составляющих: формы правления, формы государственного устройства и государственного режима. Оба государства по форме были буржуазно-демократическими. Поэтому понятно и объяснимо, что по форме правления они изначально были республиками. При этом КНДР относилась к типу народно-демократической республики, а Республика Корея — буржуазной республики. По форме государственного устройства в связи с гомогенным составом населения, преобладающей единой религией, а также почти полуторатысячелетним пребыванием в составе унитарного государства они также были и остались унитарными государствами.

В ходе масштабных социально-экономических, политических и культурных преобразований КНДР и РК у них не изменились ни форма правления, ни форма государственного устройства, т. е. они как были унитарными государствами с республиканской формой правления, так ими и остались. Чем дальше, тем больше они стали меняться по характеру государственного режима. Как известно, под режимом понимается совокупность методов и способов осуществления государственной власти. КНДР, возникшая как парламентская республика, трансформировалась из государства народно-демократической диктатуры рабочих, крестьян в диктатуру пролетариата, а затем в народную власть. Вместе с тем, оставаясь по форме парламентской республикой, поскольку глава государства (последовательно президент, председатель Государственного комитета обороны, председатель Государственного совета) избирается парламентом, а также по Конституции парламент в лице Верховного народного собрания устанавливает основные принципы внутренней и внешней по-

литики государства, решает вопросы войны и мира¹. КНДР в силу решающего влияния правящей Трудовой партии Кореи на все политические и общественные процессы в стране фактически превратилась в суперпрезидентскую республику, хотя юридически она является парламентской республикой.

За время своего существования Республика Корея пережила два военных переворота, приведших к отстранению законно действовавшего президента и легитимного парламента, установлению военной диктатуры (1961, 1980), убийство действующего президента (1979 г. — Пак Чон Хи), отстранение от власти в результате народных выступлений фактически четырех президентов (Ли Сын Ман, Цой Гю Ха, Чон Ду Хван, Пак Кын Хе). Четыре президента были обвинены в коррупции (Чон Ду Хван, Ро Дэ У, Пак Кын Хе, Ли Мен Бак). Еще одного, Но Му Хена, уже после окончания срока полномочий тоже обвинили в коррупции. В результате последовавшей травли через год он, по официальной версии, покончил с собой.

Еще два президента хотя и не были под судебным разбирательством, но в течение их полномочий были осуждены их сыновья. Каждый из избранных президентов после окончания своего срока считался самым плохим президентом в общественном мнении (с одним исключением — спустя много лет после гибели Пак Чон Хи большая часть граждан Южной Кореи считает его самым выдающимся главой государства страны, хотя и жесткой критики в его адрес предостаточно). Причем каждый из президентов при избрании пользовался большой поддержкой и на него возлагались большие надежды.

По форме правления РК шла от парламентской республики к президентской (в рамках Первой республики, первый президент был избран парламентом, затем всенародные выборы с ограничением сроков пребывания в должности президента — не более двух раз, потом нарушение этого правила и снятие ограничений на повторное избрание), свержение президента из-за коррупции и фальсификацию выборов и их результатов, потом снова к парламентской (с ведущей позицией премьера и со слабым президентом, с двухпалатным парламентом — это Вторая республика), военный переворот и отстранение от власти и президента, и правительства в полном со-

ставе во главе с премьером и парламента, установление военной диктатуры, потом снова к президентской республике (Третья республика с всенародным избранием президента с 1963 по 1972 г.), с конца 1972 по 1979 г. — гибридная парламентско-президентская республика. Президент при этом избирался не прямым всеобщим голосованием, а фактически собранием выборщиков, из которых одна треть назначалась самим президентом, еще две трети избирались на выборах, причем от каждого избирательного округа избирались по два человека, что гарантировало избрание самое малое еще трети из числа сторонников президента, что в конечном итоге приводило к тому, что как минимум две трети выборщиков президента были его сторонниками. Затем была президентская республика с избранием президента гражданским собранием (политика Юсин, Четвертая республика), потом еще один военный переворот, и президентская республика, но с избранием фактически созданной президентом коллегией выборщиков (Чон Ду Хван, Пятая республика), потом новая президентская республика с избранием президента только на один срок, без права роспуска парламента президентом и с правом парламента объявить ему импичмент, отстранить временно от власти с последующим утверждением этого решения Конституционным судом (Шестая республика).

Скорее всего, в текущем году в РК может быть проведен референдум об изменениях и дополнениях в Конституцию, с возвратом к парламентской республике и с возможностью двукратного избрания президента. Тогда возникнет Седьмая республика. Как правило, каждый раз после переворота или убийства президента менялась Конституция страны, и каждое ее изменение, кроме первых четырех, приводило к характеристике нового режима как очередной республики. Всего за 70 лет Южная Корея прожила в шести республиках при 10 поправках в Конституцию, из которых шесть представляли собой новую редакцию Основного закона.

Республика Корея также пережила много серьезных общественных потрясений, которые меняли и общественное мнение, и расстановку политических сил. Очередное потрясение произошло на выборах в региональные и местные выборы 13 июня 2018 г. Правящая Демократическая партия Тобуро получила 90 % мест депутатов в

провинциальных, городов центрального подчинения, уездных и волостных выборных органах власти, а также 13 из 17 мест губернаторов провинций и городов-метрополий, 85 % глав районов и уездов², 11 из 12 депутатских мандатов в национальный парламент и в общей сложности контролирует власть в территориях, где проживает около 95 % населения страны. А бывшая до конца 2017 г. правящая партия, которой принадлежало относительное большинство в парламенте, довольствовалась менее чем 10 % мандатов.

Наверное, можно сказать, что таким образом идет процесс становления оптимальной формы государственности и приближения её к демократическому идеалу. Ведь и отстранение президента Первой республики, фактическое прерывание президентского срока президента Пятой республики, вынудившее его согласиться на реформу Конституции, сделавшую невозможным его очередное избрание, отстранение 11-го президента стало возможным в результате мощных выступлений народных масс и было дальнейшим шагом к демократии. Все это, наверное, так и надо оценить.

Но есть один момент, который касается судьбы всех 11 бывших президентов. Да, народ продемонстрировал волю к демократии и добивался отстранения от власти дискредитировавших себя президентов. Но почему демократия допустила избрание на высший государственный пост людей, которых приходится отстранять или которые, хотя и закончили мирно свой президентский срок, потом оказывались на скамье подсудимых? Сейчас в Южной Корее снова возникла уникальная в своем роде ситуация, когда арестованы и преданы судебному преследованию одновременно два бывших президента. 20 лет назад это были бывшие генералы, а сейчас сугубо гражданские лица.

В КНДР от типичной парламентской республики в начале ее возникновения произошла эволюция к парламентской республике с сильной позицией единоличного главы государства. Там не было ни одного военного переворота, за парламентом сохранились важнейшие функции по установлению основных принципов внутренней и внешней политики, принятие законов, толкование законов, учреждение орденов, ратификация международных соглашений, избрание президента, ныне председателя Государственного совета, главы пра-

вительства, министров и руководителей других органов исполнительной власти, назначение генерального прокурора, председателя Верховного суда и народных заседателей Верховного суда, а региональными законодательными органами (народным собраниями) — назначение главы Народного комитета, состава Народного комитета, назначение и освобождение от должности председателя и судей провинциальных, городских и районных народных судов и народных заседателей.

Разумеется, изменявшиеся обстоятельства, а также необходимость совершенствования государственного управления и укрепления государственности диктовали изменения в структуре органов государственной власти. Так, в 1972 г. вводится должность президента республики.

Преимственность, фактически являющаяся наследственностью, что можно назвать новым явлением в истории социализма, но не новым в системе монархии и конфуцианской философии управления государством.

Может возникнуть вопрос, что является более эффективным и прогрессивным? Как показывают вышеприведенные судьбы бывших президентов РК, там произошла десакрализация лидера государства, а соответственно, и всей государственной службы и государственных служащих. Но возникает вполне обоснованный вопрос: почему демократическое развитие Южной Кореи приводит к руководству страны людей, своими поступками дискредитирующих государство и власть? Да, демократия являет миру высшего руководителя государства как обычного человека с его сильными и слабыми сторонами. Но все же исполняемые им функции лидера государства, представляющего страну перед мировым сообществом, его ответственность за судьбу страны предполагают в представлении рядовых граждан, что он должен быть по своим моральным качествам и по своим способностям выше, чем основная масса населения.

До сих пор в России некоторые люди, именующие себя «совестью нации», нетерпимы к каждому, кто берется высказать объективную оценку, например, деятельности Ленина или Сталина. Почему не происходит такого в Китае? Во многом Китай совершил скачок в своем экономическом, научном, социальном развитии бла-

годаря тому, что он сумел не расколоть народ дебатами о деяниях Мао Цзэдуна и первого поколения руководителей КНР. Они изобрели гениальную формулу «Мао Цзэдун был на 70 % прав и на 30 % неправ».

А в КНДР и вовсе обошлись без поношения страниц своего недавнего прошлого. Хорошо было бы и в России сказать однажды, что Сталин был прав на 70 (или 60) %, а на 30 (40) % — неправ — и поставить на этом точку и выполнять законы, которые предотвратят повторение горьких ошибок прошлого.

Когда речь идет о государственности, важно отметить и эффективность управленческого аппарата. В Южной Корее государственные служащие — это особая каста, специально подготавливаемая государством через систему специальных учебных заведений в области административного управления (행정 고시), правовой системы (사법고시, сейчас замененной с подготовкой через систему Law School) с четкой специализацией в конкретной области и без возможности в рамках полученного образования и классного чина переходить на работу по другой специализации. Например, если человек является госслужащим в качестве научного работника в системе внешней политики, то он не может стать дипломатом. Государственного служащего нельзя привлечь к судебной и административной ответственности без согласия органа государственной власти, где он работает. Госслужащего можно уволить только за уголовные преступления. Если он не справляется с порученной ему в связи с классным чином работой, его могут отстранить от занимаемой должности, но не уволить с госслужбы, а могут перевести на нижестоящую должность или менее ответственную работу, но с сохранением соцпакета, который предусмотрен для каждого госслужащего³. Кроме того, поскольку в РК государственную пенсию получают только бюджетники, в том числе госслужащие, то ему дают возможность дослужить до пенсии.

В то же время уволенный по решению суда либо уволившийся по собственному желанию, как правило, не может возвратиться на госслужбу. Поэтому госслужащие дорожат своим местом работы и отличаются дисциплиной и квалификацией.

В КНДР другая система подготовки кадров. Там все решается через отбор по конкурсу в вузы, затем школа молодежной и партийной работы, система партийных школ и курсов переподготовки партийных работников и депутатов народных собраний различного ранга и работников народных комитетов. Работа в госаппарате особых привилегий в материальном плане не дает, но возможности карьерного роста, в зависимости от административных способностей и идеологической подготовленности, являются привлекательными для социально активных людей.

Выше отмечалось, что в КНДР не было ни революций, ни государственных переворотов, нет также драматических изменений политического ландшафта после очередных всеобщих или местных выборов, а также дискредитации бывших лидеров. Хотя некоторые объясняют это особым характером власти в Северной Корее, все же значительную роль играет и система подготовки преемников. В 70-летней истории КНДР было всего три высших лидера, и они из одной семьи. Каждый преемник был также заранее представлен общественности в этом качестве. Хорошо это или плохо? Мао Цзэдун не подготовил своего преемника, и страна после его смерти пережила ряд весьма турбулентных лет, пока бразды правления не взял в свои руки Дэн Сяопин, хотя он и не занимал высшей должности в стране. Последние 20 лет в КНР по крайней мере за пять лет до вступления в должность известно имя преемника высшего руководителя. Так было с Ху Циньтао, с Си Цзиньпином. Это, кстати, касается также и главы правительства КНР. Возможно, кого-то такое заведомое назначение коробит, но общественность, народ имеет в таком случае возможность за пять лет досконально изучить все слабые и сильные стороны будущего лидера и затем осознанно доверить ему высшие посты в стране.

Сравнение развития государственности в КНДР и РК показывает, что подготовка к созданию государства, основанного через три года после обретения независимости, была далеко не эффективной в Южной Корее.

Во многом турбулентность государственности, изменение характера режима связано с тем, что США в 1945—1948 гг., хотя и готовили группировку Ли Сын Мана к созданию сепаратного правительст-

ва на Юге, с точки зрения создания устойчивой государственности и системы государственного управления сделали не так уж и много, разве что довольно быстро стали готовить только силовые ведомства и армию. В частности, в РК датой создания военно-морского флота страны считается декабрь 1945 г., тогда как в КНДР датой создания вооруженных сил страны считается февраль 1948 г., т. е. спустя два с лишним года после создания армии Южной Кореи. Точно так же полицейские силы были созданы в том же декабре 1945 г., причем большая часть полицейских, кстати не рядовых, составляли те, кто служил в полиции при японском колониальном правлении.

СССР, согласившись на предложение США о создании системы опеки в Корее, в то же время обозначил ее как «помощь и содействие». В советском предложении по поводу опеки предусматривалось создание Временного демократического правительства, которому помогали бы управлять страной командующие войсками США и СССР в Корее через совместный комитет. США, хотя и приняли советское предложение по этому вопросу, не были сторонниками такого способа осуществления режима опеки. Поэтому, когда из-за протестов части общественности Южной Кореи, СССР и США не смогли договориться о составе Временного демократического правительства, США продолжали вести себя в южной части Кореи именно как оккупационные власти.

Американской собственностью были объявлены все предприятия, построенные во времена колониального режима в Корее и принадлежавшие либо японцам, либо формально совместным корейско-японским предприятиям, либо коллаборационистам. США главным образом заботились не о том, чтобы их политические ставленники создали устойчивую и качественную систему управления страной, а об отстранении от власти всех более или менее демократических сил и переходе власти к своим ставленникам безотносительно их способностей самостоятельно эффективно управлять страной. Но ставленники США плохо справлялись с этой задачей, свидетельством чего является, в частности, разгул политического террора, сопровождавшийся убийствами не только прогрессивных общественно-политических деятелей, но даже консервативных деятелей, которые могли составить конкуренцию Ли Сын

Ману. Подавлялись и неоднократные массовые выступления практически всех слоев населения, примером чего можно назвать жестокое подавление населения о. Чечжудо, где была истреблена десятая часть мирного населения и сожжена почти треть всего жилого фонда острова.

Между тем на Севере Кореи ничего подобного не происходило. Причиной тому являлась политика СССР, направленная на создание прочной, устойчивой и эффективной государственности. После того как советские войска освободили территорию северной части Кореи, перед СССР сразу возникла задача обеспечения безопасности проживающего на освобожденной территории населения (защита от возможных провокаций со стороны остатков японской армии, от преступников), организации нормального функционирования всей системы жизнеобеспечения людей, включая продовольственное, топливное снабжение населения, обеспечение работы всех предприятий, а также всех видов транспорта.

В освобожденных советскими войсками районах стихийно стали возникать органы местного самоуправления в виде народных комитетов, деятельность которых была всемерно поддержана командованием советских войск. Для обеспечения управляемости всей Северной Кореи народные комитеты стали укрупняться, и постепенно возникли народные комитеты уездов, городов, провинций, а через полгода после освобождения Кореи возник и народный комитет, который управлял всеми народными комитетами Северной Кореи и нес ответственность за организацию жизнедеятельности на всей ее территории. Он стал называться Временным народным комитетом Северной Кореи.

Еще на совещании представителей провинциальных народных комитетов 7—11 октября 1945 г. было принято решение создать в Северной Корее угольный трест с увеличением добычи угля до 2 млн т, организовать почтово-телеграфную связь, заготовить 750 тыс. т зерна, установить единые цены на продовольственные товары, создать Банк Северной Кореи, восстановить железнодорожный транспорт, а также обратиться с предложением направить в Северную Корею советских специалистов-консультантов⁴.

СССР поддержал создание народных комитетов, к которым переходила задача обеспечения жизнедеятельности, постепенно передавая им функции по управлению всем комплексом экономики, культуры, образования и медицинского обслуживания. Затем был создан Временный комитет пяти провинций Севера, который в марте 1946 г. был переименован во Временный народный комитет Северной Кореи. По мере укрепления позиций Временного народного комитета и повышения эффективности работы его задачи в области экономики расширялись не только за счет роста хозяйственной активности и решения социальных задач, но и безвозмездной передачи советским командованием имущества, ранее принадлежавшего японским владельцам или их приспешникам из числа корейцев. Так, 30 октября 1946 г. Временному народному комитету было передано 81 предприятие тяжелой промышленности, 196 рудников, 47 шахт, 23 брикетные фабрики, 407 предприятий легкой и пищевой промышленности, 77 предприятий лесной и деревообрабатывающей промышленности, 73 предприятия рыбной промышленности, железные дороги (3929,7 км, 922 паровозов электропоездов, дрезин и кранов, 15 926 вагонов, 6 паровозо-вагоноремонтных заводов), речной и морской транспорт (735 судов), а также 768 единиц автотранспорта, 19 гидроэлектростанций общей мощностью 1 млн 318 тыс. 800 кВт, несколько законсервированных на стадии строительства ГЭС, 18 трансформаторных станций, свыше 10 тыс. км линий электропередач. Всего имущество было передано на общую сумму в 4 млрд 726 млн 316 тыс. 361 иен в ценах на 15 августа 1945 г. Кроме того были переданы Центральный северокорейский банк и 58 отделений сельских банков⁵.

В связи с этой работой возникла необходимость помочь сформировать кадры управленцев, которые были бы способны организовать, опираясь на народную инициативу, местное самоуправление, а также работу всего народно-хозяйственного комплекса, сильно разрушенного японскими войсками и владельцами предприятий. Бывший начальник Управления советской гражданской администрации в Северной Корее, член Военного совета 25-й армии, генерал-майор Н.Г. Лебедев писал, что народные комитеты «состояли из людей, в подавляющем большинстве никогда раньше не работавших в адми-

нистративных органах, не имевших никакого опыта руководства. Как правило, это были энергичные люди, горевшие желанием служить интересам трудового народа, но они далеко не всегда представляли себе пути реализации стоявших перед страной задач, объем всей необходимой работы»⁶. Эта задача выполнялась как за счет консультаций советских специалистов, представителей советских комендатур, так и организации различных курсов хозяйственного, управленческого актива, в которых занятия вели и делились своим опытом командированные советские специалисты, в том числе и из числа советских корейцев.

В октябре 1945 г. при командующем 25-й армией были созданы департаменты промышленности, путей сообщения, земли и леса, финансов, связи, торговли, просвещения, здравоохранения, юстиции и полиции. Руководителями этих департаментов были назначены местные корейцы⁷. Им помогали советские советники.

Тысячи людей, участвовавших в деятельности народных комитетов, а также пришедшие к управлению предприятиями, проходили курсы обучения управления, а также переподготовки, курсы повышения квалификации. Таким образом, к моменту провозглашения КНДР новое государство располагало многочисленными кадрами управленцев, которые знали формы и методы управления и поддержания устойчивости развития страны. Поэтому в северной части не было народных восстаний, крупных забастовок, как это имело место в южной части полуострова. И в последующем это также сказалось в устойчивости системы управления государством и обществом, народным хозяйством.

Когда КНДР в середине 90-х годов прошлого века настигла серия тяжелых стихийных бедствий, уничтоживших более половины урожая, подорвавших плодородие почвы, принесших разрушения дорог, и когда было мало надежд на иностранную помощь, как это было в годы существования социалистической системы, и стало понятно, что придется выживать в одиночку, была найдена формула организации управления государством и обществом в виде политики *сонгун*, которая, провозгласив «первенство армии», все же не была военным режимом.

А когда обстановка несколько выправилась и был достигнут заметный прогресс в развитии экономики страны, повысился уровень жизни населения, выбирается новая форма правления, когда центром принятия решений вновь становится партия. Соответственно, меняется и форма управления, и структура органов государственной власти, повышается роль общественных организаций.

Это видно по решениям 2-й сессии Верховного народного собрания, принятым через полтора месяца после проведения в мае 2016 г. VII съезда Трудовой партии Кореи, которая вернула контроль над всеми сферами власти. Так, был упразднен Государственный комитет обороны — самое яркое проявление политики *сонгун*, и новым высшим органом власти становится Государственный совет во главе с председателем, заместителями которого становятся только заместители председателя ЦК Трудовой партии Кореи и председатель Правительства.

Тенденции развития государственности в двух корейских государствах показывают, что в Южной Корее будет еще продолжаться дальнейшая десаκραлизация лидера и руководства страны, а в КНДР сохранится образ лидера как сакральной фигуры, соответственно и общество будет сплоченным и способным выдержать удары судьбы и санкции и давление враждебных сил. Естественно, это не будет демократией западного образца, но единого стандарта и образца демократии нет, потому возникает вопрос: а что лучше для народа, для рядового гражданина — система, которая допускает социальные потрясения и приход к власти людей, которых потом приходится судить за злоупотребления, или система, которая обеспечивает уважение к власти и устойчивость развития страны?

Примечания

¹ Социалистическая конституция Корейской Народно-Демократической Республики (1972 г., ст. 21; 1998 г., ст. 33).

² Информация Центральной избирательной комиссии РК об итогах местных выборов. URL: http://info.nec.go.kr/electioninfo/electionInfo_report.shtml (дата обращения: 14.06.2018).

³ Кука гонмувон поб : [Закон о государственных служащих] // 99 нодон гва-гепобрэндип : [Сборник законов о трудовых отношениях-99]. 7-е изд. Сеул, 1999. С. 30—59.

⁴ *Лебедев Н.Г.* Заря свободы над Кореей // Освобождение Кореи. Воспоминания и статьи. М., 1965. С. 38—39. Цит. по: *Ванин Ю.В.* Советский Союз и Северная Корея, 1945—1948 // ИВ РАН. 2016. 77—79.

⁵ Акт о передаче представителями командования советских войск в Северной Корее Временному народному комитету Северной Кореи промышленных предприятий, гидроэлектростанций, банков и других объектов, ранее принадлежавших японскому государству // Отношения Советского Союза с народной Кореей. 1945—1948. Документы и материалы. М.: Наука, 1981. С. 25—27.

⁶ *Лебедев Н.Г.* С сознанием исполненного долга // Освобождение Кореи. Воспоминания и статьи. М.: Наука, 1976. С. 99.

⁷ *Ванин Ю.В.* Советский Союз и Северная Корея, 1945—1948 // ИВ РАН, 2016. С. 57.

С.О. Курбанов

СЕВЕРКОРЕЙСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПРОБЛЕМЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И КОРЕЙСКАЯ ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА *

Вопрос соблюдения прав человека в КНДР является одним из наиболее обсуждаемых в западном мире. Принято считать, что в КНДР права человека «нарушаются». Однако в самой Северной Корее взгляд на вопрос прав человека иной. В КНДР указывается на то, что права человека нельзя рассматривать в отрыве от особенностей политической системы, истории, традиций и обычаев каждого отдельно взятого народа. Для КНДР в контексте вопроса прав человека важнейшими являются задачи обеспечения национальной независимости, самостоятельности, национального достоинства. Кроме того, вопрос соотношения роли (прав) личности и коллектива также является одним из базовых в реализации национальной концепции прав человека.

Ключевые слова: КНДР, права человека, самостоятельность, независимость, национальные и культурные особенности, коллектив, личность.

* Настоящая работа выполнена в рамках Программы поддержки корееведения в ведущих университетах, реализуемой Министерством образования Республики Корея и Центром развития корееведения при Академии Корееведения (AKS-2016-OLU-2250002).

This work was supported by the Core University Program for Korean Studies through the Ministry of Education of the Republic of Korea and Korean Studies Promotion Service of the Academy of Korean Studies (AKS—2016—OLU—2250002).

The issue of respect for human rights in the DPRK is one of the most discussed in the Western world. It is generally accepted that in the DPRK human rights are “violated”. However, in North Korea itself, the view of the issue of human rights is different. To clarify it, special pamphlets are published in the DPRK. They indicate that human rights cannot be viewed in isolation from the features of the political system, history, traditions and customs of each individual nation. For the DPRK, in the context of the issue of “human rights”, the most important are the tasks of ensuring national independence, sovereignty and national dignity. In addition, the question of correlation between role (rights) of an individual and the collective is also one of the basic in implementation of the national concept of human rights.

Keywords: North Korea, human rights, self-reliance, independence, national and cultural peculiarities, collective, individual.

Введение

Вопрос соблюдения прав человека в КНДР является одним из наиболее обсуждаемых в западном мире, представители которого предъявляют к КНДР претензии в «нарушении прав человека».

Однако рассматривать проблему прав человека в Северной Корее с точки зрения истории и культуры западной цивилизации не представляется корректным.

Нации и народы имеют различные языки. В каждом языке заключен свой культурный код. Соответственно, каждый язык, каждый культурный код отражает различные реалии, в которых живет народ или которые окружают тот или иной народ, национальное государство. В категории «реалий» входят и географические условия проживания, и этнические особенности, и политическая культура и т. п.¹

Если какой-либо текст переведен с языка оригинала на иностранный, пусть даже перевод будет внешне совершенным с точки зрения отражения в его тексте всех семантических и грамматических особенностей языка-оригинала, в нем все равно будут присутствовать реалии и культурные коды того языка, на который текст оригинала будет переведен.

Соответственно можно предположить, что записанное на корейском языке словосочетание «права человека» (인권), поставленное в

контекст северокорейской истории и культуры, в контекст северокорейских реалий может иметь смысл и значение иное, нежели словосочетание «права человека», записанное, к примеру, на английском языке (*human rights*) и поставленное, соответственно, в контекст истории и культуры Соединенных Штатов Америки.

Итак, что же может означать словосочетание *инквон* (인권) для рядового гражданина КНДР?

Здесь, прежде всего, следует иметь в виду то, что большинство населения Северной Кореи никогда не выезжало за рубеж и не имеет четкого представления о каком-либо ином образе жизни, кроме того, что есть в КНДР². Для тех же, кто выезжает за границу, самой посещаемой страной является Китайская Народная Республика, также азиатская страна, в которой руководство осуществляет Коммунистическая партия Китая и в которой представления о «правах человека» далеки от европейско-американских. Поэтому западный подход к проблеме прав человека остается вопросом, не совсем четко представляемым в КНДР.

С точки зрения как властей, так и граждан КНДР, в этой стране восточноазиатской культуры «нет нарушений прав человека».

Чтобы донести свою точку зрения до иностранных граждан, в 2015 г. в Издательстве литературы на иностранных языках вышла серия брошюр под общим названием «Понимание [Северной] Кореи» (조선에 대한 이해). Девятый том этой серии имеет подзаголовок: «Права человека» (인권).

1. Базовые принципы прав человека

Итак, как же северокорейские власти объясняют свое понимание прав человека?

Брошюра «Права человека» начинается с представления двух «программных» утверждений:

- «права человека означают право на независимость»;
- «права человека — это права государства».

Что стоит за указанными, с первого взгляда, несколько необычными с точки зрения европейского восприятия проблемы прав человека утверждениями из северокорейской брошюры?

Первое утверждение связано с исторической памятью о японском протекторате (1905—1910) и аннексии Кореи (1910—1945). В это время, когда японские колониальные власти проводили политику ассимиляции населения корейской колонии³, ни о каких «правах человека» для корейцев и речи быть не могло⁴. Опасение возможного повторения истории первой половины XX в. делает вопрос обеспечения независимости северокорейского государства самым важным в контексте прав человека.

Вопрос японского колониального наследия важен не только для КНДР, но и для Республики Корея. Здесь достаточно вспомнить лишь некоторые проблемы, которые и в 2018 г. постоянно обсуждаются властями южнокорейского государства: это и вопрос так называемых женщин комфорта (위안부), которые «прислуживали» личному составу японской армии в 1940-х годах, это и споры о территориальной принадлежности островов Токто в Восточном (Японском) море, и вопросы изложения истории (связанной с Кореей) в японских школьных учебниках, и многое другое.

Второе «программное» утверждение северокорейской брошюры о правах человека, которое указывает на особую роль государства в вопросе прав человека, также отсылает нас к многовековой корейской традиции конфуцианского взгляда на мироустройство, согласно которому в обеспечении мира и порядка в Поднебесной особая роль отводилась государству и государю, по отношению к которому все граждане страны должны были проявлять особую верность «чхун»⁵. В указанном контексте сразу следует обратить внимание на то, что такие традиционные категории корейской культуры, как «верность» верховному руководителю, государю и «сыновняя почтительность», актуальны и в современной Северной Корее, а термин «Поднебесная» (천하) нередко встречается на страницах современной северокорейской печати⁶.

2. Отдельные аспекты прав человека

Северокорейская брошюра «Права человека», помимо введения базовых понятий, также представляет более конкретные положения, разъясняющие северокорейское видение указанного вопроса.

1. Так, в издании указано, что по своей сути человек нуждается в «самостоятельности и автономии» (자주성)⁷. Человек, с одной стороны, «хозяин своей судьбы», но с другой — он социальное существо.

2. Кроме того, у каждого человека есть чувство собственного достоинства (존엄)⁸.

И только если человек обладает самостоятельностью и автономией, с одной стороны, и достоинством — с другой, он может иметь «человеческую жизнь» (인간다운 삶) и счастье (행복)⁹.

Прокомментируем указанные выше высказывания.

Первое. Установление взаимосвязи между «самостоятельностью» и правами человека явно указывает на то, что в КНДР вопрос прав человека зиждется на идеологии *чучхе*, центральным утверждением которой является следующее: «человек является хозяином всего и решает все»¹⁰.

Второе. Категория «уважение», «собственное достоинство», насколько нам представляется, соотносится с вопросом, прежде всего, международных отношений, отношений с США. Одним из основных северокорейских требований к другим странам, в частности к США, является проявление должного уважения как к северокорейскому государству, так и к его лидерам.

Третье. Категория «счастье» является традиционной и для Кореи, и для других стран Восточной Азии и отражает традиционный взгляд на человека и его жизнь и в вопросе решения прав человека. Иными словами, согласно северокорейской брошюре, если человек несчастлив, то это означает, что и его права человека не соблюдены.

3. Коллектив и права человека

Западная концепция прав человека обращается, прежде всего, к каждому отдельному человеку, к отдельной личности. Для представителя современной западной культуры каждый человек имеет одинаковую, «равную» ценность.

С точки зрения [северо]корейской культуры коллектив гораздо важнее, чем отдельно взятый человек. Особое значение коллектива для жизни общества отражено в северокорейской конституции. По-

этому и вопрос прав человека в КНДР рассматривается с точки зрения особой роли коллектива как «равноправного члена коллектива»¹¹.

Возможно, подобное утверждение может показаться нарушением прав человека. Однако, с другой стороны, оно является проявлением традиционной корейской культуры коллективизма, примеров актуальности которой можно немало найти как в северокорейских, так и южнокорейских реалиях.

Во-первых, сам корейский язык через грамматику и лексику отражает как культуру коллективизма, так и социальную стратификацию человека. Так, местоимение «мы» в корейском языке нередко используется вместо местоимения «я» для того, чтобы отразить положение говорящего как члена коллектива, например, в таких «странных» для европейца выражениях, как «наша жена» (우리 집사람) вместо «моя жена»¹².

Во-вторых, в корейской культуре сохраняется ряд традиций и правил повседневной жизни, через которые подчеркивается положение человека не как отдельно взятой индивидуальности, а как члена коллектива.

В-третьих, коллективизм также является и отражением конфуцианских традиций (реалий) Кореи. В самом слове «государство» *кукка* (국가, 國家) мы видим два корнеслога, которые могут записываться иероглифически и каждый из которых имеет самостоятельное значение. Первый слог означает «государство», а второй — «семья». Таким образом, с корейской (китайской, японской) точки зрения государство сравнивается с большой семьей.

Действительно, в случае с титулами высших руководителей КНДР — Ким Ир Сенем (1912—1994), Ким Чен Иром (1942—2011), Ким Чен Ыном — можно обнаружить и такой необычный, как *о-бо-и* (어버이), который переводится на европейские языки не совсем корректным термином «отец», в то время как его дословный перевод — это «родители», «отец и мать». Подобный «странный» для представителя европейской культуры титул восходит к древнему конфуцианскому сравнению образцового государя с «отцом и матерью народа»¹³.

В-четвертых, можно говорить от традиции создания коллективов и коллективной жизни в корейской деревне, начиная, по меньшей мере, с эпохи Корё (918—1392)¹⁴.

Таким образом, с точки зрения [северо]корейской культурной традиции обязательное соотношение вопроса прав человека с приоритетом интересов коллектива является «нормальным», «естественным», традиционным и отражено в корейском языке (а значит — в сознании и подсознании корейского народа).

4. Государственная независимость и права человека

Авторы брошюры «Права человека» несколько раз обращаются к вопросу связи интересов государства с правами человека, в частности — вопросу национальной независимости как одного из основных условий обеспечения прав человека. В частности, в высказывании «права человека — это права государства». На страницах брошюры поясняется, что права человека должны реализовываться на общенациональном уровне. Если государство теряет свою автономию, независимость, то тогда все разговоры о правах человека становятся бесполезными¹⁵. В данном случае авторы брошюры ссылаются на опыт японского колониального господства в Корее, когда были попраны все права человека корейского народа, и на опыт Ирака¹⁶.

Любопытно, что, представляя вопрос прав человека в КНДР, авторы брошюры обращаются и к историческому опыту североамериканской Декларации независимости от 4 июля 1776 г., и к французской Декларации прав человека и гражданина от 26 августа 1789 г.¹⁷ (При этом, правда, не упоминая Всеобщую декларацию прав человека, принятую ООН 10 декабря 1948 г.)

Для КНДР выводится свой термин: «основные права человека», которые определяются тремя основными аспектами:

- социально-политические права;
- право на уважение;
- право на невмешательство (не агрессию)¹⁸.

Таким образом, главным в обеспечении прав человека для властей КНДР оказывается необходимость гарантии самого по себе существования, стабильности северокорейского государства, уваже-

ния к нему. Собственно, «права человека» в западном понимании этого термина оказываются для руководства КНДР вторичными. Как уже было показано выше, основания для такого специфического подхода в понимании прав человека — в корейской истории.

5. В каждой стране — свои представления о правах человека

В брошюре «Права человека» представлен любопытный тезис о том, что права человека не могут быть одинаковыми для каждой страны. Они разные в зависимости от конкретных условий каждого государства, его традиций, истории, культуры.

В брошюре говорится: «Стандарты в определении прав человека должны быть установлены в соответствии с требованиями народа каждой отдельной страны. Потому что в каждом отдельном государстве различны не только политические системы, но и история, традиции, экономика, уровень развития культуры и образ жизни»¹⁹.

Представленное выше высказывание выглядит вполне логичным. Его справедливость была продемонстрирована выше на примере корейской традиционной «культуры коллективизма», для которой западные индивидуалистические подходы к вопросу прав человека оказываются неприменимы.

Северокорейская точка зрения на «национальный» характер вопроса прав человека, хотя и выглядит достаточно логичной, также может вызывать споры и нарекания со стороны мирового сообщества.

Но даже если подходить к КНДР с мерками западной культуры, то не все в этой стране оказывается таким «критичным», «трагическим».

С одной стороны, действительно, такие мировые «свободы», являющиеся составной частью прав человека, как свобода слова, печати, собраний, религий, хотя все они и обозначены в Конституции КНДР, а также подробно рассмотрены в брошюре «Права человека», все же могут вызывать нарекания со стороны «мирового сообщества» в плане их «неполноты».

С другой стороны, в КНДР действительно реализуются такие права и свободы, как равноправие мужчин и женщин, свобода всту-

пления в брак и защита семьи, право на всеобщее бесплатное среднее образование, право на бесплатное медицинское обслуживание, защита (права) престарелого населения и т. п.

Заключение

В Корейской Народно-Демократической Республике ее население не имеет четкого представления о так называемых правах человека так, как они понимаются в западном мире. Само руководство Северной Кореи, говоря о «национальном характере» вопроса прав человека, косвенно признает это.

Уровень жизни рядового населения КНДР действительно не столь высок, как в других развитых странах мира. Хотя, например, уровень жизни населения столичного города Пхеньян все же относительно высок.

Однако власти КНДР объясняют это не особенностями своей внутренней и внешней политики, а исключительно вынужденной внешнеполитической и экономической изоляцией, вызванной, в частности, многочисленными экономическими санкциями со стороны США, Республики Корея, стран — членов ООН.

Примечания

¹ *Курбанов С.О.* Размышления об исторической науке и роли личности в истории (с примерами из истории Кореи). СПб.: РХГА, 2016. С. 56—57.

² Можно предположить, что даже знакомство с южнокорейскими сериалами значительно не меняет представление граждан КНДР о том, что связано с так называемыми правами человека.

³ *Артемов Е.М.* Указ об образовании 1911 г. как инструмент японской политики ассимиляции в Корейском генерал-губернаторстве // Вестник Центра корейского языка и культуры. Вып. 16. СПб., 2014. С. 164—174.

⁴ 조선에 대한 이해. 문답집 9. 인권 (Понимание [Северной] Кореи. Сборник ответов на вопросы № 9. Права человека). 평양, 외국문출판사, 2015. С. 3.

⁵ *Курбанов С.О.* Конфуцианский классический «Канон сыновней почтительности» в корейской трактовке. СПб., 2007. С. 13.

⁶ 천하를 뒤흔든 백두의 불뢰성 (Огненные раскаты грома горы Пэкту, потрясшие Поднебесную). Нодон синмун. 2017.09.06. URL: http://www.rodong.rep.kp/ko/index.php?strPageID=SF01_02_01&newsID=2017-09-06-0008

⁷ 조선에 대한 이해. 문답집 9. 인권 (Понимание [Северной] Кореи. Сборник ответов на вопросы № 9. Права человека). 평양, 외국문출판사, 2015. С. 1.

⁸ Указ. соч. С. 5—6.

⁹ Указ. соч. С. 1.

¹⁰ 김정일. 주체사상에 대하여 (Ким Чен Ир. Об идеях *чучхе*). 평양, 조선로동당출판사, 1982. С. 9.

¹¹ 조선에 대한 이해. 문답집 9. 인권 (Понимание [Северной] Кореи. Сборник ответов на вопросы № 9. Права человека). 평양, 외국문출판사, 2015. С. 2.

¹² 이규태. 한국인의 의식구조 1. 한국인은 누구인가. (Ли Гютхэ. Структура сознания корейца 1. Кто такой кореец?). 서울, 신원문화사, 1993. С. 84—87.

¹³ Курбанов С.О. Размышления об исторической науке и роли личности в истории (С примерами из истории Кореи). СПб.: РХГА, 2016. С. 57—58.

¹⁴ 조선의 민속. 집필 김기봉, 선회창. (Этнография Кореи. Сост.: Ким Гибон, Сон Хичхан). 평양, 사회과학출판사, 1986. С. 199—206.

¹⁵ 조선에 대한 이해. 문답집 9. 인권 (Понимание [Северной] Кореи. Сборник ответов на вопросы № 9. Права человека). 평양, 외국문출판사, 2015. С. 3.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Указ. соч. С. 4.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Указ. соч. С. 7.

А.В. Кови

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОТДЕЛЬНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ УГОЛОВНЫХ КОДЕКСОВ КНДР И РК*

В работе предпринята попытка провести сравнительный анализ отдельных положений уголовных кодексов Корейской Народно-Демократической Республики и Республики Корея, в особенности разделов УК, которые отнесены (в случае УК РК) либо могут быть отнесены (в случае УК КНДР) к Общей части.

Ключевые слова: Уголовный кодекс, КНДР, РК, сравнительный анализ.

This paper aims to analyze in a comparative way certain provisions of the Criminal Law of the Democratic People's Republic of Korea and the Criminal Act of the Republic of Korea with emphasis on these provisions that designated (in case of the Republic of Korea) or could be designated (in case of the Democratic People's Republic of Korea) as the General part of respective criminal law.

Keywords: Criminal Law, DPRK, ROK, comparative analysis.

* Работа подготовлена при поддержке Программы ведущих университетов по изучению Кореи Министерства образования Республики Корея и Стратегической инициативы по научным исследованиям Кореи Академии корееведения (AKS—2016—OLU—2250002).

This work was supported by the Core University Program for Korean Studies through the Ministry of Education of the Republic of Korea and Korean Studies Promotion Service of the Academy of Korean Studies (AKS—2016—OLU—2250002).

Работа подготовлена на материале полного перевода на русский язык действующего Уголовного кодекса Корейской Народно-Демократической Республики в редакции от 2012 г., опубликованного летом 2017 г. Санкт-Петербургским издательством «Гиперион»¹, а также на материале перевода Уголовного кодекса Республики Корея, выполненного в 2003 г. В.В. Верхоляком под редакцией доктора юридических наук, проф. А.И. Коробеева².

Уголовный кодекс Корейской Народно-Демократической Республики принят 3 марта 1950 г. на V сессии Верховного народного собрания I созыва, т. е. через полтора года после провозглашения КНДР — 9 сентября 1948 г. Сегодня УК КНДР состоит из девяти разделов, включающих 290 статей.

При этом в тексте специально не выделяются Общая и Особенная части. К Общей части могут быть отнесены: Раздел 1 «Основные принципы» (ст. 1—9) и Раздел 2 «Общие положения» (ст. 10—59). К Особенной части: Раздел 3 «Преступления против государства и народа» (ст. 60—73); Раздел 4 «Преступления, нарушающие приказы о национальной обороне» (ст. 74—90); Раздел 5 «Преступления против социалистического хозяйства» (ст. 91—182); Раздел 6 «Преступления против социалистической культуры» (ст. 183—208); Раздел 7 «Преступления против общего порядка государственного управления» (ст. 209—245); Раздел 8 «Преступления против социалистического общественного порядка» (ст. 246—265); Раздел 9 «Преступления против жизни и имущества граждан» (ст. 265—290).

Особенная часть открывается Разделом 3 «Преступления против государства и нации». Глава 1 «Преступления против государства» Раздела 3 охватывает 8 статей (ст. 60—67), среди которых «Заговор с целью свержения государственной власти» (ст. 60), «Терроризм» (ст. 61), «Антигосударственная пропаганда и агитация» (ст. 62), «Измена Родине» (ст. 63). При этом необходимо отметить, что в уголовном законодательстве КНДР государственные преступления подвергаются самым суровым наказаниям.

Раздел 4 «Преступления против порядка управления национальной обороной» охватывает ст. 74—90, касающиеся преступлений (в том числе должностных) в сфере управления национальной оборо-

ной и преступлений, связанных с формированием стратегических запасов, а также с военной техникой, оружием и боеприпасами.

Раздел 5 «Преступления против социалистического хозяйства» состоит из четырех глав и охватывает ст. 91—182, являясь самой обширной частью УК КНДР. Главы раздела относятся к преступлениям экономического характера, а также должностным преступлениям в народнохозяйственной сфере: Глава 1 «Имущественные преступления против собственности государства и социалистических кооперативных организаций» (ст. 91—100); Глава 2 «Преступления против экономического порядка» (ст. 101—163); Глава 3 «Преступления в сфере землепользования и охраны окружающей среды» (ст. 164—175); Глава 4 «Преступления в сфере трудового регулирования» (ст. 176—182).

Раздел 6 «Преступления против социалистической культуры» охватывает ст. 183—208 и рассматривает деяния, посягающие на общественную нравственность (ст. 183 «Ввоз и распространение предметов декадентской культуры»), а также более серьезные преступления, например «Контрабанда и незаконная торговля предметами исторического наследия» (ст. 189).

Раздел 7 «Преступления против общего порядка государственного управления» состоит из двух глав: Глава 1 «Преступления против общего порядка управления» (ст. 209—234) и Глава 2 «Должностные преступления» (ст. 235—245). При этом Глава 1 включает в себя совершенно разные преступления от массовых беспорядков (ст. 209) до вторжения в воздушное пространство или территориальные воды КНДР (ст. 223). Глава 2 включает преступления с использованием служебного положения.

Раздел 8 «Преступления против социалистического общественного порядка» включает ст. 246—265 относится к преступлениям против социалистического общественного порядка.

Раздел 9 «Преступления против жизни и имущества граждан» состоит из двух глав: Глава 1 «Преступления против жизни, здоровья и личности» (ст. 266—282) и Глава 2 «Преступления против частной собственности» (ст. 283—290). Как это ни парадоксально, преступления, связанные с лишением жизни человека, а также преступления, связанные с причинением физического ущерба телу и насилии-

ем, размещены в УК КНДР в последнем разделе. Завершают Особенную часть УК КНДР посягательства, которые по общему правилу принято именовать преступлениями против собственности.

Раздел 1 Общей части «Основные принципы» включает основные принципы: принцип предотвращения преступлений (ст. 2); принцип обращения с преступниками (ст. 3); принцип обращения с лицами, раскаявшимися в предательстве Родины и нации (ст. 4); принцип обращения с преступником, явившимся с повинной (ст. 5); принцип привлечения к уголовной ответственности только за преступления, определенные в Уголовном кодексе (ст. 6); принцип применения наказания (ст. 7); принцип гражданства, территориальный и реальный принципы (ст. 8); принцип обратной силы и принцип отсутствия обратной силы (ст. 9).

Действующий Уголовный кодекс Республики Корея утвержден Законом № 293 от 18 сентября 1953 г. и вступил в силу в октябре 1953 г., т. е. после окончания активной фазы боевых действий и заключения Соглашения о перемирии, подписанного 27 июля 1953 г. УК РК состоит из двух книг, включающих, в отличие от УК КНДР, четко обозначенные Общую и Особенную части и насчитывающих в общей сложности 372 статьи. Книги делятся на главы, а отдельные главы — на разделы, включающие статьи. Книга I, включающая Общую часть, состоит из трех глав: Глава 1 «Ограничение действия Уголовного кодекса» (ст. 1—8); Глава 2 «Преступление» состоит из Раздела 1 «Совершение преступления и назначение наказания» (ст. 9—24), Раздела 2 «Преступные покушения» (ст. 25—29), Раздела 3 «Соучастие» (ст. 30—34), Раздела 4 «Рецидив» (ст. 35—36), Раздела 5 «Множественность преступлений» (ст. 37—40); Глава 3 «Наказание» состоит из Раздела 1 «Виды и строгость наказания» (ст. 41—50), Раздела 2 «Назначение наказания» (ст. 51—58), Раздела 3 «Отсрочка назначения наказания» (ст. 59—61), Раздела 4 «Отсрочка исполнения наказания» (ст. 62—65), Раздела 5 «Исполнение наказания» (ст. 66—71), Раздела 6 «Досрочное освобождение» (ст. 72—76), Раздела 7 «Срок давности при исполнении приговора» (ст. 77—80), Раздела 8 «Погашение судимости» (ст. 81—82), Раздела 9 «Сроки» (ст. 83—86). Книга II «Преступления» включает Особенную часть и состоит, в свою очередь, из следующих сорока двух глав: Глава 1

«Преступления, связанные с мятежом» (ст. 87—91), Глава 2 «Преступления, связанные с иностранной агрессией» (ст. 92—104), Глава 3 «Преступления, связанные с национальным флагом» (ст. 105—106), Глава 4 «Преступления, связанные с международными отношениями» (ст. 107—113), Глава 5 «Преступления против общественного порядка» (ст. 114—118), Глава 6 «Преступления, связанные с взрывчатыми веществами» (ст. 119—121), Глава 7 «Преступления, связанные с обязанностями должностных лиц» (ст. 122—135), Глава 8 «Преступления, связанные с воспрепятствованием исполнению должностных обязанностей» (ст. 136—144), Глава 9 «Преступления, связанные с побегом и укрывательством преступников» (ст. 145—151), Глава 10 «Преступления, связанные с лжесвидетельством и уничтожением доказательств» (ст. 152—155), Глава 11 «Преступления, связанные с ложным обвинением» (ст. 156—157), Глава 12 «Преступления, связанные с умершими» (ст. 158—163), Глава 13 «Преступления, связанные с поджогом и неосторожным обращением с огнем» (ст. 164—176), Глава 14 «Преступления, связанные с наводнениями и утилизацией воды» (ст. 177—184), Глава 15 «Преступления, связанные с нарушением движения» (ст. 185—191), Глава 16 «Преступления, связанные с питьевой водой» (ст. 192—197), Глава 17 «Преступления, связанные с опиумом» (ст. 198—206), Глава 18 «Преступления, связанные с валютой» (ст. 207—213), Глава 19 «Преступления, связанные с ценными бумагами, почтовыми сборами и гербовыми марками» (ст. 214—224), Глава 20 «Преступления, касающиеся документов» (ст. 225—237/2), Глава 21 «Преступления, относящиеся к печатям» (ст. 238—240), Глава 22 «Преступления, относящиеся к сексуальной морали» (ст. 241—245), Глава 23 «Преступления, относящиеся к азартным играм и лотереям» (ст. 246—249), Глава 24 «Преступления, связанные с лишением человека жизни» (ст. 250—256), Глава 25 «Преступления, связанные с причинением физического вреда и насилием» (ст. 257—265), Глава 26 «Преступления, связанные с причинением физического вреда и смертью по небрежности» (ст. 266—268), Глава 27 «Преступления, связанные с абортами» (ст. 269—270), Глава 28 «Преступления, связанные с отказом и плохим обращением» (ст. 271—275), Глава 29 «Преступления, связанные с ложным арестом и незаконным заключением под стра-

жу» (ст. 276—282), Глава 30 «Преступления, связанные с запугиванием» (ст. 283—286), Глава 31 «Преступления, связанные с похищением людей» (ст. 287—296), Глава 32 «Преступления, связанные с изнасилованием и бесчестным поведением» (ст. 297—306), Глава 33 «Преступления против репутации» (ст. 307—312), Глава 34 «Преступления против кредита, бизнеса и аукциона» (ст. 313—315), Глава 35 «Преступления, связанные с нарушением тайны» (ст. 316—318), Глава 36 «Преступления, связанные с вторжением в жилище человека» (ст. 319—322), Глава 37 «Преступления, относящиеся к препятствованию другому лицу в использовании его права» (ст. 323—328), Глава 38 «Преступления, связанные с похищением имущества и кражей» (ст. 329—346), Глава 39 «Преступления, связанные с мошенничеством и вымогательством» (ст. 347—354), Глава 40 «Преступления, связанные с растратой имущества и злоупотреблением доверием» (ст. 355—361), Глава 41 «Преступления, связанные с похищенной собственностью» (ст. 362—365), Глава 42 «Преступления, связанные с разрушением или повреждением» (ст. 366—372).

Таким образом, уже при первом рассмотрении видно, что Общая часть УК КНДР уступает по объему таковой УК РК: 59 статей в УК КНДР против 86 статей в УК РК.

Естественно, что статей, аналогичных по содержанию ст. 1—3 УК КНДР, а именно: ст. 1 «Задача Уголовного кодекса», ст. 2 «Принцип предотвращения преступлений», ст. 3 «Принцип обращения с преступниками» в УК РК нет, так как в упомянутых статьях присутствуют положения, напрямую относящиеся к политической доктрине социализма. Например, ст. 1 «Задача Уголовного кодекса» УК КНДР помимо прочего гласит, что Уголовный кодекс КНДР «...защищает суверенитет государства и социалистическую систему...». Также обращает на себя внимание трактовка принципа обращения с преступниками (ст. 3): «При обращении с преступниками государство должно твердо придерживаться принципов рабочего класса и применять юридические санкции, ставя во главу социальное воспитание».

Напротив, УК РК открывается ст. 1 «Преступность и наказуемость деяния», которая в параграфах 2 и 3 определяет принцип обратной силы. В УК КНДР принципу обратной силы посвящена ст. 9

«Принцип обратной силы и принцип отсутствия обратной силы». Естественно, что в обоих документах трактовка юридического принципа аналогична. Первый параграф ст. 1 УК РК, гласящий: «Преступность и наказуемость деяния должны быть установлены законом, предшествующим во времени совершению этого деяния», фактически соответствует ст. 6 «Принцип привлечения к уголовной ответственности только за преступления, определенные в Уголовном кодексе» УК КНДР, что вводит в оба документа принцип *Nulla poena sine lege*, который принят в большинстве современных государств как базовое требование верховенства закона. Интересно, что до 2004 г. в КНДР применялась статья УК, аналогичная ст. 16 УК РСФСР в редакции от 5 марта 1926 г., которая гласила, что в случае, если деяние не предусмотрено Уголовным кодексом, то «основание и пределы ответственности за него определяются применительно к тем статьям кодекса, которые предусматривают наиболее сходные по роду преступления».

Особое внимание законодатели Севера и Юга уделяют реальному принципу, т. е. принципу пространственного действия, который помогает применять уголовный закон вне зависимости от места и гражданства преступника. Например, параграф 3 ст. 8 УК КНДР, гласящий: «Действие настоящего Кодекса также распространяется на граждан других государств, которые выступали против Корейской Народно-Демократической Республики или посягали на граждан Корейской Народно-Демократической Республики на территории другого государства», по смыслу аналогичен содержанию ст. 5 «Преступления иностранцев за пределами Кореи» УК РК, гласящей: «Настоящий Кодекс подлежит применению к иностранцам, которые совершат за пределами Республики Корея любое из следующих преступлений: 1. Преступления, связанные с мятежом; 2. Преступления, связанные с иностранной агрессией; 3. Преступления, связанные с национальным флагом; 4. Преступления, связанные с валютой (денежным обращением); 5. Преступления, связанные с ценными бумагами, почтовыми документами и таможенными пломбами; 6. Преступления, указанные в статьях с 225 по 230, связанные с документами; 7. Преступления, указанные в ст. 238, связанные с печатями», а также последующая ст. 6 «Преступления иностранцев

против Республики Корея и корейской нации за пределами Кореи» УК РК: «Настоящий Кодекс подлежит применению к иностранцам, совершившим против Республики Корея или ее граждан иные преступления, кроме перечисленных в предыдущей статье <...>». Таким образом, неважно, где совершено преступление — на территории РК или КНДР или вне их пределов. Даже если на территории другого государства поступок не считается уголовно наказуемым, преступник будет осужден именно в соответствии с УК КНДР или УК РК, поскольку его действия затрагивают интересы КНДР либо РК.

Второй раздел Общей части УК КНДР «Общие положения» включает две главы: Глава 1 «Преступления» (ст. 10—26) и Глава 2 «Наказания» (ст. 27—59). В этом смысле УК РК включает аналогичные главы: Глава 2 «Преступление» (ст. 9—40), состоящая из пяти разделов, и Глава 3 «Наказание» (ст. 41—86), состоящая из девяти разделов. Соответственно, главы регламентируют институт преступления и институт наказания в КНДР и РК соответственно.

Характерно, что термин «уголовная ответственность» достаточно активно используется в нормах УК КНДР. В этом смысле его текст является достаточно прогрессивным и делает различие между институтами уголовной ответственности и наказания.

Глава «Преступления» в УК КНДР и УК РК соответственно освещает вопросы субъекта преступления, объективной и субъективной сторон преступления, а также обстоятельств, исключающих преступность деяния. Возрастом уголовной ответственности как в КНДР (ст. 11), так и в РК (ст. 9) считается возраст 14 лет.

При этом статьи, касающиеся ответственности за преступное деяние лицом, находящимся в состоянии психического расстройства, по своей сути аналогичны, и таковое лицо не подвергается наказанию в соответствии с положениями УК обеих стран.

Любопытными являются ст. 18 «Уголовная ответственность лица, совершившего посягательство на личность жертвы по просьбе самой жертвы» УК КНДР и аналогичная ей ст. 24 «Согласие потерпевшего» УК РК, которые рассматривают деяния, осуществляемые с согласия потерпевшего и не подлежащие наказанию в случае «незначительной наказуемости» (УК КНДР), кроме «специальных случаев, предусмотренных законом» (УК РК).

УК КНДР, равно как и УК РК, не дает легального определения наказания и его целей. Глава 2 «Наказания» УК КНДР открывается ст. 27 о видах наказания. Система наказаний включает в себя девять видов наказаний: смертная казнь, пожизненные исправительно-трудовые работы, исправительно-трудовые работы с ограниченным сроком, исправительно-воспитательные работы, лишение права голоса, конфискация имущества, штраф, лишение квалификации, временное лишение квалификации. Ст. 41 «Виды наказаний» УК РК также включает девять видов наказаний: смертная казнь, каторжные работы, лишение свободы, лишение квалификации, приостановление квалификации, штраф, арест, мелкий штраф, конфискация.

В действующем УК Российской Федерации, например, нет аналогов наказаний, смысл которых разъясняется в ст. 37 «Лишение квалификации» и ст. 38 «Временное лишение квалификации» УК КНДР, а также в ст. 43 «Наложение наказания, лишение квалификации и приостановление квалификации» и ст. 44 «Приостановление квалификации» УК РК. Наиболее близкой по смыслу в УК РФ может считаться ст. 47 «Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью».

Необходимо отметить, что исправительно-воспитательные работы (로동단련형) сроком до одного года были введены в действующий УК КНДР в соответствии с дополнениями от 2004 г., и на сегодняшний день именно этот вид наказания является наиболее часто упоминаемым в тексте УК КНДР и используется более чем в двух третях всех статей УК КНДР. Следует отметить, что гражданские права лица, приговоренного к этому виду наказания, сохраняются. Также в соответствии со ст. 31 УК КНДР «общий срок исправительно-воспитательных работ не может превышать одного года, независимо от наличия совокупности преступлений или при сложении сроков наказания».

В заключение можно отметить, что хотя по структуре и характеру (вплоть до названия отдельных статей) действующий УК КНДР во многом повторяет Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. (в редакции от 5 марта 1926 г.), вступивший в силу 1 января 1927 г., разработчики Кодекса, с одной стороны, пытались воплотить идеи, отвечающие потребностям времени, с другой — сохранив его «социалистический

фундамент» обеспечить в первую очередь охрану государственного строя КНДР и установленного правопорядка от общественно опасных действий. Однако даже краткий сравнительный анализ двух документов дает основания утверждать, что многие из положений Общей части УК КНДР перекликаются с положениями Общей части УК РК.

В целом если УК Северной Кореи на сегодняшний день представляет собой симбиоз советской модели УК, достаточно современных и прогрессивных положений уголовного законодательства, а также архаичных традиционных уголовно-правовых норм, то УК Южной Кореи в этом смысле повторяет общую модель КНДР, являясь смещением современных положений и традиционных норм. Оба документа в недостаточной степени дают детальные определения традиционных категорий уголовного права. Безусловно, в УК РК этому моменту уделяется гораздо большее внимание, чем в УК КНДР, тем не менее это представляется недостаточным.

Примечания

¹ Уголовный кодекс Корейской Народно-Демократической Республики / пер. с кор. А.В. Ковш, Ю.Д. Скрипник. СПб.: Гиперион, 2017.

² Уголовный кодекс Республики Корея / пер. с кор. В.В. Верхоляк; под ред. А.И. Коробеева. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003.

Глава 2

ПРОБЛЕМА БЕЗОПАСНОСТИ НА КОРЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

И.В. Дьячков

УРЕГУЛИРОВАНИЕ ЯДЕРНОЙ ПРОБЛЕМЫ КОРЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА: ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ РОССИИ

Ядерная проблема Корейского полуострова всегда была одной из ключевых для России, но существенное обострение обстановки в 2017 г. вывело её в поле зрения широких политических и общественных кругов, а официальная оценка возможностей КНДР была пересмотрена. Участие России в потенциальном урегулировании может принять различные формы, но произошедший переход от эмерджентной политики в корейском вопросе к активной — сам по себе лучшее средство для обеспечения интересов нашей страны.

Ключевые слова: Россия, КНДР, Северо-Восточная Азия, ядерная проблема Корейского полуострова, внешняя политика, безопасность.

Korean Peninsula nuclear problem has always been a major issue for Russia, but, as 2017 saw a rise in tensions regarding it, the topic became very high-profile for politicians and the public, and official assessments of North Korea's capabilities evolved. Russia can participate in potential

future resolution attempts in various roles, but the apparent switch from reactive to proactive policies on Korean matters is a major step towards securing national interests.

Keywords: Russia, DPRK, North East Asia, Korean Peninsula nuclear program, foreign policy, security.

2017 год для многих специалистов-международников прошёл под знаком Кореи, и, увы, не всегда поводы для повышенного внимания к ситуации на полуострове были радостными. Корейский вопрос всегда был важен для России, но существенное обострение обстановки вывело его в поле зрения широких политических и общественных кругов.

При этом, судя по заявлениям президента России В.В. Путина и других официальных лиц, за вторую половину 2017 г. российская оценка военных ядерных возможностей КНДР была пересмотрена. Так, на встрече с представителями ведущих российских СМИ 11 января 2018 г. В. В. Путин отметил, что у лидера КНДР есть ядерный заряд и ракета «глобальной дальности — до 13 тыс. километров, которая может достичь практически любой точки земного шара... любой точки на территории его вероятного противника»¹. При этом ещё в начале сентября 2017 г. президент говорил лишь о ракетах средней дальности² (по российской классификации — до 5500 км). В октябре 2017 г. В. Путин упомянул о наличии у КНДР водородной бомбы, однако здесь он с большой долей вероятности лишь косвенно цитировал заявления Пхеньяна³.

Также можно вспомнить, что в июле 2017 г. заместитель министра иностранных дел России С. Рябков утверждал, что от обретения полноценного ракетно-ядерного вооружения КНДР отделяют «годы и годы»⁴. Однако уже в ноябре директор департамента по вопросам нераспространения и контроля над вооружениями МИД М. Ульянов заявил, что Пхеньян получит ракеты, способные нанести удар по США, уже через 2-3 года⁵.

С одной стороны, эволюция российских оценок отражает действительный прогресс, сделанный Пхеньяном в течение 2017 г. КНДР весьма активно развивала ракетно-ядерный потенциал, и большинство ракетных испытаний прошли успешно (до 2017 г. статистика

была, скорее, обратной), а сентябрьское ядерное испытание имело заметно большую мощность, нежели предыдущие.

С другой стороны, есть основания объяснить высказывания российского руководства представлением на суд слушателей северо-корейских оценок.

Если отталкиваться от общедоступных сведений, пока трудно уверенно говорить о наличии у КНДР полноценного ядерного оружия, а не взрывного устройства (заряда) (за вероятным исключением авиабомб свободного падения)⁶. По проводившимся испытаниям невозможно сделать вывод о разработке и совершенствовании боевых частей ракет. Северокорейская сторона утверждает, что сентябрьский подземный взрыв преследовал именно такие цели. Проверить правдивость этого сообщения невозможно, зато очевидно, что проводились не лётные испытания. Несмотря на успешность пусков, сохраняются объективные препятствия для полноценного развития межконтинентальных баллистических ракет: отсутствие у Пхеньяна полигонов (а значит, возможности контролировать район падения снаряда и делать необходимые измерения), трудность проведения испытаний с не «задранный» траекторией, по-прежнему малое количество испытаний на модель. В 2017 г. КНДР явила миру *три* модели ракет средней и большей дальности — такой производительностью могут похвастаться мало какие великие державы.

Возвращаясь к российскому внешнеполитическому дискурсу, нельзя не заметить, что корейская проблема действительно стала одной из основных его тем наряду с украинским и сирийским вопросами. Это легко объяснимая реакция на соответствующее изменение международной обстановки, в частности возросшую угрозу военного конфликта на почве ядерной проблемы. Из поля зрения зарубежных наблюдателей нередко выпадает тот простой факт, что Россия является непосредственным соседом Кореи, имеет с ней общую границу. Весьма справедливо замечание Г.Д. Толорая, что наша страна в корейском вопросе не просто невовлечённый «игрок», а «стейкхолдер», т. е. сторона, благополучие которой непосредственно зависит от исхода дела⁷.

Кроме того, нельзя не заметить, что позиция Москвы по корейскому вопросу стала более активной, и Россия теперь готова выдви-

гать и проводить в жизнь собственные предложения по решению кризиса. Здесь следует упомянуть, в первую очередь, российско-китайские предложения, изложенные в совместном заявлении министерств иностранных дел двух стран от 4 июля 2017 г.⁸ Такая перемена весьма отрадна. Ведь ранее, например при принятии соответствующих резолюций Совета Безопасности ООН в 2016 г., Россия не всегда столь же упорно продвигала свою линию⁹.

Существуют факторы, которые могут облегчить реализацию российских интересов. Это, в первую очередь, хорошие отношения и постоянные контакты как с Пхеньяном, так и с новой сеульской администрацией, взаимопонимание с Китаем. Безусловно, нельзя не приветствовать потепление межкорейских отношений на фоне проводившейся на Юге Олимпиады. Формирование солидарного подхода и установление общего конструктивного настроения хотя бы среди «континентальных» заинтересованных сторон может стать хорошим подспорьем для поиска взаимовыгодного решения проблемы, утверждения региональной стабильности.

Основную сложность представляет позиция США и известная специфика функционирования американского внешнеполитического аппарата при Д. Трампе. Эта проблема имеет множество аспектов: воинственные заявления высшего американского руководства, противоречивость оценок и планов различных внешнеполитических и оборонных ведомств и общий кризис компетентности в Вашингтоне. Поэтому попытки США исключить Россию и Китай (не говоря уже о КНДР) из поисков решения экзотичны и контрпродуктивны, но объяснимы. Недавний пример подобного рода — консультационная встреча в Ванкувере в январе 2018 г. без РФ и КНР, но с союзниками Вашингтона по коалиции времён Корейской войны 1950—1953 гг., среди которых немало стран, не имеющих никакого отношения к корейскому вопросу и поэтому готовых поддержать любую позицию ради сиюминутной выгоды. С другой стороны, подобные упражнения в искусстве политической интриги менее опасны, чем открытые словесные угрозы в сочетании с двусмысленными демонстрациями силы, которыми Вашингтон отметился в прошлом году.

Стремление Вашингтона расторгнуть соглашение по ядерной программе Ирана, а также поведение США в вопросе ограничения

ракетных вооружений наверняка видят в Пхеньяне (не говоря уже о том, что КНДР была непосредственным свидетелем обнуления Вашингтоном рамочного соглашения). Едва ли та легкость, с которой главная, по мнению Северной Кореи, «договороспособная» сторона освобождает себя от взятых ранее обязательств, способствует зарождению у КНДР веры в необходимость диалога с Америкой.

Однако такое положение вещей может предоставить остальным сторонам определённые возможности. Не исключено, что в складывающейся ситуации КНДР будет более охотно обсуждать ядерную проблему и другие вопросы общей повестки с другими контрагентами. Отход от заикливания на буксующем северокорейско-американском треке, появление новых каналов диалога может стать хорошим первым шагом к выработке многостороннего решения. Здесь вновь следует положительно отметить возобновление прямых контактов между Пхеньяном и Сеулом и общее оживление межкорейских связей в преддверии и в ходе Олимпиады в Пхёнчхане. В истории урегулирования ядерного вопроса накопленное двумя Кореями взаимное доверие было серьезным подспорьем в поиске взаимовыгодных решений, и приятно видеть, что оно восстанавливается после долгого мрачного периода.

Для России главный вопрос таков: какую роль наша страна может сыграть в возможном будущем урегулировании и какие формы оно может принять? Есть два обобщенных варианта — посредничество или многосторонний диалог, — причем оба нетрудно подвергнуть критике.

В первом случае можно указать на положительный посреднический опыт Китая в начале 2000-х годов, из которого впоследствии выросли шестисторонние переговоры¹⁰. Однако сегодня на северо-корейско-американском треке стороны не склонны прибегать к услугам третьих участников и предпочитают общаться напрямую, если вообще готовы к контактам. Что же касается межкорейского взаимодействия, российские официальные представители (например, посол по особым поручениям О. Бурмистров) неоднократно подчёркивали, что Сеулу и Пхеньяну не нужны никакие посредники для внутринационального общения.

Перспективы многостороннего урегулирования легко оценить скептически, вспомнив о долгом простое шестисторонних переговоров и общем уровне военной напряженности в регионе сегодня. Тем не менее именно «шестисторонка» ближе всего подошла к решению проблемы. Несмотря на все известные ограничения формата, трудно представить себе неинклюзивную альтернативу. В ситуации, когда отдельные стороны стремятся выйти из заключённых договорённостей, только многосторонние гарантии могут обеспечить устойчивость принятых решений.

В любом случае, хорошим первым шагом можно назвать состоявшийся для России в корейском вопросе переход от эмерджентного подхода к активному. Более того, он уже даёт свои плоды. Хотя изначально и КНДР, и США не приняли как на словах, так и на деле совместное российско-китайское предложение о «двойной заморозке», идея Сеула о прекращении учений на время зимней Олимпиады 2018 г. видится как его продолжение. Южнокорейские коллеги подтверждают эту мысль, подчеркивая, что на официальную поддержку российско-китайского плана Сеул пойти не может, хотя *де-факто* следует ему. Хочется надеяться, что взаимная воздержанность действительно закрепится на практике и переживёт послеолимпийский период.

Деятельное продвижение своих инициатив в регионе, возможно, не принесет моментальных результатов, но позволяет со временем создавать условия для возрождения и реализации давней российской идеи о построении прочной многосторонней архитектуры мира и сотрудничества в Северо-Восточной Азии — возможно, на базе шестистороннего формата.

Появление такой работающей структуры позволило бы всем странам региона, *во-первых*, контролировать свою и общую судьбу, а не только полагаться на благополучный исход американо-северокорейской пикировки, *во-вторых*, начинать и поддерживать переговоры без рискованных предварительных проверок оппонента на прочность, *в-третьих*, двигаться к снятию первопричины ядерной проблемы Корейского полуострова — опасений сторон за свою безопасность в сложной международно-политической ситуации.

Примечания

¹ Встреча с руководителями российских печатных СМИ и информагентств. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56639> (дата обращения: 29.01.2018).

² Пресс-конференция Владимира Путина по итогам саммита БРИКС. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/55535> (дата обращения: 29.01.2018).

³ Пленарное заседание форума «Российская энергетическая неделя». URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/55767> (дата обращения: 29.01.2018).

⁴ N. Korea 'years and years away' from viable nuclear device — Russian Deputy FM. URL: <https://www.rt.com/news/398024-north-korea-years-nuclear-device/> (дата обращения: 29.01.2018).

⁵ North Korea Two to Three Years From Missile That Could Hit U.S., Russia Says. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2017-11-08/n-korea-2-3-years-from-missile-that-could-hit-u-s-russia-says> (дата обращения: 29.01.2018).

⁶ *Dyachkov I., Lukin A., Gubin A.* Russian Assessment of North Korea's Conventional and WMD Capabilities // Nuclear Weapons And Russian-North Korean Relations. Philadelphia : FPRI, 2017. P. 39—41.

⁷ *Lukin A., Toloraya G.* Can Russia Play a Role in Resolving the Korean Crisis // Nuclear Weapons And Russian-North Korean Relations. Philadelphia : FPRI, 2017. P. 64.

⁸ Совместное заявление Министерства иностранных дел Российской Федерации и Министерства иностранных дел Китайской Народной Республики по проблемам Корейского полуострова. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2807662?p_p_id=101_INSTANCE_cKNonkJE02Bw&_101_INSTANCE_cKNonkJE02Bw_languageId=ru_RU (дата обращения: 30.10.2017).

⁹ *Дьячков И.В.* Ситуация в КНДР: перемены и новые возможности // 25 лет внешней политике России: сб. материалов X конвента РАМИ (Москва, 8—9 декабря 2016 г.) В 5 т. Т. 1.: Внешняя политика России: глобальное и региональное измерения. В 2 ч. Ч. 2 / под общ. ред. А.В. Мальгина; [науч. ред.: Д.В. Стрельцов и др.]. М.: МГИМО-Университет, 2017. С. 36—37.

¹⁰ *Дьячков И.В.* «Немирный атом» Северо-Восточной Азии: корейский узел: монография. М.: МГИМО-Университет, 2016. С. 153.

К.В. Асмолов

КНР И ГОСУДАРСТВА КОРЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА

Связи между КНР и КНДР вполне описываются выражением «дружба, скрепленная кровью», хотя КНДР всегда старалась лавировать между СССР и КНР. В настоящее время стратегически «трудный выбор» Пекина еще не сделан, а на тактическом уровне он определяется политической обстановкой. В результате действия Вашингтона могут стать поводом для изменения политики на северо-корейском направлении.

Ключевые слова: Китайско-корейские отношения, проблема выбора, стратегическая неопределенность.

The relationship between the PRC and the DPRK is fully described by the expression “friendship, bound together with blood.” On the other hand, DPRK has always tried to maneuver between the USSR and the PRC. At present times the strategically “difficult choice” of Beijing has not yet been made, but at the tactical level it is determined by the political situation. As a result of Washington's actions, Sino-Korean relations may go into a warming period again.

Keywords: Sino-Korean relations, the problem of choice, strategic uncertainty.

Связи Китая с государствами Корейского полуострова имеют долгую историю, уходящую корнями в сотрудничество китайских и корейских деятелей национально-освободительного движения.

Практически сразу же после освобождения страны в 1945 г. в руководстве Севера сформировалась так называемая яньаньская фрак-

ция, состоящая из бывших членов КПК, и ее формальный лидер Ким Ду Бон долгое время был вторым человеком в КНДР.

Когда КНР была образована в 1949 г., Северная Корея признала ее одной из первых. Более того, на этапе гражданской войны в Китае территория КНДР отчасти играла роль тыла для коммунистов, а количество корейцев, сражавшихся за Мао и впоследствии вернувшихся на Север, составило три полноценных дивизии, сыгравших важную роль в начале Корейской войны 1950—1953 гг.

Таким образом, связи между КНР и КНДР вполне описываются выражением «дружба, скрепленная кровью», и Корейская война только усилила эти скрепы¹. Внесли китайцы вклад и в восстановление Северной Кореи. В 1953 г. Китай направил туда свою «народную делегацию» в составе 10 тыс. человек, с чьей помощью было построено 240 школьных зданий, 340 кинотеатров и больниц, восстановлено 333 моста и 250 км железнодорожных путей².

Яньаньская фракция сыграла важную роль и в событиях августа 1956 г. — почти все ключевые участники заговора против Ким Ир Сена, включая посла в СССР Ли Сан Чжо, относились именно к ней³.

24 октября 1958 г. завершился вывод с территории КНДР частей китайских добровольцев, хотя в специальном заявлении была сделана оговорка: если империалисты и их приспешники осмелятся вновь развязать «агрессивную войну» в Корее, то «китайский народ без каких-либо колебаний и задержек пошлёт своих лучших сынов и дочерей... для разгрома агрессора»⁴.

В 1961 г. после визита в Москву и подписания там 6 июля Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи Ким Ир Сен едет в Пекин и пятью днями спустя, 11 июля, заключает аналогичный договор с руководством КНР. Этот договор был продлён дважды, в 1981 и 2001 гг., со сроком действия до 2021 г., однако сегодня его формулировки не трактуются как безусловное оказание военной помощи в случае конфликта КНДР и третьей страны.

28 октября 1963 г. после публикации в «*Нодон синмун*» статьи «Защитим социалистический лагерь», содержащей критику ревизионизма СССР, КНДР дрейфует в сторону Китая. Однако «культурная революция» вызвала некоторое охлаждение северокорейско-китай-

ских отношений. Во время визита Ким Ир Сена в феврале 1967 г. в Пекин некоторые хунвэйбины объявили Кима «жирной контрреволюционной свиньей, которая живет в пяти дворцах», обвиняя его в культе личности, тяге к роскоши, в том, что у себя в стране он не провел ничего похожего на их «революцию»⁵.

В 1970-е Пхеньян скорее держался Пекина, выступив против вьетнамского вторжения в Камбоджу и промолчав, когда Китай вторгся во Вьетнам. При этом, как отмечает В. Тихомиров, Пхеньян не остановила явно антисоветская основа и направленность китайско-американского альянса⁶.

В этом контексте в 1960—1970-е годы советскими учеными было написано несколько закрытых отчетов, в которых политика Ким Ир Сена расценивалась как прокитайская, а доктрина ТПК изучалась на предмет заимствования в ней идей Мао⁷.

Пекин, с одной стороны, стремился закрепить сближение с Пхеньяном⁸, с другой — к концу 1970-х годов развитие экономических и культурных контактов с РК стало рассматриваться как всё более приемлемое⁹: в октябре 1974 г. КНР и РК установили телеграфное сообщение, а корейцам, проживающим в Китае, было разрешено выезжать в Южную Корею. В 1977 г. в южнокорейском городе Пусане состоялась выставка китайских товаров¹⁰.

Под влиянием резкого улучшения отношений между Китаем и США Пхеньян качнулся в сторону Советского Союза. В отличие от Пекина Пхеньян поддержал ввод советских войск в Афганистан¹¹.

24 августа 1992 г. Китай признал Южную Корею, после чего за 1992—1995 гг. товарооборот РК—КНР увеличился с 3,2 млрд до 17 млрд долл.¹² В 1992 г. в Пекине побывал Ро Дэ У, в 1994 г. президент Ким Ён Сам, а в Сеуле — премьер Госсовета Ли Пэн¹³. Уже в 1993 г. Китай стал третьим, после Японии и США, торговым партнером Южной Кореи, а РК стала для Китая шестым торговым партнером и с тех пор прочно входит в первую десятку. В 2000 г. продукция южнокорейских фирм составила 13,54 % всего китайского импорта. В 2001 г. товарооборот между КНР и РК составил 31,2 млрд долл.¹⁴

Установление дипотношений между КНР и РК отчасти «заморозило» двусторонние связи Китая и КНДР, однако Пекин последовательно проводил линию на сохранение дружественных отношений с

Пхеньяном, не подвергая сомнению жизненность Договора 1961 г.; КНР оставался крупнейшим, а с 1994 г., когда объём товарооборота составил 600 млн долл., ведущим торгово-экономическим партнёром КНДР.

Потепление и достаточно интенсивное развитие связей между Пхеньяном и Пекином наблюдаются после майского 2000 г. и январского 2001 г. визитов лидера КНДР в Китай, во время которых стороны подчеркнули необходимость поднятия отношений между двумя странами на новый уровень.

В 2000 г. товарооборот между КНР и КНДР составил 490 млн долл. Из них 450 млн пришлось на китайский экспорт в Северную Корею — в основном продукты питания, уголь, нефтепродукты, химические удобрения. В 2001 г. объём торговли с Китаем оценивался уже в 656 млн долл., а его доля во внешней торговле Севера составила 30,1 %. Китайский импорт составил 534 млн долл., или 42,1 % объёма всего импорта¹⁵. Торговля осуществляется в основном с тремя провинциями северо-востока КНР. На 2004 г. 85 % экспорта и 64 % импорта КНДР приходилось на них.

В 2004 г. размер китайских инвестиций в экономику КНДР достиг 50 млн долл. В 2005 г. их объём составил уже порядка 85—90 млн долл., в то время как за 2003 г. их объём составлял всего 1,1 млн долл.¹⁶

В 2006 г. китайские инвестиции составляли на Севере 70 % всех иностранных инвестиций. В 2008 г. общий объём торговли между Китаем и КНДР оценивался в 2,8 млрд долл., а с января по ноябрь 2010 г. двусторонний товарооборот превысил 3,5 млрд долл. Не случайно на рынках КНДР использовали китайскую валюту.

Отметим и роль КНР в «параллельной экономике». Во времена «трудного похода» для многих северокорейцев Маньчжурия была своего рода Клондайком, но на беженцах наживались не только коррумпированные пограничники по обе стороны границы, но и преступные группировки.

Некоторая напряженность между КНР и государствами Корейского полуострова возникла в связи с развитием в 2002—2007 гг. так называемого Северо-Восточного проекта, в рамках которого был поставлен вопрос о том, была ли Корея вассалом Китая, и, главное,

о том, является ли частью истории Китая история государства Когурё. Дискуссии породили волну слухов о том, что КНР собирается аннексировать Северную Корею и готовит для этого историческое обоснование, рассматривая историю государства Когурё как часть истории Китая.

Поведение Китая во время развития ядерной проблемы Корейского полуострова (ЯПКП) хорошо характеризуется английским словом proactive, которое на русский можно перевести как «активные действия по контролю над проблемой и ее разрешением». Хотя до конца 2002 г. Китай придерживался стратегии невмешательства, желание США «ответить на северокорейский ядерный вызов» изменили его стратегию и привели к шестисторонним переговорам, которые начались в Пекине в августе 2003 г.¹⁷

Вплоть до окончательного замораживания переговорного процесса КНР активно выступала в роли «хозяина костра», налаживая диалог между сторонами и вместе с РФ последовательно выступая за разрешение кризиса политико-дипломатическим путем. Однако надо отметить, что прорабатывались самые разные варианты. Так, в 2006 г. китайцы разрабатывали планы, при которых, если на территории страны **уже** наличествует тотальный хаос, НОАК занимает как минимум часть территории Севера — для предотвращения потоков беженцев и недопущения попадания ядерного оружия в руки международных террористов. При этом подразумевалось, что Китай предпочел бы получить официальное разрешение ООН и тесно координировать с ней свои действия¹⁸. Также было сказано, что если ООН будет медлить с ответом и разрешением, КНР может самостоятельно принять такое решение.

По сути, уже тогда Пекин сформулировал для себя «красную линию», которая периодически озвучивается: Китай не будет сидеть, сложа руки, если произойдет что-то из следующего:

- радиоактивное заражение китайской территории в результате диверсий, военных действий или техногенной катастрофы на северокорейских ядерных объектах;
- ситуация, при которой существование КНДР как суверенного и дееспособного государства оказывается под вопросом — будь то следствие внутреннего хаоса, при котором КНДР превра-

щается в failed state, или наземное вторжение США и их союзников, имеющее целью ликвидацию режима (инициированные КНДР инциденты не станут поводом для помощи);

- вероятное попадание ядерных технологий или ядерных материалов в руки террористических групп или торговцев оружием¹⁹.

В целом же ЯПКП сформировала специфическую волатильность отношений Пхеньяна и Пекина, особенно после того как шестисторонние переговоры зашли в тупик. Год-полтора после ядерного испытания в Пекине демонстративно закручивали гайки, а затем потихоньку ситуация возвращалась в исходное положение. Так, испытание 2009 г. вызвало серьезное охлаждение отношений, однако к середине 2010 г. можно отметить некоторое потепление, которое длилось до испытания 2013 г., после чего отношения были весьма натянуты, но нормализовались к осени 2015 г. После испытаний 2016 и особенно 2017 г. между странами снова наблюдалось охлаждение, и в 2018 впервые в ходе полемики «Нодон Синмун» «назвала КНР по имени»: «Некоторые СМИ Китая, не желая отставать от США и Японии, этих реакционеров истории, выступают с наглыми аргументами отдельных экспертов, серьезно портящими атмосферу праздника»²⁰.

Вообще, если в 2010—2011 гг. конфликты интересов между Китаем и КНДР решались келейно, без выноса сора из избы, в последнее время о существовании проблем стали говорить более открыто, да и в целом вопрос «что делать с Севером» стал более дискуссионным.

Тем не менее с 2012 г. на долю Китая приходится более 70 % внешней торговли КНДР²¹. По данным Корейской ассоциации международной торговли, в 2013 г. объем торговли между КНР и КНДР превысил отметку в 6 млрд долл. и составил 6 млрд 545 млн долл. Дефицит торгового баланса КНДР в торговле с Китаем составил 721 млн долл., но это меньше, чем 961 млн долл. в 2012 г.²² В числе стран — импортеров из КНР КНДР занимает 82-е место.

Что же до отношений КНР и РК в новом веке, то внешнюю политику Но Му Хёна на Западе иногда называли прокитайской, а хорошим личным отношениям Си Цзиньпина и Пак Кын Хе уделялось большое внимание.

В 2013 г. отношения между этими странами ухудшились из-за того, что Китай расширил свою зону идентификации ПВО (Air Defense Identification Zone) в Восточно-Китайском море над территорией Республики Корея.

В июле 2014 г. Си Цзиньпин посетил Республику Корея и во время переговоров с Пак Кын Хе подтвердил свою позицию по поддержанию безъядерного статуса Корейского полуострова, а также заявил о подготовке к подписанию соглашения о свободной торговле с Республикой Корея. Однако после того как в 2016 г. Пак приняла решение о размещении на территории РК комплексов американской ПРО ТНААД, Китай ввел против Юга неформальные санкции.

В современном Китае можно наблюдать довольно широкую палитру мнений о том, какой должна быть политика по корейскому вопросу, в том числе — в контексте ядерной проблемы КНДР. Как уже отмечалось, минимум с середины 2000-х северокорейская тема стала более активным предметом дискуссий, и в выступлениях политиков, дипломатов, ученых и журналистов можно встретить самые разные оценки, трактовки и рекомендации, включая неодобрение действий КНДР.

Так, еще с 2010 г. директор Исследовательского института международных отношений Нанкинского университета Чжу Фэн и профессор Народного университета Ши Иньхун отстаивают позицию, что поддерживать КНДР не стоит. По их мнению, Пекин не будет возражать против поглощения Севера Югом при условии, что объединенное государство будет учитывать национальные интересы Китая (отсутствие войск США на территории бывшей КНДР или территориальных претензий). Похожая позиция была озвучена 27 февраля 2013 г. в «Financial Times» Дэн Юйвэнем в статье под названием «Китай должен оставить Северную Корею». Заметим, что если Дэн после публикации потерял свой пост, остальные остаются на занимаемых позициях.

По понятным причинам Запад обращает внимание именно на эти высказывания, вследствие чего любая информация о том, что КНР и США ведут или могут вести конфиденциальные и полуофициальные консультации о том, что делать в случае кризиса в КНДР, оценивается как «Север раздражает Пекин настолько, что там гото-

вы его сдать», ставя знак равенства между «консультировались» и «договорились».

Точно так же не стоит преувеличивать фактор дежурных дипломатических заявлений китайского руководства. Когда Си Цзиньпин говорит о том, что Китай поддерживает объединение Кореи, это не тождественно мнению о том, что КНР поддерживает объединение в ближайшем будущем и на южнокорейских условиях.

Другой блок критики КНДР осуществляется с позиции «гегемонизма». Материалы такого рода часто публикуются в газете «Хуаньцю шибао» (англ. «Global Times»), которая входит в холдинг «Жэньминь жибао» и подчиняется официальному органу ЦК Компартии Китая, обладая при этом определенной независимостью и великодержавием не только в отношении Кореи, но и применительно к другим региональным проблемам.

В целом позицию газеты можно свести к тому, что Китай стремится к сохранению китайско-северокорейской дружбы, но и КНДР должна поступать так же. Ей не стоит зарываться, а если таковое случается, Пекин должен ставить Пхеньян на место.

Еще одно направление критики КНДР связано с надеждой на то, что если Север приструнит, наращивание американского военно-стратегического присутствия снизится.

Некоторые авторы, однако, продолжают держаться тезиса «дружбы, скрепленной кровью»; некоторые, как Шэнь Динли²³, повторяют, что миру придется смириться с ядерной Северной Кореей, и до тех пор, пока она не экспортирует свои ядерные технологии, жесткое давление на Пхеньян по этому вопросу вряд ли можно считать оправданным. КНДР ставит на первое место интересы своей национальной безопасности, и никакие увещания или иные действия Китая не заставят ее отказаться от ядерной программы.

Что же до отношения рядовых китайцев, особенно пользователей Сети, то сегодня оно напоминает советское отношение к КНДР. В Сети хватает антисеверокорейских высказываний, а средний обитатель китайского Интернета смотрит на Пхеньян, скорее, со смесью иронии и некоего раздражения. Но хотя отношение к КНДР окрашено иронией, в конфликтах Юга и Севера китайская блогосфера, скорее, поддерживала Север.

Теперь охарактеризуем перспективы развития ситуации и тренды, влияющие на выбор политики Пекина, благо, в отличие от стран Запада, у китайских аналитиков нет проблем с нехваткой информации или излишне ангажированным взглядом.

Основные тренды, сочетание которых влияет на выработку стратегии, автор перечислял не раз²⁴.

Во-первых, это курс нового руководства КПК, развитие которого теоретически увеличивает идеологические противоречия между Пхеньяном и Пекином. Иногда к этому добавляют поколенческий фактор: те, кто воспринимает отношения КНР и КНДР сквозь призму Корейской войны 1950—1953 гг., постепенно уходят.

Отдельно можно отметить растущие претензии Китая на статус региональной сверхдержавы, которые ведут к усилению великодержавных настроений и взгляда на «ближнюю периферию» в рамках так называемой даннической модели, подразумевающей иерархическую систему связей с Китаем в роли центра и главного арбитра²⁵.

Ранее страны-соседи рассматривались как «благоприятная окружающая среда», сопредельные же с Китаем страны не должны быть для него источником проблем, а желательно — входить в его «зону ответственности» в рамках многополярного мира. Сегодня же доминирует термин «страны общей судьбы», в рамках которой окружающие «малые страны» должны учитывать интересы Пекина и не противоречить им: с этой точки зрения Северную Корею как «непослушного соседа» надо наказать²⁶. Соответственно Пекин ищет возможность усилить контроль, а Пхеньян — обеспечить себе свободу маневра.

Во-вторых, это противостояние КНР и США, в рамках которого Северная Корея, может, и не союзник, но враг врага или некое буферное пространство между американскими войсками в Южной Корее и территорией северо-восточного региона КНР. Ясно, что ценность КНДР как буфера в значительной мере зависит от общего курса на противостояние или интеграцию: буфер важнее, когда противостояние велико²⁷. «Еще большая Республика Корея» с американскими войсками на своей территории представляет серьезную стратегическую угрозу, но в отношении нейтральной страны — «возможны варианты».

Отметим и то, что вероятность конфликта на полуострове при этом существенно выросла в течение двух последних лет, и фактор «лишь бы не было войны» тоже начинает оказывать влияние. В этом случае в зоне ответственности Китая возникает очень тяжелый очаг конфликта, на который Пекин будет вынужден тратить силы и ресурсы, отрывая их от более насущных нужд и рискуя получить из-за этого внутренние проблемы²⁸, даже если война никак не зацепит собственно китайские территории.

Никуда не делась и дилемма, связанная с необходимостью поддерживать режим ядерного нераспространения, с одной стороны, и пониманием важности приграничной стабильности — с другой. При этом есть понимание, что «процесс решения ядерного вопроса на Корейском полуострове зашел в тупик». Наследие холодной войны и «глубокое стратегическое недоверие между КНДР и США» создают дилемму безопасности, «поэтому никто из сторон не хочет уступить по вопросу диалога и переговоров»²⁹.

Это означает, что на тактическом уровне политика Китая будет продолжать описываться соотношением двух трендов, которые можно условно назвать «нелюбовью к КНДР» и «нелюбовью к США». В зависимости от текущих событий, будет преобладать то один, то другой, и процесс может оставаться волатильным в течение довольно долгого времени.

Проблема в том, что стратегический выбор оказывается «выбором большего зла», когда любой выбор стороны в американо-северокорейском противостоянии несет значительные неприятности. Безоговорочная поддержка Севера против США чревата дальнейшим ухудшением отношений с последними. Китайско-американские торговые отношения окажутся под угрозой, сколачивание региональной антикитайской коалиции ускорится, Вашингтон будет укреплять позиции в регионе и наращивать военную инфраструктуру, направленную не столько против КНДР, сколько против КНР. При этом Китай пока не готов открыто бросать вызов Америке. Теоретически, время работает на него, но чем раньше дело дойдет до военного столкновения, тем меньше у Пекина шансов на успех.

Кроме того, при существующем порядке КНР занимает весомое место, и неясно, насколько новый миропорядок, где за ядерной

КНДР могут последовать ядерные Япония, РК и Тайвань, будет выгоднее прежнего. Разрушить статус-кво, дающий ему бонусы, заменяя его на неизвестность, — опасный выбор.

Поддержка США против Севера в долгосрочной перспективе равнозначна исчезновению КНДР. Но в ходе военного конфликта на Севере или поглощения Севера Югом в Китай хлынет поток беженцев; у его границ (или даже на его территории) появятся террористические организации, которые будут «бороться с оккупантами». И даже если вынести войну за скобки, Единая Корея, образовавшаяся как итог «расширения РК на Север», тоже не устраивает Китай как региональную державу. *Во-первых*, утрата условного вассала — это еще больший удар по престижу, чем неспособность его полностью контролировать. *Во-вторых*, идеологией объединенной Кореи, скорее всего, будет агрессивный национализм, и это может означать оживление территориальных споров вплоть до реанимации претензий на район Цзяньдао. *В-третьих*, буферная территория в виде КНДР пропадает, а Соединенные Штаты получают чрезвычайно удобный политический плацдарм, с которого можно эффективно угрожать китайским интересам в Северо-Восточном регионе. Сомневаюсь, что американские войска немедленно покинут объединенную Корею.

Такая сложность выбора и приводит к тому, что пока позиция Пекина сводится к жестким заявлениям о необходимости политико-дипломатического решения на фоне лоббирования «двойной заморозки» (если КНДР заморозит свою ракетно-ядерную программу, РК и США могут снизить масштабы совместных военных учений и сократить количество американских стратегических вооружений на Корейском полуострове).

Также в настоящее время Китай старается увеличить санкционное давление на КНДР в надежде на то, что подобная политика как минимум удержит Северную Корею от действий, которые будут способны вызвать новый виток обострения. Одновременно Китай защищается от американской политики «вторичного бойкота», которая, похоже, воспринимается в Пекине как потенциально очень чувствительный удар по интересам китайских бизнесменов и политиков. В настоящее время северокорейский бизнес в приграничных провин-

циях КНР прикрыт почти полностью, что существенно подрывает трансграничный аспект «параллельной экономики».

Подобным действиям можно найти два объяснения. Одно говорит о том, что в Пекине действительно испугались катастрофического сценария и, играя на этом, администрация Трампа пугает КНР призраком войны на полуострове, предлагая санкции как меньшее зло.

Другое заключается в том, что в Пекине увидели хороший шанс резко укоротить поводок за счет простой двухходовки. Вначале Китай закручивает гайки и следит за тем, чтобы никто их не откручивал, а потом Северу сделают предложение, от которого ему будет сложно отказаться.

Однако ряд экспертов полагают, что, разменяв охлаждение отношений с КНДР на задержку на год-два серьезных проблем в отношении Пекина и Вашингтона, китайцы сами себя перехитрили. Принятие закона о поездках на Тайвань или начало торговой войны довольно сильно обострило отношения КНР и США, а провозглашенное Севером «олимпийское потепление» создало угрозу того, что Пхеньян может наладить контакты с Вашингтоном или Сеулом, минуя Пекин. Между тем до весны 2018 г. отношения Китая и Севера оставались прохладными — между «Глобал Таймс» и «Нодон Синмун» шла определенная перепалка, а приграничное сотрудничество было почти сведено к нулю. КНР во многом солидаризировалась с санкционным режимом США, отчего в западной прессе в очередной раз пошел вал статей о том, что «традиционной дружбе» конец, в Пекине готовы сдать Пхеньян, и надо только правильно определить цену³⁰.

Но вот, фактически «пока верстался номер», 25—28 марта 2018 г. Ким Чен Ын совершил неофициальный визит в Китай, ознаменовавший очередной тактический разворот от охлаждения к потеплению. В ходе визита оба лидера неоднократно подчеркивали, что «традиционная дружба между Китаем и КНДР, установленная и тщательно культивируемая старшими поколениями лидеров обеих партий и обеих стран, является драгоценным богатством обеих сторон». Подчеркивался стратегический и неизменный характер дружеских отношений двух стран и то, что дружба не будет зависеть от

международной обстановки³¹. Отметим и реплику о том, что «отношения корейско-китайской дружбы установлены в священной совместной борьбе за социалистическое дело и сохраняют свою сущность во всяких суровых испытаниях истории».

В этом контексте автор склонен предположить, что инициатива Ким Чен Ына встретила обоснованное понимание, и визит был довольно быстро организован. Пекин решил активизировать своё участие в решении проблем Корейского полуострова на фоне подготовки к межкорейскому и американо-северокорейскому саммитам, а Пхеньян посчитал необходимым заручиться поддержкой Китая в преддверии этих событий³².

Таким образом, несмотря на определенную волатильность, китайский политический курс в корейском вопросе в целом также остается неизменным. Преследуя свои национальные интересы, КНР, как и РФ, не оказывает определяющей поддержки как Северной, так и Южной Корее, однако вероятность «сдачи» КНДР остается крайне маловероятной.

Примечания

¹ Согласно официальным данным КНР, китайская армия потеряла на Корейской войне 390 тыс. человек.

² *Ткаченко В.П.* Корея и ее великий сосед // *Корейский полуостров: время новых вызовов.* М.: ИДВ РАН, 2009. С. 53—69

³ *Ланьков А.Н.* Кризис 1956 г. и его последствия. URL: <http://www.hrono.ru/statii/2003/lan1956.html> (дата обращения: 28.02.2018). Ли Пхиль Гю, Юн Гон Хым, Со Хви и др. — все они принадлежат именно к яньнянцам, а их визиты в советское посольство стоит рассматривать как попытку обеспечить поддержку не только Пекина, но и Москвы.

⁴ *Торкунов А.В., Денисов В.И., Вл.Ф. Ли.* Корейский полуостров: метаморфозы послевоенной истории. М., 2008. С. 225.

⁵ *Henderson G.* Korea. The policy of the vortex. Cambridge, London, 1978. P. 332.

⁶ *Тихомиров В.Д.* Корейская проблема и международные факторы (1945 — начало 80-х годов). М., 1998. С. 100—101.

⁷ По сообщению М.Н. Пака.

⁸ *Тихомиров В.Д.* Указ. соч. С. 157.

⁹ Там же. С. 158.

¹⁰ Там же. С. 163.

¹¹ Там же. С. 161.

¹² *Воронцов А.В.* Корейская проблема в системе международных отношений с середины 80-х до середины 90-х годов XX в. Приложение к монографии В.Д. Тихомирова. С. 270—271.

¹³ Там же. С. 271.

¹⁴ *Park Doo-bok.* Sino-Korean relations since 1992: Achievements and prospects// East Asian review. Vol. 14. No. 1, Spring 2002. P. 3—20.

¹⁵ North Korean trades with US rises sharply. Korea Times. Nov 25.

¹⁶ *Andrei Lankov.* «China Raises its stake in North Korea». URL: <https://nautilus.org/napsnet/napsnet-policy-forum/china-raises-its-stake-in-north-korea/> (дата обращения: 28.02.2018).

¹⁷ *Samuel Kim.* China's new role in the nuclear confrontation // Asian perspective. Vol. 28. № 4. 2004. P. 147—184.

¹⁸ Китай может ввести войска в КНДР для охраны ядерных объектов в случае нестабильности. URL: <http://www.newsru.com/world/08jan2008/knrknдр.html> (дата обращения: 28.02.2018).

¹⁹ По сообщению китайских экспертов во время конференции в 2016 г.

²⁰ *Чхон Пхиль.* «Почему они высокомерно вторгаются в чужие дела» // Нодон синмун. 08.02.2108.

²¹ URL: <http://www.rg.ru/2014/02/01/kndr-site-anons.html> (дата обращения: 28.02.2018).

²² URL: <http://www.rg.ru/2014/02/01/kndr-site-anons.html> (дата обращения: 28.02.2018).

²³ URL: <https://ria.ru/politics/20050325/39573897.html> (дата обращения: 28.02.2018).

²⁴ *Асмолов К.В.* Китайская политика в корейском вопросе: изменения и прогнозы // Россия и Корея в меняющемся мире. М.: ИДВ РАН, 2014. С. 41—53.

²⁵ *Кашин В.Б.* Китайская картина будущего мира и место России в нем // Тетради по консерватизму. 2015. № 5. С. 159—166.

²⁶ Более подробно см.: *Асмолов К.В.* Современное состояние китайско-корейских отношений // Корейский полуостров в эпоху перемен. М.: ИДВ РАН, 2016. С. 55—68.

²⁷ URL: https://csis-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/media/csis/pubs/071227_wp_china_northkorea.pdf (дата обращения: 28.02.2018).

²⁸ Там же.

²⁹ URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2017/0417/c95181-9203953.html> (дата обращения: 28.02.2018).

³⁰ URL: <http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Pochemu-Kitai-ne-budet-s-pasat-KNDR-19339> (дата обращения: 28.03.2018).

³¹ URL: http://www.xinhuanet.com/english/2018-03/28/c_137070598_2.htm (дата обращения: 29.03.2018).

³² URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_newsthema_detail.htm?No=10083743 (дата обращения: 28.03.2018).

В.В. Евсеев

СЕВЕРОКОРЕЙСКИЙ РАКЕТНО-ЯДЕРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ: ДОМЫСЛЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

На Западе принято рассматривать создание в КНДР ограниченного ракетно-ядерного потенциала как глобальную угрозу всему человечеству. При этом явно преувеличиваются технические возможности северокорейских баллистических ракет по доставке ядерного боезаряда на континентальную территорию США. С другой стороны, такая постановка вопроса требует от так называемого мирового лидера в лице США немедленных действий в виде нанесения превентивного ракетно-бомбового удара.

Выход из этой ситуации возможен, если международное сообщество будет рассматривать ракетно-ядерный потенциал Северной Кореи лишь как вызов для окружающих государств, требующий совместных действий по поиску возможного компромисса в рамках многосторонних переговоров по ядерной проблеме КНДР.

Ключевые слова: превентивный удар, ракетно-ядерный потенциал, санкции, шестисторонние переговоры по ядерной проблеме Корейского полуострова.

In the West it is customary to consider the creation of a limited missile-nuclear potential in the DPRK as a global threat to all mankind. At the same time the technical capabilities of the North Korean ballistic missiles to deliver a nuclear warhead to the US continental territory are clearly exaggerated. In the absence of any real information on the location of the most important sites in the DPRK, the Trump Administration is increasingly insisting on the need for such a strike with

the help of nuclear munitions. It only worsens the situation in the sphere of regional security. A way out of this situation is possible if the international community considers the nuclear missile potential of North Korea only as a challenge to the other states, requiring joint action to find a possible compromise in the framework of multilateral negotiations on the DPRK nuclear issue.

Keywords: preventive strike, nuclear missile potential, sanctions, six-party talks on the Korean peninsula's nuclear issue.

В 2017 г. ракетно-ядерный потенциал КНДР существенно укрепился. В значительной степени это произошло за счет накопленных ранее знаний и освоения достаточно передовых технологий в области ракетостроения и производства ядерных боеприпасов. В то же время нельзя исключать того факта, что в период 2014—2016 гг. северокорейские специалисты как минимум получили техническую документацию изготовления жидкостного ракетного двигателя РД-250. Скорее всего, утечка ракетных технологий произошла с украинского ГП «Производственное объединение “Южный машиностроительный завод им. А.М. Макарова”» (Южмаш).

Проанализируем далее наиболее важные события, которые произошли в 2017 г. в области создания северокорейского ракетного потенциала.

Военный парад в Пхеньяне

15 апреля 2017 г. в Пхеньяне прошел военный парад в честь 105-летия со дня рождения Ким Ир Сена¹. Были показаны современные образцы твердотопливных и жидкостных баллистических ракет. Так, вначале прошли тягачи с прицепами, на которых находились двухступенчатые твердотопливные баллистические ракеты, установленные на подводных лодках (БРПЛ) «Пуккыксон-1» («Полярная звезда-1», KN-11)².

В ходе летных испытаний, состоявшихся 24 августа 2016 г., дальность стрельбы такой ракеты составила около 500 км, причем по навесной траектории. Это означает, что БРПЛ «Пуккыксон-1» способна пролететь не менее 1 тыс. км, что позволяет отнести ее к ракетам средней дальности. Именно эти ракеты в перспективе обеспечат

Пхеньяну гарантированное нанесение ответного удара в том случае, если северокаорейским подводным лодкам удастся подойти на расстояние стрельбы до американских объектов.

На параде была также показана новая модель оперативно-тактической баллистической ракеты «Хвасон-6» с аэродинамическими рулями, или стабилизаторами, возле головной части. Она получила танковую базу и управляемую боевую часть. Это позволяет использовать указанную ракету для поражения малоразмерных целей на дальности 500—600 км. Потенциально эта ракета может быть использована только против Республики Корея (РК).

Далее в Пхеньяне были продемонстрированы новейшие грунтовые (гусеничные) подвижные ракетные комплексы с твердотопливными баллистическими ракетами средней дальности «Пуккыксон-2» («Полярная звезда-2», KN-15, наземная версия северокаорейской БРПЛ). Ее успешное испытание было проведено 12 февраля 2017 г. Высота полета ракеты, как и ее дальность стрельбы, достигла 500 км. Причем этот пуск был проведен из транспортно-пускового контейнера.

Следует заметить, что первоначально пусковые установки ракет «Пуккыксон-2» планировалось создавать на восьмиосном шасси китайского тягача WS51200, который был продан в КНДР как техника для лесной промышленности. В ноябре 2016 г. Китай запретил поставки в КНДР указанной техники двойного назначения. Поэтому у Пхеньяна возникли две альтернативы: закупать седельные тягачи (КАМАЗы и МАЗы) с прицепами, которые можно было бы переоборудовать под пусковую установку, или создавать свой гусеничный грунтовый ракетный комплекс. Первый вариант нашел свое применение в Иране. В КНДР использовали как первый вариант, так и второй — развитая танковая промышленность позволила создать гусеничное шасси для этого ракетного комплекса.

Созданная для ракет «Пуккыксон-2» гусеничная пусковая установка (ПУ) имеет восьмикатковую ходовую часть. Она обладает хорошей тяговооруженностью, а также проходимостью и мобильностью, что важно в условиях северокаорейского горного ландшафта. Работоспособность ПУ была подтверждена 12 апреля 2017 г. в ходе летных испытаний ракеты «Пуккыксон-2».

В процессе прохождения ракетной техники были показаны баллистические ракеты средней дальности «Мусудан» («Хвасон-10») с различными типами головных частей. Такая одноступенчатая жидкостная ракета была впервые продемонстрирована на военном параде в Пхеньяне в 2010 г. Она транспортировалась на колесной пусковой установке. Диаметр ракеты составляет 1,5 м, а длина — 12 м. Ее максимальная дальность стрельбы может составлять 3,2—4,0 тыс. км при массе головной части 650—1000 кг. Темп их производства не превышает две-три ракеты в год (порядка одного дивизиона). Дальность стрельбы ракет этого типа недостаточна даже для обстрела о. Гуам.

По имеющимся данным, в Вооруженных силах (ВС) КНДР сформированы два отдельных ракетных дивизиона (восемь мобильных ПУ) с баллистическими ракетами средней дальности «Мусудан», которые развернуты вблизи восточного побережья КНДР.

Военный парад в Пхеньяне завершился прохождением двух типов подвижных грунтовых ракетных комплексов (ПГРК) с прототипами межконтинентальных баллистических ракет (МБР). Один из них представлял собой транспортно-пусковой контейнер, установленный на полуприцеп грузового автомобиля. Как потом выяснилось, это была жидкостная двухступенчатая ракета «Хвасон-14».

Второй ПГРК имел транспортно-пусковой контейнер, смонтированный на восьмиосном шасси повышенной проходимости. Скорее всего, это был макет, внешне похожий на российский ПГРК «Тополь». Так, созданная в КНДР МБР «Хвасон-15» имеет девятиосное шасси.

Запуски ракет «Хвасон-14»

4 июля 2017 г. в КНДР была запущена жидкостная двухступенчатая баллистическая ракета «Хвасон-14». Высота подъема ее головной части — 2,8 тыс. км, а дальность полета — 933 км³. Время полета ракеты и ее головной части составило 37 мин. Моделирование ее полета показало, что при стрельбе на максимальную дальность головная часть ракеты «Хвасон-14» способна пролететь 6597 км.

В реальности головная часть ракеты могла быть облегченной (например, весом всего 200 кг, что явно недостаточно для размещения там ядерной головной части). Тем не менее в Вашингтоне заявили о возникновении реальной угрозы не только для военной базы на о. Гуам, но и для военных и гражданских объектов на Аляске. В Москве, наоборот, старались показать, что достигнутый КНДР прогресс в области ракетостроения не столь значителен, поэтому не следует вводить против нее новые санкции со стороны Совета Безопасности ООН. Причем по западной классификации баллистическая ракета «Хвасон-14» могла иметь промежуточную дальность, т. е. от 4 до 6 тыс. км, как и ракета меньшей дальности «Хвасон-12».

Головная часть северокорейской баллистической ракеты упала в глубоководную часть Японского моря. Это исключило ее поднятие на поверхность американскими или японскими специалистами, что обеспечило сокрытие информации о головной части ракеты «Хвасон-14». Помимо этого, эта головная часть не была телеметрической (не содержала специального оборудования для передачи сигнала).

Новый относительно успешный старт баллистической ракеты «Хвасон-14» состоялся 28 июля 2017 г.⁴ Тогда высота подъема ее головной части составила 3725 км, а дальность стрельбы — 998 км. Это существенно выше, чем наблюдалось 4 июля того же года (на 925 км). Как и в прошлый раз, стрельба осуществлялась по чрезвычайно крутой траектории в глубоководную часть Японского моря. При этом время ее полета составило 47 мин (больше на 10 мин). При пересчете на максимальную дальность это может привести к увеличению дальности полета свыше 8 тыс. км (достаточно для обстрела штата Гавайи с северокорейской территории).

Однако не решенной для КНДР проблемой остается создание ядерной головной части, способной обеспечить условия стрельбы на максимальную дальность, что подтвердилось при стрельбе ракеты «Хвасон-14» 28 июля 2017 г. Так, ночной запуск головной части этой ракеты попал в поле наблюдения ТВ-камеры японской государственно-общественной центральной телерадиокомпании NHK. Эта ТВ-камера находилась на крыше представительства телерадиокомпании NHK в г. Муроран (префектура Хоккайдо). Она была направлена на восток, куда и падала головная часть ракеты «Хва-

сон-14». Удаление камеры от цели составляло порядка 200 км. Ее закрывали небольшие горы, поэтому ТВ-камера могла сопровождать северокорейскую головную часть до высоты 2 км над поверхностью моря⁵.

Головная часть ракеты «Хвасон-14» вошла в атмосферу Земли на скорости свыше 6 км/с с углом входа порядка 80°, что является нетипичным для стрельбы на минимальную дальность. При этом северокорейская головная часть испытывала чрезвычайно высокие механические нагрузки (порядка 100g, что почти в два раза выше, чем испытывают российские головные части при стрельбе на максимальную дальность).

Нагрев северокорейской головной части начался на высотах 25—30 км, где атмосфера уже является достаточно плотной. Как следствие, на высоте около 20 км головная часть ракеты «Хвасон-14» стала светиться, что и было зафиксировано японской ТВ-камерой.

Нужно обратить внимание, что северокорейская головная часть попала в облака, что к тепловому уносу теплозащитного покрытия (ТЗП) добавило эрозионный. При этом максимальное свечение головной части ракеты «Хвасон-14» наблюдалось на высотах 6—8 км, когда кинетические и тепловые нагрузки на нее достигли максимума. В результате на высотах 4-5 км головная часть ракеты «Хвасон-14» распалась на отдельные части, которые упали в море. Их свечение было зафиксировано японской ТВ-камерой, которое прекратилось на высотах 3-4 км (либо фрагменты головной части сгорели в атмосфере, либо остыли настолько, что перестали светиться). По-видимому, произошел прогар силовой конструкции головной части, и она разрушилась на высоте 4-5 км.

С этой точки зрения испытание ракеты «Хвасон-14» не было успешным. Оно лишь подтвердило, что северокорейским специалистам потребуется дорабатывать головную часть, которая сейчас не готова к стрельбе на максимальную дальность.

Запуск ракеты «Хвасон-15»

29 ноября 2017 г. в КНДР был проведен запуск баллистической ракеты «Хвасон-15» (по американской терминологии — KN-22). Ее

головная часть как обычно упала в глубоководную часть Японского моря на расстоянии 950 км от места старта. При этом высота ее полета достигла 4,5 тыс. км (4475 м), а продолжительность — 54 мин. Это свидетельствует об увеличении как продолжительности (на 7 мин), так и высоты (на 700 км), а значит — и дальности полета, если бы она летела по траектории стрельбы на максимальную дальность. При этом большой головной обтекатель прятал головную часть неизвестного веса.

Падение головной части ракеты «Хвасон-15» произошло в 250 км от японской префектуры Аомори, т. е. в исключительной экономической зоне этой страны. Радиолокационные станции зафиксировали разделение ракеты на три части. Это свидетельствует о том, что ракета «Хвасон-15» является двухступенчатой (третья часть ракеты — ее отделяемая головная часть).

Исходя из имеющейся информации, нужно обратить внимание на следующее. *Во-первых*, в качестве двигателя первой ступени ракеты «Хвасон-15» был использован модифицированный двухкамерный ракетный двигатель, впервые испытанный на земле в марте 2017 г. (аналог советского ракетного двигателя РД-250). Последний двигатель в однокамерной конфигурации использовался в баллистических ракетах «Хвасон-12» и «Хвасон-14».

Ракетный двигатель РД-250 был разработан во второй половине 1960-х годов для украинского предприятия «Южмаш» в рамках создания МБР Р-36 (более совершенная МБР Р-36М2 «Воевода» до сих пор стоит на вооружении РВСН РФ). Северокорейские специалисты проявляли к указанному типу ракетного двигателя серьезный интерес как минимум с 2011 г. Помимо этого, они хотели получить доступ к технологиям используемого этой ракетой топлива, жаростойким материалам для камеры сгорания ее первой ступени и системе управления. И, скорее всего, к 2016 г. Пхеньяну удалось достичь поставленной цели.

Во-вторых, имеются отличия второй ступени ракет «Хвасон-14» и «Хвасон-15». В частности, увеличение диаметра второй ступени позволило нарастить емкость топливных баков окислителя и горючего. Со своей стороны, это потребовало изменения носового конуса, соединяющего первую и вторую ступени ракеты. Скорее всего,

ракетный двигатель второй ступени ракеты «Хвасон-15» аналогичен тому, который установлен на второй ступени ракеты «Хвасон-14».

В-третьих, увеличение стартового веса ракеты «Хвасон-15» потребовало изменения ее подвижного носителя, количество осей которого было увеличено с восьми до девяти. Это говорит уже о том, что северокорейские специалисты смогли модернизировать восьмиосный китайский тягач WS51200 и, возможно, начать его производство в КНДР.

В-четвертых, разведка США позволила выявить подготовку к летному испытанию баллистической ракеты «Хвасон-15» за 72 ч до ее старта. Более поздняя информация подтвердила это. Так, за три часа до старта ракеты «Хвасон-15» начались непосредственные подготовительные работы, а за два часа до старта ракета была установлена вертикально на пусковом столе для заправки топливом. В это время ракета была уязвима для поражения высокоточными средствами со стороны США или Южной Кореи.

Как отметили в Пхеньяне, «испытания были проведены по личному приказу лидера КНДР Ким Чен Ына в ответ на враждебную политику Вашингтона. В зоне поражения новой межконтинентальной баллистической ракеты “Хвасон-15” находится вся материковая часть США». Некоторые американские эксперты подтвердили, что максимальная дальность полета ракеты «Хвасон-15» составляет 13 тыс. км. Скорее всего, эти данные являются завышенными для доставки боезаряда даже весом 600 км, в том числе потому что по своим техническим характеристикам она близка к ракете «Хвасон-14».

Реакция международного сообщества

Спустя всего шесть минут после старта северокорейской ракеты «Хвасон-15» ВС Республики Корея начали военные учения, которые включали пуски различных типов ракет на суше, в море и воздухе. При этом были отработаны точечные ракетные удары по территории КНДР. В целом ВС Южной Кореи были приведены в повышенную боевую готовность. А президент Южной Кореи Мун Чжэ Ин заявил: «Северная Корея должна немедленно отказаться от своих безрассудных устремлений, которые приведут к ее изоляции и краху, и сесть за

стол переговоров. Пока она не прекратит ракетных и ядерных испытаний, прочный мир на Корейском полуострове невозможен. Международному сообществу в этой ситуации остается только продолжать политику давления и строгих санкций в отношении Пхеньяна».

Следует заметить, что пуск ракеты «Хвасон-15» стал первым после более чем двухмесячной паузы. Это позволило России предложить поэтапный план урегулирования кризиса на Корейском полуострове, который включал прекращение в КНДР ядерных (термоядерных) испытаний и запусков баллистических ракет большой дальности в ответ на то, что США и Южная Корея существенно снизят военную активность и масштабы совместных учений. Затем могли последовать прямые переговоры между Пхеньяном и Вашингтоном, чего так добиваются в КНДР.

Однако в декабре 2017 г. ни одна из сторон конфликта не была готова к диалогу. Так, 4 декабря США и Южная Корея начали на Корейском полуострове масштабные военно-воздушные учения *Vigilant Ace*. В них было задействовано около 230 самолетов, включая шесть американских истребителей-невидимок F-22. Ввиду полного превосходства над КНДР в сфере военно-воздушных сил даже со стороны Республики Корея эти учения носили наступательный характер.

Следствием такой политики стало введение против КНДР новых финансово-экономических санкций на основе резолюции 2397 Совета Безопасности ООН от 22 декабря 2017 г. В частности, с 1 января 2018 г. произошло сокращение поставок в Северную Корею нефтепродуктов почти на 90 % (до 500 тыс. баррелей в год). Поставки же сырой нефти в КНДР теперь не должны превышать 4 млн баррелей в год. Помимо этого, введен запрет на поставки различного рода минералов, химических товаров, электрических товаров и оборудования, а также некоторых продуктов питания⁶.

Превентивный удар со стороны США

Ввиду существенного наращивания северокорейского ракетно-ядерного потенциала и ограниченных возможностей США, Японии и Южной Кореи в сфере противоракетной обороны (ПРО) повыша-

ется риск того, что в Вашингтоне пойдут на превентивный разоружающий удар по КНДР. Так, в реальности перехват стартующих северокорейских баллистических ракет возможен только с помощью противоракет SM-3 системы управления ракетным оружием «Иджис» морского базирования, но для этого в случае старта твердотопливных ракет будет всего три-пять минут. Это требует перехвата в автоматическом режиме, что реализуемо только в условиях войны. Наземные же системы ПРО не только Японии и Южной Кореи, но и США не способны осуществить перехват всех головных частей при групповом, а тем более — массированном старте северокорейских баллистических ракет.

Еще более опасно то обстоятельство, что при нанесении по Северной Корее превентивного разоружающего удара, особенно в период правления администрации Трампа, США, скорее всего, лишь уведомят об этом южнокорейское руководство. Причем ввиду отсутствия реальной информации о местоположении в КНДР наиболее важных объектов администрация Трампа все настойчивее заявляет о необходимости такого удара с помощью ядерных боеприпасов — впервые с 1945 г. и без заблаговременного получения соответствующей санкции со стороны конгресса США.

В таких условиях Пхеньян может пойти на применение ядерного оружия. Однако большую опасность представляет масштабная диверсионная деятельность спецназа КНДР против предприятий атомной и химической промышленности Республики Корея. Это может сделать неприемлемой жизнь на Корейском полуострове. Причем демилитаризованная зона (ДМЗ) является для северокорейского спецназа достаточно проницаемой.

Следует заметить, что в прежней демократической администрации США американцы пытались урегулировать северокорейский кризис с помощью Китая, что на практике осуществить не удалось. Поэтому президент США Дональд Трамп пытается решить северокорейскую ядерную проблему путем оказания давления как на КНДР (угроза военного удара) и КНР (угроза введения против Китая финансово-экономических санкций), так и на собственных союзников в Северо-Восточной Азии (Япония, Республика Корея), что раньше не наблюдалось. При этом американское давление на

своих союзников все более усиливается. В частности, от них требуют существенно увеличить собственные военные бюджеты и закупать американские образцы вооружений. Однако, в отличие от Барака Обамы, президент Дональд Трамп меньше внимания уделяет обороне (несомненно, что такая деятельность носит провокационный характер).

Как отмечают в Республике Корея, ввиду пусков северокорейских ракет и создания в Южной Корее рубежей ПРО, ситуация в области безопасности на Корейском полуострове значительно ухудшилась, хотя вероятность войны и оценивается как невысокая. В таких условиях президент Республики Корея Мун Чжэ Ин согласился в начале 2018 г. на диалог с КНДР для установления мира и равновесия на Корейском полуострове.

Таким образом, созданный в КНДР ограниченный ракетно-ядерный потенциал не представляет глобальной угрозы всему человечеству. С одной стороны, Северная Корея имеет технические возможности по доставке с помощью баллистической ракеты «Хвасон-15» ядерного боезаряда только на Тихоокеанское побережье США (другие северокорейские ракеты и этой возможностью не обладают). И то, если ее головная часть не разрушится в плотных слоях атмосферы. С другой стороны, такая постановка вопроса подталкивает США к нанесению по КНДР превентивного ракетно-ядерного удара с непредсказуемыми последствиями для региональной безопасности. Несомненно, что такие действия ядерной державы несут большую угрозу миру, чем северокорейский ракетно-ядерный потенциал, боевое применение которого в Пхеньяне рассматривается только как последняя возможность сохранения собственного суверенитета.

К сожалению, продолжается политика введения против Северной Кореи все новых как международных, со стороны Совета Безопасности ООН, так и односторонних финансово-экономических санкций. Причем это происходит на фоне масштабных американско-южнокорейских военных учений, в ходе которых рассматриваются совместные не оборонительные, а наступательные боевые действия против КНДР, что только ухудшает ситуацию в сфере региональной безопасности.

Выход из этой ситуации возможен, если международное сообщество будет рассматривать ракетно-ядерный потенциал Северной Кореи лишь как вызов для окружающих государств, требующий совместных действий по поиску возможного компромисса в рамках многосторонних переговоров по ядерной проблеме КНДР. Последние переговоры между представителями корейских государств убеждают в том, что Пхеньян и Сеул готовы идти по пути восстановления двусторонних отношений. В Москве и Пекине это поддерживают, так как осознают опасность военной конфронтации на Корейском полуострове. Теперь многое зависит от Вашингтона, где должны отказаться от самой идеи нанесения по КНДР превентивного ракетно-ядерного удара.

Примечания

¹ *Кирьянов О.* Пхеньян решил повременить с ядерным взрывом // Российская газета. 2017. 15 апр.

² *Хрусталеv В.* Ядерная рука Пхеньяна: куда дотянутся баллистические ракеты КНДР // ТРК ВС РФ «Звезда». URL: https://tvzvezda.ru/news/vstrane_i_mire/content/201702141927-oi52.htm (дата обращения: 15.02.2017).

³ *Хрусталеv В.* Под знаком Марса // Лента.ру. URL: <https://lenta.ru/articles/2017/07/06/podznakommarsa/> (дата обращения: 07.07.2017).

⁴ *Захарченко И.* КНДР провела очередной ракетный пуск // МИА «Россия сегодня». URL: <https://ria.ru/world/20170728/1499363126.html> (дата обращения: 28.07.2017).

⁵ *Elleman M.* Video Casts Doubt on North Korea's Ability to Field an ICBM Re-entry Vehicle. 38 North, July 31, 2017. URL: <http://www.38north.org/2017/07/mel-leman073117/> (дата обращения: 24.09.2017).

⁶ СБ ООН ужесточил санкции в отношении Северной Кореи // Интерфакс. 22.12.2017.

Д.В. Кику

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ВОЗДЕЙСТВИЯ САНКЦИЙ СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ ООН НА РАКЕТНО-ЯДЕРНУЮ ПРОГРАММУ КНДР

Всего за период с октября 2006 г. по настоящее время СБ ООН принял 10 резолюций¹ в качестве реакции на проведение КНДР шести ядерных испытаний и многочисленных запусков баллистических ракет, что является беспрецедентным в истории ООН как в количественном, так и в содержательном плане. В частности, был введен запрет на импорт из КНДР угля, железа, железной руды, свинца, свинцовых руд, текстиля, морепродуктов, золота, серебра, редкоземельных минералов и других товаров. Резолюциями запрещен экспорт в КНДР всех видов конденсата и газоконденсатных жидкостей, а также введены ограничения на поставки сырой нефти и всех продуктов её переработки.

Ключевые слова: Совет Безопасности ООН, КНДР, ракетно-ядерная программа, санкционный режим, секторальные меры.

The UN Security Council sanctions regime against the DPRK has been in force for more than 11 years. It mainly aims at preventing the country from developing its nuclear weapons and ballistic missile programs. A distinctive feature of the last two years was the introduction of sectoral sanctions affecting certain sectors of the DPRK economy. In particular, a ban on imports of coal, iron, iron ore, lead, lead ore,

textiles, seafood, gold, silver, rare earth minerals and other goods from the DPRK was introduced. The resolutions prohibited the export of all condensates and natural gas liquids to the DPRK, and introduced crude oil and refined petroleum products caps.

Keywords: United Nations Security Council, DPRK, nuclear weapons and ballistic missile programs, sanctions regime, sectoral measures.

Меры Совета Безопасности ООН

В 2017 г. КНДР продолжила активное развитие своей ракетно-ядерной программы, осуществив в общей сложности 20 запусков баллистических ракет, включая, как заявили в Пхеньяне, трех межконтинентальных баллистических ракет (МБР). Кроме того, 3 сентября было проведено шестое по счету ядерное испытание, чья взрывная мощность превысила показатели пяти предыдущих.

В ответ Совет Безопасности ООН принял в 2017 г. резолюции 2356, 2371, 2375 и 2397, беспрецедентно ужесточившие режим санкций в отношении КНДР. Отличительной чертой последнего времени стало введение секторальных санкций, затрагивающих ряд отраслей экономики Северной Кореи.

На сегодняшний день полностью запрещен импорт из КНДР угля, железа, железной руды, золота, титановой и ванадиевой руд, свинца и свинцовой руды, редкоземельных металлов, меди, никеля, серебра и цинка, конденсата и газоконденсатных жидкостей, а также морепродуктов и текстильных изделий. Введен запрет на операции с банками КНДР, включая закрытие их отделений на территории других государств. Расширено действие финансовых санкций, а также введен запрет на открытие или работу совместных предприятий или кооперативных организаций.

Резолюцией 2397 (принята 22 декабря 2017 г.) установлен лимит в отношении поставок в КНДР сырой нефти (500 тыс. баррелей в год) и продуктов переработки нефти (4 млн баррелей в год)². Более того, СБ ООН постановил, что в случае, если КНДР проведет новое ядерное испытание или запуск баллистической ракеты, способной доставить заряд на межконтинентальную дальность, либо испытание

или пуск, ведущие к разработке баллистической ракеты, способной достичь такой дальности, то Совет Безопасности примет меры для дальнейшего ограничения экспорта нефти в эту страну. Введено также эмбарго на экспорт в КНДР всех видов промышленного оборудования, средств наземного транспорта, а также железа, стали и других металлов.

КНДР, в свою очередь, запрещается поставлять на экспорт ряд категорий продовольственной и сельскохозяйственной продукции, машинного оборудования, электрооборудования, земли и камня, включая магнезит и магнезию, древесины, а также судов.

Государствам — членам ООН предписывается немедленно, но не позднее чем через 24 месяца с даты принятия резолюции 2397 (2017), репатриировать в КНДР работающих на их территории северокорейских граждан.

Следует особо отметить, что в соответствии с п. 11 резолюции 2375 (2017) все государства должны запретить физическим и юридическим лицам, находящимся под их юрисдикцией, и судам, которые ходят под их флагом, содействовать или участвовать в передаче на суда или с судов под флагом КНДР с других судов или на другие суда любых товаров или предметов, которые поставляются, продаются или передаются в КНДР или из нее.

В области осуществления секторальных мер резолюциями предусмотрено изъятие для транспортировки российского угля через северокорейский порт Раджин³. При этом экспортирующее государство должно заранее уведомлять Комитет 1718 об осуществлении таких поставок. То есть по-прежнему действует «уведомительная», а не «разрешительная» система.

Деятельность КНДР в ракетно-ядерной области

Несмотря на весьма продолжительное действие санкционного режима Совета Безопасности ООН в отношении КНДР, главным образом — оружейного эмбарго, в 2017 г. Пхеньян провел испытания новых систем баллистических ракет, продемонстрировав значительные успехи в области их диверсификации и увеличения дальности полета, а также сократив временные рамки между производст-

вом новых ракет и их испытаниями. При этом следует отметить заявление представителей разведслужб США о том, что КНДР не полагается на импортную продукцию, а сама имеет возможность производить двигатели для ракет⁴.

Ключевой вехой стало испытание двух типов МБР — «Хвасон-15» (29 ноября) и «Хвасон-14» (4 и 28 июля). Они были запущены на расстояние 3,7 и 2,7 тыс. км соответственно, дважды перелетев японский остров Хоккайдо.

Согласно оценкам Министерства обороны Республики Корея, МБР «Хвасон-15» способна преодолеть расстояние более 13 тыс. км, однако осуществленный 29 ноября 2017 г. запуск не подтвердил ее высокоточность и возможность входа боеголовки в атмосферу⁵.

Накануне испытания «термоядерной бомбы» (3 сентября 2017 г.) КНДР продемонстрировала ядерную боеголовку, которая, по данным пхеньянского Института ядерного оружия (Nuclear Weapons Institute), может быть установлена на боевую часть МБР.

Подготовительная комиссия Организации по Договору о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ПК ОДВЗЯИ) зафиксировала «необычное сейсмическое событие» вблизи места проведения КНДР предыдущего испытания в районе полигона Пхунгери. Магнитуда ядерного взрыва была оценена в 6,07, что является самой значительной по сравнению с предыдущими пятью испытаниями. Тип испытанного устройства по-прежнему не подтвержден.

Влияние санкций на экономику КНДР

Говоря о воздействии санкций на северокорейскую экономику, необходимо отметить, что, согласно представленной в июле 2017 г. оценке Банка Республики Корея, валовый внутренний продукт (ВВП) КНДР в 2016 г. вырос на 3,9 % по сравнению с предыдущим годом. Отмечалось, что военные расходы, в том числе на развитие ракетно-ядерной программы, также способствовали экономическому росту⁶. И это при том, что в марте и ноябре 2016 г. СБ принял весьма жесткие резолюции, содержавшие полный или частичный запрет на поставку из КНДР основных экспортных товаров — минеральной продукции и металлов. Данные ООН о динамике ВВП на

душу населения в КНДР (в долл. США) показывают, что в последующие после принятия «санкционных» резолюций года ВВП неизменно рос (в 2007, 2010 и 2014 гг.), снижаясь в ряде случаев на второй год после введения санкций (в 2008 и 2015 гг.)⁷.

Вместе с тем введенные в 2016—2017 гг. СБ ООН секторальные санкции оказали ощутимое воздействие на экономику КНДР, приводя к следующим результатам:

В промышленности:

- остановка ряда заводов и фабрик, полностью зависевших от импортного сырья и материалов;
- перебои в работе предприятий машиностроения и добычи минеральных ресурсов (прекращение поставок импортных комплектующих изделий и запчастей, дефицит дизельного топлива для энергогенераторов);
- сокращение выпуска стали (из-за отсутствия кокса) и азотных удобрений (нехватка бурых углей), добычи антрацита (закрыты внешние рынки);
- сокращается производство трикотажа и швейных изделий (запрет на импорт из КНДР текстильных изделий);
- падает производство в пищеперерабатывающей промышленности (приостановка закупок импортных упаковочных материалов и красителей);
- заморожен ряд объектов жилищного строительства (отсутствие средств на закупку стройматериалов и сантехники).

В сельском хозяйстве:

- увеличивается доля ручного труда и использование тяглового скота вместо механизированных средств.

В других отраслях:

- приостановка осуществления легальных платежных банковских операций с иностранными партнерами, переход на наличные расчеты;
- выход из строя автотранспорта в связи с поставкой из-за рубежа некачественного контрафактного бензина и дизельного топлива, происходит переход грузовых перевозок на газогенераторные двигатели;

- обострились проблемы на электростанциях в связи с дефицитом мазута, необходимого для поджигания угля.

В социальной сфере:

- рост заболеваемости и смертности в связи с нехваткой лекарств, реагентов для анализа крови, прекращением лечения онкозаболеваний методом лучевой терапии (отказ от поставок излучающих материалов);
- рост безработицы (возвращение северокорейских рабочих из-за рубежа, закрытие совместных предприятий). Согласно имеющимся оценкам, один работающий в России северокорейский рабочий в среднем обеспечивает существование 13 человек на родине;
- снижение денежных доходов населения;
- рост цен на импортные потребительские товары.

Гуманитарные аспекты

Совет Безопасности ООН в каждом своем решении подтверждает, что указанные меры не призваны иметь негативные гуманитарные последствия для гражданского населения КНДР, ограничивать или отрицательно влиять на осуществление тех видов деятельности, включая экономическую деятельность и экономическое сотрудничество, предоставление продовольственной и гуманитарной помощи, которые не запрещены резолюциями.

Тем не менее в последнее время ряд структур системы ООН и ее представителей, включая Генерального секретаря А. Гутерриша, указали на существующие негативные последствия действия санкций.

В представленном 3 августа 2017 г. Генеральной Ассамблее ООН докладе (A/72/279)⁸ А. Гутерриш отметил, что принятие Советом Безопасности резолюции 2270 (2016) и санкций в отношении КНДР имели непреднамеренные негативные последствия для гуманитарных операций Организации и других субъектов, в том числе для перевода средств через финансовые учреждения в КНДР, что привело к задержкам в оказании гуманитарной помощи или приостановке реализации некоторых гуманитарных программ мероприятий.

В этой связи Генеральный секретарь ООН представил следующие рекомендации:

- обеспечить достаточное и стабильное финансирование деятельности по оказанию гуманитарной помощи, особенно по обеспечению продуктами питания и медикаментами, с целью улучшения гуманитарной ситуации и положения в области прав человека;
- принять незамедлительные меры для сведения к минимуму неблагоприятных гуманитарных последствий санкций за счет оказания безоговорочной поддержки учреждениям ООН, работающим в стране.

Специальный докладчик ООН о положении в области прав человека в КНДР Т.О. Кинтана в своем докладе Генеральной Ассамблее ООН от 18 сентября 2017 г. (A/72/394)⁹ выразил обеспокоенность тем, что санкции Совета Безопасности могут иметь отрицательные последствия для некоторых отраслей северокорейской экономики, имеющих жизненно важное значения для части населения этой страны. В его изложении режим санкций СБ ООН по своей природе не является карательным, и необходимо всесторонне оценивать его непреднамеренные негативные последствия для осуществления прав человека, включая экономические, социальные и культурные права¹⁰. Более того, санкции создают значительные препятствия для осуществления прямых переводов финансовых средств.

В заключение спецдокладчик рекомендовал ООН провести комплексную оценку воздействия режима санкций Совета Безопасности на права человека в КНДР, уделив особое внимание вопросу о том, насколько эти санкции ставят под угрозу возможности получения населением средств к существованию.

С целью разъяснения возможного недопонимания санкционно-го режима Совета Безопасности ООН в отношении КНДР Комитет 1718 СБ ООН выпустил 8 декабря 2017 г. пресс-релиз (SC/13113)¹¹, в котором подчеркивается, что ограничительные меры не должны иметь негативных гуманитарных последствий для гражданского населения КНДР, негативно влиять или ограничивать деятельность международных и неправительственных организаций, оказывающих помощь этой стране. Рекомендовано проинструктировать находя-

щиеся под юрисдикцией стран — членов ООН государственные и частные структуры с целью соблюдения гуманитарных изъятий из санкционного режима, а также избегания ограничения доставки гуманитарной помощи в КНДР.

По инициативе российской стороны Посол Российской Федерации в КНДР А.И. Мацегора провел в Нью-Йорке 5 февраля 2018 г. брифинг для членов Комитета 1718 СБ ООН, акцентировав внимание на ухудшающейся гуманитарной ситуации в КНДР вследствие введенных Советом Безопасности санкций¹².

Заключение

Очевидно, что ужесточение санкционного режима Совета Безопасности ООН становится для Пхеньяна все более ощутимой мерой воздействия, последствия которого, к сожалению, все больше затрагивают уязвимые слои северокорейских граждан. При этом усиление международного давления в известной мере играет на руку руководству КНДР, которое все беды списывает на «враждебное окружение» и «внешнюю угрозу». В результате все это приводит лишь к большей изоляции КНДР, укреплению военного потенциала и наращиванию арсенала ОМУ, что, в свою очередь, ведет к усилению напряженности на Корейском полуострове.

Показательным примером с другой стороны служит временное снятие некоторых санкционных мер как по линии СБ ООН¹³, так и односторонних (Республикой Корея и США) с целью обеспечения участия северокорейских спортсменов в зимних Олимпийских играх 2018 в Пхёнчхане, а также присутствия правительственных делегаций КНДР на официальных церемониях Игр. Остается надеяться, что наметившееся «олимпийское потепление» в отношениях между КНДР и Республикой Корея получит продолжение и после завершения олимпийских и паралимпийских мероприятий.

В связи с этим представляется важным прислушаться к совместной российско-китайской инициативе, основанной на предложенных китайской стороной идеях «двойного замораживания» (ракетно-ядерной деятельности КНДР и крупномасштабных совместных учений США и Республики Корея) и «параллельного продвижения»

к денуклеаризации Корейского полуострова и формированию на полуострове механизма мира, а также — на российском поэтапном плане корейского урегулирования¹⁴.

Примечания

¹ 1718 (2006), 1874 (2009), 2087 (2013), 2094 (2013), 2270 (2016), 2321 (2016), 2356 (2017), 2371 (2017) 2375 (2017) и 2397 (2017). URL: <https://www.un.org/sc/suborg/ru/sanctions/1718/resolutions>

² П. 4 и 5 резолюции 2397 (2017).

³ П. 16 резолюции 2397 (2017) и п. 18 резолюции 2375 (2017).

⁴ URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4484227>

⁵ URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4775215>

⁶ URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2017-07-21/north-korea-s-economy-rebounds-from-drought-amid-missile-focus>

⁷ URL: http://data.un.org/Data.aspx?q=korea+gdp&d=SNAAMA&f=grID:101;currID:USD;pcFlag:1;crID:408,410&c=2,3,5,6&s=_crEngNameOrderBy:asc,yr:desc&v=1

⁸ URL: http://ap.ohchr.org/documents/dpage_e.aspx?si=A/72/279

⁹ URL: http://ap.ohchr.org/documents/dpage_e.aspx?si=A/72/394

¹⁰ Комиссия по расследованию, созданная в 2014 г., постановила, что она «не поддерживает санкции со стороны Совета Безопасности или двусторонние санкции, направленные против населения [КНДР] или экономики в целом». См.: A/HRC/25/63, п. 94 (а). URL: <http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/HRC/CoIDPRK/Pages/ReportoftheCommissionofInquiryDPRK.aspx>

¹¹ URL: <https://www.un.org/press/en/2017/sc13113.doc.htm>

¹² URL: <http://tass.ru/politika/4932367>

¹³ В п. 28 резолюции 2397 (2017), равно как и в принимавшихся ранее решениях Совет Безопасности ООН подтверждает, что будет держать действия КНДР под постоянным контролем и готов усилить, изменить, приостановить или отменить те или иные меры в зависимости от отношения этой страны к соблюдению положений резолюций.

¹⁴ URL: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2807662

О.В. Кирьянов

ЯДЕРНОЕ ВООРУЖЕНИЕ ЮЖНОЙ КОРЕИ КАК ОТВЕТ НА УГРОЗУ КНДР: АКТИВИЗАЦИЯ ДИСКУССИИ И ВОЗМОЖНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

В последние годы КНДР совершила прорыв по части развития ракетно-ядерных арсеналов. Данная ситуация вызывает серьезную обеспокоенность в Республике Корея, где теперь все громче слышны голоса в пользу создания собственного ядерного оружия либо возвращения на территорию страны тактических ядерных боезарядов США.

Хотя данный подход пока официально не поддерживается правительством РК, однако силы, выступающие за развитие собственных ядерных арсеналов, становятся все более влиятельными. Нельзя исключать, что в перспективе позиция руководства страны сместится в сторону большей толерантности к обладанию собственным ядерным оружием. Данный сценарий будет представлять серьезный вызов для национальных интересов соседних стран, включая Россию.

Ключевые слова: Республика Корея, КНДР, ядерное оружие, ядерное разоружение, региональная стабильность.

During the last few years we witnessed the North Korean breakthrough in the field of missile and nuclear weapons development. This caused serious worries in South Korea and growing calls to develop their

own nuclear weapons or reintroduce U.S. tactical nukes. Though these initiatives are still opposed by the Republic of Korea's government, different political forces as well as the public opinion of ROK more and more favor the nuclear armament option. There is a possibility that later the position of Seoul will also shift towards accepting this idea creating new challenges for regional stability and neighboring countries' (including Russia) national interests.

Keywords: Republic of Korea, DPRK, nuclear weapons, nuclear disarmament, regional stability.

Вступление

Несмотря на то что Корейский полуостров уже достаточно давно является одним из наиболее активных очагов нестабильности в мире, ситуация в 2016—2017 гг. оказалась еще более взрывоопасной, чем ожидали многие эксперты. Вероятность возникновения открытого вооруженного конфликта между США и КНДР остается высокой, несмотря на внешнеполитические прорывы в виде межкорейского и запланированного американо-северокорейского саммитов. С одной стороны, Северная Корея подчеркивает, что не откажется от разработок ракетно-ядерного оружия, существование которого оправдывается перманентной угрозой со стороны Вашингтона и его союзников, с другой — Соединенные Штаты после прихода к власти президента Дональда Трампа регулярно заявляют о возможности нанесения превентивных ударов по КНДР как способа решения ядерной проблемы Пхеньяна и гарантии безопасности своей территории.

Все это спровоцировало целую цепь последствий и появление новых факторов в становлении баланса сил в регионе, где в целом все идет к дальнейшей активизации гонки вооружений, повышению потенциала нестабильности и вероятности начала полноценного военного конфликта.

I. Усиление ракетно-ядерного потенциала КНДР

Одним из самых заметных факторов, обусловивших изменение баланса сил в регионе, стали заметные успехи Северной Кореи по части усиления существующих у нее ракетно-ядерных сил. С прихо-

дом к власти Ким Чен Ына КНДР особенно активно взялась за совершенствование имеющихся и создание новых видов ядерного оружия и средств их доставки.

Если за 17 лет правления Ким Чен Ира с 1994 по 2011 г. КНДР произвела в общей сложности 15 запусков баллистических ракет трех типов, то менее чем за шесть лет правления Ким Чен Ына — с 2012 г. до настоящего времени (март 2018 г.) — количество запусков возросло до 86, а численность испытанных модификаций — до 15, среди которых более половины — новых типов, включая межконтинентальные и подводного базирования¹.

По части ядерного оружия успехи Северной Кореи также хорошо заметны. До сих пор КНДР произвела в общей сложности шесть испытаний ядерного оружия, четыре из которых пришлись на период правления Ким Чен Ына — в феврале 2013, январе и сентябре 2016 г. и сентябре 2017 г. При этом Пхеньян утверждает, что уже смог создать как компактные боеголовки, которые можно установить на баллистические ракеты, так и водородную бомбу².

Отныне ракетно-ядерная программа КНДР признается не только как гипотетическая, но и реальная военная угроза.

II. Реакция официального Сеула на новую угрозу

По понятным причинам это вызвало особую обеспокоенность в Республике Корея (РК), столица которой находится буквально в 40 км от границы с КНДР.

Официальный Сеул ответил на рост военного потенциала Пхеньяна сразу по нескольким направлениям. *Во-первых*, Южная Корея стала одним из самых активных сторонников наращивания дипломатического, экономического и прочих видов давления на КНДР. Ужесточение подхода Сеула стало особенно заметно с начала 2016 г. еще в период правления Пак Кын Хе, но и с приходом к власти Мун Чжэ Ина эта линия в целом продолжена. Сеул не только поддержал все принятые по линии ООН международные санкции, но и в одностороннем порядке ввел дополнительные ограничения в отношении Пхеньяна.

Во-вторых, Сеул активизировал свои усилия по части наращивания боевой мощи. Несколько лет подряд наблюдается неуклонный рост военного бюджета РК. Увеличены закупки новейших видов оружия, включая американские истребители пятого поколения F-35, системы наблюдения и разведки, высокоточные боеприпасы, новейшие корабли, подводные лодки и пр.³ США отменили ряд ограничений, которые позволили РК существенно нарастить свои возможности по части развития баллистических ракет⁴.

В Южной Корее ведется создание системы трехуровневого ответа на возможное применение КНДР ракетно-ядерного оружия, которая должна включать в себя следующие элементы: Kill Chain — массированный превентивный удар, KAMD — противовоздушная и противоракетная оборона, а также KMPR — ответный «удар возмездия»⁵.

Кроме того, Южная Корея согласилась на развертывание комплексов ПРО США THAAD, а также в целях сдерживания Пхеньяна договорилась о регулярном направлении к Корейскому полуострову американских стратегических видов вооружений, включая авианосные группы, атомные подводные ракетоносцы, истребители пятого поколения, а также стратегические бомбардировщики, способные нести ядерное оружие. Параллельно Вашингтон и Сеул увеличили масштаб проводимых совместных учений, в ходе которых отрабатываются удары по Северной Корее, десантные операции на территории КНДР, а также физическое устранение руководства Севера⁶.

III. Ядерное вооружение Юга как возможный ответ Пхеньяну

Несмотря на все это, значительная часть южнокорейской общественности, экспертов и политических сил считают, что принятых Сеулом мер не достаточно для адекватного обеспечения безопасности страны перед лицом возросшей ракетно-ядерной угрозы КНДР. В этой связи стали набирать популярность предложения о собственном «ядерном ответе» со стороны Республики Корея⁷. Эти инициативы пока не находят поддержки на официальном уровне со стороны

правительства РК, но в среде экспертов, различных политических сил и СМИ уже выдвинут и широко обсуждается ряд вариантов того, что должна предпринять Южная Корея с точки зрения формирования своего «ядерного ответа».

1. Варианты «ядерного ответа» Сеула

1) Создание собственного ЯО

Самым радикальным вариантом в этом направлении является предложение Южной Кореи выйти из Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) и самой заняться разработкой и созданием ядерного оружия (ЯО). Аргументы в пользу и против данного варианта будут рассмотрены ниже, но в целом, как считают сторонники данной инициативы, единственный способ адекватного ответа Северу — симметричный, т. е. обладание Югом собственным ядерным оружием⁸. Один из наиболее известных сторонников данного подхода — влиятельный функционер ныне оппозиционной консервативной Партии свободной Кореи (ПСК) и крупный бизнесмен Чон Мон Чжун. У него хватает сторонников как в своей партии, так и в среде экспертов и политиков⁹.

2) Размещение ЯО США на Корейском полуострове и nuclear sharing

Другой предлагаемый вариант — возвращение на территорию страны тактического ядерного оружия (ТЯО) США, которое было размещено в Корею вплоть до 1991 г. Это, с одной стороны, позволит Республике Корея не выходить из ДНЯО, сохранив безъядерный статус, а с другой — станет серьезным сдерживающим фактором для КНДР¹⁰.

В рамках данного предложения преобладает мнение о том, что Южная Корея должна пойти по пути Германии, Бельгии и ряда других стран НАТО, где действует механизм так называемых совместных ядерных миссий (nuclear sharing). Согласно им, на территории этих государств находится ТЯО США, а в случае необходимости решение о его применении принимают совместно Соединённые Штаты и руководство конкретной страны. При этом возможно, что удары будут наноситься не только силами США, но и принимающей стороной¹¹.

3) «Дипломатическо-ядерный» шантаж

Если первые два варианта предполагают реальное наличие той или иной формы ядерного оружия на территории Южной Кореи, то третий вариант подразумевает использование фактора неопределенности в целях оказания давления на политику других стран. Сторонники данной идеи предлагают в случае возникновения кризиса официально заявить, что Южная Корея «рассматривает вопрос о создании собственного ядерного оружия», и предпринять публичные шаги, доказывающие, что в случае необходимости Юг действительно создаст ЯО, несмотря на возражения со стороны, но пока его не создавать либо демонстративно отказываться отвечать на соответствующие вопросы, не принимать проверки МАГАТЭ и пр.¹² Данный подход, по мнению сторонников этой идеи, позволит заставить США и Китай, которые не желают появления ЯО у Юга, более активно заняться ядерной проблемой КНДР, а также будет сдерживающим фактором для Северной Кореи.

2. Аргументы сторонников и противников «ядерного ответа»

Идеи с созданием собственного либо возвращения американского ядерного оружия на территорию Южной Кореи спровоцировали жаркие споры в различных политических, научных, экспертных кругах, а также СМИ и обществе. Данные дебаты стали особенно заметны примерно с 2012—2013 гг., когда КНДР в короткие сроки произвела очередные запуски ракет большой дальности и ядерные испытания, спровоцировав серьезное обострение обстановки в регионе.

1) Технические возможности Южной Кореи по созданию ЯО

Естественно, что один из главных вопросов в связи с обсуждаемой проблематикой — это техническая возможность Южной Кореи создать ядерное оружие собственными силами. Если таковая отсутствует, то все заявления сторонников можно было бы расценивать как блеф. По этому вопросу существуют различные точки зрения¹³. Все это требует полноценного анализа со стороны не политологов, а физиков-ядерщиков, способных профессионально оценить уровень развития корейской инфраструктуры и ее потенциал. Тем не менее объективным фактом является то, что Южная Корея обладает высо-

ким научным, промышленным и техническим потенциалом, соответствующей инфраструктурой научно-исследовательских центров, имеет развитую мирную атомную энергетику, включая более двух десятков работающих атомных реакторов, уже начала экспорт производимых атомных энергоблоков в другие страны. Не только во время правления президента Пак Чон Хи, но и в более позднее время (2004 г.) в Корее проводились исследования, целью которых являлось получение технологий, напрямую связанных с созданием ЯО. Все это позволяет сказать, что в РК имеются как минимум серьезные мощности для создания собственного ЯО. По оценке ряда экспертов, создание собственного ЯО займет у Южной Кореи не более полутора лет, если такая задача будет поставлена правительством страны¹⁴.

2) Дискуссия в политических и экспертных кругах Южной Кореи

Вопрос о собственном ЯО расколол корейское общество, где хватает как сторонников, так и противников его появления. Ограничимся схематической констатацией основных аргументов «за» и «против».

Доводы сторонников ядерного вооружения Республики Корея

- Единственный адекватный ответ, который может сдержать КНДР от применения ЯО, — возможность получить аналогичный ответный удар.
- Гарантии безопасности со стороны США Южной Кореи неэффективны. Несмотря на наличие военного союза с Сеулом, Вашингтон не будет защищать РК как свою территорию, а будет заботиться в первую очередь о своей безопасности. Перспективы ядерного удара КНДР по Южной Кореи могут заставить США вывести войска либо реагировать не так, как хотелось бы Сеулу.
- Все попытки решить ядерную проблему КНДР путем переговоров и санкций провалились. Пхеньян сумел создать как само ЯО, так и средства его доставки, потому настала пора отвечать таким же образом.
- ЯО позволит Югу разговаривать с Севером с равных позиций, что в итоге будет способствовать активизации полноценного межкорейского диалога.

- Наличие ЯО позволит Южной Корее увеличить свой вес в рамках союза с США, приведет к росту влияния страны в рамках баланса сил в регионе.
- Россия, Китай, США, КНДР имеют собственное ядерное оружие. Япония может создать его в течение нескольких месяцев. Только у Южной Кореи нет ЯО, что несправедливо.
- Создание ЯО позволит сократить расходы на обычные вооружения, которые по совокупности обходятся дороже. Это позволит использовать часть денег на мирные нужды.
- Все возможные санкции со стороны международного сообщества Южная Корея способна перенести. Судя по примеру Индии, в отношении которой США отменили санкции за создание ЯО уже через пять лет, это процесс надолго не затянется, а оружие у страны останется навсегда. Кроме того, США неизбежно будут воспринимать как реальную угрозу ядерный Пхеньян, а не Сеул¹⁵.

Аргументы противников

- Наличие в Южной Корее ЯО будет означать окончательный отказ от идеи создания на Корейском полуострове безъядерной зоны и станет признанием ядерного статуса КНДР.
- Попытка создания собственного ЯО потребует выхода из ДНЯО, приведет к санкциям со стороны ООН, США и других стран, что станет сильным ударом для корейской экономики. Учитывая, что Южная Корея очень сильно зависит от внешней торговли и сотрудничества с другими странами, то высока вероятность полномасштабного кризиса в национальной экономике.
- ЯО в Корее будет постоянным поводом для внутривнутриполитических противоречий и споров.
- Произойдет резкое ухудшение отношений с основными крупными державами региона — США, Китаем, Россией и Японией. Неизбежным станет появление своего ЯО у Японии, что уже абсолютно не в интересах Сеула. Возможно, что США полностью откажутся от военного союза с Южной Кореей.
- Это спровоцирует ядерную гонку вооружений в регионе и приведет к еще большей нестабильности. Наличие ЯО у Юж-

ной Кореи не снижает, а, наоборот, увеличивает риск начала ядерной войны на полуострове¹⁶.

- Несмотря на солидный потенциал, Южная Корея не сможет самостоятельно создать полноценное ЯО, так как это требует проведения ядерных испытаний. Пригодных для этого площадок в условиях густонаселенной Южной Кореи нет¹⁷.

3. Позиции других сторон

1) *Подход правительства и правящего лагеря Южной Кореи*

Несмотря на рост давления со стороны различных кругов, официально правительство Республики Корея как при консерваторах (Пак Кын Хе), так и с приходом к власти прогрессивного лагеря в лице президента Мун Чжэ Ина последовательно и категорически отвергала и отвергает любую возможность собственного ядерного вооружения. Это касается как варианта с ТЯО США на Корейском полуострове, так и предложений о создании собственного ЯО. Официальный Сеул заявляет о приверженности идее превращения Корейского полуострова в безъядерную зону¹⁸. Эту же позицию разделяет и нынешняя правящая Демократическая партия «Тобуро»¹⁹.

2) *Позиции США, Китая, России*

При всех существующих взаимных противоречиях официальные члены международного «ядерного клуба» (РФ, КНР, США, Великобритания и Франция) едины в том, что не хотят допустить дальнейшего распространения ядерного оружия. Некоторое различие в позициях все же есть, но в целом главные «официальные ядерные соседи» РК по региону — США, Китай и Россия — выступают против ядерного вооружения Сеула, а также размещения ТЯО США на территории Корейского полуострова²⁰.

4. Общее усиление «проядерных» настроений в Южной Корее

В целом можно констатировать, что в последние годы в Южной Корее существенно увеличилось количество тех, кто выступает за самостоятельное ядерное вооружение либо как минимум за возвращение ТЯО США на Корейский полуостров.

В настоящий момент главная оппозиционная Партия свободной Кореи (ПСК), которая при Пак Кын Хе была правящей, в качестве

своей официальной позиции приняла тезис о том, что будет добиваться возвращения ТЯО США в Корею²¹. Настрой в пользу ядерного вооружения в той или иной форме сильнее и заметнее в кругах консерваторов, включая политические организации, научные институты и СМИ данной направленности. Своего рода пионером этого движения стал уже упоминавшийся ранее экс-лидер ПСК и крупный бизнесмен Чон Мон Чжун, который еще с 2011—2012 гг. открыто говорит о необходимости ядерного вооружения²². Среди прочих заметных фигур — губернатор пров. Кенги Нам Ген Пхиль, ведущий южнокорейский эксперт по ядерной программе КНДР Ким Тхэ У, другие известные лица. Но не только среди консервативных кругов, но и в иных слоях растёт число влиятельных политических, общественных деятелей, экспертов, открыто поддерживающих идею собственной «ядерной карты».

В этом плане своего рода поворотным моментом стало четвертое ядерное испытание КНДР в январе 2016 г., когда Пхеньян заявил об успешном испытании термоядерного оружия. Если до этого идея о собственном ядерном оружии и ТЯО США обсуждалась в основном как теоретический сценарий, то после этого — как реальный возможный вариант действий Сеула.

Что важно, южнокорейская общественность одобряет идею о ядерном вооружении своей страны. Согласно опросам, проводимым с 2013 г., 60 и более процентов корейцев считают, что собственное ЯО необходимо для обеспечения безопасности Юга и сдерживания Севера. Идея с возвращением ТЯО США в Корею встретила в 2017 г. еще большую поддержку — 68 %²³.

IV. Перспективы развития ситуации

Как было отмечено, то, что еще несколько лет назад воспринималось как абстрактная идея, сейчас перешло в разряд реально возможных целей планирования дальнейшего развития Южной Кореи. Инициатива о создании собственного ядерного оружия или как минимум размещения ТЯО США на Корейском полуострове уже поддерживается очень влиятельными политическими силами, экспертами. Южнокорейское общественное мнение весьма подвержено эмо-

циональным колебаниям, а потому к результатам опросов всегда необходимо относиться с определенной сдержанностью, но вот уже несколько лет подряд оно стабильно высказывается в пользу различных самостоятельных инициатив по ядерному вооружению, что позволяет говорить о стойкой тенденции.

Более того, со временем эти настроения постепенно набирают силу. Налицо появление и рост числа сторонников таких идей даже в прогрессивном лагере, в том числе в правительстве страны. В этом плане показательны слова нынешнего министра обороны РК Сон Ен Му во время визита в августе 2017 г. в Вашингтон о том, что в Корее идет дискуссия о размещении ТЯО США²⁴. Хорошо известно, что ядерное вооружение Юга пользуется большой поддержкой в среде южнокорейского генералитета в целом, а также импонирует националистически настроенным силам.

Даже правительство США стало озвучивать идею о возвращении на Корейский полуостров ТЯО. Очевидно, что это делается для оказания влияния не столько непосредственно на КНДР, сколько на Китай, чтобы таким шантажом добиться большей уступчивости Пекина по северокорейскому вопросу. Тем не менее в среде военных и конгрессменов США идея возвращения ТЯО в Корею находит поддержку²⁵.

Другой момент, который также следует учитывать, это возможность изменения официального подхода правительства Республики Корея. Политологи Кореи как никто другой знают о популярности идей о собственном ядерном оружии. В этой связи нельзя исключать сценария, когда правящая партия, а затем и правительство в случае перспектив поражения на выборах в целях привлечения на свою сторону электората начнут открыто выступать за реализацию собственной военной ядерной программы.

Создать собственное ядерное оружие и довести его до уровня принятия на вооружение не так просто. Высока вероятность, что та же южнокорейская общественность начнет демонстрировать иные настроения, когда перспектива ответных санкций со стороны международного сообщества за попытки Сеула создать ЯО и, как следствие, серьезного кризиса для экономики Кореи станет очевидной. Тем не менее в настоящий момент мы столкнулись с ситуацией, ко-

гда речь может идти о ядерном вооружении уже Южной Кореи, а не только Северной. Учитывая вес и авторитет Сеула, а также расклад сил в регионе, это чревато крайне негативными последствиями не только регионального, но и международного масштаба в плане реализации сценария «ядерного домино» и расползания ЯО по всей планете. Многие страны имеют достаточный научно-технический, технологический и промышленный потенциал для успешного развития собственных военных ядерных программ. Данный сценарий следует учитывать в том числе и при планировании внешнеполитических действий России в регионе, включая возможность кооперации с другими странами (например, с Китаем) по этому вопросу. Это требует действий по решению проблемы как «катализатора» проядерных тенденций Сеула в лице ядерной программы КНДР, так и работы с самой Южной Кореей, чтобы не допустить появления еще одной ядерной державы.

Примечания

¹ The James Martin Center for Nonproliferation Studies. The CNS North Korea Missile Test Database. URL: <http://www.nti.org/analysis/articles/cns-north-korea-missile-test-database>

² North Korea claims successful H-bomb ICBM warhead test // The Korea Herald. 03.09.2017.

³ Army Recognition Group. South Korea increase of 7 % for defense budget 2018 with \$40.5 billion. 04.01.2018. URL: [https://www.armyrecognition.com/january_2018_global_defense_security_army_news_industry/south_korea_increase_of_7_for_defense_budget_2018_with_\\$40.5_billion.html](https://www.armyrecognition.com/january_2018_global_defense_security_army_news_industry/south_korea_increase_of_7_for_defense_budget_2018_with_$40.5_billion.html)

⁴ US and South Korea agree to end missile payload limits // New York Post. 04.09.2017.

⁵ 3 military systems to counter N. Korea: Kill Chain, KAMD, KMPR // The Korea Times. 01.11.2016.

⁶ US promises to deploy 'strategic' military assets near Korean peninsula // The Guardian. 28.09.2017.

⁷ *Пэ Су Ган*. Нам Гён Пхиль: Хэкмучжан чунби конгэ тхоронхача : [Нам Гён Пхиль: Давайте открыто обсудим подготовку к ядерному вооружению] // Синдона. 2016. № 11. С. 138—145.

⁸ Чон Сон Чжан. Тэтхоннён кёльтанхамён 18 кэвольнэ хэкмучжан канын : [Если президент примет решение, то ядерное вооружение возможно в течение не более 18 месяцев] // Синдона. 2016. № 3. С. 160—167.

⁹ Чон Мон Чжун: «Уридо чачхе хэкмучжанхэя» : [Чон Мон Чжун: «Мы тоже должны вооружиться собственным ядерным оружием»] // Енхап Ньюс. 03.06.2012.

¹⁰ Квон Чжэ Хён. Чомчха хим оннын токча хэкмучжанронгва кы тэан. Чачхе хэкмучжаниня чонсультхэк чэбэчхиня? : [Постепенно усиливающиеся призывы по поводу собственного ядерного вооружения и его варианты. Создание собственного ядерного оружия или возвращения тактического ЯО?] // Синдона. 2017. № 9. С. 92—99.

¹¹ Ли Чжон Хун. Тогиль, недолландычхором мие хэкконью <nuclear sharing> ёгухэра : [Как Германия и Нидерланды нам необходимо потребовать от США совместное использование ЯО (nuclear sharing)] // Синдона. 2016. № 3. С. 174—177.

¹² Пэ Су Ган. Нам Гён Пхиль: Хэкмучжан чунби конгэ тхорончача : [Нам Гён Пхиль: Давайте открыто обсудим подготовку к ядерному вооружению] // Синдона. 2016. № 11. С. 138—145.

¹³ Чон Ун Сик. «Конпхоы пульгюнхён»сок «хэккачжин кананхан хангук» вонхана : [Хотим ли мы получить ядерную, но бедную Южную Корею в рамках «дисбаланса ужаса?】 // Синдона. 2016. № 3. С. 168—173.

¹⁴ Чон Сон Чжан. Тэтхоннён кёльтанхамён... С. 160—167.

¹⁵ Там же. С. 160—163.

¹⁶ Sokolsky R. The Folly of Deploying US Tactical Nuclear Weapons to South Korea. URL: www.38north.org. 01.12.2017. URL: <https://www.38north.org/2017/12/rsokolsky120117>

¹⁷ Чон Ун Сик. «Конпхоы пульгюнхён» сок... С. 168—173.

¹⁸ South Korea will not develop nuclear weapons: President // Channel News Asia. 01.11.2017.

¹⁹ Ruling party leader reiterates opposition to nuclear armament // Yonhap News. 11.09.2017.

²⁰ 'US does not support tactical nuke deployment to South Korea' // The Korea Herald. 07.09.2017.

²¹ Хангуктан 'чонсультхэкчэбэчхи' понкёк дырайбы... Есан панёндо комтхо : [Партия свободной Кореи активизирует усилия по размещению тактического ядерного оружия... Рассматривается вопрос о включении расходов на это в бюджет] // Енхап Ньюс. 09.09.2017.

²² Чон Мон Чжун: «Уридо чачхе хэкмучжанхэя» : [Чон Мон Чжун: «Мы тоже должны вооружиться собственным ядерным оружием»] // Енхап Ньюс. 03.06.2012.

²³ North Korea Rouses Neighbors to Reconsider Nuclear Weapons // The New York Times. 11.10.2017.

²⁴ Ханмикукпанчангван 'чонсульхэк' чхот корон...Я, хэкмучжан кёриан : [Министры обороны Южной Кореи и США впервые упомянули о 'тактическом ядерном оружии'... Оппозиция внесла законопроект о ядерном вооружении] // The TV Chosun. 31.08.2017. URL: http://news.tvchosun.com/site/data/html_dir/2017/08/31/2017083190154.html

²⁵ США пригрозили Китаю ядерным вооружением Японии и Южной Кореи // Российская газета. 10.09.2017.

Раздел II

ЭКОНОМИКА

И ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ

С.С. Суслина

70 ЛЕТ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОРЕВНОВАНИЯ КНДР И РК: НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ

С 1948 г. на Корейском полуострове развернулось активное экономическое соревнование. Взяв за основу ориентацию на мировой рынок, Южная Корея к концу 1970-х годов вырвалась в лидеры и устойчиво удерживает ведущие позиции, тогда как Северная Корея, эксплуатируя модель импортозамещающего развития, достигла менее впечатляющих результатов. В статье предпринята попытка переосмыслить некоторые стереотипные подходы в оценках итогов и характера экономического развития двух стран.

Ключевые слова: КНДР, Республика Корея, экономическое соревнование, социально-экономическое развитие.

Since 1948 the Korean peninsula has become an arena for competition between the two Korean states. Pursuing export oriented policies South Korea reached the position of a leader by late 1970s and until now holds the leading position, whereas North Korea has reached less impressive results by using the import substitution development model. The article represents an attempt to rethink some stereotypes in approaches to the results and character of the economic development of the two countries.

Keywords: DPRK, Republic of Korea, economic competition, socio-economic development.

Корейский полуостров сегодня представляет большой интерес для изучения экспертами разных стран самого продолжительного эксперимента, который, по замыслам лидеров двух мировых систем в середине XX в. должен был наглядно продемонстрировать на примере раздельно развивающейся нации преимущества капиталистического и социалистического путей развития. В 1990-е годы ответ на вопрос, кто в итоге в этом соревновании победил, в мировом сообществе был решен в пользу открытой либерально развивающейся экономики Южной Кореи.

На исходе второго десятилетия XXI в. в мире все чаще стали проявляться тенденции к протекционизму, разрыву интеграционных связей и возвращению собственного производства в страну, причем начало этим процессам положили США, в прошлом активно проводящие идеи либерализма.

И в этом плане пример двух Корей уникален не только из-за своей семидесятилетней истории, но и по причине того, что в последние годы демонстрирует уже достаточно спорные результаты, подрывающие, казалось бы, незыблемые каноны экономической мысли. Вопрос в том, как практически изолированная от мировой экономики страна — КНДР — смогла не только выжить, но и продемонстрировать свою жизнеспособность, доказав ее, в частности, впечатляющим развитием военно-промышленного потенциала, требующего, в свою очередь, если не достаточно высокого уровня развития науки и техники, то приемлемого уровня применения в своих специфических условиях мировых научно-технических разработок. Последние военно-технические достижения КНДР заставляют исследователей по-иному взглянуть на итоги соревнования двух систем на Корейском полуострове, отойти от штампов чисто количественного анализа и обратиться к более глубокому изучению результатов экономического развития двух стран, попытаться, хотя и в отсутствии доступа к экономической статистике КНДР, выявить факторы жизнеспособности северокорейской экономики, дать экспертные оценки ее экономического потенциала. Это имеет определенное значение и для российского экспертного сообщества, которое в последние годы в условиях западных экономических санкций

против России все большее внимание обращает на использование политики импортозамещения.

На протяжении 70 лет в истории корейских государств отчетливо выделяются отдельные этапы, свидетельствующие об их острой борьбе за первенство. Два корейских государства продемонстрировали свои взлеты и падения, застои и подъемы в экономическом развитии.

Нельзя не учитывать, что выбор каждым корейским государством своего пути социально-экономической модернизации был в значительной, если не определяющей, степени мотивирован позициями ведущих держав того времени — СССР и США — в отношении Корейского полуострова. Корейский полуостров стал одной из восточных границ мира социализма и капитализма. Это впоследствии вошло в число решающих факторов их выживания и дальнейшей экономической трансформации.

На протяжении 1940—1960-х годов в Северной Корее при всеобщей поддержке СССР перенимался советский опыт экономических и социальных преобразований, что принесло столь положительные результаты, что Север Кореи по темпам развития, характеру и глубине структурных и системных преобразований значительно превзошел Юг, оставшийся до середины 1970-х годов более отсталым и зависимым от США. Если на Севере проходили радикальные реформы (национализация собственности японских колонизаторов и коллаборационистов, конфискация без выкупа земель и храмовой собственности, кооперирование в аграрной сфере, кооперирование мелкой собственности в промышленности и сфере услуг, переход на планирование народного хозяйства), то на Юге не отказались от частной собственности, весьма либерально решался вопрос ликвидации бывшей японской собственности, активно перенимался американский опыт в процессе выработки стратегии экономического развития.

Так или иначе, обе страны пошли по пути демократических реформ, означавших полную ликвидацию остатков японской колониальной системы как в государственной структуре, так и в экономике. Эти реформы коснулись основ северокорейского и южнокорейского общества, они охватили все важные сферы социально-

экономического развития и в конечном итоге утвердили господство частной собственности на Юге и государственно-кооперативной — на Севере. В результате на Севере Кореи были заложены предпосылки развития по пути народной демократии и социализма, а на Юге — по пути стран догоняющего развития в рамках теории «третьего мира». Впоследствии сложились две модели догоняющего развития: социалистическая (впоследствии «чуждейская» или административно-командная) на Севере и южнокорейская модель бюрократического капитализма, когда частная инициатива находится под контролем и патронажем государства.

Каждое из корейских государств начинало подъем примерно с одинакового уровня развития, при том что природно-ресурсная база, доставшаяся Северной Корее, была более разнообразная и богатая в количественном измерении.

На этапе «первого скачка» как для Северной, так и для Южной Кореи огромное значение имела безвозмездная материальная помощь и займы развития¹. В частности, за 1950—1960-е годы СССР предоставил КНДР кредитную помощь в размере 567 млн руб. (по состоянию на 1972 г.). Общий объем американской помощи Южной Корее в период с 1945 по 1961 г. составил примерно 3,1 млрд долл.²

К 1970-м годам пути развития двух стран еще более расходятся, но в основе каждого лежит свое представление о возрождении корейской нации. На основе реальных успехов, достигнутых при содействии стран социализма, КНДР приступила к разработке и воплощению своей модели социализма — чуждейского, который имел ряд существенных отличий, преподносившихся руководством страны как творческое развитие вождем Ким Ир Сенем учения марксизма-ленинизма.

В Республике Корея во второй половине 1970-х годов наметился первый экономический рывок, который показал не только, что Юг начинает обгонять Север, но и подтвердил адекватность выбора руководством Пак Чжон Хи концепции последующего экономического развития страны по пути экспортоориентированного роста и интеграции в мировую экономику. Так определилось еще одно принципиальное расхождение в подходах к модернизации двух Корей:

ориентация на собственные силы на Севере (чучхе) и ориентация на открытость и включенность в мирохозяйственные связи на Юге.

С конца 1970-х годов Южная Корея, достигнув впечатляющих результатов в догоняющем развитии, вырвалась в лидеры и впоследствии устойчиво удерживала ведущие позиции в соревновании на Корейском полуострове. Положение быстро развивающейся открытой рыночной экономики дало ей возможность стать одной из крупнейших экономических и торговых держав в Восточной Азии. Историю модернизации южнокорейской экономики можно подразделить на три главных этапа: *первый* охватывает время правления пришедшего к власти с поддержки США Ли Сын Мана (1948—1960), *второй* — архитектора экономического прорыва РК — генерала Пак Чон Хи и в дальнейшем его последователей (1961—1997) и *третий* — реформирование модели экономического развития после Азиатского финансово-экономического кризиса (1998 г. по настоящее время). В течение первых после освобождения почти 15 лет РК получала всестороннюю поддержку и помощь США, которые утверждали, что Южная Корея превратится в «витрину свободного мира и бастион демократии в Азии»³. Однако результат был плачевный: экономика имела невысокие темпы роста, не достаточные для преодоления колониальной отсталости и ускоренной модернизации, а население бедствовало. К чему привело такое положение — хорошо известно: режим Ли Сын Мана в 1960 г. был сметен. С приходом к власти генерала Пак Чжон Хи, в правление которого страна сумела осуществить свой исторический прорыв из нищеты и отсталости в мир развивающихся экономик, РК стала одной из первых экспериментальных площадок, где успешно апробировалась стратегия экспортоориентированного развития для развивающихся стран.

Отмечая нестандартные для развивающейся страны достижения Южной Кореи в 1970—1980-х годах, известный советский кореевед В.И. Шипаев отмечал, что «...ни одна из азиатских стран не имела столь крупных “инъекций” иностранного капитала как по государственным, так и по частным каналам, ни одна из азиатских стран не была столь тесно связана с американским и японским рынками»⁴. Разгадка крылась в том, что Южная Корея являлась расколотой страной и играла особую роль в военно-политической стратегии за-

падного мира, и поэтому в основе ее экономического успеха лежали, прежде всего, внешнеэкономические причины⁵.

В условиях благоприятной мировой конъюнктуры (низкие цены на нефть, доступность финансовых средств, технологий и выхода на мировой рынок) в совокупности с адекватно выбранной стратегией и программой приоритетов в экономическом развитии, мобилизацией национально-патриотического настроения населения и предпринимательства при направляющей роли государственной власти — все это стало основой для экономического прорыва РК, начавшегося с конце 1970-х годов и продолжавшегося до середины 1990-х.

Северная Корея пошла своим путем, эксплуатируя модель импортозамещающего развития, что также дало определенные положительные результаты, которые показали, хотя и не бесспорную, эффективность и жизнеспособность такого развития.

Следует отметить, что замкнутый характер развития КНДР был отчасти мотивирован многолетним опытом недружественного отношения мирового сообщества к этой стране. В 1970—1980-е годы КНДР предпринимала попытки наладить диалог с рядом капстран и Южной Кореей, в том числе даже по линии создания совместных компаний, привлечения иностранных инвестиций и введения специальных привилегий для иностранного инвестора. Однако это не принесло ей существенных результатов, наоборот, страна оказалась в долгах по полученным иностранным займам, после чего получила имидж неплатежеспособного партнера.

1990-е годы принесли разные результаты обеим странам. Так, до 1997 г. Южная Корея демонстрировала бум развития и процветания, который последовал за реализацией нескольких пятилетних планов-программ экономического подъема, в совокупности определивших «сеульское чудо».

Однако Азиатский кризис, охвативший Южную Корею в самом конце 1990-х годов, выявил многие коренные ошибки, просчеты, неизжитые пагубные традиции южнокорейского общества, сознание которого отставало от технологического и экономического прогресса. Вытянувший страну из кризиса демократический лидер Ким Дэ Джун определил для РК эпоху реформаторских изменений, коснувшихся практически всех сфер жизни. Реформам были подвергнуты

государственный и частный сектора, система управления, финансовый и банковский сектора, система образования и рынок труда, структура корпоративного сектора и т. д.

Первичным результатом стало оживление экономики и быстрый выход из кризиса. Однако, как оказалось, ряд реформ, особенно в корпоративной сфере, системе государственного управления, в системе образования, медицинского и пенсионного обеспечения, имеют долговременный характер. В настоящее время Южная Корея сталкивается со многими вызовами, которые проявляются в частичной слабости ее внутреннего рынка и снижении конкурентоспособности продукции ряда ее отраслей на внешнем. Главной целью текущего реформирования выступает задача достижения Южной Кореей устойчивого, стабильного сбалансированного роста всего экономического комплекса, создания в РК высококонкурентной цифровой экономики и гражданского общества в системе социального устройства. В РК этого не мыслят без участия на лидирующих позициях в современной глобальной экономике. Поэтому там с тревогой наблюдают за разрушительными тенденциями, привносимыми в мировую экономику действиями руководства США и Великобритании. Весьма беспокоит руководство РК и большая зависимость страны от Китая, конкуренция со стороны которого постоянно нарастает.

Для Севера 1990-е годы стали периодом «выживания и лишения». Распад мировой социалистической системы привел к тому, что КНДР осталась без поддержки и помощи, которая составляла в 1980-е годы существенную долю в ее ВВП и внешнеторговом обороте страны, в отдельные годы доходя до 70 % от их объема. Находясь в изоляции и не получив обещанной помощи от международного сообщества для стабилизации своего энергетического баланса после первого ядерного кризиса в 1994 г., КНДР увидела гарантию своей безопасности и выживания в еще большей концентрации и мобилизации всех внутренних усилий и возможностей в рамках политики параллельного развития военного и экономического комплекса. Это потребовало огромных жертв и существенных затрат, которые частично восполнялись с помощью Китая. В этот период в КНДР закладываются основы новой экономической политики и военной доктрины, которые принесли свои плоды позже, два десятилетия спустя.

Некоторые послабления в хозяйственной деятельности и жизни страны многими экспертами воспринимаются подтверждением того, что социалистический строй в КНДР в его классическом понимании по большей части еще в 1990-е годы если не прекратил, то существенно сузил границы своего существования. Одновременно частный сектор, появившийся во второй половине 1990-х годов, не просто существует, но и производит от 30 до 60 % всего ВВП КНДР, что отчасти напоминает Советский Союз 1980-х годов⁶.

Еще при жизни Ким Ир Сена отмечалась низкая эффективность развития и предпринималось частичное реформирование северокорейской экономики (стремление приоткрыть страну через налаживание сотрудничества с Западным миром в 1970-е годы, попытки привлечь иностранный капитал и разработка соответствующего законодательства). Далее, в годы правления Ким Чен Ира были реализованы «меры 1 июля 2002 г.» и денежная реформа 2009 г. Программа мер по улучшению системы управления экономикой от 1 июля 2002 г. должна была скорректировать недостатки в управлении экономикой⁷. Для преодоления хронического дефицита сырья и материалов была предпринята попытка сбалансировать цены и заработную плату в соответствии с рыночной системой спроса и предложения. В результате экономика оставалась социалистической, но постепенно стали пускать корни элементы частного предпринимательства. Однако в 2009 г. руководство страны провело денежную реформу, целью которой было сдержать рост капиталистических элементов в обществе⁸.

После смерти Ким Чен Ира в 2011 г. его сын взял под контроль те процессы стихийного перерождения государственного планового социализма. В КНДР, как и в Китае, была разрешена новая форма хозяйствования — семейная аренда, которая, по-видимому, и стала основной причиной последовавшего прорыва в сельском хозяйстве. В соответствии с директивой Ким Чен Ына «Об установлении новой системы экономического управления нашего образца» от 28 июня 2012 г.⁹ «некоторые заводы, предприятия и колхозы стали осуществлять независимое и творческое управление в качестве пилотной программы под руководством Кабинета министров»¹⁰.

Однако государственная собственность на средства производства и порядок назначения руководителей заводов со стороны Трудовой партии Кореи (ТПК) сохранялись, а предприятия обязывались отдавать государству определенную часть своей прибыли¹¹. В сфере внешнеэкономической деятельности КНДР продолжает политику по расширению внешнеэкономических связей и привлечению в страну иностранных инвестиций. В мае 2013 г. был принят Закон о зонах экономического развития¹² (в настоящее время их заявлено 23), в которых Северная Корея обещает инвесторам преференциальные условия для ведения бизнеса (в области аренды земли, найма рабочей силы, льготного налогообложения и т. п.), особенно в сферах строительства инфраструктуры, современных технологий и производства товаров, конкурентных на мировом рынке.

Нельзя не видеть, что отмечаемая стабилизация экономики в КНДР может иметь временный эффект как результат оживления в рамках ускоренного мобилизационного военно-экономического развития (примером — бывший Советский Союз), в то время как острые проблемы ее остаются и накапливаются. В первую очередь, это серьезные диспропорции (дисбалансы) в ее развитии: *секторские* (в соотношении сельского хозяйства и промышленности, промышленности и сектора услуг), *отраслевые* (добывающей и обрабатывающей промышленности, между развитием производства и энергетической отраслью, в структуре отраслей промышленности [между легкой и тяжелой] и т. д.). Пока эти диспропорции частично разрешаются в рамках жесткой контрольно-распределительной политики административно-командной системы. Однако это лишь консервирует ситуацию, не давая ей радикального решения.

В целом нельзя не признать отмечаемую в последние годы в КНДР стабилизацию в политической и экономической сферах, что было достигнуто в непростых условиях — обострения внешнеполитической обстановки на Корейском полуострове, ужесточения международных санкций, которые значительно сужали и без того не богатые возможности КНДР.

Подводя некоторые итоги 70-летнего соревнования, можно отметить, что действительно по всем принятым в мировом сообществе количественным параметрам измерения экономических достиже-

ний Северная Корея сегодня значительно проигрывает Южной (табл. 1). С 1953 г. по настоящее время ВВП на душу населения РК вырос в 417 раз. Это, наряду с выходом из бедности, укреплением статуса в мировой экономике, созданием глобальных компаний, улучшением структуры общества, созданием системы соцобеспечения, стало главными выдающимися достижениями страны с момента приобретения независимости. С 1953 г. РК сумела увеличить свой ВВП на душу населения с 66 до 27 533 долл. в 2016 г. По уровню номинального ВВП, составившего 1 трлн 411 млрд долл., РК заняла в

Таблица 1. Сравнение результатов экономического развития КНДР и РК на современном этапе (2015—2017)

Показатели	КНДР	РК
Территория, тыс. кв. км	120,5	100,2
Население, млн человек	24,5	51,5
ВВП, млрд долл.	32,4	1411 (2016)
ВВП на душу населения, долл.	1224 (2015)	27200
Темп экономического роста, %	3,9 (2016)	3,0—3,2 (2017)
ВНД, млрд долл.	30,3	1363,5
Внешняя торговля, млрд долл.		
Товарооборот	6,26	901,6 (2016)
— экспорт	2,7	495
— импорт	3,56	406,6
Соотношение стран по ВВП		ВВП РК в 44 раза больше ВВП КНДР
Соотношение стран по ВНД		ВНД РК в 45 раз превышает ВНД КНДР
Соотношение по объему внешнеторгового оборота		Внешнеторговый оборот в 144 раза больше внешнетор- гового оборота КНДР

Источник: По данным Банка Кореи. Press Realease The Bank of Korea. July 22, 2017; North Korean Economy Watch.

2016 г. 11-е место в мире, а по объёму товарооборота 901,6 млрд долл. — девятое место¹³. По южнокорейским оценкам, ВВП РК почти в 44 раза больше северокорейского и в 21 раз по показателю на душу населения¹⁴. Однако встает вопрос: как, имея в половину меньшее население и немного большую по площади территорию при более разнообразной природно-ресурсной базе, Северная Корея в условиях ожесточенного санкционного режима смогла так долго просуществовать, осуществить свою ядерно-ракетную программу и продемонстрировать положительную динамику экономического роста? Только ли значительная помощь со стороны КНР дала КНДР такую мощную поддержку и стимул развития и своей модернизации? Конечно, в отсутствии или труднодоступности достоверных источников провести глубокий многофакторный анализ весьма затруднительно. Но в то же время нельзя и однозначно ответить, кто выиграл в этом соревновании? Ведь неизвестно, какой бы получился результат, если бы обе страны были поставлены в равные условия, благоприятствующие их развитию.

А подумать об этих условиях следует уже сейчас, когда в начале 2018 г. намечился очередной виток разрядки напряженности в межкорейских и, что, возможно, еще важнее, американо-северокорейских отношениях. И здесь позиция российских экспертов сводится к тому, что включение Северной Кореи в процессы мировой и региональной интеграции подвигло бы её смелее освобождать экономику от чрезмерного государственного контроля и давать простор частной рыночной инициативе, что произошло в КНР, успешно происходит во Вьетнаме. Известно, что попытки вовлечения КНДР в качестве участника крупных международных проектов (газового, нефтяного, железнодорожного, энергетического моста в СВА, Туманганского проекта и др.) уже предпринимались в надежде содействовать тем самым социально-экономическим подвижкам в ее экономике. Результат не был достигнут, но не целиком по вине самой КНДР. В настоящее время появилось еще много международных проектов на основе различных инициатив евразийского сотрудничества. Привлечение КНДР многие участники пока вообще не рассматривают, считая Северную Корею главным «тормозом» предыдущих застопорившихся проектов. Но бесспорным фактом является «географиче-

ская» включенность КНДР в эти проекты, причем наиболее экономически выгодным путем. Другим направлением могло бы стать участие иностранных инвесторов в развитии экспортных и других специальных зон на территории КНДР, но для этого необходим ряд условий, в числе которых снятие международных санкций и устранение напряженности на Корейском полуострове. Внешние силы могли бы сыграть более позитивную роль в обеспечении КНДР условий, необходимых для успешного проведения реформ, в числе которых гарантии политической и экономической стабильности на Корейском полуострове, финансовый капитал, энергетическая и технологическая помощь, содействие в выходе на мировой рынок, включение ее экономики в производственно-технологические цепочки мировой экономической интеграции.

Введение более жестких санкций, безусловно, еще более усложнит экономическую ситуацию в КНДР, но это также сокращает возможности позитивного воздействия на Северную Корею. Опыт КНДР показывает, что даже ужесточение санкций не привело пока к возникновению там социально-экономической нестабильности, политических волнений. Поэтому к числу единственно действенных мер следует отнести только меры налаживания позитивного диалога и сотрудничества с КНДР, тогда как другой путь ведет к войне. Наметившиеся в начале 2018 г. позитивные шаги навстречу друг к другу со стороны КНДР и РК внушают надежду, что межкорейский диалог, застопорившийся со времен президентства Ли Мен Бака, наконец возобновится и две Кореи найдут свой собственный путь к воссоединению.

Примечания

¹ Подробный анализ всего объема помощи Советского Союза Северной Коре в восстановлении ее государственного суверенитета и экономическом развитии представлен в книге Ю.В. Ванина «Советский Союз и Северная Корея (1945—1948)». М., 2016. С. 142—212.

² *Тихонов В.М., Кан Мангиль. История Кореи. Т. 2. Двадцатый век Экономическая помощь США.* URL: http://historylib.org/historybooks/V-M--Tikhonov--Kan-Mangil_Istoriya-Korei--Tom-2--Dvadsatyy-vek

Л.В. Захарова

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ЭКОНОМИКИ КНДР*

С самого начала существования КНДР внешний фактор играл важную роль в формировании и развитии народнохозяйственного комплекса страны. Распад социалистического лагеря и СССР, лишивший Северную Корею льготных условий торговли и кредитования, привел к резкому сокращению внешнего товарооборота республики, что стало значимым фактором экономического кризиса в КНДР середины 1990-х годов. Начало XXI в. ознаменовалось активизацией политики Северной Кореи по привлечению иностранных инвестиций, расширением круга торговых партнеров и увеличением общего объема товарооборота. В докладе представлен анализ основных направлений и форм внешнеэкономических связей КНДР с момента образования республики до современности с точки зрения места внешнего фактора в развитии экономики страны.

Ключевые слова: КНДР, внешняя торговля, инвестиции, сотрудничество, санкции.

From the very foundation of the DPRK, an external factor played an important role in the development of the national economy. The collapse of the socialist camp and the USSR, which deprived North Korea of

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-78-10126).

The research was supported by Russian Science Foundation (project № 17-78-10126).

preferential terms of trade and lending, led to a sharp reduction in the republic's foreign trade. It became an important factor in the economic crisis in the DPRK in the mid-1990s. At the beginning of the 21st century North Korea's external economic policy was aimed at attracting foreign investments, diversification of trade partners and increasing of the total trade volume. The report presents an analysis of the main directions and forms of the DPRK's foreign economic relations in terms of the external factor's role in the development of the country's economy.

Keywords: DPRK, foreign trade, investment, cooperation, sanctions.

На протяжении всей истории Северной Кореи внешний фактор играл важную роль в развитии экономики страны. В изменении основных форм и направлений экономического сотрудничества КНДР с зарубежными странами можно выделить три основных этапа. *Первый этап* охватывает период с 1948 по 1990 г. Его начало характеризовалось односторонней ориентацией Северной Кореи на СССР и другие социалистические страны. Во многом это было обусловлено тем, что Запад не шел на экономические контакты с Пхеньяном.

Существенное влияние на формы и содержание внешнеэкономических связей КНДР в 1950-е годы оказали колониальная структура экономики, в прошлом завязанная на Японию, разрыв хозяйственных связей с южной частью Кореи в результате раскола страны в 1948 г., а также колоссальный ущерб, нанесенный экономике Корейской войной 1950—1953 гг. В результате КНДР главным образом принимала помощь от СССР и других социалистических стран. Кроме того, Северная Корея фактически «импортировала» некоторые черты экономической модели развития Советского Союза, сделав ставку на форсированное развитие тяжелой промышленности и сверхцентрализованную систему управления хозяйственным механизмом¹.

Значительная часть потребностей КНДР удовлетворялась за счет внешних источников, во многом благодаря им в республике осуществлялась индустриализация. В послевоенный период (1954—1956) для восстановления народного хозяйства социалистические страны оказывали КНДР безвозмездную помощь, предоставляли ей кредиты на закупку промышленного оборудования, сырья и материалов. В импорте КНДР удельный вес товаров, полученных в счет безвоз-

мездной помощи и кредитов, составил 77,6 %. В 1954—1960 гг. благодаря помощи социалистических стран было восстановлено, построено и реконструировано около 50 предприятий и других объектов, составлявших основу национальной экономики². Важным направлением внешнеэкономических связей КНДР с самого начала было научно-техническое сотрудничество. В частности, Советский Союз ознакомил северокорейских специалистов с научно-техническими и производственными достижениями более чем по 2500 темам³.

В 1960-е годы руководство КНДР попыталось сделать ставку на сознательное ограничение роли внешних факторов в экономическом развитии. Теоретической базой этой стратегии являлась идея чучхе, обосновывавшая необходимость достижения самостоятельности в экономике. Руководство КНДР в первую очередь направляло средства в создание «антиимпортных» производств, стремясь повысить степень самообеспеченности и замкнутости экономики страны. Тем не менее внешняя торговля продолжала играть важную роль в развитии народного хозяйства КНДР. За счет импорта республика полностью удовлетворяла свои потребности в коксующемся угле, нефтепродуктах, натуральном каучуке, хлопке, шерсти, сахаре, марганцевой руде, апатитах. За рубежом Северная Корея также закупала значительное количество оборудования, точных приборов и других промышленных товаров⁴. На долю социалистических стран в 1965 г. приходилось 84 % всей внешней торговли КНДР, половина из которых составлял товарооборот с СССР⁵.

Результатом экономических проблем внутри страны стала корректировка внешнеэкономической политики КНДР на рубеже 1960—1970-х годов⁶. Северная Корея стала стремиться к расширению и диверсификации экономических связей по нескольким направлениям: со странами Запада, с развивающимися государствами по линии «третьего мира», а также со странами СЭВ. В 1970-е годы Пхеньяну удалось получить крупные кредиты от западных стран на закупки современных технологий, машин и оборудования. Однако погашать задолженность своевременно КНДР оказалась не в состоянии уже в середине 1970-х годов.

Как отмечает Г.Д. Толорая, формирование народнохозяйственного комплекса КНДР, в особенности промышленности, в значительной мере происходило на основе использования внешних финансовых средств, технического содействия, оборудования и технологий социалистических, а с начала 1970-х годов и ряда капиталистических стран. В 1960—1970-е годы социалистические страны предоставили КНДР кредитные средства на общую сумму около 1,1 млрд руб., кроме того, оказывалась безвозмездная помощь⁷. В 1970-е годы КНДР получила около 1 млрд руб. кредитов от ряда капиталистических стран (таких, как Австрия, Финляндия, Швеция, ФРГ, Англия), которые были использованы в основном для закупки оборудования на капиталистическом рынке⁸.

В 1980-е годы Северная Корея предприняла попытку расширить внешнеэкономические связи на основе создания экспортных производств в некоторых отраслях (например, в швейной промышленности), привлечения иностранных инвестиций в совместные предприятия. В 1984 г. был принят Закон о совместных предприятиях, благодаря которому предполагалось привлечь зарубежные инвестиции и получить передовые технологии. Однако больших успехов на этом направлении достичь не удалось, как не получилось и достичь существенного расширения внешней торговли.

В целом к началу 1990-х годов КНДР отставала от большинства бывших соцстран по степени развития внешнеэкономических связей. По оценкам российских специалистов, доля экспорта в национальном доходе не превышала 10 %, а товарооборот на душу населения был в 12-13 раз ниже, чем у восточноевропейских стран⁹. К этому моменту специализация КНДР на мировом рынке заключалась в поставках сырьевых товаров и продукции с невысокой степенью обработки, среди которых были, например, магнезитовый клинкер, цинк, свинец, цемент и др. Основу импорта составляли товары производственного назначения — важнейшие для экономики страны виды оборудования, сырья и материалов. Непропорционально малый объем внешнего товарооборота Северной Кореи свидетельствовал о неприспособленности существовавшего экономического комплекса КНДР к активному участию в международном разделении труда и низком уровне его международной специализации¹⁰.

Таким образом, в КНДР к концу 1980-х годов сложилась ситуация, при которой в условиях высокой значимости внешнего фактора для формирования, функционирования и модернизации экономического комплекса страны сама структура и механизм осуществления внешнеэкономических связей оказались недостаточно устойчивыми перед лицом геополитических перемен, связанных с распадом мировой социалистической системы.

Второй этап в развитии экономического сотрудничества КНДР с зарубежными странами (1990-е годы) можно назвать переходным. Он наглядно продемонстрировал значимость внешнеэкономических связей, а точнее сложившейся в «советский период» системы их осуществления для экономики КНДР. В 1980-е годы Северная Корея получала от соцстран важнейшие виды сырья и материалов по льготным ценам, которые могли быть в 3-4 раза ниже мировых. В 1990-е годы торговые партнеры стали требовать оплату уже по мировым ценам. Такое внезапное повышение стоимости импорта нанесло удар по экономике страны и особенно сказалось на сфере производства в КНДР, приведя к сокращению капиталовложений и объемов производства. Изменилась и система расчетов: вместо использования клирингового механизма теперь необходимо было рассчитываться за поставки твердой валютой, заработать которую в условиях повысившихся цен на сырье для КНДР было сложно. В отличие от восточноевропейских стран, получавших в период реформирования экономики финансовую помощь от международных организаций, КНДР, сохранявшая соцсистему, не могла рассчитывать на нее.

В сложившейся ситуации в Северной Корее произошло значительное падение валового национального продукта (ВНП) и объемов производства. По имеющимся оценкам, сокращение выпуска промышленной продукции в 1999 г. составило 50 % к уровню 1994 г.¹¹ Падение производственных возможностей страны привело к сокращению внешнеторгового оборота. По южнокорейским данным, в 1990 г. он составлял почти 4,2 млрд долл., но уже в 1998 г. его объем достиг исторического минимума в 1,4 млрд долл. (без учета межкорейской торговли).

В условиях столь серьезного экономического кризиса сложно было рассчитывать на успех осторожных попыток руководства КНДР привлечь иностранный капитал. Закон об иностранных инвестициях¹², принятый в 1992 г., разрешил иностранные капиталовложения в «различные сектора, такие как промышленность, сельское хозяйство, строительство, транспорт, телекоммуникационные технологии, туризм, коммерция и финансовые услуги» (ст. 6). При этом особое поощрение и преференциальные условия (включая освобождение от уплаты налогов, выгодные условия для аренды земли и льготные банковские займы) были гарантированы для инвесторов в «сектора, требующие использования высоких технологий, производящие конкурентные на мировом рынке товары, занимающиеся разработкой природных ресурсов и строительством инфраструктуры, а также в области научных исследований и развития технологий» (ст. 7).

Новым направлением экономической политики КНДР в 1990-е годы стало создание специальных экономических зон (СЭЗ), действующих по собственным принципам и предлагающих выгодные условия деятельности для иностранных инвесторов. В 1991 г. было принято решение о создании специальной торгово-экономической зоны (СТЭЗ) Раджин—Сонбон. По оценкам российских коллег, КНДР серьезно подошла к оформлению законодательной базы функционирования особых экономических зон, постаравшись создать там максимально благоприятные условия для инвесторов¹³. Однако результаты работы СЭЗ в условиях общей инвестиционной непривлекательности КНДР для иностранцев не оправдали ожиданий северокорейского руководства и не привели к крупным иностранным инвестициям. За первые шесть лет существования СТЭЗ Раджин—Сонбон были подписаны контракты на сумму 907,1 млн долл., однако фактический объем иностранных инвестиций составил лишь 35,1 млн долл.¹⁴

Не дали ожидаемых результатов и усилия по привлечению иностранных компаний в совместные предприятия на территории КНДР. В сравнительно крупных масштабах принятые законы стали применяться только в отношениях с фирмами «Чхонрёна», на кото-

рые пришлось примерно 70—80 % от всех созданных в КНДР совместных предприятий¹⁵.

Ситуацию усугубили стихийные бедствия, обрушившиеся на КНДР в 1995—1997 гг. и приведшие к продовольственному кризису. В столь сложных условиях Северная Корея впервые обратилась за помощью к международному сообществу. Согласно суммарным данным, в 1995 г. в КНДР в счет гуманитарной помощи было поставлено 962 тыс. т зерна, а в 1996 г. — 1050 тыс. т. Это количество фактически покрывало половину зернового дефицита страны, который, по оценке зарубежных экспертов, составлял тогда примерно 1,8—2 млн т в год¹⁶.

Таким образом, 1990-е годы стали периодом приспособления системы внешнеэкономического сотрудничества КНДР к рыночным реалиям. Существенное сокращение товарооборота привело к резкому сокращению валового продукта. Пережить шок от принципиальной смены внешних условий помогли поставки продовольствия из-за рубежа, осуществлявшиеся в виде гуманитарной помощи. Осторожные попытки привлечь иностранные инвестиции в развитие отдельных территорий и отраслей пока не привели к значимым результатам.

Начавшееся восстановление экономики КНДР в конце 1990-х годов позволило стране начать наращивать и обмены с внешним миром. С начала XXI в. можно вести отсчет *третьего этапа* развития внешнеэкономических связей Северной Кореи, ознаменовавшегося расширением круга торговых партнеров, увеличением общего объема товарооборота и активизацией политики по привлечению иностранных инвестиций.

За период с 2000 по 2011 г. объем внешней торговли страны (включая межкорейскую торговлю, которую сами корейские государства классифицируют как «внутригосударственный обмен») увеличился с 2,395 млрд долл. до 8,03 млрд долл., т. е. более чем в три раза¹⁷. Некоторые специалисты считают расширение внешних связей важным фактором развития северокорейской экономики в 2000-е годы.

Что касается товарной структуры торговли, то в 2011 г. основными экспортными товарами КНДР являлись уголь-антрацит

(1,17 млрд долл.) и другие полезные ископаемые (прежде всего, железная руда), а также текстильные товары (производимые по каналам сотрудничества на давальческом сырье); в импорте преобладали нефть и другие топливные товары (810 млн долл.), машинное оборудование и электроника¹⁸.

Еще один вид экспорта КНДР — это услуги рабочей силы. По южнокорейским оценкам, к середине 2010-х годов за границей работали около 100 тыс. северокорейских рабочих¹⁹, в основном сконцентрированных в России, Китае и на Ближнем Востоке и занятых в строительстве, лесной и текстильной промышленности, а также сфере услуг.

К концу первого десятилетия XXI в. главным торговым партнером и инвестором для КНДР стала КНР, а экономические связи с ней стали важным элементом поддержания жизнеспособности северокорейской экономики. С 2001 по 2011 г. доля торговли с Китаем во внешнеторговом обороте КНДР (включая межкорейскую торговлю) возросла с 28 до 70 %²⁰. В стоимостном выражении двусторонний товарооборот, составлявший 488 млн долл. в 2000 г., в 2011 г. достиг 5,63 млрд долл.²¹ Особенно значительным ростом отмечался период с 2008 г., когда межкорейские экономические связи оказались в кризисе и Северной Корее пришлось компенсировать прекращение значительных поставок помощи с Юга на Север за счет расширения торговли с Китаем.

Вторым по объему оборота торговым партнером Северной Кореи с 2002 г. стала Южная Корея. Первый саммит Севера и Юга 2000 г. придал импульс реализации крупных инвестиционных проектов, среди которых — соединение железных и автомобильных дорог, туристический проект «Кымгансан» (начал реализовываться в 1998 г.) и Кэсонский промышленный комплекс (КПК)²². На фоне политики «солнечного тепла» либеральных президентов РК в отношении КНДР за 2001—2007 гг. объем межкорейской торговли вырос более чем в четыре раза — с 403 млн до 1,79 млрд долл. При этом доля РК во внешнеторговом обороте КНДР увеличилась с 15 до 38 %.

В целом необходимо указать на то, что к концу первого десятилетия XXI в. модель экономического сотрудничества КНДР с РК имела более прогрессивный характер для экономического развития Север-

ной Кореи, чем торговля с главным партнером Китаем. В северо-корейском экспорте в РК две трети составляла именно готовая продукция (текстильные товары и детали электрооборудования), произведенная в рамках процессионной торговли и на южнокорейских предприятиях в КПК. В то же время большая часть экспорта КНДР в Китай приходилась на полезные ископаемые и продукцию с низкой степенью обработки. Военно-политические факторы, однако, воспрепятствовали расширению межкорейского сотрудничества, приведя в итоге к его свертыванию. Вследствие введенных Сеулом в 2010 г. санкций все формы двусторонних обменов, кроме Кэсонского комплекса, были запрещены. При этом объемы производства в КПК продолжили расти, а межкорейский товарооборот в 2015 г. составил рекордные 2,71 млрд долл. Но уже в 2016 г. в ответ на ядерные и ракетные испытания КНДР Южная Корея решила закрыть КПК, заморозив последний канал сотрудничества с Севером. После этого неизбежно главным экономическим партнером КНДР стал Китай, доля которого во внешнем товарообороте Северной Кореи выросла до 90 %.

Помимо торговли важным направлением внешнеэкономических связей КНДР в XXI в. стало привлечение иностранных инвестиций (прежде всего, в новые СЭЗ, строительство инфраструктуры и разработку полезных ископаемых). В 2002 г. в Северной Корее были образованы особый административный район в Синьиджу, особый промышленный комплекс в Кэсоне и особая туристическая зона в Кымгансане. В 2011 г. КНДР приняла Закон о создании экономической зоны на островах Хвангымпхен и Вихва (на границе с Китаем). Особенно ощутимым стал приток капитала в территории, развитием которых занимался южнокорейский бизнес. Объем вложений в развитие туристического комплекса в Кымгансане оценивается в 800 млн долл.²³, а в создание Кэсонского промышленного комплекса — около 1,5 млрд долл.²⁴ На фоне других провинциальных городов достаточно развито выглядит СТЭЗ Расон, в которой действуют китайский и российский бизнес. В то же время СЭЗ на островах Хвангымпхен и Вихва особого развития не получила.

Основные области приложения китайских инвестиций в КНДР с 2003 г. стали расширяться от сферы услуг и торговли до области

производства и обрабатывающей промышленности, а также добывающего сектора и объектов инфраструктуры. Причем важной особенностью этого процесса стало активное поощрение сотрудничества китайских компаний с Северной Кореей со стороны правительства КНДР. В 2005 г. между КНДР и КНР было подписано Соглашение о поощрении и защите инвестиций, а Госсовет КНР выступил с «мнением» о желательности того, чтобы северо-восточные провинции увеличили зарубежные инвестиции, особенно в транспортировку и совместную разработку полезных ископаемых. Также официальными лицами был поднят вопрос о необходимости инвестирования в строительство дорог и портов, связывающих два государства²⁵. Из 138 совместных предприятий, легально созданных китайцами в КНДР между 1997 и 2010 гг., 41 % было зарегистрировано в добывающей промышленности, 38 % — в легкой промышленности, 8 % — в тяжелой индустрии и 13 % в сфере услуг²⁶.

С помощью иностранных инвесторов в КНДР получила развитие мобильная связь. В 2008 г. египетская компания Orascom Telecom и северокорейская компания КРТС, подконтрольная Министерству почтовой связи и телекоммуникаций КНДР, создали совместное предприятие «Корёлинк» по предоставлению в Северной Корее услуг мобильной связи 3G с запланированным объемом инвестиций в размере 400 млн долл. Предприятие оказалось достаточно успешным, и в 2017 г. в КНДР насчитывалось более 3 млн пользователей мобильной связи (более 10 % всего населения страны).

Таким образом, в XXI в. внешний фактор продолжил играть существенную роль в развитии экономики КНДР. В 2000-е годы специализация страны в международном разделении труда сохранялась, главным образом, в области экспорта сырьевых товаров и товаров с низкой степенью обработки, а также услуг рабочей силы. При этом импорт, для финансирования которого требовалось наращивать объемы экспорта, продолжал занимать заметное место в удовлетворении потребностей национального производства и нужд населения.

При Ким Чен Ыне, пришедшем к власти в конце 2011 г., сохранился курс на расширение внешнеэкономических связей и увеличение количества особых экономических зон. В мае 2013 г. был принят Закон КНДР о зонах экономического развития (ЗЭР). Северная Ко-

рея обещает инвесторам в них преференциальные условия для ведения бизнеса в области землепользования, найма рабочей силы и налогообложения. В ноябре 2013 г. было объявлено о выделении 13 территорий в восьми провинциях в статусе ЗЭР, а в 2014 г. к ним добавилось еще шесть районов.

Законодательство КНДР предполагает возможность для предприятий из ЗЭР приобретать на территории КНДР вне соответствующей экономической зоны нужные для хозяйственной деятельности сырьевые и материальные ресурсы или продавать выпускаемые ими изделия²⁷. Это свидетельствует об изменении стратегии Северной Кореи в отношении особых экономических зон. Ранее руководство КНДР пыталось использовать инструмент СЭЗ главным образом для привлечения иностранных инвестиций в развитие конкретных территорий, заработка валюты и создания рабочих мест. Территории СЭЗ были максимально изолированы от остальной экономики страны. Политика же нынешнего руководства ставит своей целью превращение СЭЗ в «региональные опорные пункты в налаживании развития экономики страны»²⁸, для чего необходимо использовать потенциал внутренних связей с местным производством через субподряд, закупку сырья, местных товаров и услуг.

Анализируя эволюцию основных форм экономического сотрудничества КНДР с внешним миром, можно отметить, что на начальных этапах (до конца 1980-х годов) важную роль в развитии экономики страны играло получение кредитного и технического содействия зарубежных стран. В 1990-е годы в период приспособления Северной Кореи к новым условиям международного сотрудничества весомую роль в преодолении голода сыграла гуманитарная помощь из-за рубежа. Кроме того, стала расти зависимость экономики от внешней торговли с ключевыми партнерами (прежде всего, с Китаем), которая достигла своего апогея в 2010-е годы. Для восполнения дефицита внешнеторгового баланса КНДР стала наращивать экспорт услуг, в частности экспорт рабочей силы. Роль важного источника капиталовложений и современных технологий в 2000-е годы стали играть иностранные инвестиции, сконцентрированные в специальных экономических зонах и отдельных секторах экономики.

В Отчетном докладе ЦК Трудовой партии Кореи VII съезду партии лидер страны Ким Чен Ын подчеркнул необходимость расширять внешнеэкономические связи в процессе реализации пятилетней стратегии развития на 2016—2020 гг. В области внешней торговли были поставлены задачи по диверсификации в направлении повышения удельного веса экспорта готовой продукции, технологий и услуг. В сфере привлечения иностранных инвестиций стоит цель по развитию совместных производств для внедрения передовых технологий и стимулирования процесса развития хозяйства страны, а также созданию благоприятного инвестиционного климата в зонах экономического развития.

Однако в 2010-е годы росту вовлеченности КНДР в мирохозяйственные связи стали препятствовать международные экономические санкции, введенные против нее Советом Безопасности ООН в ответ на реализацию ракетно-ядерной программы. В 2013 г. были введены ограничения на банковские связи КНДР с внешним миром, что существенно осложнило реализацию инвестиционных проектов с участием иностранных компаний, а также проведение торговых операций. В 2016—2017 гг. СБ ООН принял новые санкционные резолюции, нанеся удар по коммерческой торговле КНДР с зарубежными партнерами. В частности, был запрещен экспорт из КНДР большей части полезных ископаемых, включая уголь и железную руду, текстиля, морепродуктов (все вместе около 90 % экспорта страны), экспорт рабочей силы, инвестиции в совместные предприятия, научно-техническое сотрудничество, существенно ограничены поставки из-за рубежа нефти и нефтепродуктов, транспортных средств и промышленного оборудования, ряда других товаров. Таким образом, на современном этапе внешнеэкономическое сотрудничество КНДР оказывается искусственно ограниченным по политическим причинам, несмотря на желание руководства и имеющийся потенциал страны по его развитию. Более того, по оценкам зарубежных наблюдателей, сокращение валютных поступлений и товарных поставок из-за рубежа, особенно энергоносителей, способно негативно отразиться на перспективах роста северокорейской экономики и уровне жизни населения.

Примечания

- ¹ *Бажанова Н.Е.* Внешнеэкономические связи КНДР. В поисках выхода из тупика. М.: Наука, 1993. С. 3—4.
- ² Корейская Народно-Демократическая Республика. М.: Наука, 1985. С. 133.
- ³ Современная Корея. Справочное издание. М.: Наука, 1971. С. 218.
- ⁴ Там же. С. 221.
- ⁵ Там же. С. 219.
- ⁶ *Бажанова Н.Е.* Указ. соч. С. 5.
- ⁷ *Толорая Г.Д.* Народохозяйственный комплекс КНДР. М., 1984. С. 108.
- ⁸ Там же. С. 109—110.
- ⁹ *Бажанова Н.Е.* Указ. соч. С. 6.
- ¹⁰ *Толорая Г.Д.* Народохозяйственный комплекс КНДР. М., 1984. С. 120.
- ¹¹ *Тригубенко М.Е.* Межкорейское сотрудничество: достижения и проблемы // Корус Форум. 09.2001. С. 81.
- ¹² Laws and Regulations of the Democratic People's Republic of Korea Governing External Economic Matters. Legislation Press, 2012. P. 9.
- ¹³ *Мацегора А.И.* Свободные экономические зоны в КНДР и северокорейская экономическая реформа // Проблемы Корейского полуострова и интересы России. М., 1998. С. 148—149.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ *Мацегора А.И.* Указ. соч. С. 153—154.
- ¹⁶ *Грязнов Г.В.* Актуальные проблемы экономического развития КНДР (80—90-е гг.) // Корея на рубеже веков. М., 2002. С. 172—173.
- ¹⁷ Рассчитано по данным Банка Кореи (РК).
- ¹⁸ Хангере Синмун. 01.06.2012. По данным КОТРА.
- ¹⁹ Korea Exports Forced Laborers for Profit, Rights Groups Say. 19 February 2015. URL: http://www.nytimes.com/2015/02/20/world/asia/north-koreans-toil-in-slavelike-conditions-abroad-rights-groups-say.html?smprod=nytcore-iphone&smid=nytcore-iphone-share&_r=0 (дата обращения: 01.05.2017).
- ²⁰ Рассчитано по данным Банка Кореи (РК).
- ²¹ По данным Корейской Международной Ассоциации Торговли (РК) — NORTH KOREA NEWSLETTER NO. 195 (February 2, 2012).
- ²² Кэсонский промышленный комплекс, расположенный на территории КНДР в 60 км от Сеула, начал функционировать в 2004 г. Он представлял из себя промышленную зону для производства трудоемких товаров с использованием с

южнокорейской стороны капитала и новейших технологий в управлении и технике, а с северокорейской стороны — качественной дешевой рабочей силы и земли.

²³ Чосон ильбо. 11.04.2011.

²⁴ Suh Dae-hoon. Analysis of Business Operations at Kaesong Industrial Complex. URL: http://www.koreafocus.or.kr/design3/essays/view.asp?volume_id=158&content_id=105593&category=G (дата обращения: 01.03.2018).

²⁵ *Jae Cheol Kim*. The Political Economy of Chinese Investment in North Korea // The Asian Survey. Vol. 46. Issue 6. November/December 2006. P. 902.

²⁶ Drew Thompson. Silent Partners: Chinese Joint Ventures in North Korea // A U.S.-Korea Institute at SAIS Report. February 2011. P. 4.

²⁷ Внешняя торговля КНДР. 2015. № 4. С. 5.

²⁸ Внешняя торговля КНДР. 2015. № 3. С. 5.

А.Ф. Синякова

РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ

Основой динамичного экономического развития Республики Корея стала экспортоориентированная торговая политика. Внедрение пятилетних планов экономического развития, активная индустриализация и поддержка экспорта привели в 1986 г. к положительному сальдо торгового баланса РК в размере порядка 4 млрд долл. В 1988 г. товарооборот Южной Кореи впервые превышает 100 млрд долл., и она становится одной из десяти ведущих стран мира по масштабам торговли. В 2011 г. объем внешней торговли РК превысил 1 трлн долл. Структура экспорта и отчасти импорта менялась вслед за развитием южнокорейской промышленности в соответствии с требованиями международного рынка, так же менялись и торговые партнеры Южной Кореи.

Ключевые слова: Республика Корея, внешняя торговля, экспорт, импорт, экспортоориентированная политика, соглашение о свободной торговле.

Dynamic economic development of the Republic of Korea is based on export-oriented foreign trade policy. Economic five-year plans implementation, active industrialization and export support led to trade surplus in an amount of about \$ 4 billion in 1986. In 1988 the volume of foreign trade in South Korea exceeds \$ 100 billion and Korea hits the top 10 ma-

major trade countries. In 2011 the volume of foreign trade exceeds \$ 1 trillion. Export and partly import structure has changed following the development of South Korean industry in accordance with the demand of international market, trade partners of the ROK have changed as well.

Keywords: the Republic of Korea, international trade, foreign trade, export, import, export-oriented policy, Free Trade Agreement.

Основой динамического экономического развития Республики Корея стала экспортоориентированная политика, которая сменила с 1960-х годов изначально выбранную политику импортозамещения. После Корейской войны восстановление южнокорейской экономики происходило за счет зарубежной, в первую очередь американской, финансовой помощи, что объяснялось и противоборством с Советским Союзом, и отсутствием опасений со стороны США, которые не видели в новой республике конкурента и были достаточно лояльны. Иностранная экономическая помощь до середины 1960-х годов дала возможность молодой республике и сэкономить валюту, необходимую для восстановления страны, в частности приобретения цемента, и избежать роста внешнего долга, но с началом политики Пак Чон Хи финансовая помощь стала сокращаться до 4,5 % ВВП, или 20 % внешних инвестиций. Одновременно США перестали быть крупнейшим источником финансирования, а роль Японии и других стран, напротив, стала расти. С середины 1960-х до середины 1980-х годов экономический рост поддерживался внешними банковскими займами и товарными кредитами, что означало вовлечение Южной Кореи в международный финансовый рынок, но увеличилось к 1985 г. ее внешний долг до 46,7 млрд долл.

Внедрение пятилетних планов экономического развития, активная индустриализация, поддержка экспорта, рост зарубежного спроса на товары южнокорейского производства и сокращение расходов на импорт нефти вслед за падением ее цены после нефтяного кризиса перепроизводства привели в 1986 г. к положительному сальдо торгового баланса РК в размере порядка 4 млрд долл.¹ Внешний долг страны с этого времени закономерно уменьшился с 28 до 10 % от ВВП к началу 1990-х годов. С 1987 г. во внешнеторговой политике отмечается большая либерализация и стремление к расширению как экспортных наименований, так и стран-контрагентов для снижения

зависимости от ключевых на тот момент торговых партнеров и устранения диспропорций в двусторонней торговле. Вслед за сеульской Олимпиадой 1988 г. число торговых партнеров РК пополняется странами социалистического блока, включая будущего основного торгового партнера — Китай, также возрастает туристический поток и доходы от него.

В 1988 г. товарооборот Южной Кореи впервые превышает 100 млрд долл., и она становится одной из десяти ведущих стран мира по масштабам торговли. Такие достижения южнокорейского экспорта не остаются без внимания США и других развитых стран и приводят к серьезным торговым спорам, а в самой Корее возрастает инфляционный риск. США к тому же обвиняют Корею в манипулировании валютным курсом и намеренном занижении курса воны и настаивают на укреплении ее курса в 1989 г.², что удешевляет американский импорт и замедляет рост дефицита в американо-южнокорейской торговле. Своевременные меры по укреплению курса корейской воны хотя и избавляют страну от потенциально возможных санкций, связанных с обвинениями в несправедливой торговле, но вызывают недовольство местного бизнеса из-за замедления экономического роста и удорожания экспорта. Более того, в перспективе Корея должна будет снизить защиту национального сельскохозяйственного рынка, упростить доступ инвестиций на внутренний рынок и снять ряд импортных ограничений.

Шестой пятилетний план экономического развития, реализовавшийся с 1987 г., т. е. с начала президентского срока Ро Дэ У, ставил своей целью рост общественного благосостояния, дальнейшее развитие экономики в условиях большей самостоятельности и активного вовлечения в систему международных экономических отношений. В сфере внешней торговли это выражалось в дальнейшем расширении экспорта и его диверсификации за счет расширения экспортных наименований и увеличении числа внешнеторговых партнеров. Растущая зависимость от внешней торговли делала южнокорейскую экономику уязвимой перед колебаниями на международном рынке, но с конца 1980-х годов начинает активно расти внутреннее потребление, что позволило несколько снизить внешне-торговую зависимость. Резкий рост спроса на автомобили в самой

Южной Кореи не только компенсировал, но даже перекрыл сокращение экспорта в конце 80-х — начале 90-х годов прошлого века.

Структура экспорта и импорта, количество товарных позиций, внешнеторговые партнеры РК менялись на протяжении всего послевоенного периода. В 1960-е годы, когда в Южной Корее развивалась легкая промышленность, основными экспортными товарами были ткани, парики. Главные экспортные наименования менялись вслед за развитием ведущих производственных направлений: продукция металлургии, судостроения, химической промышленности в 1970-е, автомобили и электроника в 1980-е годы. В 1980 г. в стоимостном выражении экспорт составлял 17,5 млрд долл., крупнейшими статьями экспорта были суда для грузоперевозок, мужская одежда, натуральные и синтетические ткани и фурнитура, обувь, контейнеры. Импорт в том же году составил 22,3 млрд долл., на первом месте были нефтепродукты, хлопок и тростниковый сахар. Основными торговыми партнерами были США, Япония, Саудовская Аравия, Германия, Гонконг, Иран, Кувейт, Великобритания³. В год проведения Олимпийских игр в Сеуле (1988) перечень товаров на экспорт включал 4164 наименования, импортных наименований — 4736, объем экспорта составлял 60,5 млрд долл., объем импорта 51,8 млрд долл., 163 страны были экспортными партнерами, 128 — импортными; ведущие страны остались преимущественно прежними: США, Япония, Гонконг, Германия, Великобритания, Австралия. Среди экспортных товарных групп преобладали автомобили, магнитофонная лента для записи и воспроизведения, цветные телевизоры, монолитные полупроводниковые интегральные схемы, кожаные изделия. Импортировались прежде всего нефть и нефтепродукты, каменный уголь, самолеты, кожа животных и др.⁴

В 1990-е годы политика поощрения конкуренции и экономической либерализации продолжилась в направлении большей открытости рынка, в 1995 г., непосредственно в год создания ВТО, РК присоединилась к этой организации. С 1995 г. по настоящее время экспорт продолжает устойчиво расти, несмотря на отдельные «проседания» в посткризисные 1998 и 2009 гг. и ряд колебаний в 2000-е годы. В 1997 г., когда разразился азиатский финансовый кризис, экспорт составил 136 млрд долл., импорт 144,6 млрд долл., число

экспортных наименований возросло до 4327, импортных — до 4782. Ключевыми экспортными группами стали микросхемы, грузовые суда, нефтепродукты, автомобили. В стоимостном объеме импорта преобладали нефть и горючие ископаемые, нефтепродукты, микросхемы, техническое золото. Традиционные торговые партнеры США, Япония, Гонконг дополнились Китаем и Сингапуром, страны-импортеры: США, Япония, Китай, Саудовская Аравия, Австралия; РК экспортировала товары в 202 страны, а импортировала из 191⁵. Статистические данные свидетельствуют о том, что за десятилетие с 1988 г. объем экспорта удвоился, объем импорта практически утроился, к числу экспортных контрагентов в 1998 г. добавились 42 страны, к числу импортных — 51 страна⁶. Активно стал завоевывать позиции Китай, дипломатические отношения с которым Южная Корея установила в 1992 г.

С конца 1990-х годов с распространением преференциальных торговых соглашений в мире во внешнеэкономической политике РК также появляется тенденция к активному участию в двусторонних и многосторонних торговых соглашениях. Первое соглашение о свободной торговле (ССТ) Республика Корея заключила с Чили в 2002 г., это стало своеобразной отправной точкой для активного продвижения на рынки Латинской Америки. Впервые переговоры были инициированы в 1999 г., в дальнейшем всем заключенным соглашениям о свободной торговле со странами и с блоками стран предшествовал долгий переговорный период, взаимные компромиссы по наиболее чувствительным для экономик вопросам, преимущественно сельскохозяйственным товарам, продукции автомобилестроения, рынку услуг⁷. На начало 2018 г. РК участвует в ССТ с Чили; Сингапуром; ЕАСТ — Европейской ассоциацией свободной торговли, куда сейчас входят Исландия, Норвегия, Швейцария, Лихтенштейн; АСЕАН в составе 10 государств; Индией в формате Соглашения о всестороннем экономическом партнерстве; ЕС; Перу; США; Турцией; Австралией; Канадой; Китаем; Новой Зеландией; Вьетнамом; Колумбией⁸. В 2018 г. подписано ССТ, предполагающее отмену тарифов на импорт более 95 % товаров в течение ближайших 10 лет со странами Центральной Америки — Панамой, Коста-Рикой, Гондурасом, Сальвадором и Никарагуа⁹.

В стадии переговоров находятся потенциальное ССТ между РК, Китаем и Японией в трехстороннем формате; участие РК во ВРЭП (Всестороннем региональном экономическом партнерстве, которое в перспективе должно объединить в зону свободной торговли государства АСЕАН, Китай, Японию, Южную Корею [АСАЕН+3]), а также Индию, Австралию, Новую Зеландию); ССТ РК с Эквадором; Израилем. Кроме того, в сторону большей либерализации в сфере услуг и инвестиций пересматриваются действующие соглашения с АСЕАН и Китаем.

Также переговорный процесс о ССТ был начат между Республикой Корея и Мексикой в 2007 г., Советом сотрудничества государств Персидского залива в 2008 г., МЕРКОСУР в 2017 г., ЕАЭС в 2016 г.¹⁰

Экономическая политика Кореи в сфере заключения соглашений о свободной торговле очень активна, преференциальные соглашения, в которых участвует Корея, охватывают все континенты, кроме Африки. Действующие в настоящее время ССТ с США, ЕС и Китаем — тремя крупнейшими по объемам экономиками мира, дают Корею в первую очередь преимущества в конкурентной борьбе для сохранения своих позиций на рынках этих стран и возможности для расширения инвестиционного сотрудничества, что должно положительно сказаться на темпах роста национальной экономики. Примечательно, что все ССТ в период своего обсуждения находили как много противников, так и заинтересованные в их заключении лобби-группы. Стоит отметить, что соглашение о свободной торговле является достаточно гибким инструментом, заметно различающимся по условиям в зависимости от договаривающихся сторон, от структуры торговли. Так, ССТ Южной Кореи с США и с ЕС предполагают в перспективе полную отмену тарифных ограничений, в то время как корейско-китайское ССТ лишь поэтапно снижает тарифные ограничения по чувствительным и наиболее чувствительным позициям, не доходя до полной их отмены. Примечательно, что в соглашении о свободной торговле между РК и Китаем в сфере услуг выделено отдельно совместное кинопроизводство и производство телесериалов.

В 2016 г. Корея занимала шестое место по объемам экспорта и импорта в мире, на нее приходилось 4 % мирового экспорта и 3,2 % мирового импорта товаров. В торговле с ЕС РК была девятым по

объемам экспортным контрагентом и восьмым импортным¹¹. Со времени вступления в силу ССТ РК—ЕС импорт из ЕС неуклонно возрастал; с 2012 г. у Кореи отрицательный баланс в торговле с ЕС, основной объем экспортно-импортных операций приходится на производственные товары. Стоит отметить, что среди европейских стран основными партнерами РК являются Германия и Великобритания, бывшие в десятке торговых партнеров Южной Кореи еще в 1980-е годы.

В торговле с США и с Китаем после заключения соглашений о свободной торговле корейский экспорт рос быстрее импорта, поэтому торговое сальдо РК с обеими странами положительное¹².

Возвращаясь к оценке южнокорейской торговли в 2000-е годы, после азиатского финансового кризиса и накануне мирового экономического кризиса в 2008 г., можно отметить, что объемы экспорта и импорта возросли еще в несколько раз: экспорт составил 422 млрд долл., импорт — 435 млрд долл., число экспортных наименований достигло 4216, импортных — 4532, 219 стран были экспортными контрагентами, 220 — импортными. Первое место среди экспортных партнеров с 2003 г. уверенно занимает Китай, далее следуют США, Япония, Гонконг, Сингапур. По импорту лидируют Китай, Япония, США, Саудовская Аравия, ОАЭ. Основными статьями экспорта были товары производственно-технического назначения, машины и электроника, потребительские товары, в том числе беспроводные телефоны, электронные устройства, процессоры, блоки памяти, автомобили, танкеры. Импортировались прежде всего нефть и легкие фракции нефти, сжиженный природный газ, процессоры, каменный уголь¹³.

С 2008 г. по настоящее время наблюдались колебания в объемах экспорта и импорта Южной Кореи, что в полной мере отражает неопределенность и стагнацию на мировых рынках. В 2011 г. объем внешней торговли РК впервые превысил 1 трлн долл. В 2017 г. южнокорейский экспорт составил 573,7 млрд долл., импорт — 478,5 млрд долл., импортировалось традиционно энергетическое сырье (нефть, включая легкие фракции, СПГ, каменный уголь), а также процессоры и элементы для производства полупроводников, экспортировались интегральные схемы, блоки памяти, процессоры,

танкеры и грузовые суда, автомобили, оборудование. Основные экспортные партнеры — это страны, с которыми заключены ССТ: Китай, США, Вьетнам, а также Гонконг, Япония, Австралия; импортные — Китай, Япония, США, Германия, Саудовская Аравия, Австралия. Южная Корея является седьмой страной по объемам экспорта в мире и 11-й по объемам импорта¹⁴.

Объем российско-южнокорейской торговли составил 15,1 млрд долл. в 2016 г., в российском товарообороте РК заняла девятое место по объемам торговли¹⁵, в южнокорейском — РФ не входит и в 15 основных торговых партнеров. Торговое сотрудничество России и Южной Кореи с момента установления дипломатических отношений не в полной мере оправдало ожидания обеих стран¹⁶.

Современная структура экспорта РК полностью отражает высокотехнологичную составляющую промышленного производства в Корее. Высокотехнологичное производство динамично развивалось благодаря активной патентной деятельности (приобретение зарубежных патентов и регистрация собственных), прикладному характеру научных исследований и кратчайшему сроку от разработки до производства и от производства до потребителя (4—8 месяцев). Всему этому способствовала и продолжает способствовать развивающаяся инфраструктура для бизнеса и для стартапов, включая технопарки, бизнес-инкубаторы и бизнес-акселераторы, свободные экономические зоны, венчурные фонды. Внешняя торговля выходит за границы привычных товаров и услуг, появляются новые продукты и новые технологии, в частности интернет-вещей, различные приложения и устройства, с ними интегрированные, что помогает повышать лояльность потребителей. Перспективными направлениями являются биофармацевтика, возобновляемая энергетика, нефтехимия.

Исторически Республика Корея отдавала предпочтение формату двустороннего или регионального взаимодействия в вопросах либерализации торговли, однако остаться в стороне от процессов интеграции в АТР она также не могла. Корея заявила о своей заинтересованности и в Транстихоокеанском партнерстве (ТТП), изначально инициированном США, и во ВРЭП, проекте, поддерживаемом Китаем. Согласно расчетным оценкам, потенциальные выгоды РК от участия во ВРЭП будут выше, чем от участия в ТТП¹⁷, однако в связи

с неопределенностью сроков институализации обоих проектов уверенно говорить об их влиянии на внешнюю торговлю РК преждевременно.

Подводя итог, можно сказать о том, что избранная Республикой Корея экспортоориентированная политика, стимулирование внешней торговли, поддержка крупных компаний-экспортеров, укрепление конкурентоспособности корейских товаров на внешних рынках за счет участия в двусторонних преференциальных соглашениях вносили решающий вклад в экономический рост страны на протяжении всего послевоенного периода. В частности, способствовали и «экономическому чуду на реке Ханган» в 1980-е годы, и присоединению к странам ОЭСР в середине 1990-х, и достаточно быстрому преодолению кризиса в конце 1990-х годов, и сохранению устойчивых темпов прироста ВВП, сохранению доли расходов на НИОКР, росту наукоемких производств, удержанию лидирующих позиций в экспорте микросхем, полупроводников, автомобилей, судов на протяжении 2000-х годов. Несмотря на значительные достижения, во внешнеторговой деятельности перед Южной Кореей стоят задачи диверсификации экспортных и импортных товарных наименований, поскольку основными участниками внешней торговли традиционно являются крупные компании, диверсификации партнеров по экспорту и импорту для снижения зависимости и обеспечения стратегической безопасности страны, расширения доли услуг во внешней торговле, повышения эффективности участия в ССТ и в региональных блоках.

Примечания

¹ Korea International Trade Organization KITA.ORG. URL: http://www.kita.org/kStat/byCount_AllCount.do (дата обращения: 24.02.2018).

² Sang-Woo Nam, Se-Jong Kim. Evaluation of Korea's Exchange Rate Policy. Changes in Exchange Rates in Rapidly Development Countries: Theory, Practice, and Policy Issues (NBER-EASE volume 7). University of Chicago Press, 1999. P. 238. URL: <http://www.nber.org/chapters/c8621.pdf> (дата обращения: 24.02.2018).

³ Korea International Trade Organization KITA.ORG. URL: http://www.kita.org/kStat/byCom_AllCom.do (дата обращения: 24.02.2018).

⁴ WITS World Integrated Trade Solutions. URL: <https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/Country/KOR/Year/1988/Summary> (дата обращения: 24.02.2018).

⁵ Ibid.

⁶ Korea International Trade Organization KITA.ORG. URL: http://www.kita.org/kStat/byCount_AllCount.do (дата обращения: 24.02.2018).

⁷ *Синякова А.Ф.* Соглашение о свободной торговле РК—США и Транстихоокеанское партнерство: их влияние на экономическую безопасность РК // Многосторонние институты и диалоговые форматы: материалы IX Конвента РАМИ (Москва, 27—28 октября 2015 г.) / под ред. А.В. Мальгина. М.: МГИМО-Университет, 2016. С. 176—181.

⁸ FTA 한국 Korea. URL: http://www.fta.go.kr/webmodule/_PSD_FTA/situation/FTA_ov_list.pdf (дата обращения: 25.02.2018).

⁹ Южная Корея подписала соглашение о свободной торговле с пятью странами. URL: <https://ria.ru/world/20180221/1515032123.html> (дата обращения: 25.02.2018).

¹⁰ FTA 한국 Korea. URL: http://www.fta.go.kr/webmodule/_PSD_FTA/situation/FTA_ov_list.pdf (дата обращения: 25.02.2018).

¹¹ Eurostat Statistics Explained. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?oldid=247329> (дата обращения: 25.02.2018).

¹² Korea Customs Service. URL: <http://www.customs.go.kr/kcshome/trade/TradeCountryList.do> (дата обращения: 25.02.2018).

¹³ WITS World Integrated Trade Solutions. URL: <https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/Country/KOR/Year/2008/Summary> (дата обращения: 25.02.2018); Korea International Trade Organization KITA.ORG. URL: http://www.kita.org/kStat/byCom_AllCom.do (дата обращения: 25.02.2018).

¹⁴ The Observatory of Economic Complexity. URL: <https://atlas.media.mit.edu/en/profile/country/kor/> (дата обращения: 25.02.2018).

¹⁵ Внешняя торговля России. URL: <http://russian-trade.com/reports-and-reviews/2017-02/torgovlya-mezhdu-rossiye-i-respublikoy-koreya-yuzhnoy-koreye-v-2tor-g/> (дата обращения: 30.03.2018).

¹⁶ *Сухинин В.Е.* Российско-южнокорейским отношениям четверть века: некоторые оценки / В.Е. Сухинин и др.; отв. ред. А.З. Жебин // Корейский полуостров в эпоху перемен. М.: ИДВ РАН, 2016. С.28—33.

¹⁷ *Пак Санг Чул.* Политика Южной Кореи в сфере торговли и стратегия страны в отношении региональных и глобальных инициатив экономической интеграции на примере Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (ВРЭП) и Транстихоокеанского партнерства (ТТП) // Вестник международных организаций. 2016. Т. 11. № 4. С. 117—204.

А.Г. Зуева

РОЛЬ ПОДГОТОВКИ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ КАДРОВ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ЮЖНОЙ КОРЕИ (1948—2018 гг.)

Республика Корея за 70-летний период своей истории показала быстрый и устойчивый экономический рост. Среди всей совокупности факторов, лежащих в основе экономического прорыва Южной Кореи, научно-техническая политика государства играет одну из важнейших ролей. Внимание к проблеме подготовки научно-технических кадров, отвечающих требованиям времени и общества, стало одним из преимуществ экономического роста Южной Кореи.

Ключевые слова: экономика Южной Кореи, научно-техническая политика, образование, наука, подготовка высококвалифицированных кадров.

South Korea demonstrated stable and rapid economic growth through the 70-year period of its history. The economic breakthrough was based on many factors with the state scientific and technological policy being one of the primary causes of South Korea's economic model success. Attention to the training of highly qualified specialists, meeting the call of the times and the public demand, became one of the advantages of the ROK's economic growth.

Keywords: South Korea's economy, scientific and technological policy, education, science, training of highly qualified specialists.

Республика Корея за 70-летний период своей истории преодолела многие трудности и вошла в мировые рейтинги стран — лидеров по различным показателям. Начав свой путь в послевоенное время, являясь на протяжении долгого периода государством с дефицитом природных ресурсов, Республика Корея сумела стать экономически развитым государством. Успехи были достигнуты благодаря комплексному подходу к решениям задач, стоявших перед страной в каждый исторический период. Среди факторов роста следует выделить развитие научно-технической сферы как одного из драйверов социально-экономического развития. В первую очередь реформы научно-технического сектора были ответом на потребности быстро растущей промышленности, а впоследствии роль науки и техники в южнокорейской экономике стала одним из конкурентных преимуществ на мировом рынке.

В свою очередь трансформация и развитие научно-технической области были невозможны без реформ, проводившихся правительством в этой сфере начиная с 60-х годов прошлого века. В это время в США появляется целая концепция о развитии «человеческого капитала», разработанная учеными Теодором Шульцем и позднее Гэри Беккером. Несмотря на то, что само понятие стало активно употребляться в Корее лишь в 1990—2000-х годах вместе с понятиями «экономика устойчивого развития» и «экономика знаний», их реализация стала для РК возможна лишь благодаря вниманию государства к подготовке высококвалифицированных кадров.

Сейчас общепризнанно, что человеческий капитал — это главная движущая сила в современной экономике, основанной на знаниях. Успех национальной экономики во многом зависит от масштабов подготовки и обеспечения ее высококвалифицированными специалистами. Страны с достаточными интеллектуальными ресурсами быстрее достигают высоких темпов экономического роста благодаря активному развитию науки и техники.

Временем появления южнокорейского научно-технического сектора и, как следствие, пристального внимания к подготовке высококвалифицированных кадров принято считать 1960-е годы, однако и до этого периода государство проводило реформы в среднем и

частично высшем образовании, что тоже являлось предпосылкой для появления будущих ученых и инженеров.

После освобождения от японского колониализма Южная Корея находилась в бедствующем положении, а Корейская война (1950—1953) только усилила существовавшие экономические и социальные проблемы. Тем не менее государство старалось проводить политику реформ в сфере школьного и высшего образования. В 1946 г. Императорский университет был переименован в Сеульский национальный университет, который стал первым современным высшим учебным заведением в Южной Корее, получившим программы магистратуры американского образца. Во время Корейской войны университеты, расположенные в Сеуле, были вынуждены искать убежище в южных провинциях. В 1953 г. Министерством образования было принято Положение о высшей школе. Число высших учебных заведений в период с 1945 по 1950 г. увеличилось с 19 до 55, а в каждой провинции Южной Кореи был создан как минимум один национальный университет¹.

Качественные изменения политики в сфере науки и техники начинаются в 1960-х годах вместе с пятилетними планами по развитию экономики Южной Кореи. Индустриализация страны как мера по обеспечению экспортоориентированной модели экономики выдвигала свои требования к подготовке кадров. На каждом этапе индустриализации особое внимание было уделено развитию научно-технической базы страны.

Для реализации первого и второго пятилетних планов экономического развития с 1962 по 1971 г. было необходимо обучение и повышение компетентности научно-технической кадров, а также освоение иностранных технологий. Стратегия экспортной ориентации индустриального производства страны постепенно сменяла устаревшую политику импортозамещения².

Именно в это время появляется Министерство науки и техники в качестве руководящего этой сферой правительственного органа. В 1966 г. был открыт Корейский институт науки и техники, а год спустя был принят Закон о развитии науки и техники. Продолжило расти количество направлений подготовки в аспирантуре: по со-

стоянию на 1965 г. в Южной Корее насчитывалось 37 аспирантур с 3482 аспирантами³.

До 1960-х годов, чтобы получить PhD, граждане Южной Кореи уезжали на учебу в США или страны Европы, немногие готовы были вернуться обратно. Поэтому с 1960-х годов стала действовать программа по возвращению южнокорейских специалистов и ученых при финансовой поддержке правительства.

По мнению исследователей, промышленная и научно-техническая модернизация требовала ввоза передовых иностранных технологий. В свою очередь, технологический импорт нуждался в южнокорейской адаптации, эта ситуация привела к учреждению правительственной программы создания научно-технических институтов. По оценкам Министерства науки и техники в Республике Корея в 1969 г. было около 5337 ученых и инженеров, что составляло около 1,5 научных работника и инженера на 10 тыс. жителей⁴. Для уменьшения дефицита квалифицированных кадров, а также для повышения уровня образования в сфере науки под контролем Министерства науки и техники в феврале 1971 г. правительство учредило Корейский институт передовых научных исследований, который впоследствии был переименован в Корейский институт передовых технологий. В первые годы работы заведение было укомплектовано значительным количеством талантливых инженеров и учёных, которые получили образование в США.

На втором этапе индустриализации, охватывавшем реализацию третьего и четвертого пятилетних планов, особое внимание уделялось тяжелой промышленности и повышению конкурентоспособности корейской экономики на мировом рынке.

Характерно, что на этом этапе также наблюдалось усиление роли науки в производстве и увеличение объемов разработок собственных технологий. В 1972 г. появился Закон о стимулировании научных разработок, а в 1973 г. Закон о содействии развитию инженерных научно-исследовательских институтов. Впоследствии были основаны различные научно-исследовательские институты, среди которых: Корейский институт машиностроения и металлов, Исследовательский институт электроники и телекоммуникаций, Корейский исследовательский институт химических технологий, Корейский исследо-

вательский институт стандартизации науки, Корейский институт исследований в области энергии, Корейский институт исследований океана. Для поддержки и финансирования фундаментальных исследований в науке и технике в 1977 г. был создан Корейский фонд науки и инженерии. Фонд вел надзорную деятельность за университетами, имеющими отношение к НИИ, и работал над популяризацией научного образования в стране. Для подготовки квалифицированных кадров для ИТ-сферы в 1976 г. был организован НИИ электроники и коммуникации⁵.

В конце 1970-х — начале 1980-х годов экспортоориентированная модель экономики уже не могла реализовываться на заимствованных технологиях и адаптации их к местным условиям. Как следствие этого, необходимо было не только обучать кадры использовать иностранные научные разработки, но и всерьез начать принимать меры по производству собственных. В период с 1982 по 1991 г. реализовывались пятый и шестой планы экономического развития Республики Корея. В пятом плане основными целями были обозначены улучшение социально-экономического положения страны и либерализация экономики. Шестой план был ориентирован на стабилизацию, закрепление достигнутых результатов и развитие отраслей, которые нуждались в помощи.

Как пишет С.С. Суслина в книге «Республика Корея на постиндустриальной стадии», «в 80-е годы правительство РК много внимания уделяло проблеме подготовки квалифицированного научно-технического персонала, а также повышению уровня подготовки научно-технических кадров. Еще в 1970 г. была принята программа подготовки специалистов на базе Корейского института науки и технологии. В период 1970—1983 гг. было выпущено 120 докторов наук, 2175 магистров, которые работали в различных научно-исследовательских институтах, колледжах и промышленных лабораториях. В это время резко возросло число выпускников технических колледжей со степенью доктора и магистра наук с 723 до 3699 человек»⁶.

Для укрепления связи науки с производством в конце 1970-х — начале 1980-х годов особое внимание отводилось развитию системы НИОКР, создавалась сеть научно-исследовательских и учебных

институтов, лабораторий в большинстве своем прикладного характера.

В 1982 г. общее число научных работников достигало 28 488 человек, что составляло 7,2 специалиста на 10 тыс. жителей. В 1982 г. стартовала первая национальная программа в области исследований и разработок. Государственные приоритеты были смещены от промышленной и прикладной науки в фундаментальную область. Исследовательские институты были реструктурированы с учетом решения новых задач. Возросла роль государственного финансирования науки. Получила развитие система подготовки высококвалифицированных исследователей и инженеров, основанная на обучении за рубежом южнокорейских ученых, а также на привлечении в страну иностранных специалистов⁷.

В 1981—1982 гг. на заграничные стажировки были отправлены 290 человек, а в следующие три года с 1983 по 1986 г. еще 3 тыс. ученых и инженеров. В 1984 г. был учрежден Корейский институт технологии как специальный преддипломный центр для талантливых студентов, который должен был помочь будущим высококвалифицированным кадрам.

В это же время был создан научный городок «Тэдок», находящийся в г. Тэджон. На территории городка располагались исследовательские и учебные институты, финансируемые как за счет государственных средств, так и за счет частных капиталов. Позже подобные научные центры появились в Кванджу, Пусане, Тэгу.

Целью создания научных центров в Южной Корее стало стремление объединить подготовку кадров с получением научных разработок и увеличение эффективности работы привлечённых специалистов.

В конце 1980-х годов Министерство науки и техники приняло 15-летний план развития, приоритет в котором отдавался биохимии, микроэлектронике, информатике и автоматизации. Во многом это определило будущие научные успехи, ведь к 2001 г. Южная Корея планировала выйти в мировые лидеры в этих научных направлениях.

Чтобы обеспечить быстро растущий спрос на ученых и инженеров для новых исследований и разработок в государственном и част-

ном научном секторе, правительство Республики Корея уделяло особое внимание содействию по подготовке высококвалифицированных кадров.

В 1991 г. в Южной Корее было 76 252 ученых и инженера, на 10 тыс. жителей приходилось 17,6 научных работника. Количество научно-исследовательских учреждений составляло 2352, среди них — 188 научных институтов, 221 центр при университетах и колледжах, а также 1943 центра на частных предприятиях.

В 1990-х годах активно проводилась политика расширения международного сотрудничества. Уже в конце 1992 г. Республика Корея имела соглашения о научно-техническом сотрудничестве более чем с 60 странами мира, а правительство участвовало в финансировании 70 совместных международных проектов⁸. Одной из мер поддержки стала действующая с 1997 г. «Творческая инициатива исследования» — программа грантов для ведущих научных групп (500 тыс. долл. в проект в год, 50—60 проектов).

В 1998 г. произошла реструктуризация научно-исследовательских центров, несколько десятков университетов были преобразованы в НИИ, которые занимались фундаментальными исследованиями.

В результате политики, проводимой южнокорейским правительством по развитию научно-технического потенциала страны, число ученых со степенью доктора наук выросло с 3400 человек в 1980 г. до 46 704 в 2001 г.⁹

Событием, которым можно было подвести черту под результатами сорокалетней истории развития научно-технического потенциала и открыть страницу в новое тысячелетие, стала долгосрочная стратегическая инициатива «Долгосрочный прогноз развития науки и технологий до 2025 г.»¹⁰, принятая в сентябре 1999 г. Поэтапное продвижение, согласно инициативе, должно вывести Южную Корею к 2025 г. на седьмое место в мире по уровню научно-технических разработок. Реализация инициативы опирается на базовые планы по развитию науки и техники 2003—2007, 2008—2012, 2013—2017, 2018—2022 гг.

После завершения эпохи индустриализации в РК начался переход к экономике знаний. Развитие научно-технического направле-

ния стало приоритетным для наращивания конкурентоспособности ее экономики. В 2000-х годах в период правления президента Ким Дэ Чжунга были выбраны 7 наиболее важных секторов, развитие которых планировалось с 2002 по 2005 г. Среди них — фундаментальные науки, информатика, биотехнологии, мехатроника, окружающая среда, новые виды энергии и материалов.

В ходе выполнения правительственных программ, связанных с НИОКР, планировалось увеличить количество научных работников до 258 тыс. в 2015 г. и 314 тыс. в 2025 г. против 235 тыс. в 2005 г. До 2010 г. в стране насчитывалось 408 высших учебных заведений и колледжей, 35 миллионов студентов, 32 % от общего числа получали техническое образование¹¹.

В 2005 г. была начата реализация Программы по развитию кластеров. Целью программы стало усиление конкурентоспособности промышленных кластеров путем объединения усилий основных участников инновационного процесса: бизнеса, университетов, научно-исследовательских институтов.

Во время второго плана в рамках президентской программы Ли Мён Бака с 2008 по 2013 г. проводилась «Инициатива 557». С помощью мер по поддержке талантливых студентов и исследователей, продвижению фундаментальных исследований, усилению национальной базы в области НИОКР, укреплению международного сотрудничества при разработке стратегических технологий и др. удалось добиться следующих результатов: увеличения числа публикаций в международных журналах с 33 тыс. (2009 г.) до 40 тыс. (2012 г.); увеличения количества стипендий для студентов с 46 тыс. (2007 г.) до 110 тыс. (2011 г.); увеличения количества ученых с 236 тыс. (2008 г.) до 289 тыс. к 2011 г., что эквивалентно 59 ученым на 10 тыс. человек; в 2013 г. этот показатель достиг 128 ученых на 10 тыс. человек работающего населения¹².

Третий базовый план пришелся на время правления президента Пак Кын Хе с 2013 по 2017 г., когда ею было предложена концепция «творческой» или, иными словами, «креативной экономики». План содержал в себе пять стратегических целей, таких как увеличение инвестиций в НИОКР, в частности увеличение инвестиций в человеческий капитал; поощрение творческих способностей с помощью

финансирования фундаментальных исследований, а также приглашение 300 зарубежных выдающихся ученых для посещения и работы в национальных лабораториях; выделение пяти направлений национального технологического развития; создание новых рабочих мест; увеличение поддержки малых и средних предприятий. Как известно, в силу политических обстоятельств не все инициативы президента Пак Кын Хе были реализованы.

Последние десятилетия тенденция по получению престижного образования в зарубежных университетах все еще сильна для граждан Южной Кореи. Согласно данным Института международного образования, в годы становления в США новых технологических направлений с 2000 по 2008 г. Республика Корея и другие азиатские страны активно направляли своих студентов на инженерные программы в университеты США. Причем Китай и Республика Корея лидировали по количеству иностранных студентов, зачисленных на учебу в университеты США по инженерным специальностям. За 15-летний период с 1999 по 2014 г. количество корейских студентов составило 915,5 тыс. человек. Опыт получения заграничного образования очень важен в современном мире, но это также способствует эмиграции будущих ценных научно-технических кадров страны, которые не могут найти себе применения или выгодных условий труда в Южной Корее¹³. Эта тенденция в южнокорейском обществе сохра-

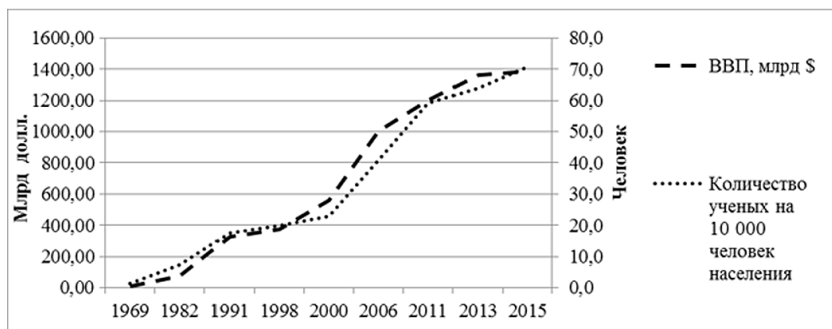

График 1. Соотношение роста ВВП и числа ученых в Республике Корея с 1969 по 2015 г. Составлено по данным Мирового Банка (URL: <http://www.worldbank.org/>).

няется до настоящего момента. Международный институт менеджмента, находящийся в Лозанне, в 2014 г. опубликовал данные по 60 странам, связанные с «утечкой мозгов». Индексация по шкале от 0 до 10, где 10 является благоприятным показателем. В 1995 г. в данном рейтинге уровень «утечки мозгов» у Республики Корея был 7,53, но уже в 2006 г. он составлял 4,91, в 2011 г. — 3,68, в 2012 г. — 3,40¹⁴. Такие данные говорят об усугубляющейся ситуации, связанной с эмиграцией научных и технических кадров.

К инструментам реализации современной инновационной политики Республики Корея по развитию человеческого капитала можно отнести: развитие региональных университетов согласно направлениям функционирования кластеров, содействие коммерциализации разработок ученых, развитие научно-исследовательских институтов и университетов, поддержка ученых.

По данным рейтинга развития талантов 2017 г., проводимого швейцарской бизнес-школой IMD (Международный институт управленческого развития), южнокорейские показатели, представленные в докладе позициям, ухудшились по сравнению с 2013 г., что говорит о неэффективности решений правительства по вопросам поддержки и обучения высококвалифицированных кадров за последние четыре года¹⁵.

Четвертый базовый план по развитию науки и техники был представлен на обсуждение в конце декабря 2017 г. Сроки, в которые будет реализовываться новая программа, были обозначены с 2018 по 2022 г.¹⁶

Подводя итоги 70-летнего периода южнокорейской истории, стоит отметить, что на протяжении всего этого этапа человеческий капитал был одним из главных преимуществ Южной Кореи. Благодаря грамотной и своевременной политике правительства по поддержке науки и техники, стране удалось достичь таких выдающихся результатов в социально-экономическом развитии. Важность научно-технического прогресса, над которым в первую очередь работают люди, была отмечена и использована во благо экономического роста страны.

Количество ученых и инженеров за 46 лет увеличилось в 47 раз, вместе с этим показателем вырос уровень жизни граждан Южной

Кореи, ведь развитие науки и успешная реализация научных открытий являются одним из факторов стабильного социально-экономического роста (график 1).

Примечания

¹ Changing Facets of Korean Higher Education: Market Competition and the Role of the State Sunwoong Kim University of Wisconsin — Milwaukee Milwaukee, WI, USA Ju-Ho Lee KDI School of Public Policy and Management Seoul, Korea March 2004.

² *Ахапкина Н.Г.* Научно-техническая политика Республики Корея (1948—1987 гг.): Концентрация сил на приоритетных направлениях. Политические отношения и управление регионом // Ойкумена. 2009. № 1.

³ 대학원 교육 운영 실태 및 발전방안 연구 한국교육개발원 2013.

⁴ Innovation, Competitiveness and Growth: Korean Experiences Sungchul Chung Research Fellow Emeritus Science and Technology Policy Institute (STEPI).

⁵ *Ахапкина Н.Г.* Указ. соч.

⁶ *Суслина С.С.* Республика Корея на постиндустриальной стадии развития (конец 90-х — начало 90-х годов). М., 1997.

⁷ *Рязанова А.Н.* Государственная политика в отношении человеческого потенциала как фактор успешного технологического развития Южной Кореи. URL: <http://sun.tsu.ru/mminfo/000063105/357/image/357-096.pdf> (дата обращения: 15.02.2018).

⁸ *Суслина С.С.* Указ. соч.

⁹ *Рязанова А.Н.* Государственная политика в отношении человеческого потенциала как фактор успешного технологического развития Южной Кореи. URL: <http://sun.tsu.ru/mminfo/000063105/357/image/357-096.pdf>

¹⁰ *Колотырина Е.А.* Национальные инновационные системы в условиях нарастающей неопределённости мировой экономики. Опыт Республики Корея: дисс. ... канд. эконом. наук. М., 2017.

¹¹ *Суслина С.С.* Значение научно-технических ресурсов в современном развитии Южной Кореи // Наука и инновации. 2011. № 2 (17). URL: <http://www.mirec.ru/2011-02/znachenie-nauchno-tehnicheskikh-resurosov-v-sovremennom-razviii-yuzhnoj-korei> (дата обращения: 27.02.2018).

¹² Доклад ЮНЕСКО по Науке: На пути к 2030 году. 10 ноября 2015 г. URL: <https://ru.unesco.org/node/267194> (дата обращения: 22.02.2018).

¹³ *Озорнин А.В., Кураков Ф.А.* Кадровое обеспечение технологического лидерства: уроки Китая и Республики Корея. Центр научно-технической экспертизы ИПЭИ РАНХиГС при Президенте РФ. Москва.

¹⁴ *Колотырина Е.А.* Указ. соч.

¹⁵ IMD WORLD TALENT RANKING 2017. IMD: Institute for Management Development Switzerland November 2017.

¹⁶ URL: <http://www.kistep.re.kr/en/c4/sub3.jsp?brdType=R&> (дата обращения: 28.02.2018).

П.П. Эм

ИЗУЧЕНИЕ РОЛИ ПРИГОРОДНЫХ ЗОН В РАЗВИТИИ УРБАНИЗАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ (НА ПРИМЕРЕ СТОЛИЧНОЙ АГЛОМЕРАЦИИ)*

В статье рассмотрены особенности и роль пригородов в развитии урбанизации в столичной агломерации Республики Корея. Оценка потоков и направлений маятниковой миграции и сравнение дневной и ночной плотности населения позволили установить многоядерность экономического центра Сеула, а также формирование буферной зоны в юго-западной части пров. Кёнгидо, способной перехватывать трудовые потоки в столицу.

Ключевые слова: урбанизация, пригородная зона, столичная агломерация, маятниковая миграция, Сеул.

The aim of this work is to study the peculiarities and role of suburbs in the development of the capital agglomeration of the Republic of Korea. The establishment of the poly-structural nature of the Seoul economic center was made possible through the application of different research methods. Furthermore, a formation of a south-western buffer zone which is capable of intercepting commuter traffic in the direction of the capital was identified.

Keywords: urbanization, suburban area, capital agglomeration, commuting, Seoul.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Korea Foundation.
This article was prepared with the financial support of the Korea Foundation.

Введение

Субурбанизация является закономерной и важной стадией развития крупных городов и заключается в повышении роли пригородных зон вокруг них. При этом темпы роста пригородного населения превышают аналогичные показатели для населения, проживающего в главном городе. Высокая стоимость жилья и неблагоприятная экологическая ситуация являются основными факторами, «выталкивающими» население из городов в пригороды. Необходимым условием субурбанизации является наличие развитой системы общественного транспорта, ведь большая часть жителей пригородов работает внутри городов. Вместе с населением в пригородную зону мигрирует экономическая база, в первую очередь сфера услуг. Таким образом, оценка роли субурбанизации в развитии городов и их систем — это важная задача, решение которой имеет широкое применение. В данной теме остается много нерешенных задач. Настоящая статья направлена на решение одной из них. Ее цель — изучение роли пригородов столичной агломерации Республики Корея (РК) в развитии урбанизации, имевшей «взрывной» характер¹.

Общая характеристика развития урбанизации в Республике Корея

Тревата и Зелински называли Корею до начала войны одной из наименее урбанизированных стран в мире². Однако доля городского населения в РК с 1950 по 2015 г. увеличилась почти в четыре раза: с 21,4 до 82,5 %³. При этом в 1950 г. уровень урбанизации в РК был меньше среднемирового показателя (29,6 %) и среднего уровня развитых стран (56,6 %), но превышал значение развивающихся (19 %) (рис. 1). В промежутке с 1965 по 1970 гг. за счет быстрых темпов роста урбанизации РК обошла среднемировую показатель, а с 1975 по 1980 г. преодолела урбанистический порог в 50 %. С 1990 по 1995 г. доля городского населения РК превысила показатель развитых стран (рис. 1). Следовательно, развитие урбанизации прошло по классической догоняющей схеме — с низким исходным уровнем и высокими темпами роста.

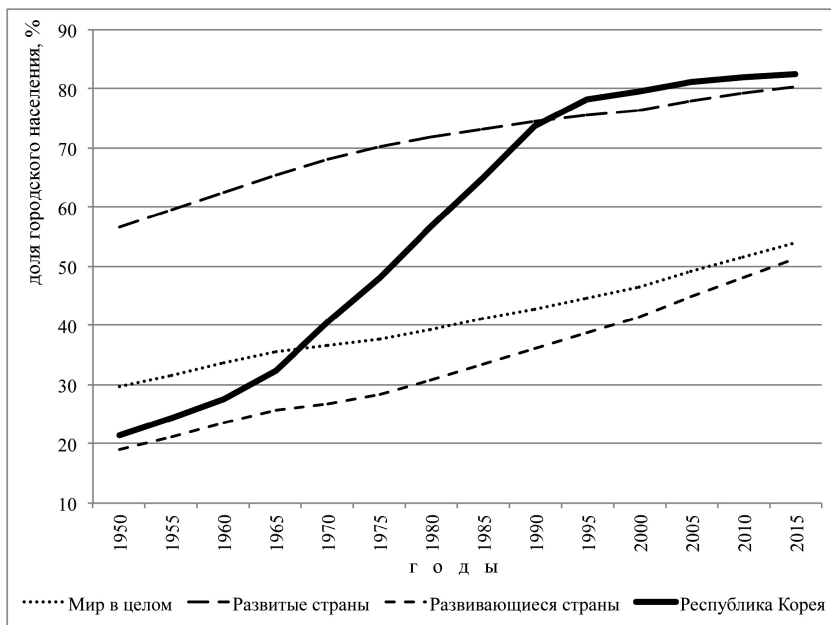

Рис. 1. Динамика доли городского населения в Республике Корея и в мире⁴

Анализ изменений темпов роста городского населения в РК позволяет выделить два ключевых этапа в развитии. На *первом этапе* с 1960 по 1985 г. было отмечено варьирование относительно высоких значений показателя, в целом не опускавшихся ниже 1,15 раз (рис. 2). На *втором этапе* с 1985 г по 2010 г. началось постепенное снижение скорости урбанизации и ее стабилизация на уровне единицы с 1995—2000 гг. Темпы роста крупного городского населения преобладали над аналогичными для просто городского на большей части изучаемого периода (рис. 2). Следовательно, основная часть горожан увеличивалась как раз за счет прироста крупных городов.

Городом в РК называется населенный пункт с численностью населения не менее 40 тыс. человек. Для их классификации были использованы следующие пороговые значения: малый — до 100 тыс.,

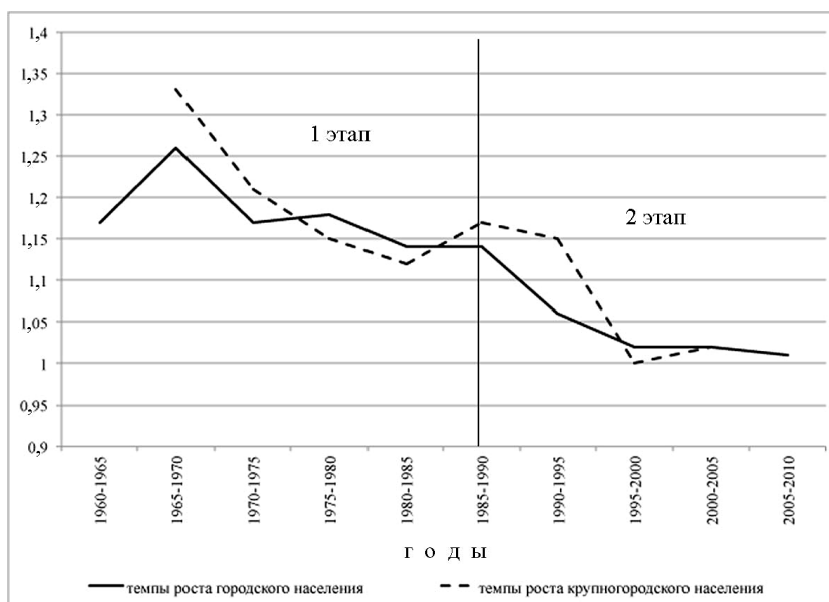

Рис. 2. Динамика темпов роста городского и крупногородского населения в Республике Корея⁵

средний — от 100 до 500 тыс., большой — более 500 тыс. человек. Отдельно выделены города размером более 1 млн человек. Общее количество городов в РК увеличилось с 19 в 1955 г. до 85 в 2015 г.⁶ В 1955 г. в стране был только один крупный, шесть средних и 15 малых городов, а в 2015 г. на 50 средних и 13 малых приходилось уже 13 крупных. Если в 1955 г. был только один город-миллионер, то в 2015 г. их стало уже девять, а доля населения, проживающего в них, увеличилась с 30 до 60 % соответственно. Внутренняя миграция жителей малых городов и селян является основным фактором феноменального скачка доли городов-миллионеров в общей структуре городского населения. Таким образом, с 1955 по 1975 г. произошла трансформация урбанистической структуры РК: города-миллионеры увеличили свою долю в общей структуре городского населения более чем на 30 % преимущественно за счет малых городов (рис. 3).

Рис. 3. Изменение структуры городского населения Республики Корея по классам городов проживания⁷

Что называется столичной агломерацией Республики Корея?

Главным элементом системы расселения РК всегда был Сеул. Он интенсивно расширялся за счет присоединения близлежащих территорий вплоть до 1963 г. В 1971 г., несмотря на недостаток жилья в районе столицы, было принято решение о создании вокруг нее зеленого пояса, свободного от активной застройки⁸. Это решение спровоцировало рост цен на недвижимость⁹. В начале 1988 г. был объявлен План постройки двух миллионов домов¹⁰ путем возведения пяти крупных многоэтажных микрорайонов на неплодородных землях на расстоянии 25—30 км от столицы¹¹. Они к 1990 г. стали способны перехватывать потоки внутренних миграций на их пути в Сеул, поскольку стоимость жилья здесь была значительно ниже, а развитая система транспорта позволяла пользоваться благами столичной жизни¹². Также в пригород переехали часть сеульцев, которых, в дополнение к уже названному ценовому фактору, пригород-

ные районы привлекали тишиной и лучшими экологическими условиями. Реализация программы помогла восстановить ценовой баланс на рынке жилья¹³.

Сеул играет исключительную роль в жизни страны. Развитие прилежащих к нему территорий способствовало их агломерированию. Вблизи Сеула весьма активно развивался Инчхон. В конце 1980-х годов городские агломерации, сформированные вокруг этих городов, практически «срослись» друг с другом, образовав *полиядерную столичную агломерацию*¹⁴. В 2015 г. на ее территории проживали более 25 млн человек, т. е. 45,5 % всего населения страны и 60 % всех ее горожан¹⁵. При этом 60,8 % не были сеульцами. Сегодня в состав столичной агломерации входят Сеул, Инчхон, большая часть пров. Кёнгидо, а также части провинций Канвондо и Чхунчхон-пукто. Столичная агломерация РК включает три города-миллионера: Сеул, Инчхон и Сувон. Кроме того, Сонгнам, Коян и Йонъин были очень близки к преодолению миллионного порога в 2015 г.¹⁶ Все ядра столичной агломерации соединены между собой развитой сетью общественного транспорта¹⁷.

Маятниковая миграция

Оценка степени трудовой интеграции элементов столичной агломерации может быть осуществлена с помощью изучения маятниковых миграций (ММ), т. е. ежедневных поездок на работу или учебу. Она может использоваться как инструмент регионального развития¹⁸. Оценка валового объема ММ (суммы въездных и выездных мигрантов) всей агломерации не способствует пониманию процесса, поскольку ее границы сильно менялись. Однако сравнение валового объема ММ Сеула, бесспорно, позволит оценить степень его трудовой интеграции с окружающей территорией. Его значение увеличилось более чем в два раза: с 3,35 млн в 1980 г. до 7,1 млн в 2015 гг.

Анализ потоков ММ в разные города пров. Кёнгидо с 1980 по 2015 г. позволил установить образование в юго-западной части провинции буферной зоны, перехватывающей потоки ММ в столицу (рис. 4). В нее входят Сувон, Сонгнам, Хвасонг, Йонъин, Анъян, Пучхон, Ансан и Сихын, имеющие максимальные показатели как по

выездным, так и по выездным объемам. Если в 1990 г. они активно привлекали как собственные трудовые ресурсы, так и людей с других частей провинции, имея максимальные значения сальдо ММ, то к 2015 г. они потеряли лидирующие позиции по балансовым показателям из-за увеличения выездных потоков своих жителей, работающих в столице. Высвободившиеся места занимают люди из других районов пров. Кёнгидо. Что касается Сеула, то в 1990 г. максимальный поток прибывающих ММ был направлен в центральный район Сондонгу, а также в окраинные районы Гурогу, Тобонгу и Сонпхагу. Сегодня прибывающие в столицу потоки ММ усилились, а максимальные из них направлены в районы Каннамгу (600 тыс. человек) и Чунгу (350 тыс. человек).

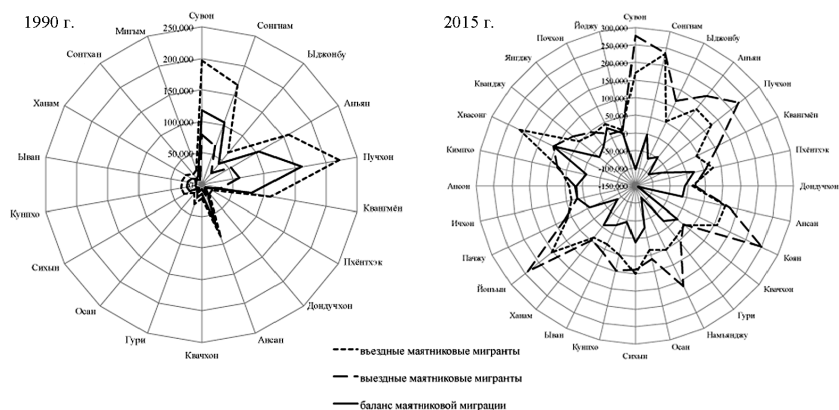

Рис. 4. Динамика объема маятниковых миграций в городах пров. Кёнгидо¹⁹

Сравнение половых диспропорций в потоках ММ показывает, что большая часть женщин предпочитает работать в пределах населенного пункта проживания. Даже несмотря на произошедшие изменения в корейском обществе, связанные с вовлечением и активным участием женщин в экономике²⁰, они по-прежнему достаточно сильно привязаны к дому. Мужчины же намного более склонны к дальним трудовым поездкам, составляя костяк междугородних потоков ММ. Исключением являются студентки учебных заведений в

возрасте от 20 до 24 лет, обучающиеся в городах, отличных от места их проживания. Однако их резкое преобладание в данной возрастной группе объясняется службой молодых людей в армии. В целом типичный ММ в столичной агломерации РК — это сотрудник в возрасте 35 лет, занятый на полную ставку²¹.

Структура использования общественного транспорта для ММ на 2015 г. изучена в разрезе должностей. Анализ показал, что лица, не имеющие университетского образования, часто работают в непосредственной близости от места проживания, добираясь на работу пешком (рис. 5). Подавляющее большинство менеджеров и клерков пользуются микроавтобусом. Общая доля основных видов общественного транспорта (метро и автобусов) составила всего чуть более 20 % на рынке пассажирских перевозок. Еще 10 % из числа высокообразованных кадров готовы тратить дополнительное время и деньги для комбинирования нескольких видов транспорта при проезде до места работы, чтобы получить больший размер оклада²². К счастью, развитие транспортной системы привело к уменьшению средней

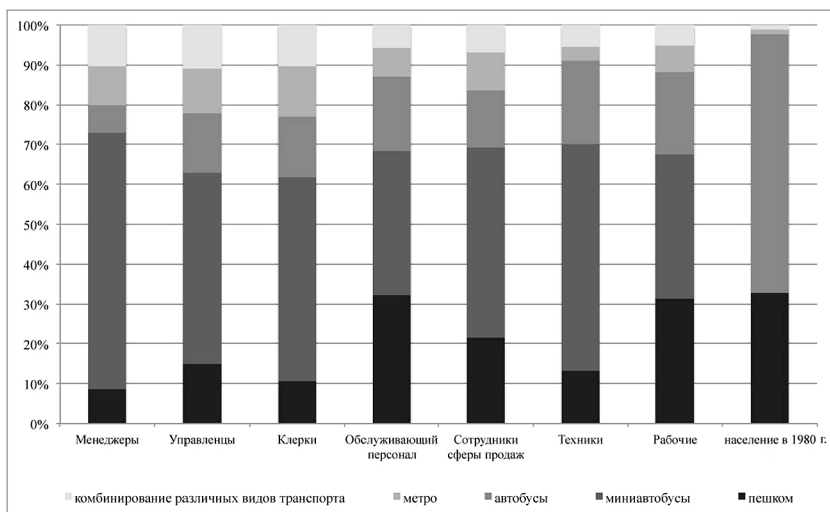

Рис. 5. Использование общественного транспорта людьми различных сфер занятости

продолжительности ММ с 1990 по 2015 г.²³ Так, доля жителей, затрачивающих на путь до работы менее одного часа, увеличилась с 71,2 % в 1990 г. до 74 % в 2015 г., а доля лиц, ежедневный путь которых превышал два часа, уменьшился с 2,4 до 1,7 % соответственно. По мнению жителей пров. Кёнгидо, оптимальная продолжительность ММ составляет около 30 мин²⁴. Если говорить об использовании личных автомобилей, то потребность в них стабильно увеличивалась, однако средняя скорость передвижения составляла всего 17 км/ч для Сеула и 24,5 км/ч для Кёнгидо²⁵. Личный автомобиль не является популярным средством для ММ, потому что поездки на нем более затратные по времени и средствам по сравнению с общественным транспортом. Этот факт можно оценить благоприятно, поскольку преобладание автомобилей в транспортной структуре ММ усугубило бы и без того серьезные заторы и экологические проблемы.

Сравнение дневной и ночной плотности населения

Степень трудовой привлекательности различных элементов столичной агломерации РК можно оценить путем сравнения дневной и ночной плотности населения в разных ее частях. Ранее были предложены различные методики для решения данной задачи^{26, 27}. Автор под ночной плотностью предлагает понимать плотность постоянного населения, а значение дневной рассчитывать путем прибавления к ночному населению числа выезжающих и прибывающих ММ с учетом их математического знака.

Результаты анализа показывают, что максимальный контраст между дневной и ночной плотностью населения обнаружен в районах Чунгу, Чжонногу и Кангнамгу, где первая превышает вторую в 3,7, 2,7 и 1,9 раз соответственно (рис. 6). Подобная концентрация трудовых ресурсов может быть отмечена исключительно в районах повышенной деловой активности. Однако далеко не все части Сеула отличаются подобной высокой степенью деловой активности. В нем много районов, например окраинных, выполняющих практически спальные функции. Исключение составляют южные районы. Полученные результаты показывают, что произошла пространственная трансформация внутренней структуры Сеула. Сегодня в нем образо-

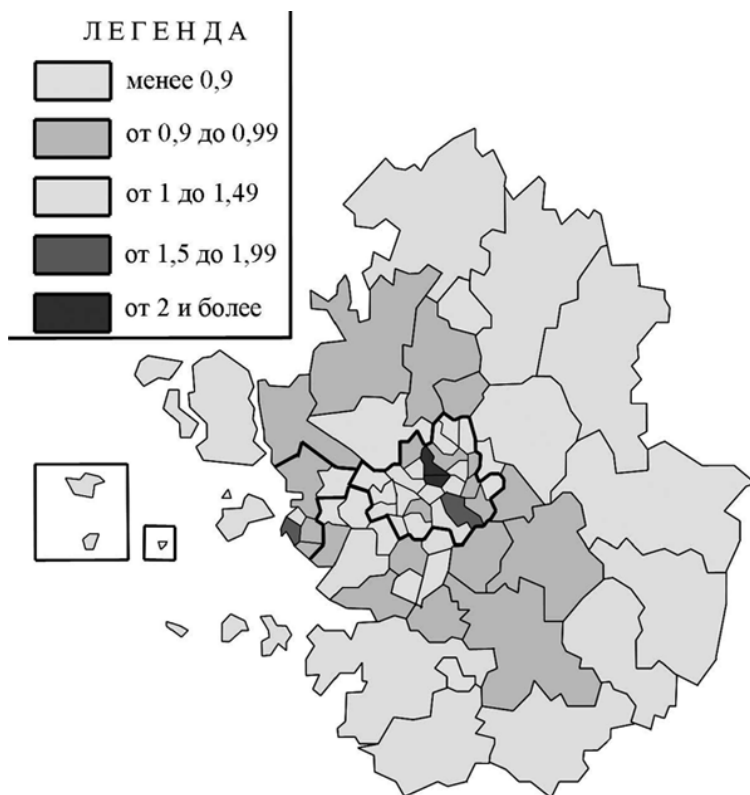

Рис. 6. Отношение дневной плотности населения к ночной в столичной агломерации Республики Корея²⁸

валось сразу несколько центров. При этом произошло частичное смещение экономических фокусов из районов, расположенных в центральной части города, в приграничные.

Выводы

Проведенное исследование доказало исключительно важную роль пригородных зон в развитии урбанизации в РК на примере ее

столичной агломерации. Несмотря на меньшую плотность населения по сравнению с крупнейшим городом Сеулом, пригороды концентрируют более 60 % населения агломерации. Рядом с Сувоном, являющимся одним из трех городов-миллионеров изучаемой агломерации, развиваются такие города, как Сонгнам, Коян и Йонгин, каждому из которых не хватает не более 50 тыс. человек для преодоления заветного рубежа в 1 млн жителей.

Формирование пригородов позволило Сеулу продолжить не только территориальную экспансию, ведь города-спутники выполняют функцию его «спальных районов», но также развивать и наращивать свою экономическую мощь. Сравнение дневной и ночной плотности населения показало, что экономический центр южнокорейской столицы стал многоядерным, что положительно влияет на общий уровень экономического развития. Еще один центр в виде буферной зоны активно формируется и развивается в юго-западной части пров. Кёнгидо. Ее трудовая привлекательность повысилась настолько, что уже «перехватывает» потоки ММ в столицу. Однако важно отметить, что она пока не способна удержать своих резидентов от трудовых поездок в Сеул.

Большая часть занятых в столице людей проживает в пригородах, следовательно степень трудовой интеграции между Сеулом, Инчхоном и пров. Кёнгидо очень высокая. Развитие системы общественного транспорта привело к уменьшению средней продолжительности трудовых поездок, однако жительницы изучаемой агломерации все-равно предпочитают работать недалеко от места проживания. Высокий оклад является главным стимулом для длительных междугородних ММ, поэтому низкоквалифицированные кадры находят работу поблизости от места проживания.

Примечания

¹ Эм П.П. Особенности развития урбанизации и системы расселения в Республике Корея во второй половине XX — начале XXI в. // Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 3. С. 102.

² Trewartha G.T., Zelinsky W. Population Distribution and Change in Korea 1925—1949 // Geographical Review. 1955. Vol. 45. No. 1. P. 1—26.

³ The World Urbanization Prospects. URL: <https://esa.un.org/unpd/wup/> (дата обращения: 15.02.2018).

⁴ Рисунок составлен по: The World Urbanization Prospects. URL: <https://esa.un.org/unpd/wup/> (дата обращения: 15.02.2018).

⁵ Рисунок составлен по расчетным данным, выполненным по: Results of Population and Housing Censuses for 1966, 1975, 1980, 1985, 1990 and 1995; Korean Statistical Information Service. URL: <http://kosis.kr/index/index.do> (дата обращения: 15.02.2018).

⁶ Расчеты выполнены по: Statistical Yearbook of the Republic of Korea 1975. Seoul: Bureau of Statistics, Ministry of Home Affairs; Korea Statistical Yearbook 2016. Vol. 63. Daejeon: Statistics Korea.

⁷ Рисунок составлен по расчетным данным, выполненным по: Statistical Yearbook of the Republic of Korea 1975. Seoul: Bureau of Statistics, Ministry of Home Affairs; Korea Statistical Yearbook 1975. Vol. 22. Seoul: National Bureau of Statistics, Economic Planning Board of the Republic of Korea; Korea Statistical Yearbook 1995. Vol. 42. Seoul: National Statistical Office; Korea Statistical Yearbook 2016. Vol. 63. Daejeon: Statistics Korea.

⁸ *Cho C.-J.* The Korean growth-management programs: Issues, problems and possible reforms // Land Use Policy. 2002. No. 19. P.13—27.

⁹ *Kim H.M., Han S.S.* Seoul // Cities. 2012. No. 29. P. 142—154.

¹⁰ *Ha S.-K., Cho S.-C.* Suburban Development and Public Housing Provision on Greenbelt Zones in the Seoul Metropolitan Region // Journal of the Korean Urban Management Association. 2009. Vol. 22. No. 1. P. 183—207.

¹¹ KLC. Overall assessment of new towns in the Seoul metropolitan area. Seongnam: Korea Land Co., 1999.

¹² *Эм П.П.* Региональные особенности урбанизации в Республике Корея // Региональные исследования. 2012. № 2. С. 126—128.

¹³ *Suh, S.-H.* A macro econometric analysis of the real estate market in Korea. Seoul: Hongmunsa, 1994.

¹⁴ *Эм П.П.* Городские агломерации как системы размытых центральных мест (на примере стран Корейского полуострова) // Региональные исследования. 2014. № 3. С.115—125.

¹⁵ Расчеты выполнены по: Korea Statistical Yearbook 2016. Vol. 63. Daejeon: Statistics Korea.

¹⁶ Расчеты выполнены по: Korea Statistical Yearbook 2016. Vol. 63. Daejeon: Statistics Korea. С. 172.

¹⁷ *Ma K.-R., Banister D.* Extended Excess Commuting. A Measure of the Jobs-Housing Imbalance in Seoul // *Urban Studies*. 2006. Vol. 43. No. 11. P. 2099—2113.

¹⁸ *Lee W.-Y.* Policy Issues in Developing New Towns in Seoul Metropolitan Region // *Journal of Korea Planning Association*. 2001. Vol. 36. No. 1. P. 301—315.

¹⁹ Рисунок составлен по расчетным данным, выполненным по: Korea Statistical Information Service. URL: <http://kosis.kr/index/index.do> (дата обращения: 02.11.2017).

²⁰ *Эм П.П.* Изменение демографического поведения на Корейском полуострове во второй половине XX — начале XXI вв. // *География в школе*. 2013. № 5. С. 19—25.

²¹ *Lee B.S., McDonald J.F.* Determinants of Commuting Time and Distance for Seoul Residents: The Impact of Family Status on the Commuting of Women // *Urban Studies*. 2003. Vol. 40. No. 7. P. 1283—1302.

²² *Ko E.-J., Jeon S.-B.* The quality of Life and Commuting: Considering Time — Use and Income of Kyunggi Resident // *GRI Review*. 2017. Vol. 19. No. 3. P. 25—49.

²³ *Lee S.-S.* Analysis on the Commuting Efficiency of Urban Structure by the Job-housing Assignment in Seoul Metropolitan Area // *Journal of Korea Planning Association*. 2004. Vol. 39. No. 3. P. 95—109.

²⁴ *Jin E., Jin J.* Happiness and Commuting Paradox: Does increasing commuting time reduce happiness? // *GRI Review*. 2017. Vol. 19. No. 3. P. 117—134.

²⁵ *Sun M.J.* Examining commuting times and jobs-housing imbalance in Seoul: an empirical analysis of urban spatial structure. Texas A&M University. 2012. P. 14.

²⁶ *Kang B.G.* A Simplified Approach for Estimating the Irregular In-flow and Out-flow of Daytime Population, with the Building Floor Area // *Journal of Korean Planning Association*. 1995. Vol. 30. No. 2. P. 177—190.

²⁷ *Kim M.-K., Bae J.S., Wang Y.H., Sohn H.-B.* Estimation of daytime population distribution using traffic data // *The Korean Society for Geospatial Information Science*. 2017. No. 10. P. 66—67.

²⁸ Рисунок составлен по расчетным данным, выполненным по: Korea Statistical Information Service. URL: <http://kosis.kr/index/index.do> (дата обращения: 02.11.2017).

Раздел III

ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА, ФИЛОЛОГИЯ

Глава 1

ИСТОРИЯ

В.С. Акуленко

ЭВОЛЮЦИЯ ТЕОРИЙ ЭТНОГЕНЕЗА КОРЕЙЦЕВ В РК И КНДР¹

В работе последовательно рассматривается эволюция методологической основы теорий этногенеза корейцев в РК и КНДР, теорий этногенеза корейцев в трудах учёных РК и КНДР, проводится их поэтапное сравнение и делается вывод по каждому из этапов и о нынешнем их состоянии. Источниковедческой базой исследования служат работы южнокорейских и северокорейских учёных, по-

¹ Работа выполнена при спонсорской поддержке Министерства образования РК и Академии корееведения (AKS-2015-OLU-2250003).

This work was supported by the Core University Program for Korean Studies through the Ministry of Education of the Republic of the Korea and Korean Studies Promotion Service of the Academy of Korean Studies (AKS-2015-OLU-2250003).

свящённые проблеме этногенеза корейцев, а также толковые словари, учебные пособия и монографии.

Ключевые слова: Республика Корея, КНДР, этногенез корейцев, автохтонная теория этногенеза, миграционная теория этногенеза.

This paper deals with the theoretical framework of the theories of ethnogenesis of Korean people in the ROK and the DPRK, analyses the evolution of these theories and compares them chronologically. To carry out this study we analyzed North and South Korean scientific works devoted to the problem of ethnogenesis of Korean people, dictionaries, textbooks and monographs.

Keywords: ROK, DPRK, ethnogenesis of Korean people, autochthonous theory of ethnogenesis, migrational theory of ethnogenesis.

Существование в течение уже семи десятилетий на территории Корейского полуострова двух враждующих корейских государств привело к формированию двух параллельных официальных исторических школ, которые совершенно по-разному рассматривают вопрос формирования корейского этноса.

В работе последовательно рассмотрена эволюция методологической основы теорий этногенеза корейцев в РК и КНДР, эволюция самих теорий этногенеза корейцев в трудах учёных РК и КНДР, а также проведено сравнение по каждому из выделенных нами этапов их эволюции. Фактически в данном исследовании будет проанализирована эволюция взглядов на процесс этногенеза корейцев ведущих представителей южнокорейской и северокорейской научной школы за более чем 70-летний период существования двух государств.

Переходя к основной части работы, нельзя не отметить, что интерес к анализу теорий этногенеза был вызван в том числе неоднозначностью используемых учёными Северной и Южной Кореи терминов, которые, возможно, так или иначе влияют на восприятие собственной истории самими корейцами. Поэтому перед началом анализа собственно теорий этногенеза и их сравнения хотелось бы несколько слов сказать об эволюции методологической основы теорий этногенеза на Севере и Юге и связанной с ней терминологии.

Эволюция теории этноса в РК и КНДР

Так, в созданной вскоре после провозглашения КНДР Академии общественных наук за термином *минчжок* — ключевым, на наш взгляд, понятием, связанным с этногенезом корейцев — первоначально закрепилось значение «нация», которое понималось, в свою очередь, в соответствии с предложенным И.В. Сталиным определением, т. е. как форма этнической общности людей эпохи капитализма и социализма¹. Примерно до середины 1970-х годов наряду с термином *минчжок* активно использовался другой термин — *чунмичжок*, который может быть переведён на русский язык как народность. Однако его вытеснение термином *минчжок* говорит об их слиянии в понятийном аппарате северокорейских историков. Постепенная трансформация термина *минчжок* не могла не повлиять на понимание в КНДР сущности процесса этногенеза корейцев. Возможно, это влияние было обоюдным, так как очередная трансформация термина часто совпадала с появлением новых данных об истории Кореи. И на современном этапе северокорейский термин *минчжок* вполне можно перевести на русский язык, следуя примордиалистской традиции, как этнонация², если применять его к XX в., и как этнос, если говорить о более ранних периодах.

На современном этапе понятие *минчжок* в КНДР трактуется в рамках новой чучхейской теории. В ней северокорейские историки подвергли критике тезис Сталина и конструктивистов о том, что появление нации связано с приходом капитализма, и фактически смешали понятия «этнос» и «нация». Автором новой универсальной теории считается Ким Ир Сен, который «был знаком с теорией Сталина, но осознал её ограниченность». Именно он выдвинул универсальные признаки, которыми должна обладать *минчжок*, — это общий язык и кровное родство. Именно их, в сочетании с культурной и территориальной общностями, северокорейские учёные предлагают считать новыми основами для формирования *минчжок*³. Время её формирования не ограничено эпохой капитализма, и каждая *минчжок* уникальна по своему происхождению и составу⁴. Так как главным из всех признаков *минчжок*, согласно чучхейской теории, является «кровное родство»⁵, можно констатировать тот факт, что

современное понимание этноса и нации, объединённых в понятии *минчжок*, в КНДР строится на принципах социобиологического примордиализма.

В Южной Корее ситуация выглядит несколько по-иному. Очевидно, что на раннем этапе этнос и этногенез понимались в основном исходя из представлений о сущности данного процесса, бытовавших в Японской империи, в рамках которых этнос рассматривался с позиций примордиализма. Как было сказано выше, в РК, как и в КНДР, понятию «этнос» соответствует термин *минчжок*. Однако, в отличие от северокорейских коллег, южнокорейские историки фактически ни разу существенно не поменяли дефиниции этого понятия в словаре. *Минчжок* трактуется как «исторически сложившаяся социальная группа, основанная на общности языка и культуры, проживающая совместно в определённом регионе в течение длительного периода»⁶. На основе данного определения можно сделать вывод о том, что концепцию этноса, применяемую в РК, также можно отнести к примордиалистской, но относящейся в большей степени к эволюционно-историческому направлению.

Вплоть до 1960-х годов южнокорейские историки предпочитали рассматривать этногенез корейцев вместе с вопросом о становлении государственности на Корейском полуострове⁷. Однако с середины 1960-х начинают появляться работы, в которых предлагается рассматривать данный вопрос отдельно и в привязке к формированию культуры, языка, антропологических особенностей и т. д.⁸ Тем не менее попыток создания какой-то особой терминологии, способной выделить понятие «этнос» или «народность», не было предпринято вплоть до 1980-х годов, когда южнокорейские учёные внезапно осознали ограниченность термина *минчжок*. В результате появляется ряд работ, в которых ставится вопрос о применимости термина *минчжок*, означающего *нация*, к ранним периодам истории Кореи, и разрабатывается своя терминология⁹. Впрочем, приходится констатировать тот факт, что большая часть южнокорейской академической науки по-прежнему игнорирует тот факт, что понятие *минчжок* трактуется слишком широко и применяется практически ко всем периодам корейской истории, за исключением, разве что, каменного века.

Таким образом, как в РК, так и в КНДР до сих пор не существует развитой терминологической системы, связанной с теорией этноса. Вместо этого научные школы обоих государств эксплуатируют термин *минчжок*. Эволюция понимания природы нации и этноса активно происходила только в КНДР, где понимание термина *минчжок* постепенно двигалось от данного И.В. Сталиным определения нации к современной чучхейской интерпретации, в которой «кровное родство» заняло в итоге ведущую позицию.

Теории этногенеза на начальном этапе

Несмотря на неоднозначные результаты развития методологической основы, сам вопрос этногенеза исследовался учёными РК и КНДР очень активно, что не в последнюю очередь связано с политизацией изучения истории в целом и процесса формирования корейского народа в частности.

Впрочем, на начальном этапе их формирования позиции учёных РК и КНДР по данному вопросу были достаточно близки. В Республике Корея господствовали три теории — тунгусская, разработанная Сон Чин Тхэ¹⁰; происхождения от *эмк*, автором которой являлся Ли Бён До¹¹, и о пульхамской культуре, созданной Чхве Нам Соном¹². У всех теорий есть ряд общих черт: 1) их основные положения были сформированы во время колониального периода, поэтому они испытали на себе колоссальное влияние работ японских историков; 2) их создатели работали в основном с письменными источниками, практически не привлекая к анализу археологический материал. В целом все эти теории можно классифицировать как миграционные, так как они повествуют о приходе протокорейцев в Маньчжурию и на Корейский полуостров с запада в эпоху неолита. Все они считают нынешний корейский этнос гомогенным, сформировавшимся вокруг одного этнического компонента, не отрицая при этом ограниченного участия в этногенезе соседних азиатских народов, и даже европейцев. Отличаются они лишь в определении этого центрального этнического компонента. Гомогенность корейцев южнокорейские историки первого поколения связывают, *во-первых*, с тем, что корейская культура и единое государство сформировались

довольно давно — после объединения Трех государств королевством Силла; а *во-вторых*, с существованием некоего превалирующего компонента. Именно в его определении теории и расходятся.

Несмотря на то что, как уже было сказано выше, изучение истории Кореи в КНДР с самого начала было поставлено на службу ТПК, вплоть до середины 1960-х годов по многим вопросам допускался плюрализм мнений. Одним из них был вопрос происхождения корейцев. В 1950-е годы учёные КНДР достигли консенсуса относительно хода процесса этногенеза корейцев и полемизировали в основном на тему происхождения его элементов — древних корейских племен. Существовало, по крайней мере, три теории их происхождения — «северная» (от сушеней)¹³, «западная» (от китайцев)¹⁴ и «полигенная» (формирование из племен различного происхождения)¹⁵. Сам процесс рассматривался учёными КНДР в рамках советского теоретического подхода к решению данной проблемы — разложения первобытной общины, появления племен и объединения их в политические образования, в которых возникали свои народности¹⁶. Завершение процесса этногенеза корейцев на этом этапе связывали с объединением народностей Трех государств в рамках единого государства — Объединенного Силла.

Таким образом, на первом этапе формирования теорий этногенеза корейцев в РК и КНДР по таким параметрам, как выделение географических и временных рамок процесса, а также компоненты этногенеза, они обнаруживают большое количество совпадений. В то же время, в силу различия идеологических систем Севера и Юга, проявивших себя в данном случае в выборе теоретической основы исследований, по вопросу выделения этапов процесса, а также теоретической основы исследований можно обнаружить значительные расхождения. Все это обусловило значительное сходство теорий этногенеза корейцев в РК и КНДР на раннем этапе становления исторической науки двух независимых корейских государств.

Эволюция теорий этногенеза в 1960-е годы

В 1960-е годы в КНДР и РК происходят значительные идеологические и политические изменения. Одновременно с этим учёные

РК и КНДР делают ряд замечательных открытий в области археологии, начинают использовать в своих исследованиях данные физической антропологии, сравнительно-исторического языкознания и других наук. Всё это в комплексе приводит к переосмыслению теорий происхождения корейцев, сформированных в предыдущий период.

В КНДР в этот период под влиянием идеологических и политических изменений, а также новых археологических открытий начинает формироваться новая теория этногенеза корейцев. «Чучхеизация» истории рождает тенденцию на определение этногенеза корейцев как автохтонного процесса, происходившего в Корее и в северо-восточной части Китая, возможно, с периода палеолита. Более того, северокорейские учёные стараются «избавить» корейскую историю от иностранного влияния, что приводит к отрицанию значительного влияния Китая и других стран и народов на формирование культуры и государственности на Корейском полуострове¹⁷. Идеологическое противостояние Севера и Юга рождает ещё одну тенденцию, которую мы условно обозначили как «североцентризм» в описании истории Кореи и этногенеза корейцев. В результате, несмотря на признание важной роли силлаской культуры и языка в формировании общекорейской культуры и языка, завершение процесса этногенеза откладывается до создания государства Корё. Кроме того, начинает подчёркиваться выдающаяся роль когурёсцев и их преемников бохайцев в развитии корейской культуры и государственности, а также важность воссоединения родственных народов Корё и Бохая после падения последнего. Данный факт представляется как «особый случай в мировой истории феодальных обществ»¹⁸.

В то же самое время в РК происходит важное переосмысление вопроса происхождения корейцев и ранних этапов этногенеза. Появляется новый взгляд на момент завершения процесса этногенеза, который стал возможен благодаря выводу вопроса этногенеза из проблематики становления государственности. Изучение этногенеза с использованием данных физической антропологии¹⁹, сравнительно-исторического языкознания²⁰, археологии²¹, этнографии²² и их сочетания дали потрясающий результат, позволивший обнаружить при-

существование некоего «южного» элемента, возможно малайско-полинезийского происхождения, в этногенезе корейцев. Убедительно была подтверждена и существующая с древности связь с Алтайским регионом, Сибирью и Северным Китаем. А момент завершения формирования корейцев был отодвинут до 1 тыс. до н.э.

Таким образом, 1960-е годы стали важным этапом и поворотным пунктом в развитии теорий этногенеза в РК и КНДР, так как между теориями этногенеза двух стран наметился раскол, основы которого лежали в политической и идеологической плоскости, так как именно политика и идеология в значительной степени повлияли не только на рост интереса к данной теме, но и на интерпретацию фактического материала, добытого учёными двух стран. Если в РК окончательно утвердилась теория миграционного и многокомпонентного этногенеза корейцев, то в КНДР именно в это время начала формироваться идея об автохтонном характере этногенеза корейцев, а также об исключительной важности северной части Кореи для исторического развития всей Кореи и этногенеза корейского народа.

Эволюция теорий этногенеза в 1970—1980-е годы

Следующий этап эволюции теорий этногенеза продлился с начала 1970-х по начало 1990-х годов и связан с постепенным развитием наметившихся в 1960-е годы тенденций изучения процесса этногенеза. В КНДР продолжилась эволюция автохтонной теории этногенеза корейцев. Фокус постепенно смещается с линии преемственности Древний Чосон—Когурё—Корё вглубь истории, и северокорейские учёные постепенно приходят к мысли о том, что современные корейцы произошли от палеолитических жителей полуострова, что хорошо видно из изменения содержания предисловия третьего²³ и четвертого²⁴ издания «Общей истории Кореи». Под влиянием новых данных, полученных в результате археологических, антропологических²⁵ и лингвистических²⁶ исследований, формируется теория происхождения от палеолитических жителей Корейского полуострова, основные положения которой сводятся к тому, что антропологические особенности корейцев сформировались в ходе

эволюции древних жителей Корейского полуострова, начиная со среднего палеолита, сами корейцы являются гомогенным этносом и их антропологические особенности отличают их от окружающих народов, корейская культура как феномен появляется с периода неолита, непосредственными предками корейцев являются «корейцы древнего типа», а образование корейского этноса является не следствием, а причиной формирования единого политического объединения — Древнего Чосона.

Главным итогом развития теории этногенеза корейцев в РК в этот период становится выработка концепции двухкомпонентного этногенеза корейцев в результате наложения друг на друга двух миграционных волн, пришедших из континентальной части Азии со стороны Южной Сибири и Алтайских гор. По поводу момента завершения данного процесса учёные расходятся. Одни считают его завершённым ещё в бронзовом веке, указывая на то, что создание государства (Древнего Чосона) является индикатором завершения процесса, в то время как другие считают, что говорить о завершении процесса можно только после объединения Кореи государством Силла во второй половине VII в., а создание Древнего Чосона, напротив, видят отправной точкой этногенеза²⁷.

В этой связи приходится констатировать, что мнения южнокорейских и северокорейских учёных по вопросу этногенеза корейцев в 1970-е и 1980-е годы всё больше отдаляются, что вызвано объективными причинами — накоплением новых данных и изменением понимания термина «этнос» в КНДР. Важную роль в данном процессе играла и идеология.

Теории этногенеза корейцев в РК и КНДР на современном этапе

На современном этапе в КНДР появилась своя уникальная чуждая теория этногенеза корейцев, которая предполагает формирование нации на основе четырёх общностей — генетической, языковой, культурной и территориальной — и не ставит ограничений относительно периода её формирования²⁸. В этом смысле она может быть классифицирована как примордиалистская. Принимая во вни-

вание большую важность «кровного родства», на которой настаивает теория, её можно отнести к социобиологическому направлению примордиализма.

В данный момент в КНДР принято считать корейцев самым древним из непрерывно существующих народов мира, который сформировался самостоятельно и без значительного влияния извне на территории Корейского полуострова и окружающих его регионов. В основе доказательной базы лежит теория о существовании в древности тэдонганской культуры, которая включается в пятёрку древнейших цивилизаций человечества²⁹.

Целый ряд её положений выглядит весьма спорным. Наибольшие сомнения вызывает факт генетического родства корейцев и автономность их, начиная с периода верхнего или даже среднего палеолита. Вопросы вызывает выделение специфической тэдонганской археологической культуры и её периодизация. Вызывает сомнение и сам факт сложения корейского этноса в столь древний период.

В свою очередь новейшей теорией этногенеза корейцев в РК является теория гетерогенного миграционного этногенеза, которая стала логичным результатом эволюции двухкомпонентной теории этногенеза корейцев в свете новых данных, полученных благодаря археологическим³⁰ и генетическим исследованиям³¹. Данные археологии показали широкие контакты населения Корейского полуострова в период неолита и бронзы, в то время как данные генетики подтвердили наличие в ДНК корейцев генов, связывающих их с носителями японской культуры дзёмон, североазиатскими народами, населением Юго-Восточной Азии и бассейна р. Амур. Кроме того, данные этнографии³², одонтологии³³, краниологии³⁴ и антропологии показывают, что население Кореи на протяжении своей истории не включало в свой состав представителей различных народов, а полная преемственность и завершение сложения современного антропологического типа корейцев начинается лишь с периода Корё. В то же время большинство учёных уверены, что процесс происходил на полиэтничной основе, начался с переселения носителей культуры бронзового века в I тыс. до н.э. на Корейский полуостров

и в целом завершился с образованием первого единого корейского государства — Объединённого Силла в VII в.

Таким образом, на современном этапе в РК и КНДР сформировались две отдельные, абсолютно не похожие друг на друга теории этногенеза корейцев. В КНДР получила дальнейшее развитие автохтонная теория этногенеза корейцев, под которую была подведена новая теоретическая база в виде чучхейской теории этногенеза. В РК, в свою очередь, теория алтайского происхождения корейцев усложнилась благодаря новейшим достижениям целого ряда наук, в том числе генетики.

Примечания

¹ *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 2. М., 1946. С. 296.

² Теория социобиологического примордиализма нации понимает нацию как переход этноса на особую национальную ступень развития.

³ *Ке Сунму.* Кодэсиги чосонминчжокый хёнсонэ тэхан рёксачжок кочхаль // Чосонкодэсаёнгу. 2004. № 1. С. 114.

⁴ *Чан Учжин.* Чосонмичжокый пальсэнчжи Пхеньян. Пхеньян, 2000. С. 11.

⁵ Там же. С. 7.

⁶ URL: <http://dic.daum.net/word/view.do?wordid=kkw000097872&q=%EB%AF%BC%EC%A1%B1>

⁷ Такой позиции придерживались такие учёные, как Сон Чжин Тхэ, Чхве Нам Сон, Ли Бён До и др.

⁸ Особенно ярко данная точка зрения представлена в работах Ким Чон Хака и Ким Чон Бэ.

⁹ Минчжок ирон (Теория нации). Сеул, 1985; *Но Тхэдон.* Хангукминчжок хёнсонгвачжонэ тэхан ирончТок кочхаль // Хангуккодэсарончип. 1991. № 1. С. 9—39.

¹⁰ *Сон Чин Тхэ.* Куксатэё. Сеул, 1986; *Сон Чин Тхэ.* Ури минчжогый короон киль. Сеул, 1948; *Сон Чин Тхэ.* Хангукминчжоксакэрон. Сеул, 1948.

¹¹ *Ли Бён До.* Куксатэгван. Сеул, 1959; Ли Бёндо. Хангуккодэсаёнгу. Сеул, 1976.

¹² *Чхве Намсон.* Косатхон. Сеул, 1943; Чхве Намсон. Пульхаммунхварон. Сеул, 1927.

- ¹³ *Чон Чансок*. Чосон вонсиса ёнгуэсо чегитвенын мёт качжи мундже // Минсокхак ёнгучхонсо. Т. 2. Пхеньян, 1959. С. 171.
- ¹⁴ *Чон Хиён*. Чосонэсо чхот кукка хёнсонын самгукый хёнсоныробутхо сичжактвен госи анида // Ёксанонмунчип. 1957. № 1. С. 70—81.
- ¹⁵ *Чон Чансок*. Указ. соч. С. 149—186.
- ¹⁶ Чосонтхонса. Пхеньян, 1956; Чосонса кэё. Пхеньян, 1957; Чосонрёкса. Токио, 1954.
- ¹⁷ Чосонтхонса (сан). Пхеньян, 1962.
- ¹⁸ *Пак Сихён*. Пархэ ёнгурыль вихаё // Рёкса квахак. 1962. № 1. С. 29.
- ¹⁹ *На Сэчжин*, *Ким Гютхэк*. Хангугин чхиаый чхэчжилыбиллюхакчок ёнгу // Тэханчхигваыйсахёпхвечжи. 1961. № 3. С. 1—29; *На Сэчжин*. Хангуминчжокый чхэчжилыбиллюхакчок ёнгу // Хангукмунхвасадэге. Т. 1. Сеул, 1964. С. 87—233.
- ²⁰ *Ли Гимун*. Хангуго хёнсонса // Хангукмунхвасадэге. Т. 5. Сеул, 1967. С. 19—112.
- ²¹ *Ким Воллён*. Хангукмунхваый кокохакчок ёнгу // Хангукмунхвасадэге. Т. 1. Сеул, 1964. С. 235—310.
- ²² *Ким Чонхак*. Хангукмичжок хёнсонса // Хангукмунхвасадэге. Т. 1. Сеул, 1964. С. 315—452.
- ²³ Чосонтхонса (сан). Пхеньян, 1977.
- ²⁴ Чосонтхонса (сан). Пхеньян, 1987.
- ²⁵ *Пэк Киха*, *Чан Учжин*. Чосонсарамморипёый инрюхакчжоктхыкчин // Кокоминсокронмунчип. 1973. № 5. С. 127; *Чан Учжин*. Чосонсарамипальый инчжокчоктхыкчинэ кванхан ёнгу // Кокоминсокронмунчип. 1979. № 7. С. 42; *Чан Учжин*, *Ли Эгён*. Чосонсарамый хёльхонхакчжоктхыкчинэ кванхан ёнгу // Кокоминсокронмунчип. 1984. № 9. С. 179.
- ²⁶ *Ким Ёнхван*. Чосонминчжоко пальчжонрёкса ёнгу. Пхеньян, 1978; *Рю Рёль*. Чосонмалёрёкса (Кодэ — 10 сэги чхо). Т. 1. Пхеньян, 1990. С. 6.
- ²⁷ *Ким Чонхак*. Хангуксангосаёнгу. Сеул, 1990; *Ким Чонбэ*. Хангукминчжок-мунхваый кивон. Сеул, 1973.
- ²⁸ *Ке Сунму*. Указ. соч.
- ²⁹ *Чи Хвасан*, *Со Куктхэ*. Тэдонганмунхва. Пхеньян, 2011; *Чан Учжин*. Чосонминчжокый пальсанчжи Пхёнъян. Пхеньян, 2000.
- ³⁰ *Ким Чэюн*. Хвандонхэ мунхваквоный чонгисинсоккисидэ кёчхапхённён ёнгу // Тонбугамунхваёнгу. 2013. № 34. С. 507—527; *Ким Ынён*. Россия ёнхэчжува чубёнчийёк синсоккисидэ чонги тхогий пхённёнгва тонтхэ Комунхва. 2010. № 12 (76). С. 55—101; *Ли Хончжон*, *Ли Хеён*. Уринара хугикусоккисидэиный

хыгёсогэ тэхан чонрякчжок хварёнэ тэхан кочхаль // Чибансава чибанмунхва. 2005. № 8—1. С. 7—34.

³¹ *Ли Хонгю.* Ючжончжаро чхатнын ханмичжогый пури // Хангукса симинканчва. 2003. № 32. С. 28—55.

³² *Ким Ёльгю.* Хангук синхва тхамсэггыл вихан сибера сямоничжим мит синхва // Хангук минчжогый кивонгва хёнсон. Т. 2. Сеул, 1996. С. 163—369; *Чо Хынъюн.* Ханминчжогый кивонгва сямоничжим // Хангук минчжогый кивонгва хёнсон. Т. 2. Сеул, 1996. С. 9—53.

³³ *Пан Мингю.* Сравнительная характеристика одонтологического типа народов Сибири, Дальнего Востока и населения Корейского полуострова // Хангук сибера ёнгу. 2010. Vol. 14, Issue 2. С. 179—214

³⁴ *Пак Сончжу.* Ури кёрэыйпурива хёнсон // Хангук минчжогый кивонгва хёнсон. Т. 1. Сеул: Сохва, 1996. С. 185—231.

Л.В. Овчинникова

ВЛИЯНИЕ ЯПОНСКОЙ ПОЛИТИКИ И ПРАВА НА ФОРМИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В ЮЖНОЙ КОРЕЕ

Изменения, которые произошли в институтах управления, в экономике, в общественной жизни, в сознании корейцев в колониальный период, оказали определенное влияние на развитие Южной Кореи в период после обретения независимости. Это касается многих сфер: правовой, в том числе уголовной, системы; рабочего законодательства; создания национальной южнокорейской полиции, армии; системы организации транспорта и др. В сфере экономики в организации управления были восприняты японские системы и нормы; *чеболи* также во многом повторяли структуру японских *дзайбацу*.

Ключевые слова: постколониальная Корея, колониальное общество, чеболи, трудовые стандарты, генерал-губернаторство.

The changes that had occurred in the governance institutions, in economy, in public life, in the minds of Koreans during colonial time have influenced the development of South Korea in the period after independence. This applies to many spheres of public life — legal (including criminal) system, labor laws, the creation of the national Korean police force, structure of the army, transport system and others. In the sphere of economy and enterprise management the Japanese norms and rules have

been perceived; chaebols, too, largely replicate the structure of Japanese zaibatsu.

Keywords: colonial Korea, General-Governor office, chebol, labor standards, colonial society, colonialism.

В этом году исполняется 70 лет со времени образования на Корейском полуострове двух государств — Республики Корея и КНДР. В связи с этим обоснованно будет еще раз обратиться к истории до 1948 г., а именно к проблематике колониальной и постколониальной истории Кореи, которая продолжает оставаться актуальной и в наши дни.

Изменения, произошедшие в институтах управления, в экономике, в общественной жизни, в сознании корейцев в колониальный период, оказали определенное влияние на развитие Южной Кореи в период после обретения независимости. Это касается многих сфер общественной жизни: правовой (включая систему уголовного права), которая формировалась, заимствовав многое из японской системы; рабочего законодательства, в котором также видно сильное японское влияние; создания национальной южнокорейской полиции; структуры армии, организации транспорта и др. Представляется обоснованным остановиться на некоторых сферах общественной жизни Южной Кореи, где это влияние представляется наиболее значительным, в первую очередь на правовой системе.

Современная правовая система Республики Корея входит в романо-германскую правовую систему, имея также значительные заимствования из англосаксонской системы права. При этом правосознание и правовая культура корейцев по-прежнему в значительной степени основываются на общих для народов Восточной Азии конфуцианских традициях. Это прежде всего коллективизм, патернализм, приоритет этических норм над юридическими, обязанностей над правами, предпочтение неформальных примирительных процедур судебному разбирательству и т. д. На протяжении столетий Корея находилась под влиянием китайской (конфуцианской) государственно-правовой культуры. В соответствии с этим собственно правовые предписания ограничивались преимущественно уголовными нормами. Основная масса общественных отношений регули-

ровалась этическими нормами, обычаями, традициями. Наряду с заимствованием китайских законов в средневековой Корее принимались и оригинальные правовые акты.

Первая рецепция европейского, романо-германского права в Корее произошла «опосредованно» через введение японского законодательства в период реформ конца XIX в. и в период японского колониального господства (1910—1945). В то же время в период японского управления корейское обычное право сохраняло роль главного правового источника в сфере семейных отношений и наследования.

После достижения независимости все японские кодексы и законы, ассоциировавшиеся с японским колониальным господством, были заменены на корейские. В частности, приняты собственные Уголовный кодекс (1953), Уголовно-процессуальный кодекс (1954), Гражданский кодекс (1958), Гражданский процессуальный кодекс (1960) и Торговый кодекс (1962), а также ряд других кодексов, в разработке которых южнокорейские законодатели подчеркнуто старались отойти от прежних японских актов. Тем не менее в наиболее важных отраслях и институтах южнокорейское право сохранило основные принципы и черты романо-германского права в том самом виде, в котором они были заимствованы через японское законодательство.

В то же время результатом деятельности американской военной администрации в 1945—1948 гг. и общей ориентации сеульского правительства на США в послевоенный период и стало заимствование правовой системой Кореи многих элементов американского права. Это особенно касалось административной, торговой, трудовой, уголовно-процессуальной сфер. В 1980—1990-е годы важнейшие изменения в южнокорейской правовой системе связаны с ее демократизацией.

Гражданское право Республики Корея в большинстве своих разделов (отраслей) представляет собой опосредованную рецепцию романо-германского гражданского права. После установления в 1910 г. в Корее японского колониального господства здесь был введен японский Гражданский кодекс 1898 г., основанный преимущественно на нормах Германского гражданского уложения 1896 г. и

в меньшей степени на нормах французского гражданского права. Вопросы гражданской правоспособности, брачно-семейных и наследственных отношений весь период японского управления продолжали регулироваться корейским обычным правом.

В 1958 г. был принят собственный Гражданский кодекс, который вступил в силу с 1 января 1960 г. Он воспроизводит принципы и большинство норм прежнего японского Гражданского кодекса. Кодекс 1958 г. состоит из пяти разделов: Основные положения; Право собственности; Обязательственное право; Семья; Наследование.

Семейное право РК является одной из немногих отраслей, в которых традиционные корейские нормы преобладают над заимствованиями из западных правовых систем.

Имеет смысл уточнить, в какой степени в современной южнокорейской правовой системе усматривается японское влияние. Какова была законодательная и правовая деятельность японского генерал-губернаторства?

Американские исследователи Джордж Акита и Брендон Палмер считают, что создание системы обычного права в колониальный период в значительной степени сформировало современное гражданское право и систему юриспруденции в целом¹.

Вскоре после аннексии Кореи в 1910 г. генерал-губернаторство приняло японские Гражданский кодекс и Гражданский процессуальный кодекс в качестве общей системой права в Корее². Позже власти объявили, что большая часть юридических (правовых) отношений между корейцами будут определяться корейской системой обычного права. В то же время Корея в период до аннексии не имела письменного свода частного права.

Исследователь Мари Сон-Хак Ким считает, что это вынуждало власти «полагаться на концепцию обычного права, чтобы претворять в жизнь частное право в семейных и наследственных делах»; таким образом, власти вменяли в обязанности судей находить элементы корейского обычного права. Так, по ее мнению, «именно через систему юриспруденции и законодательную деятельность властей старые законы и практики были собраны, вновь определены и превращены в систему обычного права»³. Ким делает общий вывод: «Значительная часть постколониального корейского гражданского

права берет свое начало в колониальной системе обычного права». Многие в Корее колониальное обычное право считают просто «вредным побочным продуктом» японской империалистической политики, не придавая значения тому, что постколониальная система гражданского права продолжает основываться на прецедентах и юридическом разрешении вопросов колониальных судов. Мари Ким отвечает на это противоречие выводом: «Наследие колониального обычного права является более глубоким и широким, чем было принято считать»⁴.

На протяжении всей истории человечества создающие законы элиты перестраивают существующую правовую систему с помощью правил и концепций, созданных в других правовых системах. Это имело место и в Корее. Мари Сон-Хак Ким указывает на свидетельства о том, что юристы и судьи предпринимали действительные попытки примирить или соединить корейское обычное право с западными правовыми концепциями и принципами. В Корее «колониальное обычное право было создано с целью перестроить корейское право и практики в соответствии с современными правовыми концепциями и принципами, которые на тот момент уже имелись в японском Гражданском кодексе»⁵.

Другой исследователь Челу Ли также пишет, что японское правовое законодательство не просто распространилось на Корею; скорее, власти оставили в нем «место» для того, чтобы в нем продолжало существовать корейское обычное право, как, например, право наследования и пр.⁶

Профессор Вашингтонского университета Ён Чел Ха на вопрос относительно причин сохранения японскими колониальными властями корейского общего права, а не простого их переноса в том же виде на корейскую почву, пишет, что «колониальные власти были крайне осторожны в том, чтобы менять корейское обычное право. Они опасались возможного недовольства и сопротивления местного населения. Поэтому они избрали принцип постепенного подхода к реформам, который особенно наглядно проявился во введении норм новых гражданских кодексов. Основным принципом этого подхода было то, что нормы корейского обычного права с очень небольшим исключением продолжали действовать.

Мари Сонг-Хак Ким не согласна с тезисом, который доминирует в южнокорейской историографии права, что «коренное корейское право и обычаи сознательно подавлялись и изменялись колониальными судебными органами с целью ассимиляции корейского населения»⁷. Она подчеркивает, что *во-первых*, обычное право как последовательная юридическая система практиковалось в Корее до аннексии; *во-вторых*, первый Гражданский кодекс Кореи, который был провозглашен в 1958 г. и начал действовать в 1960 г., в решающей степени основывался на японском Гражданском кодексе. Это вполне объяснимо, поскольку первое поколение судей и юристов в постколониальной Корее, включая и создателей Гражданского кодекса Южной Кореи, получили образование и подготовку в колониальный период⁸.

По-видимому, верно мнение о том, что «остатки колониальной судебной системы в Корее в большей степени “вездесущи”, чем принято было считать», и что «современное корейское Гражданское право базировалось на колониальной юридической системе обычного права»⁹. И в этом кроется объяснение феномена сохранения в большей степени до настоящего времени «структуры и организации работы корейских судов, построенных в колониальное время»¹⁰.

Для колониальной администрации было очень важно «стараться избежать впечатления, что японские судьи создают законы, чтобы контролировать частную жизнь корейского населения. Суды должны были брать в расчет общественное мнение и думать, как население колонии принимает их решения»¹¹. Даже в рамках колониального режима власти стремились к привнесению в их деятельность хотя бы определенной степени общественной легитимности. Поэтому можно согласиться с мнением, что «использование властями корейского “обычного права” было рациональным решением...»¹².

Попытка понять «юридическое прошлое» Кореи должна начинаться с признания того, что суды в колониальной Корее были больше, чем инструмент, служащий исключительно целям колонизации. Конечно, цель деятельности колониальных юридических институтов — установление в Корее правовой системы Японии. Но не следует оценивать право, законодательную деятельность лишь как продукт колониальной политики. Думается, следует согласиться с вышеупомя-

нутыми исследователями, что «влияние «правовой модернизации» Кореи достаточно обширно...»¹³.

Не лишне отметить, что в правовой системе Японии и поныне действуют Гражданский и Торговый кодексы конца XIX в., несмотря на большое количество внесенных в них изменений. Гражданский процессуальный кодекс был издан в 1926 г. по австрийскому образцу. Уголовный кодекс Японии действует с 1907 г. в редакции 1947 г.

Обратимся к сфере трудового права. Трудовое право Южной Кореи было создано почти сразу после окончания Второй мировой войны в условиях американской оккупации по определенной схеме, разработанной военной администрацией США и отражающей концепцию развития Республики Корея по капиталистическому пути, необходимость формирования в этой стране институтов буржуазной демократии.

Задуманная система была реализована путем принятия комплекса взаимосвязанных законов, обеспечивающих наиболее полную регламентацию как индивидуальных, так и коллективных трудовых отношений. Южнокорейская система построена в целом по американскому образцу, однако с определенной корректировкой некоторых воспринятых американских моделей. Кроме того, были заимствованы и некоторые аспекты европейского опыта правового регулирования труда. Но главное то, что на практике вопреки закону трудовые отношения несут на себе сильную печать корейской специфики: патриархальный дух, хозяйский патернализм. В частности, получили распространение пожизненная занятость, оплата труда работников в зависимости в первую очередь от возраста и стажа, т. е. черты трудовых отношений, присущие Японии.

Фундамент трудового права РК составляют четыре закона: Закон о стандартах труда, Закон о профсоюзах, Закон о разрешении трудовых споров и Закон о комитетах по вопросам труда. Их дополняют такие акты, как законы о занятости (1961), о труде моряков (1962), о профессиональном обучении (1973), о совместных производственных советах (1980).

Особое место в системе трудового права занимает Закон о стандартах труда. В нем содержатся нормы, регулирующие трудовой

договор, заработную плату, рабочее время и время отдыха, труд женщин и молодежи, технику безопасности, производственную санитарию, материальную ответственность предпринимателя за причиненное работнику увечье или профессиональное заболевание, порядок принятия правил трудового распорядка, инспекцию труда, ответственность за неисполнение норм указанного закона.

К локальным источникам трудового права относятся коллективные договоры и правила внутреннего трудового распорядка. В принципе коллективный договор связывает только его стороны, но предусматривается возможность распространения его на всех работников предприятия.

Индивидуальное трудовое право Республики Корея имеет некоторые специфические черты, а также нормы и конструкции, отражающие специфику этой страны. В частности, роль трудового договора в системе правового регулирования труда незначительна; трудовое право регулирует условия и охрану труда.

Что касается уголовного права, то основным, но не единственным источником уголовного законодательства является Уголовный кодекс Республики Корея 1953 г., действующий с многочисленными изменениями и дополнениями. По своей структуре он делится на Общую часть, где изложены основные принципы и категории уголовного права, и Особенную, посвященную главным образом конкретным видам преступлений.

Основой формирования торгового права являются законы о векселях и чеках от 1962 г. Торговый кодекс следует правовой концепции Германии и Японии.

Еще одна сфера экономики, где прослеживается японское влияние, — это деятельность *чеболей*. *Чеболи* — это мегакорпорации, аналогичные японским *дзайбацу*, обладающие теми же достоинствами и страдающие теми же пороками¹⁴. *Дзайбацу* — японский термин, означающий «денежный клан» или конгломерат. В Японии термин использовался с XIX до первой половины XX в. для именованя больших семей, контролирующих банковские и индустриальные объединения (картели, синдикаты). *Дзайбацу* были технически практически развалены во время реформ, проводимых во время оккупации Японии после Второй мировой войны. Практически все *дзайбацу* были

реформированы в *кэйрэцу* и в виде *кэйрэцу* существуют до сих пор и контролируют существенную часть экономики¹⁵.

Итак, *чеболь* — это южнокорейская форма финансово-промышленных групп; конгломерат, представляющий собой группу формально самостоятельных фирм, находящихся в собственности определенных семей и под единым административным и финансовым контролем. Основные характерные черты *чеболей*: данными компаниями управляет основной держатель акций и его семья; *чеболь* объединяет единой организационной структурой конгломераты предприятий различной отраслевой направленности. В их подчинении находятся как розничные предприятия, так и транснациональные предприятия. *Чеболи* существуют при поддержке правительства страны, которое обеспечивает им защиту и ряд привилегий налоговыми льготами, госзаказами, субсидиями и т. д.¹⁶

В Корее *чеболи* стали одной из главных особенностей экономики. Формироваться такие структуры начали еще к середине 1950-х годов, после окончания Корейской войны, и расцвели к началу 1970-х¹⁷. Основные показатели их деятельности оглашались каждый год. Система корейских *чеболей* начала рассыпаться в ходе азиатского кризиса в 1997—1998 гг. Существуют они до сих пор, правда сейчас число их уменьшилось. *Чеболи* во многом определяли экономическое положение страны, они же и стали причиной бурного развития Южной Кореи после длительного застоя.

В развитии государственности в Южной Корее в послевоенный период важную роль играют место и функции полиции и армии. В 1910 г. во время японского колониального управления (1910—1945) в Корее было учреждено Полицейское бюро под началом генерал-губернатора в Корее¹⁸. (Данные о функциях, деятельности, структуре полиции в колониальной Корее, в частности, приводит служебное издание генерал-губернаторства «Корейская полиция»¹⁹). Это приостановило функционирование существовавшей полицейской системы.

С окончанием Второй мировой войны Корея формально восстановила свою независимость. Страна страдала от беспорядка и хаоса, не имея организованной структуры, способной обеспечить мир и общественный порядок. Американские оккупационные власти отдали

распоряжение оставить на время все введенные японским генерал-губернаторством законы, мотивируя тем, что старый аппарат поможет поддержать спокойствие и порядок. В середине сентября 1945 г. с поста был снят генерал-губернатор, смещен и японский персонал. 21 октября 1945 г. была учреждена Полицейская административная служба (бюро) под началом военного правительства США с отделениями в каждой провинции. 1 января 1946 г. приказом американской военной администрации (АВА) Полицейское административное бюро было преобразовано в Полицейский административный департамент. К работе в системе американского оккупационного аппарата привлекались и работники служб генерал-губернаторства²⁰. Впоследствии отделения полиции в провинциях были реорганизованы в районные полицейские бюро.

17 июля 1948 г. был принят Закон «О государственном устройстве». Он установил, что Министерство внутренних дел должно заниматься вопросами местного самоуправления, выборами, органами безопасности, противопожарной службой, дорогами, мостами, реками, водоснабжением, строительством и статистикой. Этот орган должен был обеспечивать общественный мир и порядок. 3 сентября 1948 г. Полицейский административный департамент стал подчиняться Охранному бюро МВД; главные управления местной полиции перешли под контроль губернаторов провинций. Современная структура общественной безопасности в Корее существует с 1991 г., когда вступил в силу Закон о полиции.

Что касается корейской армии, то в своем нынешнем виде корейские вооруженные силы возникли уже после Второй мировой войны. АВА начала формирование «полевой полиции», которая и стала зародышем вооруженных сил Южной Кореи. В Южной Корее существует три вида вооруженных сил: сухопутные силы, авиация и флот. Южнокорейская армия обучена американскими инструкторами и вооружена в основном американским оружием. Поэтому структура корейских вооруженных сил более или менее копирует американскую. Армия не «профессиональная», а призывная.

Создание военизированных формирований («охранных отрядов национальной обороны» и «отрядов береговой охраны») в американской зоне военной оккупации началось по приказу военной адми-

нистрации от 13 ноября 1945 г. В конце 1945 г. АВА был создан Департамент корейских вооруженных сил, начато строительство военно-морских и военно-воздушных баз, открыты училища для подготовки и переподготовки военных кадров.

В августе 1948 г. США заключили с Южной Кореей военное соглашение, согласно которому она предоставляла в распоряжение американского военного командования аэродромы, порты и военные сооружения в обмен на получение американского вооружения и военной техники. Официальной датой создания южнокорейских вооруженных сил считается 30 ноября 1948 г., когда был опубликован Закон о создании национальной армии и введена система воинской повинности.

Как и первое поколение судей и юристов в постколониальной Корее, кадры южнокорейских вооруженных сил, созданных сразу после освобождения, также получили образование и подготовку в колониальный период²¹.

Сильное влияние оказала и японская система организации транспорта; до сих пор корейская транспортная система остается под её влиянием. Например, Корея, которая относится к материковым странам, в организации железнодорожного движения, а также движения в метрополитене сохранила японскую систему, т. е. не правостороннюю, а левостороннюю систему движения поездов. Вместе с тем автомобильное движение было организовано по принципу правостороннего движения, в чем можно усмотреть сильное влияние американцев. Правда, через 50 лет после освобождения в метрополитене появились линии, где поезда двигались по системе правостороннего движения, но которые, в частности первая и вторая (кольцевая) линии, по большей части сохранили правостороннее движение поездов. Еще восемь лет назад движение в подземных переходах, а также внутри метро, в том числе при выходе на поверхность, а также движение лент эскалаторов было организовано по принципу левостороннего движения; там было написано: «культурные граждане используют левую сторону движения». Вместе с тем на поверхности, на улицах, соблюдалось правостороннее движение, которое поменялось с левостороннего в 1946 г.

Итак, в настоящее время одни исследователи склонны отвергать значение институтов японского колониального управления в Корее в период 1910—1945 гг. в контексте модернизации Кореи, в развитии постколониальной государственности; другие же, наоборот, говорят о значительном влиянии японской политики и права на формирование государственных институтов в Южной Корее. Думается, что для того, чтобы по достоинству оценить оригинальность постколониального устройства республики Корея, нужно понимать, что конкретно происходило на Корейском полуострове в период японского колониального управления, как происходило формирование колониального общества, какие изменения произошли не только в институтах управления, но и в экономике, в общественной жизни, в сознании корейцев. Рассматриваемый период можно считать неким периодом сосуществования традиционных и новых институтов, понятий, форм общественной жизни, которые сосуществовали в рамках единого пространства. При этом в силу исторических обстоятельств японская система управления оказала на них свое влияние. Это касается многих сфер общественной жизни: правовой (в том числе уголовной) системы, рабочего законодательства, создания национальной южнокорейской полиции, структуры армии, организации работы транспорта и др. Изучение этих институтов, форм общественной деятельности в колониальной Корее является важной точкой отсчета вне зависимости от того, какую из позиций занимают исследователи — произошел ли полный отказ от этих институтов или они явились предпосылками постколониальной государственности.

Примечания

¹ *Akita George, Palmer Brandon. The Japanese Colonial Legacy in Korea. 1910—1945 // A New Perspective. MerwinAsia, University of Hawaii Press, 2015. P.187—188.*

² *Kim, Marie Seong-Hak. Customary Law and Colonial Jurisprudence in Korea// American Journal of Comparative Law. 57.1. 2009. P. 205.*

³ *Ibidem. P. 207.*

⁴ *Ibid. P. 210.*

⁵ *Ibid. P. 222—224.*

- ⁶ Lee, Chulwoo — «Modernity, Legality and Power». Цит. по: *Shin, Gi-Wook and Robinson, Michael* — «Colonial Modernity», Harvard University Asia Press, 1999. P. 27.
- ⁷ *Kim, Marie Seong-Hak*. Op. cit. P. 240—241.
- ⁸ Ibid. P. 240—241.
- ⁹ Ibid. P. 240—241, 243.
- ¹⁰ Ibid. P. 211.
- ¹¹ Ibid. P. 228—229.
- ¹² *Akita George, Palmer Brandon*. Op. cit. P.191.
- ¹³ Ibid. P. 247.
- ¹⁴ Хан Ёнбу. История Кореи. Новый взгляд. М., 2010. С. 547.
- ¹⁵ История Японии. Ч. 2. М.: Институт востоковедения РАН, 1998. С. 518—519.
- ¹⁶ История Кореи (Новое прочтение)». М.: МГИМО, РОССПЭН, 2003. С. 360.
- ¹⁷ История Кореи. Т. 2, (ч. 2, гл. 2; ч.4, гл. 1). М.: Наука, 1974. С. 413—416.
- ¹⁸ «Тё:сэн кэйсацугайё» 朝鮮警察概要 («Корейская полиция»). Сеул, 1938. С. 8.
- ¹⁹ Там же. С. 22—32.
- ²⁰ Хан Ёнбу. Там же. С. 524.
- ²¹ *Kim, Marie Seong-Hak*. Op. cit. P. 240—241 .

В.В. Вишнякова

О РОЛИ СМИ ЮЖНОЙ КОРЕИ В ПОДГОТОВКЕ РАСКОЛА СТРАНЫ (1945—1948)

В статье на основе анализа риторики печатных СМИ, существовавших на территории Корейского полуострова в период с 1945 по 1948 г. выявлена технология воздействия на читательскую аудиторию, применявшаяся в статьях газет проамериканской направленности. Рассматривается роль газет в политическом процессе, оценивается их степень влияния на читательскую аудиторию и уровень достоверности передачи данных о ключевых событиях, происходивших в этот период.

Ключевые слова: печатные СМИ, идеологическое противостояние, технологии воздействия.

This article is focused on the analysis of the rhetoric of the print media, which were published on the Korean Peninsula from 1945 until 1948. The main goal is to find out the persuasive techniques used in the articles of the pro-American newspapers. Besides, the article defines the role of the newspapers in the political process, the level of the influence on the audience and the degree of newspapers credibility.

Keywords: print media, ideological opposition, persuasive techniques.

Краткая характеристика роста печатных СМИ в 1945—1948 гг.

Вопрос об освобождении Кореи от японской оккупации в 1945 г., а также о процессах, которые привели к расколу страны в 1948 г., исследован во многих работах. Однако до сих пор остается мало изученным влияние СМИ на население в целом, равно как и функции, которые выполнялись ими на этом судьбоносном этапе корейской истории.

Публикации, связанные с ключевыми событиями периода освобождения Кореи от японской оккупации и раскола страны на два сепаратных государства, подпадают под следующую периодизацию: 1) 15 августа — 29 декабря 1945 г.: время надежд на формирование единого корейского правительства и на становление Кореи как субъекта международного права; 2) конец декабря 1945 г. — сентябрь 1947 г.: период, связанный с обнародованием решений Московского совещания по вопросу опеки; 3) сентябрь 1947 г. — август 1948 г.: передача США вопроса по Корее в ООН и подготовка к расколу Кореи.

В настоящей работе анализируется риторика газет, освещавших ключевые события каждого из вышеуказанных периодов. Основная цель заключается в установлении инструментария, применявшегося США в идеологическом противостоянии с СССР. Определение технологий воздействия, с помощью которых США удалось перейти из категории «врагов» в разряд «друзей» в стране, где сразу после освобождения население рассматривало их как внешнего агрессора, препятствующего становлению независимого государства.

В течение первого года после освобождения на Юге Кореи резко возросло количество печатных СМИ. С одной стороны, это демонстрирует высокую социальную активность населения, его вовлеченность в происходящее. С другой стороны, указывает на наличие различных политических сил, стремившихся быть в авангарде формирования новой власти и использовавших СМИ как средство пропаганды своих взглядов. К 1947 г. количество газет выросло еще на треть. Примерный список газет с учетом их политической направленности представлен в табл. 1.

Таблица 1. Газеты, выходившие в период с 1945 г. по 1950 на Юге Кореи¹

Газеты левого крыла (дата первого выпуска)	Газеты правого крыла (дата первого выпуска)
1. Чаю синмун (06.08.1945) 2. Нонмин чжубо (08.09.1945) 3. Чосон инминбо (08.09.1945) 4. Хёндэ ильбо (25.03.1946) 5. Ури синмун (10.02.1947) 6. Норёкинмин синмун (19.06.1947)	1. Чосонильбо (05.03.1920) 2. Тона ильбо (01.04.1920) 3. Тэдон синмун (25.11.1945) 4. Сэге ильбо (02.02.1946) 5. Хансон ильбо (26.02.1946) 6. Хонам синмун (31.08.1946) 7. Чаю синмун (с 10.1946) 8. Кёнхянсинмун (06.10.1946) 9. Муёк синмун (08.09.1947)
Нейтральный блок (дата первого выпуска)	
1. Чосонсинбо (10.10.1945) 2. Канвон ильбо (24.10.1945) 3. Коноп синмун (24.10.1945) 4. Тэчжун ильбо (07.10.1945) 5. Ённам ильбо (11.10.1945) 6. Пуин синбо (02.1946) 7. Пунё ильбо (17.03.1946) 8. Минчжу ильбо (01.06.1946) 9. Чосончжуан ильбо (01.07.1947) 10. Пхёнхва ильбо (08.02.1948)	

Необходимо учитывать тот факт, что читательская аудитория едва превышала 10 % от общего числа населения. К моменту освобождения Корея представляла собой аграрную страну, жители которой были малообразованными. «В годы японской колонизации начальную школу могли посещать лишь 30 % детей школьного возраста, только один подросток из 20 мог пойти в среднюю школу. В стране действовал единственный университет в Сеуле, в котором обучались в основном выходцы из семей колонистов»². Следовательно, для продвижения своих взглядов и идей как американская военная администрация, так и местные политические силы вынуждены были применять и другие более доступные для малообразованного населе-

ния средства агитации: радио, митинги, листовки, агитационные группы и т. п. Однако газеты оставались для населения наиболее объективным и достоверным источником информации.

Понимая значимость и действенность газет как средства влияния, американские оккупационные власти оказывали финансовую поддержку правым печатным СМИ, которые всячески оправдывали их нахождение в стране. Наиболее влиятельными из них были газеты «Тона ильбо» и «Кёнхян синмун». Именно они стали плацдармом для внедрения новых методов информационного воздействия, в основе которого лежит принцип убеждения адресата и побуждения его к определенным действиям.

Взаимодействие экстенциональных и интенциональных смыслов как семантическая основа манипуляции

Технологии воздействия включают в себя набор определенных приемов, с помощью которых становится возможным интерпретировать события реального мира в выгодном для адресанта свете. Для этого необходимо направленным образом соотнести знаки внешнего мира (экстенциональные смыслы) со знаниями и позициями внутреннего мира адресата (интенциональные смыслы). Характер такого действия хорошо описывается термином «иррадиация»³ и заключается в том, что экстенциональные смыслы воздействуют (иррадируют) на области сознания адресата, наиболее чувствительные к ним. Однако в зависимости от особенностей внутреннего времени его адресата⁴ могут активироваться самые разные интенциональные смыслы. Ясно, что, активизируя нужные интенциональные смыслы, адресант способен сформировать новое, выгодное для себя мнение адресата о происходящем.

Такой механизм воздействия просматривается в статьях, связанных с освещением вопроса об опеке. Здесь важно проследить, как проамериканские СМИ представляют это непопулярное среди корейского населения решение в выгодном свете. Согласно документам, именно США предлагали управлять Кореей посредством стран-опекунов, а СССР настаивал на том, что «страной должно управлять временное корейское правительство, а комиссия из пред-

ставителей США и СССР оказывала бы помощь и содействие»⁵. Столкнувшись с жестким сопротивлением большей части населения Юга Кореи по вопросу опеки, которая воспринималась не иначе как повторная оккупация, США решили прибегнуть к искажению фактов и выставить Советский Союз главным виновником. Им удалось посредством широкого распространения ложной информации создать отрицательный образ СССР как агрессора и завоевателя. Оповещение в СМИ Юга было настолько широким и интенсивным, что данные дошли в телеграммах и до И.В. Сталина: «...в корейской прессе публикуются статьи, утверждающие, что Советский Союз, а не США, настаивал на введении опеки»⁶.

Искажение фактов подтверждается и при непосредственном изучении материалов газет. Например, «помощь и содействие», которую предлагал Советский Союз, на корейский язык перевели как «신탁통치» — *мандат, опека*, и эти формулировки использовались исключительно в сочетании с СССР:

*Повод СССР настаивать на опеке — оккупация и разделение по 38-й параллели, США настаивают на немедленной независимости*⁷.

Учитывая настроения людей, пострадавших в годы японской оккупации, экстенциональный смысл «опека = оккупация и разделение», приписанный намерениям СССР, не может не вызвать решительного отторжения в интенциональном мире адресата. И, напротив, экстенциональный смысл «немедленная независимость» (намерения США) с исключительно высокой вероятностью найдёт отклик у того же адресата.

Статьи, опубликованные в «Тона ильбо», носят крайне эмоциональный характер, который передается с помощью риторических вопросов и экспрессивно окрашенных слов с отрицательной оценкой, направленной в адрес СССР. Так, статья начинается с вопроса:

*Как на самом деле должны вести себя корейские граждане?*⁸

Далее следует ряд умозаключений о том, что все старания народа, терпевшего столько лет оккупационные японские власти, сводятся на нет одним решением СССР об опеке:

Получается, что освобождение Кореи не имеет смысла.

*Невозможно сформулировать (сформировать) даже термин «Суверенная независимость»*⁹.

Риторический вопрос воздействует на эмоциональную составляющую личности и создает у неё определенное отношение к событиям и лицам. В настоящее время такой прием широко применяется в политической риторике и считается одним из средств манипуляции. Однако в то время это еще не было научно обосновано и зафиксировано. Стратегии манипуляции общественным сознанием находились на начальной стадии разработки, а корейские газеты служили экспериментальной площадкой.

Ярким примером убеждения посредством обращения к внутреннему миру (интенциональным смыслам) читателя является следующий отрывок:

Наш единый народ, который терпел, наша нация, которая терпела, стоим своими силами и не растеряем свой опыт. Именно так! У нас нет ядерной бомбы, у нас нет сверхмощных танков, у нас нет оружия и легкой кавалерии, однако мы вскормлены пятитысячелетней историей, у нас много сил для возрождения нации и духа нашей родины, которая в течение 40 лет находилась под страшнейшим гнетом¹⁰.

Выражения «единый народ, который терпел; мы вскормлены пятитысячелетней историей; родина, которая находилась под страшнейшим гнетом; нет смысла в освобождении» и т. п., напоминая о пережитых страданиях, пробуждают в адресате защитные реакции, подталкивают к действиям не допустить повторения того ужаса и сплотиться против общей угрозы. Этот пример иллюстрирует также использование механизмов воздействия при помощи обращения к интенциональным смыслам личности и формирования нужного адресанту образа. По сути, авторы статьи добились подмены понятий, установив четкую ассоциацию СССР с японской оккупацией, которая имела крайне негативный образ в общей памяти корейского народа. Главный посыл заключается в том, что «родина, обладающая многовековой историей, находится под угрозой», нужно бороться с ее врагом — СССР.

Примечательно, что в этот момент правые силы были в меньшинстве, но подобные заявления в газетах создавали ощущение, что таких позиций придерживается большинство. Это связано с тем, что мнение выражалось достаточно эмоционально от лица всего народа, и вопросы ставились от нации в целом, обращения были направле-

ны к тем чувствам и знаниям, которыми обладает каждый ее представитель.

Другие газеты придерживались менее радикальных взглядов и трактовали решение об опеке как вынужденную меру. Например, «Нонмунсинмун» занимала нейтральную позицию, в статьях встречается много комментариев, почему опека — вынужденная мера и ее необходимо принять:

Согласно проекту, опека будет осуществляться при взаимодействии командующих войсками СССР и США совместно с представителями политических организаций Кореи, решения будут приниматься коллегиально¹¹.

США продолжают наращивать свою пропагандистскую силу при освещении дальнейших событий. Подтверждением служит предложение Вашингтона о передаче корейского вопроса в ООН и заявление СССР об одновременном выводе войск с Корейского полуострова. Объективные данные и реконструкция событий того времени указывают на то, что «не добившись решения корейского вопроса по своему сценарию, США 17 сентября 1947 г. передали его рассмотрение в ООН, где у них было послушное большинство»¹². В ответ на этот шаг 26 сентября 1947 г. «глава советской делегации Штыков Т.Ф. сделал на Совместной комиссии заявление, которое содержало предложение предоставить корейцам возможность сформировать правительство при условии одновременного вывода с территории Кореи советских и американских войск»¹³.

Предложение СССР было настолько неожиданным для США, что они вместо официального ответа ускорили в ГА ООН согласование вопроса о проведении всеобщих выборов на подчиненной им территории и усилили агитацию населения против СССР.

Так, в южнокорейской прессе передача корейского вопроса в ГА ООН представлена как единственно возможный путь достижения независимости государства. СССР, по заявлениям в СМИ, является главным препятствием в передаче власти в руки народа и объединении разделенных территорий. В заголовках газет выражается радость и надежда на скорейшее решение корейского вопроса в ГА ООН:

*США передали дело о независимости Кореи в ГА ООН!*¹⁴

*ООН, которое стремится к миру, рассмотрит вопрос о независимости Кореи? Официальное предложение представителя США генерала Маршала*¹⁵.

*ООН об агрессии СССР в отношении слабых стран*¹⁶.

*ООН — главная организация в предотвращении разрушений и войны*¹⁷.

Уточняющие вопросы, восклицательные знаки в заголовках, контрастные противопоставления придают эмоционально-экспрессивную окраску тексту и вовлекают читателя в обсуждение затрагиваемой в статье темы, делают его участником дискуссии. Вокруг ООН формируется идеализированный образ спасителя, который не допустит войны и разрушения, поможет в самые короткие сроки объединить территорию и создать долгожданное правительство.

Население легко поверило в такие заявления и обещания, так как, повторим, они ложились на соответствующие интенциональные смыслы. Уставшие от голода и разорения, ждавшие освобождения от японской оккупации многие годы и верившие в справедливость международного сообщества, люди готовы были пойти на любые уступки, лишь бы ускорились процессы передачи власти законному правительству. Важно, что контрастные сравнения работали крайне эффективно. Чем больше восхвалялась ООН, тем сильнее критиковались действия СССР. Причем США выставляли себя в качестве стороннего наблюдателя, некоего арбитра, оценивающего происходящее со стороны. Создавая иллюзию непричастности к происходящим событиям, США постепенно стали формировать образ старшего наставника. Надо отметить, что такие действия были весьма успешными, так как население постепенно приходило к пониманию того, что присутствие Соединенных Штатов на территории его государства жизненно важно.

Казалось бы, стратегически важное и по сути достаточно резонансное предложение СССР об одновременном выводе войск с Корейского полуострова было практически проигнорировано в южнокорейской прессе. «Правые группы и некоторые центристские силы отнесли к нему настороженно, а в каких-то случаях — откровенно негативно»¹⁸. Заголовки газет передавали «всеобщее возмущение, вызванное пустыми обещаниями СССР».

«Тона ильбо» и «Кёнхян синмун» в своих передовых статьях, ссылаясь на заявления американских дипломатов, отмечали, что «вывод войск возможен только после проведения всеобщих выборов», «такие заявления СССР являются противоречивыми...», «такое заявление СССР может рассматриваться как попытка установления коммунистического режима на всей территории Кореи»¹⁹. «Одновременный вывод войск невозможно осуществить на практике», «надо рассматривать такое предложение как попытку установить коммунистический режим»²⁰. Если правые силы публиковали такие заявления, опасаясь «остаться наедине с левыми группами без поддержки со стороны США»²¹, то американская военная администрация преследовала цель ослабить достаточно сильное на тот момент времени влияние левого блока.

Семиотическая формула целевой манипулятивной технологии

Стилистический прием конвергенции различных выразительных средств, использование контрастных сравнений действовали на сознание адресата крайне эффективно, формируя чувство страха от возможной победы коммунизма и порабощения Юга Советским Союзом. Такие приемы были весьма продуктивными еще и потому, что для населения, находившегося долгое время под сильнейшим давлением и угнетением, самым большим бедствием виделось возвращение оккупации и как следствие окончательная потеря своей идентичности. Именно ***страх на тот момент был тем интенциональным смыслом***, обращаясь к которому можно было формировать новую внешнюю реальность, создавая новых героев и врагов.

Апелляция к области архетипического бессознательного — к страху, является основным приемом манипуляции, который задействовали США в тот период времени. Это доказывает и то, что в идеологическом противостоянии на Корейском полуострове Соединенные Штаты начали активно использовать манипулятивные технологии, в которых применяется давление экстенциональных смыслов на интенциональные.

Кульминацией разворачивающихся стремительным образом событий стал приезд делегации ООН в Сеул. Заголовки большинства

изданий содержали приветственные слова в адрес делегации, выражали надежду на скорейшее решение корейского вопроса. Примечательно, что СССР полностью исчез с первых полос:

*Делегация ООН, добро пожаловать!*²²

*Приветствуем делегацию ООН!*²³

*Приветствуем делегацию представителей ООН!*²⁴

*Вниманием мира сосредоточено на Корее: Добро пожаловать! Приветствуем от всего народа делегацию ООН, которая вчера благополучно прибыла в Сеул!*²⁵

*Приветствия на улицах возвышаются над темнотой!*²⁶.

*Приветствуем делегацию ООН!*²⁷

Ликованием и радостью наполнены статьи в газетах «Тона ильбо» и «Кёнхянсинмун». Здесь присутствует достаточно много сравнительных оборотов, эпитетов с эмоциональной окраской. Например:

*Мы радостно приветствуем высокопоставленных лиц, которые приехали с визитом на нашу землю, наполненную рождением новой весны для оказания помощи в великом деле независимости, которая еще не восстановлена и зависит от ограничений, которые нам надо преодолеть, как апостолов правды, дружбы и справедливости. Мы не можем не благодарить вас искренне, и мы верим в этот визит!*²⁸.

Такие речевые обороты ассоциируются у читателя с образом возрождения и веры, заставляют его поверить в необходимость присутствия делегации ООН в Сеуле. Одновременно с этим применяется контрастное сравнение, при котором СССР выставляется главным агрессором. Примером может служить материал статьи, размещенной в газете «Тона ильбо»: «Мы прекрасно знаем скрытые намерения СССР, которые сводятся к затягиванию решения вопроса о нашей независимости, все это делается для сохранения своего превосходства»; «США и весь мир делают все, чтобы преодолеть кризис на этой земле... А СССР препятствует этому»²⁹.

С момента приезда делегации ООН на Юг Кореи усиливается и риторика газет в поддержку политики, проводимой США. Всеобщие выборы, которые были назначены на 10 мая 1948 г., прошли уже под лозунгами справедливости и решимости положить конец неопределенности и создать государство на Юге Кореи. Именно в эти дни

выходят статьи с призывами «не игнорировать выборы», «проголосовать за свое будущее», «не идти на поводу у антипатриотов»³⁰. Причину неучастия Севера в выборах объясняют их зависимостью от СССР и заявляют, что «Север, вдохновлённый решительностью Юга, позже присоединится к новому государству Кореи»³¹.

Подводя итог, следует отметить, что США всего за три года удалось занять крепкие позиции на Юге Кореи не только на политическом, но и на информационном поле и обеспечить непопулярной проамериканской группировке Ли Сын Мана поддержку большинства населения.

Конечно, основную роль в этом сыграла жесткая политика США, проводимая на подчиненной территории, отсутствие сплоченной оппозиции, неграмотность основной части населения, а также нерешительные действия СССР в вопросе по Корею на международной арене. Печатные издания того времени по объективным причинам не могли в корне изменить ситуацию, но оказывали определенное воздействие на свою аудиторию, интерпретируя события в нужном для проамериканских сил свете, формируя мнение своих читателей и отношение к происходящему. Это указывает на то, что борьба идеологий уже тогда начинала набирать силу, причем нарастание противостояния усиливалось в геометрической прогрессии. Полем действий становились средства массовой информации, где отрабатывались новые приемы воздействия на сознание личности.

Представленный выше анализ материалов СМИ Южной Кореи указывает на наличие в применявшихся США манипулятивных технологиях семиотической формулы, где экстенциональные смыслы адресанта (СМИ) воздействовали на интенциональные смыслы адресата (читательская аудитория), при взаимодействии которых активизировались целевые архетипы, что вызывало изменение поведения адресата в соответствии с экстенциональными смыслами адресанта.

Примечания

¹ Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 0102. Оп. 1. Папка 2. Д. 6. Л. 40; URL: <http://100.daum.net/> (дата обращения: 20.02.2018). URL: <http://www.nl.go.kr/newspaper> (дата обращения: 20.02.2018).

² Торкунов А.В., Денисов В.И., Ли В.Ф. Корейский полуостров: метаморфозы послевоенной истории. М.: Олма Медиа Групп, 2008. С. 240.

³ Шайкевич А.Я. Дистрибутивно-статистический анализ в семантике // Принципы и методы семантических исследований. М.: Наука, 1976. С. 353—377.

⁴ Каплуненко А.М. Здравый смысл как оправдание манипуляции сознанием // Аргументация vs. Манипуляция: вестник ИГЛУ. Серия. Коммуникативистика и коммуникологиология. Иркутск, 2009. Вып. 2. С. 3—19.

⁵ Ким Ен Ун. Освобождение и раскол Кореи: оценка через 70 лет // Вестник Российского корееведения. 2015. № 7. С. 5—22.

⁶ Ким Н.Н. Южная Корея 1945—1948 гг. : политическая история. М.: Наука — Вост. лит., 2015. С. 182.

⁷ Тона ильбо. 27.12.1945.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ 그러나眞正(진정)한우리同族(동족)은,眞正(진정)한우리國民(국민)은부디처부서지기를自期(자기)할지언정—, 時(일시)의苟安(구안)도바라지않을것이다 그러다!우리에 게는原子彈(원자폭탄)이없고超重(초중)의戰車(전차)가없고, 大砲(대포)가없고飛機(비기)가없스나五十年(오천년)동안育成(육성)된一貫(일관)한矜持(경치)가있고四十年(사십년)동안壓縮(압축)된報天(보천)의通恨(통한)이잇스며祖國(조국)의重建(중건)에불타는氣魄(기백)과民族(민족)의生(생)에뒤끝은血獎(혈장)을가것슨이로써足(족)하다! (Кырона чжинчжонъхан ури тонъчжогын чжинчжонъхан ури кунминын пудичхо пусочжигирыль жгагихальчи ончжонъ ильсиэ куандо парачжианьлькосида. Кыротха! Уриэгенын вонччапхотхани опко чхочжунъэ чжончхага опко тэпхога опко пигига опсына очхоннэнтонъан юксонътвен ильгванхан кынъчжига итко сасимнэнтонъан апчхуктвен чхольчхонэ тхонъхани иссымэ чжогукэ чжунъгонэ пультханын кибэкква минчжогэ сэнъэ твиккыллын хэльчжаньль качжоссынироссо чжоххада! // Тона ильбо. 28.12.1945.

¹¹ Нонмун синмун. 12.01.1946.

¹² Ванн Ю.В. Советский Союз и Северная Корея, 1945—1948. М.: ИВ РАН, 2016. С. 127.

¹³ Ким Н.Н. Указ.соч. С. 197.

¹⁴ Пунё ильбо. 19.09.1947.

¹⁵ Пусансинмун 19.09.1947.

¹⁶ Пуинсинбо. 19.09.1947.

¹⁷ Тона ильбо. 18.09.1947.

¹⁸ Ким Н.Н. Указ. соч. С. 15.

¹⁹ Тона ильбо. 28.09.1947.

²⁰ Кёнхян синмун. 28.09.1947.

²¹ Ким Н.Н. Указ.соч. С. 15.

- ²² Гоноп синмун. 09.01.1948.
- ²³ Тэдон синмун. 09.01.1948.
- ²⁴ Хансон синмун. 09.01.1948.
- ²⁵ Хёндэ ильбо. 09.01.1948.
- ²⁶ Кёнхян синмун. 09.01.1948.
- ²⁷ Тона ильбо. 09.01.1948.
- ²⁸ 新春(신춘)의瑞氣(서기)를가득히실코이땅을來訪(내방)한貴賓(귀빈),유인團諸公(단체공)을歡迎(환영)한다.諸公(체공)은正義(정의)와友愛(우애)는使徒(사도)로서,우리가許多(허다)한制約(계약)으로말미암아未成(미성)하고있는自主獨립(자주독립)의偉業(위업)을援朝(원조)하기爲(위)하야鵬程萬里(봉정만리)의努苦(노고)을謝(사)치않고來訪(내방)한줄로믿으며우리는衷心(충심)으로感謝(감사)하지않을수없다 (Синчунэ согирьль кадыкхи силькхо иттаныль нэбанхан квибин, юин танчжэгоныль хванёнханда. Чжэгонын чжонэва уэнын садоросо, урига ходахан чжэягыро мальмиама мисонхаго иннын чжачжунтоннипэ виопыл вончжохагивихая пунчжонмаллиэ ногобль сачианкхо нэбанханчжулло мидымё уринын чхунхсимиыро гамса хачжи аныльсу опта // Тона ильбо. 09.01.1948.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Тонаильбо. 10.05.1948.
- ³¹ Кёнхян синмун. 11.05.1948.

Е.М. Ермолаева

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИДЕОЛОГИЯ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ: ОТ ИСТОКОВ К СОВРЕМЕННОСТИ

Идеологическое наполнение политики правящих элит Южной Кореи представляет интересный объект для исследования. С момента своего образования РК прошла ряд важных этапов в развитии своей политической системы, и на каждом из этих этапов идеология играла значительную роль в поддержании социальной и политической стабильности. Идеология менялась в ответ на конкретные требования социально-политической и экономической среды, однако, несмотря на это, мы можем обнаружить ряд неизменных черт, которые связаны с влиянием конфуцианского мировоззрения и особенностей исторического развития страны.

Ключевые слова: идеология, национализм, Южная Корея, политическая элита.

The ideological content of the South Korean state policy is an interesting object for research. Since its foundation, the ROK has passed a number of important stages in the development of its political system and at each of these stages ideology played a significant role. The ideology has been changing in response to specific demands of the socio-political and economic environment, however, we can find a number of unchanging features that are related to the influence of the Confucian traditional values and can be explained in the context of the country's historical development.

Keywords: ideology, nationalism, South Korea, political elite.

Идеология отражает особенности общественного сознания, социальных отношений, а также является для властных элит одним из средств для политических манипуляций. Идеология неизменно связана со всеми социальными структурами государства, она проникает не только во многие сферы государственной деятельности, но и напрямую затрагивает социально-экономические, культурные и другие области общественной жизни, включая те, что не испытывают на себе прямого вмешательства государства. В рамках определенной социокультурной системы идеология приобретает набор элементов, оказывающих влияние на ее формирование и развитие, которые индивидуализируют ее в ряде идеологий других систем.

На периоды авторитарных режимов Южной Кореи приходится этап формирования государственной идеологии и ее максимальной функциональной нагрузки в политической сфере — власть использовала все рычаги давления на общество. Авторитарная система функционировала в РК в периоды президентства Ли Сын Мана, Пак Чжон Хи и Чон Ду Хвана. Именно в этот период в стране сложилась система, в которой главы государства самостоятельно определяли вектор внутри- и внешнеполитического развития и в то же время являлись носителями основной идеи — государственной идеологии.

С момента образования Республики Корея для власти остро встал вопрос преодоления конфликтов, которые наблюдались в сфере социальных, политических, трудовых отношений. Для южнокорейского социума, раздираемого противоречивыми «левыми» и «правыми» настроениями, был важен приход к некоему идеологическому или, как минимум, идейному балансу между «новым» — «традиционным», «своим» — «чужим». Корейцы столкнулись с необходимостью не только принимать новую идеологическую парадигму, им навязывали жесткие установки ненависти и неприятия иных идеологий.

На Корейском полуострове сложилась очевидная биполярная идеологическая ситуация, «коммунистический Север» стал главным идеологическим врагом «капиталистического Юга». Период холодной войны утвердил в Южной Корее идеологию антикоммунизма, который стал базовой частью всех официальных концепций.

Антикоммунизм являлся политической идеологией, официальным убеждением южнокорейского социума и частью массовой пси-

хологии, направляемой интересами правящих элит Южной Кореи; он был закреплен в Законе о национальной безопасности. На антикоммунистических установках до начала 1990-х годов формировалась дипломатическая линия Южной Кореи и внешняя политика в целом. Он служил незаменимым оружием защиты от угроз северокорейского режима и главным доводом, объясняющим логику разделения корейской нации и поддержания состояния войны. Ряд исследователей считают, что антикоммунизм для Южной Кореи авторитарного периода (т. е. до конца 1980-х годов) стал не просто политической идеологией, он стал своего рода «красной истерией», выходящей за рамки любой логики¹.

Первый президент Республики Корея Ли Сын Ман в формировании сильной государственной идеологии стремился по максимуму развенчать коммунистические идеи. Данному принципу следовали и все последующие руководители Южной Кореи авторитарного периода: как бы ни звучали формально их идеологические концепции, отрицание коммунизма и усиление образа врага в лице коммунистических государств были неизменны.

Ввиду этого после прихода к власти Ли Сын Ман дал установку на разработку идеологии, которая должна была отвечать потребностям внутренней и внешней политики молодого государства. Результатом совместной работы ряда политических деятелей стала идеологическая концепция *ильминджуи*. В связи с изначальной установкой на то, что новая идеология должна стать стимулом искоренения коммунистических воззрений и при этом не должна противоречить действующей конституции Республики Корея, южнокорейские идеологи не смогли отказаться от таких категорий, как «равенство», «свобода», «демократия». Однако понятия эти соотносились с исконно корейскими принципами, а доказательная база основывалась на мифах. Идеологи стремились сделать новую идеологию конкурентной коммунистической: «Мы не боимся столкнуться с сильным врагом, напротив, опаснее недооценить его сильную идеологию... От того, победим ли мы в идеологической войне, зависит наш выигрыш или проигрыш в борьбе политической, экономической, военном противостоянии»².

Отправным пунктом раскрытия особенностей и исключительности корейской нации для идеологов концепции народного единства стал миф о Тангуне. В том, что власти обратились к политизации мифа, нет ничего удивительного: учение о Тангуне приобрело особое значение в колониальный период, став одним из важнейших компонентов протестной идеологии³. Используя миф о Тангуне, власти достигали сразу нескольких целей. В первую очередь они разговаривали с народом на «его языке», что способствовало возрастанию доверия народных масс по отношению к власти. Кроме того, в связи с разделением Кореи не последнюю роль стал играть тезис об «общих кровных корнях корейской нации, ее традиций, языка и культуры», который в свете сложившейся на Корейском полуострове политической ситуации мог стать лозунгом объединительной политики Ли Сын Мана.

Исключительность образования корейской нации, ее территориальная целостность, связь божественной власти и земной, мудрость властителя, правящего в интересах своих подданных, возможность земного счастья после долгих страданий — все это легло в основу политизации мифа о Тангуне в начальный период правления Ли Сын Мана и стало основой пропаганды политики режима. Предполагалось, что все граждане Республики Корея, исходя из этой концепции, должны действовать в интересах нации и государства, осознавая собственную исключительность и в то же время неприкосновенность верховной власти.

Раскрывая сущность идеологии *ильминджуи* через историю и мифологию, Ли Сын Ман стремился объединить корейцев, связать их общей целью, однако оставались и другие приоритетные задачи, такие как экономические и социальные реформы южнокорейского общества. Эти задачи были рассмотрены в рамках концепции «народного единства», став ее определяющими категориями. В результате идеологами режима I Республики были поставлены следующие задачи:

- 1) ликвидация традиционной дискриминации в зависимости от семейного статуса и уравнение в правах аристократии и простых людей;

- 2) равное отношение к богатым и бедным, объединение буржуазии и рабочих в рамках достижения всеобщей выгоды;
- 3) равенство мужчин и женщин;
- 4) ликвидация регионализма⁴.

Проводя свой идеологический курс, власть не забывала и про внешнюю атрибутику — был введен новый государственный праздник «День образования Кореи», имевший отношение к созданию Тангуном легендарного Древнего Чосона. Таким образом, государственности в Корее добавляли дополнительных более чем 2000 лет. Вся страна была переведена на новый календарь танги, ставший при Ли Сын Мане официальной системой летоисчисления. Разумеется, не все верили в существование мифического персонажа, однако мнения прогрессивных ученых в этом вопросе не принимались во внимание и не получали широкую огласку. Более того, любая критика в адрес властей жестоко пресекалась как антигосударственная. Отражение свое новая идеология также получила в ревизии образовательных программ, школьных и университетских учебников. Кроме того, режим Ли Сын Мана сделал ставку на перевоспитание молодежи в духе новой идеологии, чему служили создаваемые разного рода молодежные организации. Крайний национализм, антикоммунизм — основные составляющие государственной идеологии Первой республики — стали ведущими принципами в ходе корейской войны 1950—1953 гг. Их Ли Сын Ман отстаивал на протяжении всего срока президентства, в том числе с целью удержания власти.

Трансформация идеологических концепций происходила в Республике Корея в связи с менявшейся политической и экономической ситуацией. В начале 1960-х годов после крушения демократического режима Второй республики в Южной Корее в рядах интеллектуалов развернулась обширная дискуссия по поводу возможности успешного функционирования демократических институтов власти в стране. Причиной возникновения подобных вопросов становится печальный опыт проведения «демократических реформ» в период первых двух республик, а также неоднозначная оценка военного переворота 1961 г., в результате которого к власти пришел Пак Чжон Хи. Представители политической элиты приходят к общему мнению, что демократия, как ее видят на Западе, никогда не существовала на Корей-

ском полуострове, необходимость в подобной форме общественно-политического устройства в Корее отсутствует, а главным доказательством этого являлась успешная деятельность военной хунты у власти в сфере административных и экономических реформ.

Результатом поиска новых идей стала доктрина «административной демократии», которую Пак Чжон Хи предложил как альтернативу, приемлемую для «переходного революционного этапа»: «Демократизирующие факторы должны внедряться в наше общество в той степени, насколько это возможно на данный момент. Демократия, которую мы ставим своей целью построить в течение революционного периода, полностью отвечает политической и социальной реальности этого этапа, а потому не является копией западной либеральной демократии»⁵. «Административная демократия» предполагала отказ от установления общественного контроля над государством, тем самым отвергая общепринятые нормы гражданского общества. По мнению идеологов, власть должна была оздоравливаться изнутри, отстранив общество от решения политических проблем. Народ, исходя из теории «административной демократии», должен был делегировать свои властные полномочия государству, которое, в свою очередь, имело право контролировать любое движение народа⁶.

Важным фактором в формировании нового общества Пак Чжон Хи считал выдвижение в рядах новой элиты «героического лидера», главным достоинством которого являлась способность убеждать массы в приемлемости тех методов, которые он считал наилучшими и наиболее подходящими, а также его твердые антикоммунистические убеждения⁷.

В дальнейшем Пак Чжон Хи представил новую концепцию демократии, которую он определял как «национальную» или «корейзированную» демократию; она должна была символизировать национальное самоопределение и запрет на вмешательство в общественно-политический процесс Южной Кореи со стороны других стран. Посредством воплощения идей национальной демократии Корея, по мнению Пака, имела возможность избавиться от архаического ощущения зависимости, которое сформировалось за века подчинения Китаю и закрепилось во время японского колониального режима⁸.

В качестве ведущего принципа, отражающего «традиционное политическое мышление» корейцев, а также источника «национального духа» Пак Чжон Хи обозначил концепцию *хонъик инган* («процветающее человечество»), появление которой относил к периоду мифического Тангуна. Несмотря на то что Пак Чжон Хи отказался от присущего Ли Сын Ману стремления теоретизировать и политизировать миф о Тангуне, принцип *хонъик инган* он рассматривал как базу корейской демократии, отображающую способность индивидуумов и государства осознавать взаимные обязательства друг перед другом и объединяться в рамках стремления к единой цели. Проявление древнейших принципов корейской демократии Пак Чжон Хи видел также в учении хваранов, молодежи периода объединенного Сила, которые «посвятили себя культивированию рыцарских и товарищеских отношений».

Идеологические установки, разработанные в период режима Пак Чжон Хи, не потеряли своей актуальности также в период Пятой республики, однако в связи с новыми как внутривнутриполитическими, так и внешнеполитическими реалиями южнокорейского общества приобрели новые черты.

Сила государства, по мнению следующего президента РК Чон Ду Хвана, определяется силой его лидера. Очевидно, что Чон, подобно Пак Чжон Хи, стремился сформировать мнение о себе как об «отце нации», лояльном правителе, образце для подражания. Кроме того, стремясь ослабить социальное напряжение, он продолжал формировать отвлеченные этические идеалы, такие как «национальная демократия», которые переносил из материальной сферы в сферу духовных ценностей. Так, объединяя себя с Паком и в то же время демонстрируя прогресс в социально-политическом развитии Республики Корея, Чон допускал один из ранее «запрещенных» идеалов «корейзированной демократии» — буржуазный индивидуализм. По мнению президента, корейцы должны были сформировать «собственное я», отсутствие которого объясняет ошибки прошлого. Если Ли Сын Ман и Пак Чжон Хи соотносили неготовность Республики Корея к реальным демократическим преобразованиям с длительной зависимостью от Китая и последствиями колониального периода, то Чон Ду Хван не углублялся в исторический анализ, он рассматривал

проблемы страны с момента ее образования. Чон заявлял, что основной проблемой, препятствующей становлению демократии в стране, является отсутствие опыта мирной передачи власти.

Провозгласив «общество справедливости», назвав правящую партию Партией демократии и справедливости, Чон тем самым в политической и социальной сферах дистанцировал себя от политики Пак Чжон Хи, однако в экономическом развитии объявил себя его наследником. В стремлении обрести «харизму» своего предшественника, Чон во всем следовал его образу, однако, учитывая его ошибки и опасаясь усиления антиправительственного демократического движения в стране, старался «сгладить углы», противопоставляя свой стиль управления диктаторскому режиму Пака, формируя тем самым новый образ власти как социоориентированной. На практике, тем не менее, режим Чон Ду Хвана проявлял черты жесткой диктатуры, которая вынуждена была силовыми методами бороться с противодействием народных масс.

Конец 1980 — начало 90-х годов ознаменовались для Южной Кореи началом нового этапа — уходом от авторитарных тенденций и началом демократизации. Ро Дэ У, Ким Ен Сам, Ким Дэ Джун — первые президенты Шестой республики — в своих политических программах оперировали классическими концепциями, такими как либеральная демократия, гражданское общество и т. п. Тем не менее, в зависимости от конкретных потребностей южнокорейской политической, социальной и экономической системы, эти государственные лидеры также прибегали к спецификации своих идеологических концепций. Можно сказать, что начиная с 1990-х годов в идеологическом плане у Южной Кореи появилось «три лица» — национальное, глобальное и региональное⁹. На свой внешний — как мировой, так и региональный — имидж Южная Корея, благодаря политике Чон Ду Хвана, начала работать еще в начале 1980-х, но развили успех последующие президенты Шестой республики. Это Ро Дэ У, на период президентства которого пришлось Олимпиада 1988 г. в Сеуле и в целом начало активной внешнеполитической деятельности, в том числе проведение так называемой северной политики¹⁰; Ким Енсам и его Декларация о новой дипломатии 1993 г.; Ким Дэ Чжун, проводивший политику «солнечного тепла». Очевидно, что, ввиду круше-

ния мировой биполярной системы холодной войны, идеологические антикоммунистические воззвания потеряли свою актуальность. Коммунистический лагерь как таковой исчез, официально «на той стороне» для Южной Кореи осталась только одна страна. Официальная позиция по отношению к КНДР оставалась и остаётся весомой составляющей идеологической платформы правящих элит, однако Северная Корея, несмотря на периодически исходящую от нее угрозу, не может в полной мере олицетворять в себе образ врага для Южной Кореи ввиду этнической общности народов двух стран.

Несмотря на активную демократизацию, в государственной идеологии Шестой республики продолжают присутствовать сильные националистические мотивы обращения к идеализированному прошлому страны. Идеологам практически невозможно в своих посланиях уйти от представлений об обществе всеобщего благоденствия и в целом от конфуцианской общественно-политической традиции. Идеологические концепции, звучавшие в авторитарный период, оставались актуальными и в период демократизации. Одной из наиболее широко эксплуатируемых в политической риторике концепций являлась теория особой восточной формы демократии, которую в свое время пропагандировал Пак Чжон Хи. Последующие лидеры не были столь категоричны, однако концепция имела успех и в период Шестой республики. Пожалуй, наиболее серьезным критиком «азиатских ценностей» и особой формы «азиатской демократии» являлся Ким Дэ Чжун, который причислял себя к сторонникам классической либеральной теории, считая, что рассуждения о традиционных ценностях мешают нормальному развитию процесса демократизации¹¹. Более осторожной позиции придерживался Но Му Хен, официально провозгласивший себя преемником Кима, но, тем не менее, не видевший необходимости в четком разделении либеральной и буддийско-конфуцианской традиции.

С точки зрения формирования государственной идеологии в Южной Корее крайне интересным является отношение к официальной истории страны. «Правильное прошлое» крайне важно для корейцев — к своей истории они обращаются для оправдания того или иного действия или поиска необходимого доказательства очередной идеологической концепции. Авторитарные правители находили в

реальной или мифической истории Кореи доказательства состоятельности теории о сильном правителе, корейской форме демократии, единстве и величии корейской нации. При этом впоследствии сам авторитарный период как таковой в истории РК стал наиболее проблемным в трактовке и понимании, а колониальный — источником взаимной неприязни и ряда политических проблем между Южной Кореей и Японией. Ввиду этого уже администрация Ким Ён Сама начала проводить реформу с целью «восстановления истории Кореи». Символическими акциями в рамках этого стали: снос правительственного здания японской колониальной администрации в Сеуле, присвоение апрельскому восстанию 1960 г. статуса революции и наказание ответственных за подавление восстания в Кванджу 1980 г. Власть официально провозгласила себя наследником идей национально-освободительного движения в колониальный период и движения за демократизацию в авторитарный период, тем самым дистанцируясь от прошлых событий, связанных с проявлением ущербности или жестокости на государственном уровне.

В настоящее время корректировка истории — прямая или опосредованная — для южнокорейской элиты продолжает оставаться вспомогательным средством в проведении своей линии. Южная Корея «выросла» из авторитаризма, для которого идеологические изыски были жизненно важны ввиду силовых методов проведения своей политики, однако и стране с заявленной демократической системой нужна «особая» история и идеология. Как такового ухода от мифа не произошло, и в современной националистической пропаганде используется миф об исключительной древности корейского этноса со ссылкой на Древний Чосон Тангуна, миф о былом величии, об утраченных территориях¹². Они необходимы для того, чтобы создать образ пострадавшей от внешнего вмешательства нации, которая обладала выдающимся прошлым; мифами подпитывается чувство превосходства и общий антагонизм по отношению к Японии. Все это естественным образом вплетается в массовое сознание корейцев, парадоксальным образом формируя у них националистические настроения в ситуации серьезной зависимости от внешнего влияния.

В большинстве случаев все это касается сугубо политической сферы, затрагивает социальную, но не вторгается на территорию

экономики. Именно политические мотивы заставляют власть время от времени приходить к необходимости корректировки учебников по истории, поддерживать ажиотаж вокруг территориальных споров, воздействовать на народные массы в отношении их понимания позиции КНДР. Националистический подтекст в той или иной степени в идеологии южнокорейских правящих элит остается неизменным.

Примечания

¹ *Kim Dong-Choon*. The social grounds of anticommunism in South Korea-crisis of the ruling class and anticommunist reaction // *Asian Journal of German and European Studies*. URL: <https://ajges.springeropen.com/articles/10.1186/s40856-017-0018-1> (дата обращения: 06.02.2018).

² Цит по: *Со Чжунсок*. Иссынмане чжончхи идеологи : [Политическая идеология Ли Сынмана]. Сеул: Ёкса пипхенса, 2005. С. 43.

³ *Толстокулаков И.А.* История общественно-политической мысли Кореи. Владивосток: изд-во ДВГУ, 2007. С. 206.

⁴ *Со Чжунсок*. Указ соч. С. 17.

⁵ *Park Chung Hee*. Our nation's path: Ideology of Social Reconstruction. Seoul: Dong-a Publishing Company, 1962. P. 198.

⁶ *Толстокулаков И.А.* Политическая модернизация Южной Кореи. Опыт историко-политологического анализа. Ч. 1. Владивосток: изд-во ДВГУ, 2007. С. 338.

⁷ *Прошин А.А., Тимонин А.А.* Неоколониализм США и Южная Корея. М.: Наука, 1985. С. 103.

⁸ *Kim Hyung-A*. Korea's development under Park Chung Hee. London: Routledge Curzon, 2004. P. 99.

⁹ *Shi Gi-Wook*. Ethnic Nationalism in Korea. Genealogy, Politics, and Legacy. Stanford: Stanford University Press, 2006. P. 232.

¹⁰ The Korean Government. Policies and Administration. Seoul: The Korea Institute of Public Administration, 2015. P. 184.

¹¹ *Толстокулаков И.А.* История... Указ соч. С. 234.

¹² *Асмолов К.В.* Корейская политическая культура: Традиции и трансформация. М.: ИДВ РАН, 2009. С. 229—231.

Н.Н. Ким

ЭВОЛЮЦИЯ ЖЕНСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ

В статье анализируются процессы зарождения и развития женского общественного движения в Республике Корея. На примере деятельности различных общественных организаций, женского рабочего движения автор показывает то, каким образом в процессе эволюции южнокорейской государственности менялась постановка вопроса о защите прав женщин. Автор приходит к выводу, что либерализация политического режима в Республике Корея и развитие гражданского общества содействовали в конечном итоге сближению задач женских организаций, имевших изначально разные цели и социальный состав.

Ключевые слова: Республика Корея, корейские женщины, женское движение, рабочее движение, права женщин.

The article focuses on the emergence and development of the women's movement in the Republic of Korea. Based on the analysis of women's organizations and labor movement's activities, the author shows how the issues of women's development have been changing during the evolution of sociopolitical institutions in South Korea. The author proves that liberalization of the political regime and development of the civil so-

ciety resulted in the convergence of aims of the women's organizations that initially had different ideological claims and social roots.

Keywords: Republic of Korea, Korean women, women's movement, labor movement, women's rights.

Об истоках формирования женского движения в Корее

Истоки женского общественного движения в Корее относят к концу XIX — началу XX в., когда впервые женщины аристократического сословия *янбан*, проживающие в районе Сеула, объединились под лозунгом продвижения женского образования. Так возникла первая женская организация «Общество прославления» (*Чханянгхве* 贊襄會)¹. Будучи малочисленным и элитарным объединением женщин высшего сословия, эта организация просуществовала недолго и распалась. До аннексии Кореи Японией корейские женщины заявили о себе в 1907 г., развернув движение за возвращение государственного долга².

Более или менее консолидированное женское движение возникает уже в колониальный период; именно в это время появляются первые женские организации, объединяющие собой представителей разных социальных слоев, имеющих устав и определенную идеологическую программу.

Так, в апреле 1919 г. на волне первоапрельского восстания возникло Общество женщин-патриоток Кореи во главе с Ким Марией (*Тэхан эгук пуинхве*). В 1924 г. было создано объединение женщин-социалисток *Чосон ёсон тонгхве*, а в 1925 г. — Всеобщий женский молодежный союз (*Ёджа чхоннён чхон тонмэн*). Идеологической платформой обеих организаций стала социалистическая концепция освобождения женщин. В соответствии с данной концепцией освобождение женщин рассматривалось сквозь призму классово-борьбы и в условиях национально-освободительной борьбы считалось вторичной задачей; первой целью являлась ликвидация японского колониального режима.

В 1922 г. благодаря усилиям Ким Хвал Лан, Ким Пил Лё, Ю Как Кён в Корее было открыто отделение международной организации — Христианской ассоциации молодых девушек (YWCA). Не-

смотря на то что в ассоциацию вступали женщины-протестантки, их деятельность не ограничивалась исключительно миссионерскими задачами. YWCA поддержала корейских националистов умеренного толка, развернувших в 1920-е годы движение за товары отечественного производства; требовала ликвидировать ранние браки и проституцию³. Деятельность ассоциации стала своего рода примером для последующих организаций христианского толка, возникших после освобождения Кореи и умело сочетавших в своей повестке как религиозные, так и социально-политические задачи.

По мере разветвления национально-освободительного движения в Корее и за ее пределами стали стихийно возникать различные по политической направленности женские группы. В июле 1927 г. они предприняли первую и единственную за период японской оккупации попытку объединиться в рамках единой организации «Общества друзей *мугунхва*» (*Кынухве* 權友會)⁴. *Кынухве* был принят манифест, который заканчивался фразой «В день, когда женщины освободятся, мир будет свободным!»⁵.

Положения манифеста включали в себя требования ликвидации феодальных обычаев и предрассудков в отношении женщин, запрет ранних браков, проституции, продажу женщин, ликвидацию дискриминации в оплате труда, введение оплачиваемого отпуска по беременности, запрет опасного ночного труда для женщин. В обновленной версии манифеста в 1929 г. появились еще более прогрессивные требования: свобода развода, свобода слова, печати и собраний, создание медицинских учреждений и детских садов для рабочих и крестьян⁶. Просуществовав всего четыре года, *Кынухве* оставило значимый след в истории женского движения в Корее, поскольку впервые усилия женщин-активисток различных общественных движений, от политических до миссионерских, слились воедино в порыве покончить с традиционными предрассудками в отношении женщин и добиться лучших для них условий труда, образования.

В целом за годы японской оккупации в Корее были заложены основы совершенно нового для корейской политической культуры явления, как женское политическое лидерство. Национально-освободительное движение содействовало пробуждению политического сознания многих женщин из урбанизированной социальной среды,

предоставив тем самым им шанс проявить себя в политической сфере, традиционно считавшейся монополией корейских мужчин. Довольно сложно обобщить опыт женского течения в национально-освободительном движении ввиду его идеологической разобщенности, неоднозначности вклада в общее дело борьбы с колониальным режимом. Но при этом необходимо отметить, что именно этот опыт политического сопротивления, равно как и неполитический опыт общественной деятельности (протестантское миссионерское движение⁷, зарождающееся женское рабочее движение⁸), помогли развить лидерские качества у ряда корейских женщин, сформировать позитивный образ женщин, активно вовлеченных в общественную деятельность. До сих пор в современной Республике Корея хранят память о женщинах-героинях национально-освободительного движения: Ким Мария, Хо Джон Сук, Чу Се Джук, Пак Чха Джон, Ю Кван Сун, Юн Хи Сун, Чон Джон Хва, Квон Ки Ок, — хотя известно, что они принадлежали к разным идеологическим течениям, в том числе радикально левому⁹ (Чу Се Джук, Хо Джон Сук, Пак Чха Джон, например).

Освобождение Кореи и женское движение

После освобождения Кореи и создания южнокорейской государственности сформировались качественно новые условия для развития женского общественного движения. С идеологической точки зрения Республика Корея создавалась как либерально-демократическое государство, ориентируемое на американскую модель развития. Но для того чтобы соответствовать данной модели хотя бы в той части, которая касалась женских прав, корейскому обществу необходимо было преодолеть ряд серьезных препятствий. *Во-первых*, Корея была страной с полуаграрной, полуфеодальной экономикой, абсолютное большинство населения которой было занято в сельскохозяйственном секторе производства. Уровень безграмотности среди женского населения был чрезвычайно высок. *Во-вторых*, как в любом полуфеодальном обществе в Корее были сильны патриархальные семейные традиции, однозначно препятствующие вовлечению женщин в общественную деятельность. *В-третьих*, политический

режим Республики Корея очень быстро эволюционировал в сторону авторитаризма, усилившего такие элементы политической культуры Кореи, как иерархизм и патернализм, а также намеренно возвышающего традиционные семейные ценности. В таких социально-политических и культурных условиях женское общественное движение не могло полноценно развиваться (в частности, в 1950-е годы актуальным был вопрос о ликвидации системы *хочжу*, или семейного главы, которая существенно ограничивала экономические права корейских женщин). 1950—1970-е годы вошли в историю женского движения в Корее как период стагнации. И это вопреки тому, что женские общественные организации продолжали действовать и даже добились некоторых результатов с точки зрения реформирования семейного законодательства¹⁰.

Ярким выражением актуальности женского вопроса после освобождения Кореи является появление газет, посвященных проблемам семьи и пола. Так, в эпоху освобождения (1945—1948) появились газеты «Качжон синмун» («Семейная газета»), «Ёсон синмун»¹¹ («Женская газета»), «Пунё ильбо» («Женская еженедельная газета»), «Пуин синбо»¹² («Женский вестник»). Газеты во многом отражали растущую необходимость в просвещении корейских женщин, пробуждении их политического, гражданского самосознания. В силу высокой степени политизированности южнокорейской прессы эпохи освобождения часть газет издавалась под эгидой определенных политических партий, общественных организаций или движений. Это является одним из существенных отличий женских газет освобожденной Кореи от похожих изданий колониального периода: «Ёджаге» («Женский мир», 女子界, 1917—1920), «Синёсон» («Новый женский пол», 新女性, 1923—1934), «Синёджа» («Новые женщины», 新女子, 1920).

Например, газета «Качжон синмун» выходила как приложение газеты «Тэдон синмун», отражавшей ультраправые взгляды, а газета «Пуин синбо» издавалась правой женской организацией — Обществом женщин-патриоток за скорейшее достижение независимости Кореи (*Тэхан тоннип чхоксон эгук пуинхве*), аффилированной, по всей видимости, с организацией Ли Сын Мана — Совещанием по скорейшему достижению независимости Кореи (полное назва-

ние — *Чосон тоннип чоксон чунан хёбихве*). Помимо общей задачи ликвидации безграмотности среди женщин, просвещения их в области литературы, языка, политики, со страниц газет настоятельно звучало требование запретить проституцию, легализованную японцами в колониальный период¹³.

Женское общественное движение в 1950—1980-е годы

В 1953 г. по инициативе молодой женщины-адвоката Ли Тхэ Ен было создано Совещание женских организаций Кореи (*Тэхан ёсон танчхе хёбихве*). В состав Совещания вошли семь различных женских групп, большинство из которых представляли религиозные общины Кореи (Общество женщин-католиков Кореи, *Тэхан чхонджугё пуинхве*; Корейское отделение YWCA; Общество женщин-христиан Кореи, *Тэхан ёджа кидоккё чолжсехве*), Общество женщин-буддистов Кореи, *Тэхан пульгё пуинхве*). В 1956 г. Ли Тхэ Ен основала первый в Корее Центр юридической помощи женщинам (*Ёсон помнюль самдонсо*), сыгравший большую роль в продвижении реформы семейного законодательства.

В 1959 г. было создано новое объединение — Совет женских организаций Кореи (*Хангук ёсон танчхе хёбихве*). Именно этот Совет стал наиболее влиятельным женским объединением, действующим при поддержке со стороны правительства Пак Чонхи (1961—1979). В 1959—1970-е годы президентом Совета была видный деятель женского протестантского движения в Корее Ким Хвал Лан, первая корейская женщина — ректор университета Ихва. Благодаря международным связям Ким Хвал Лан, Совету удалось стать членом Международного совета женщин в 1960 г. Ким Хвал Лан зарекомендовала себя как прочный сторонник режимов Ли Сын Мана и Пак Чон Хи. По-видимому, во многом по этой причине Пак Чон Хи назначил Совет покровительствующей инстанцией в деле повсеместного открытия женских центров (*ёсон хегван*) в Корее. Центры имели исключительно просветительские задачи. Помимо таких центров, в 1970-е годы по всей стране стали открываться отделения Ассоциации женщин за новую деревню. Основанная в 1973 г., Ассоциация стремительно разрослась, так что к 1979 г. ее членами было около

3 млн корейских женщин¹⁴. Деятельность Ассоциации была неразрывно связана с общенациональным движением за новую деревню и в целом не ставила задач реформировать институт семьи и брака.

Большую роль в развитии гражданского самосознания женщин сыграли неправительственные организации: Корейское католическое общество сельских женщин (*Хангук катхолик нончхон ёсонхве, 1976 г.*) с филиалами во всех провинциях Южной Кореи, занимавшимися правами женщин; Объединение женщин протестантских церквей Кореи (*Хангук кёхве ёсон ёнхапхве, 1967 г.*)¹⁵, поддержавшее движение за демократизацию и активно выступавшее в защиту прав корейских «женщин для утешения», а также сбором средств в благотворительных целях, помогая тем самым не только женщинам (учреждение образовательных центров, садов, организация тренингов для подготовки женщин-лидеров и т. п.), но и, например, жертвам атомных бомбардировок, христианам в беднейших странах и пр. Объединение прочно стоит на позициях экуменизма, проясняющего во многом смысл социальных задач организации¹⁶.

Из протестантских общественных организаций важную роль также сыграла Христианская академия (*Тэхва мунхва акхадеми*), чья программа имела формально социальную ориентацию — предполагала не столько распространение протестантизма, сколько утверждение прогрессивных идей среди ее участников и выбирала темы для обсуждения в соответствии с актуальными запросами общества: модернизация (1962—1968), гуманизм и расслоение общества (1969—1970), политизация и демократизация (1971—1973), образовательная деятельность с целью преодоления социального расслоения и достижения примирения в обществе (1974—1979), формирование обществ с демократической культурой (1980-е годы), поддержка региональных движений в защиту прав избирателей (1990-е годы), примирение и сосуществование (2000-е годы)¹⁷. Из выпускников этой академии можно отметить Хан Мён Сук (глава министерства по делам женщин и семьи в 2001—2002 гг., премьер-министр РК в 2006 г.), Син Ин Рён — ректор университета Ихва в 2002—2006 гг.).

В период военной диктатуры Пак Чон Хи и Чон Ду Хвана христианские организации содействовали вовлечению корейских женщин в общественную деятельность. В силу своей формальной апо-

литичности правительство не преследовало их членов, хотя, как мы видим, организации имели определенные социально-политические задачи в том числе. Если женские общественные организации, в том числе религиозного толка, содействовали главным образом вовлечению корейских женщин в социальную деятельность, то активно развивавшееся в 1970—1980-е годы женское рабочее движение внесло значимый вклад в защиту экономических интересов и прав женщин.

Женское рабочее движение

Женское рабочее движение было естественным следствием интенсивной индустриализации Кореи в 1960—1980-е годы. По существующим данным, в конце 1970-х женщины составляли 55 % рабочей силы в производстве электроники, 72,4 % — в текстильной промышленности и 52,4 % — в производстве обуви¹⁸. Южнокорейские компании преимущественно нанимали незамужних молодых женщин, только что окончивших школу, работавших за низкую зарплату. Защитить права женщин-рабочих могли профсоюзы, но, *во-первых*, в годы президентства Пак Чон Хи независимые профсоюзы были запрещены, а действующая Федерация профсоюзов Кореи отстаивала интересы правительства. *Во-вторых*, женщины были слабо представлены в существующих профсоюзах того времени, в особенности в руководящем составе. Их интересы слабо учитывались мужским составом, порой такое внутреннее разобщение в профсоюзной среде доходило до трагикомических ситуаций, когда мужчины-рабочие не поддерживали или даже препятствовали акциям протеста женщин-рабочих, входивших в один с ними профсоюз. В условиях авторитарного режима профсоюзное движение не могло свободно развиваться — действовал закон, запрещавший организовывать профсоюзы, забастовки на предприятиях иностранных собственников, а также предприятиях, ориентированных на экспорт. В случае забастовки лидеров профсоюза арестовывали, увольняли, подвергали судебному наказанию — в более чем 33 % случаях происходило именно так¹⁹.

Широкий размах женское рабочее движение приобрело в середине 1980-х годов. В 1985 г. произошла крупная забастовка жен-

щин-рабочих, занятых на предприятиях промышленного комплекса Куро. Поводом для забастовки послужил арест трех лидеров профсоюзной организации на предприятии Daewoo Apparel, выпускавшем одежду. В знак протеста женщины-работчие других предприятий, входивших в этот комплекс, объявили забастовку, продолжавшуюся 10 дней²⁰. В 1987 г. произошла еще одна крупная забастовка женщин-рабочих на предприятиях, расположенных в Свободной экономической зоне в Масане. 77 % всех рабочих зоны составляли женщины. В забастовке приняли участие работницы 44 из 74 компаний²¹.

Как известно, 1987 г. стал поворотным в политической истории Южной Кореи во многом благодаря тому, что профсоюзное движение слилось воедино с движением за демократизацию Кореи. Корейские женщины оказались вовлечены, таким образом, в массовое движение за ликвидацию авторитарного режима, защиту своих гражданских прав. Помимо участия в данном движении как члены оппозиционных власти профсоюзов, женщины-домработницы, матери выразили свою солидарность с требованиями трудящихся в ходе забастовочного движения. В частности, жены и матери бастующих рабочих выпускали специальные издания, повествующие о забастовке, тем самым поднимая уровень информированности о требованиях рабочих в широких слоях населения. Они также обращались с официальными петициями в соответствующие органы власти²².

Вопреки политической и экономической либерализации, начавшейся после июньских волнений 1987 г., положение женщин-рабочих в начале 1990-х годов не претерпело существенных изменений. В 1991 г. разница в оплате труда мужчин и женщин составляла 54 %, женщины работали по времени больше, чем мужчины. Женщины часто меняли место работы, сталкиваясь, таким образом, с финансовой нестабильностью. В случае замужества или беременности их увольняли — такая практика была распространена как на частных предприятиях, так и в государственных учреждениях²³. Финансовый кризис 1997 г. серьезным образом ударил по южнокорейской экономике. С социальной точки зрения наиболее незащищенными слоями на рынке труда в РК оказались женщины. Их увольняли в первую очередь, переводили на срочный контракт. К 1999 г. число непостоянно занятых среди женщин увеличилось на 61 %, тогда как среди

мужчин — на 37 %²⁴. Проведенный в это время опрос работодателей показал, что они предпочитают нанимать мужчин, чем женщин, так как считают последних экономически менее выгодными работниками, менее эффективными и компетентными. Мужчины, по мнению опрошенных работодателей, более выносливы в смысле переработки, они могут непрерывно работать, не отвлекаясь на детей, семью, и более склонны к выстраиванию гармоничных отношений²⁵.

Финансовый кризис 1997 г. обнажил ряд существенных проблем, которые и без того существовали на рынке труда Южной Кореи. Женщины-работчие еще более ощутили свое неравенство с мужчинами. Наглядно это выражало также и то, что они были слабо представлены в руководящем составе Федерации профсоюзов Кореи, да и в самом профсоюзе — всего 30 %²⁶. В итоге женщины-работчие приняли решение организовать свою профсоюзную организацию — Профсоюз женщин Кореи (*Чонгук ёсон нодончохан*)²⁷. Наряду с созданной еще в 1987 г. Корейской ассоциацией женщин-работчих (*Хангук ёсон нодончжахве*) Профсоюз женщин Кореи отстаивает интересы женщин-трудящихся. При этом «трудящимися» понимаются не только женщины, работающие на предприятиях, но и домохозяйки в том числе²⁸. Корейская ассоциация женщин-работчих активно выступает за то, чтобы труд домохозяек расценивался официально как «трудовая занятость».

За что борется женское движение сегодня?

В феврале 1987 г. на волне массового движения за демократизацию Кореи был создан самый крупный на сегодняшний день Союз женских организаций Кореи (*Хангук ёсон танчхе ёнхан*). В настоящее время Союз состоит из 28 женских организаций, реализующих общую деятельность по защите прав женщин, регулярно осуществляющих различные мероприятия в данной области. Союз выпускает журнал «Женщины за демократию» («*Минчжу ёсон*»). В первом выпуске журнала говорилось о том, что целью Союза является не только утверждение равенства полов, но и искоренение причин, порождающих дискриминацию женщин. Помимо изначально поддержки демократического движения, Союз создал комитет по борьбе с

секс-траффиком и проституцией, оказывал помощь в освобождении политзаключенных. С началом 1990-х годов направления деятельности Союза становились все более разнообразными и отражали конкретные проблемы, с которыми сталкивались женщины в Южной Корее: домашнее насилие, нарушение прав женщин при трудоустройстве (дискриминация по гендерному признаку), в процессе трудовой деятельности (предоставление оплачиваемого декретного отпуска, сокращение разницы в оплате труда между мужчинами и женщинами, заключение трудового соглашения на постоянной основе и пр.), расширение политических возможностей женщин (введение квот для женщин-кандидатов в выборные органы власти)²⁹.

Важно иметь в виду, что деятельность Союза женских организаций Кореи с момента его возникновения не ограничивалась только задачами защиты прав женщин. Союз поддерживал в ходе отдельных кампаний идеи мира и процветания на Корейском полуострове, выступал против применения сил полиции для решения рабочих вопросов на предприятиях, требовал сокращения оборонных расходов и пр. Иными словами, несмотря на отчетливо женский характер организации, Союз часто поддерживал общественные кампании, имевшие важное значение для устойчивого и безопасного развития корейского общества. В настоящее время в связи с подготовкой поправок в Конституцию РК Союз предлагает внести ряд изменений в Основной закон государства для того, чтобы утвердить идею равноправия полов в качестве ключевой при формулировании задач и направлений государственной политики³⁰.

Помимо Союза женских организаций Кореи, к крупным женским общественным организациям сегодня можно отнести Совет женских организаций Кореи (*Хангук ёсон танчхе хёбихве*), Профсоюз женщин Кореи, Корейскую ассоциацию женщин-рабочих, Христианскую академию, Корейское отделение Христианской ассоциации молодых девушек (YWCA), Корейское женское общество (*Хангук ёсон минухве*)³¹, Корейскую лигу женщин избирателей (*Хангук ёсон югвончжа ёнмэн*)³². Благодаря сравнительно успешной либерализации политического режима в Республике Корея на рубеже 1980—1990-х годов, развития институтов гражданского общества, задачи женских организаций во многом пересекаются. Как следствие, это

позволяет им консолидированно выступать по ряду важных с точки зрения развития прав женщин вопросам. Однозначное единство женских организаций наблюдается в области защиты прав женщин, работающих на основе срочного трудового контракта (*пичжонгючик нодончжа*), расширения политического участия женщин (увеличение квоты для женщин, баллотирующихся по одномандатным округам в выборные органы власти; финансовая и моральная поддержка женщин-кандидатов; увеличение числа женщин-депутатов, министров), сокращения разницы в оплате труда между мужчинами и женщинами, оказания юридической и психологической помощи женщинам, пострадавшим от домашнего насилия, борьбы с харассментом (в частности, сексуальных домогательств в отношении женщин на рабочем месте).

В 2016—2017 гг. крупные женские организации единодушно поддержали импичмент Пак Кын Хе, выразив при этом серьезную озабоченность тем, что дискредитация первой женщины-президента может негативно отразиться на статусе женщин-политиков в Республике Корея. В последнее время женские общественные объединения активно выступают в защиту жертв харассмента. 15 марта 2018 г. около 340 гражданских организаций, включая крупные женские общественные объединения, развернули кампанию в поддержку движения MeToo, стартовавшего в США осенью 2017 г. и впоследствии охватившего и Южную Корею³³. Иными словами, в Республике Корея в настоящее время очень активно функционирует женское общественное движение. Женские организации чутко реагируют на возникающие социально-экономические и политические проблемы, добиваются реального равноправия в обществе, считая его залогом устойчивого и прогрессивного развития Южной Кореи. Женские организации представляют собой инструмент влияния в гражданском обществе: их наличие или отсутствие говорит о том, в какой степени женщины готовы консолидированно отстаивать свои интересы. История женского общественного движения в Республике Корея наглядно демонстрирует сегодня наличие широких возможностей у корейских женщин добиваться и защищать в случае необходимости свои права.

Примечания

¹ 찬양회 URL: <http://100.daum.net/encyclopedia/view/14XXE0055228>

² Wells Kenneth M. The Price of Legitimacy: Women and the Kunuhoe Movement, 1927—1931 // Colonial Modernity in Korea. Ed. By Gi-Wook Shin and Michael Robinson. Cambridge and London: Harvard University Press, 1999. P.199.

³ The History of the YWCA Korea. URL: http://eng.ywca.or.kr/sub.asp?maincode=470&sub_sequence=483&sub_sub_sequence=

⁴ 근우회 URL: <http://100.daum.net/encyclopedia/view/b03g0100b>

⁵ Wells Kenneth M. Op. cit. P. 207.

⁶ Ibid. P. 208.

⁷ Choi Hyaewoel. Gender and Mission Encounters in Korea: New Women and Old Ways. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 2009.

⁸ Kim Janice C.H. To Live to Work. Factory Women in Colonial Korea, 1910—1945. Stanford: Stanford University Press, 2009.

⁹ Тансин-и арая халь хангукса ёль (10 [женщин], которых Вы должны знать) / под ред. Со Гёндок, Института исследований женского [течения в] национально-освободительном движении. Сеул, 2016.

¹⁰ Пак Чхэбок. Хангук ёсон ундон-ый чонгэ-ва квачже : [Развитие и задачи женского движения в Корее] // Хан-Токсахве Квахакнончхон. Т. 15. 2005. № 1. С. 237—238.

¹¹ В Национальной библиотеке РК хранится 65 номеров газеты «Ёсон синмун», с 12.05.1946 по 02.07.1947 г. Эту газету не стоит путать с современным изданием «Ёсон синмун», которое издается с декабря 1988 г. по настоящее время.

¹² Изначальное название газеты «Пуин синбо» — под этим названием газета выходила с ее основания в мае 1947 г. до переименования в «Пуин синмун» в феврале 1949 г.

¹³ По решению оккупационных властей на Юге Кореи, Американской военной администрации, проституция была запрещена в 1947 г. На Севере Кореи проституция, институт наложниц, *кисэн* были запрещены и упразднены летом 1946 г. в соответствии с Законом о равноправии мужчин и женщин. Но если в Северной Корее очень жестко карались преступления, связанные с организацией проституции, ее реализацией, то в Южной Корее было совсем не так. Корейская война, пребывание американских войск на территории Республики Корея, в конечном счете, вынудили южнокорейские власти «закрыть глаза» на постоянно растущее число борделей вокруг военных баз и работающих в них проституток. В 1961 г. с приходом к власти Пак Чон Хи был принят закон, запрещающий проституцию. Но уже через год правительство Пак Чон Хи перешло от запрета про-

ституции к ее регулированию, учредив изначально 104 района, где проституция была разрешена (позднее их число выросло). Более 60 % таких районов было расположено в пров. Кёнги, на территории которой в большей степени сконцентрированы американские военные. В марте 2004 г. Национальным собранием РК был принят Закон о запрете проституции взамен «устаревшего» закона 1961 г. Ключевым отличием нового закона было то, что он придавал проституткам статус жертв, тогда как организаторы борделей, их посредники подлежали уголовному наказанию. См. подробнее: *Kim Seung-kyung*. *The Korean Women's Movement and the State*. London and New York: Routledge, 2016. P. 37–66.

¹⁴ *Kim Seung-kyung*. *The Korean Women's Movement and the State*. P. 23.

¹⁵ *Ким Н.Н., Хохлова Е.А.* Эволюция социального положения женщин в Коре: от традиционного общества к современному // Восток. 2017. № 3. С. 119.

¹⁶ 한국교회여성연합회. 국제협력 및 연대활동. URL: <http://kcwu.org/>

¹⁷ 대화운동역사와 철학. URL: <http://www.daemuna.or.kr/>

¹⁸ Paek Yonjae. Female workers' struggles in South Korea: 1970s // *Northwestern Journal of International Law and Business*. Vol. 29. Issue 1. 2009. P. 219.

¹⁹ Ibid. P. 221.

²⁰ Nam Jeong-lim. Gender politics in the Korean transition to democracy // *Korean Studies*. 2000. Vol. 24. P. 98.

²¹ Ibid. P. 103.

²² Ibid. P. 107.

²³ Paek Yonjae. Op. cit. P. 223.

²⁴ Ibid. P. 225.

²⁵ Ibid. P. 226.

²⁶ Ibid. P. 227–228.

²⁷ URL: <http://blog.daum.net/kwunion99>

²⁸ URL: http://kwwnet.org/?page_id=190

²⁹ URL: <http://women21.or.kr/herstory>

³⁰ URL: <http://women21.or.kr/notice/10874>

³¹ URL: <http://www.womenlink.or.kr/introductions/history>

³² URL: <http://www.womenvoters.or.kr/about/background.php>

³³ URL: http://womenlink.or.kr/minwoo_actions/19943

А.И. Шарафетдинова

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИКИ США НА КОРЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ ПОСЛЕ 1945 г.

Автор попытался дать краткий очерк эволюции политики США в отношении КНДР и РК после 1945 г. Несмотря на первоначальные планы США сократить контингент своих войск на юге Корейского полуострова, американские власти сохраняют там своё военное присутствие. Политика новой администрации США в отношении Северной Кореи стала носить откровенно милитаристский характер. Президент США Д. Трамп заявил об окончании эры «стратегического терпения» своего предшественника Б. Обамы и твёрдом намерении решить северокорейскую проблему любыми средствами.

Ключевые слова: РК, КНДР, американско-корейские отношения, военно-политический союз, денуклеаризация Корейского полуострова, Трамп.

The author analyses the US policy towards the DPRK and the ROK after 1945. Despite the initial US plans to reduce the contingent of its troops in the south of the Korean peninsula, the US maintained military presence in South Korea. The policy of the new US administration towards North Korea began to be openly militaristic in nature. President D. Trump announced an end to the “strategic patience” era of his predeces-

sor B. Obama and a firm intention to resolve the North Korean problem by any means.

Keywords: ROK, North Korea, U.S.-South Korea Relations, the U.S.-ROK Alliance, denuclearization of the Korean peninsula, Trump.

Эволюция политики США на Корейском полуострове после 1945 г. условно может быть разделена на шесть периодов: 1) 1945—1960 гг., 2) 1961—1970 гг., 3) 1971—1982 гг., 4) 1983—1990-е годы, 5) 2000—2009 гг., 6) 2010—2018 гг. Она связана как с периодами разрядки напряжённости (1970-е годы, 2006—2009 гг.), так и с периодами обострения конфронтации (конец 1980-х годов, 1990-е годы, 2010—2017). США стремятся усилить свое влияние в стратегически важном регионе Северо-Восточной Азии, стать в нём единоличным регулятором баланса сил и влияния. Реализация этой задачи диктует необходимость создания мощных военно-политических блоков с Японией и Южной Кореей.

В августе 1945 г. в соответствии с выдвинутым на Ялтинской конференции президентом США Ф.Д. Рузвельтом в адрес И.В. Сталина¹ предложением о передаче Кореи после победы над Японией под коллективную опеку Союзных держав капитуляция японских войск была принята к северу от 38-й параллели — главнокомандующим советскими вооруженными силами на Дальнем Востоке, южнее 38-й параллели — главнокомандующим сухопутными вооруженными силами США на Тихом океане (конец августа и начало сентября 1945 г. соответственно). По причине возникшей вскоре холодной войны советские и американские войска оставались в занятых ими зонах свыше трёх лет (до конца 1948 г. и до середины 1949 г. соответственно). Так временная разграничительная линия по 38-й параллели вскоре стала постоянной².

После высадки американских войск 8 сентября 1945 г. на корейскую землю генерал-лейтенант Д.Р. Ходж, командующий 24-м корпусом войск США, объявил об образовании вместо японской колониальной администрации американской военной администрации (АВА) во главе с генералом А. Арнольдом. Корейские провинции возглавили американские военные губернаторы³. Таким образом, фактическое управление Кореей после освобождения попало в руки

американских военных, не допустивших местную политическую элиту к самостоятельному выбору дальнейшего пути развития своей страны. При этом военное руководство США, сделав ставку на наиболее лояльного к американским властям Ли Сын Мана, возложило на него выполнение консультативных функций при АВА⁴. Сепаратные выборы в Национальное собрание, принятие Конституции и избрание президентом Ли Сын Мана состоялись 10 мая 1948 г. фактически при всесторонней поддержке АВА⁵.

В январе 1950 г. в соответствии с заявлением государственного секретаря Д. Ачесона в Национальном пресс-клубе Южная Корея и Тайвань были исключены из оборонных обязательств США в случае нападения на эти территории. Таким образом, Вашингтон, оказавшись перед фактом создания Китайской Народной Республики, стал проявлять осторожность в корейском вопросе, демонстрируя отстранение от открытой военной поддержки Сеулу.

Между тем в США предвидели конфликт в Корее и заранее готовились действовать в связи с ним через ООН. 25 июня, в день начала Корейской войны, Совет Безопасности ООН принял американский проект резолюции, с которой началось прямое вмешательство СБ ООН во внутрикорейский конфликт⁶. В отечественном востоковедении⁷ приводится немало разночтений в отношении начала Корейской войны, но все исследователи сходятся на том, что к ней готовились как на Севере и на Юге, так и в США.

Два года из трёх, в течение которых шла война, стали одновременно периодом переговоров о прекращении войны. США, не желавшие, чтобы переговоры прекратились из-за односторонних действий южнокорейской стороны⁸, в спешном порядке пообещали южанам гарантию безопасности. 27 июля 1953 г. в 10 часов утра в Пханмунчжоме между командованием КНА и китайских народных добровольцев, с одной стороны, и командованием войск ООН — с другой, было подписано Соглашение о перемирии⁹. Присутствовавший при подписании южнокорейский генерал Чхве Док Син поставить свою подпись отказался. Несмотря на это, военные действия на территории Кореи были повсеместно прекращены¹⁰.

Спустя два месяца после подписания перемирия 1 октября 1953 г. государственный секретарь США Дж.Ф. Даллес и министр

иностранных дел Республики Корея Бён Ён Тхэ подписали в США *Договор о взаимной обороне*. Его ст. 4 даёт право США размещать сухопутные, воздушные и морские войска на территории Республики Корея и вблизи неё¹¹. В соответствии с договором сегодня на территории РК на постоянной основе размещён американский военный контингент численностью 28 500 человек¹². 17 ноября 1954 г. США и Южная Корея подписали *военно-экономическое соглашение*¹³, ставившее вооруженные силы Юга под оперативный контроль командования войск ООН. Вся система американо-южнокорейских отношений в военной сфере в дальнейшем выстраивалась на основе этих двух документов.

Внутриполитические затруднения и огромные расходы Вашингтона, связанные с провальной военной кампанией США во Вьетнаме (1965—1973), падение режима Ли Сын Мана в 1960 г. побудили США обратиться к дополнительным мерам по удержанию юга Корейского полуострова в орбите своих интересов. В 1960-е годы Вашингтон содействовал приходу к власти в Южной Корее генерала Пак Чжон Хи и упрочению там военно-диктаторского режима. В 1965 г. при поддержке США были нормализованы отношения Японии и Южной Кореи, и, таким образом, на Японию была переложена часть расходов на поддержание южнокорейского режима¹⁴. Тогда же наметились тенденции к формированию военного альянса США—РК—Япония.

Практически сразу после состоявшейся 17—18 мая 1965 г. встречи Пак Чжон Хи и президента США Л. Джонсона, где была достигнута договоренность об усилении участия Юга во Вьетнамской войне, американская сторона «подтвердила решимость и готовность незамедлительно оказывать всевозможную эффективную помощь, включая применение оружия, в случае возникновения опасности вооруженного нападения на Южную Корею». Стороны договорились об оставлении американских вооруженных сил на территории Южной Кореи и поддержании боеспособности южнокорейской армии, а также, согласно Закону 480¹⁵, направлении большей части эквивалентного фонда, образуемого от продажи США сельскохозяйственных излишков, на милитаризацию Юга. США согласились предоставить на военные цели Южной Корее в 1965 г. помощь в раз-

мере 150 млн долл. В общей сложности с 1945 по 1976 г. военная помощь США составила 3,1 млрд долл.¹⁶

После состоявшейся 17 апреля 1968 г. в Гонолулу встречи президентов Л. Джонсона и Пак Чжон Хи на Корейском полуострове стала складываться конфронтационная ситуация. Северокорейцы захватили американское разведывательное судно «Пуэбло»¹⁷, заявив, что оно нарушило территориальные воды, и обвинили США в стремлении начать новую войну в Корее. После того как данное дело было передано на рассмотрение в ООН, северокорейская сторона предложила закрытые переговоры между представителями США и КНДР в Пханмунджоме, которые завершились в декабре 1968 г. освобождением 82 членов американского экипажа. В апреле 1969 г. над Японским морем северокорейцы сбили американский разведывательный самолет ЕС-121М с экипажем в составе 31 человека. Данные обстоятельства послужили поводом к досрочному оформлению военно-политических альянсов США с Республикой Корея и Японией.

С 1968 г. ежегодно проводятся заседания Консультативного комитета по вопросам безопасности на уровне глав оборонных ведомств США и РК, являющегося по сей день координационным механизмом военно-стратегического альянса США—РК. Одним из ключевых вопросов повестки дня является передача Вашингтоном Сеулу оперативного командования над ВС в военное время (OPCON)¹⁸. 21 ноября 1969 г. состоялось подписание совместного коммюнике между США и Японией. В п. 4 американской стороной было выдвинуто условие о том, что безопасность Республики Корея является неотъемлемой частью безопасности Японии¹⁹. Существенная вовлеченность Японии в корейские дела оказала значительное влияние на военно-политические аспекты политики США в Корее.

Весьма показательными стали предпринятые в конце 1969 г. администрацией Р. Никсона шаги в соответствии с Гуамской доктриной (Guam Doctrine) по сокращению физической американской вовлеченности в обеспечение безопасности Республики Корея. Согласно доктрине, американцы брали на себя обязательство предоставлять оружие и оказывать необходимую экономическую помощь Южной Корее для развития собственной военной промышленности

и укрепления национальных оборонительных сил²⁰. Соединенные Штаты отчасти выполнили взятые на себя обязательства: к концу 1970 г. было выведено 20 тыс. американских солдат и офицеров из района демилитаризованной зоны (ДМЗ), в 1971 г. с Юга была выведена 7-я дивизия США. Число оставшихся на территории Южной Кореи американских военных составило 40 740 человек²¹.

Несмотря на принятые американскими властями меры по выполнению Гуамской доктрины, процесс вывода еще 20 тыс. американских военнослужащих прекратился под предлогом возросшей опасности агрессии со стороны Севера. Более того, США не только подтвердили на высоком уровне свои союзнические военные обязательства перед Югом, но и в порядке компенсации за сокращение войск предоставили Республике Корея сроком на пять лет (1970—1975) военную помощь в объеме 1,5 млрд долл., а также 405 млн, которые были использованы для строительства завода по производству автоматических винтовок М-16²².

Последующие американские администрации Р. Никсона, Дж. Форда и Дж. Картера, находившиеся у власти в 1970-е годы, прилагали всевозможные усилия, чтобы юг Корейского полуострова стал сферой «жизненных интересов США». Практически сразу после совершенных в Сеул визитов государственного секретаря У. Роджерса и позже Г. Киссинджера (июль, ноябрь 1974 г. соответственно), министра обороны США Дж. Шлессинджера (август 1975 г.) тезис «Единство Южной Кореи с США» стал неотъемлемой частью дискурса южнокорейских пропагандистов о наращивании мощи Южной Кореи. США начали поставлять в РК новые виды боевой техники и военного снаряжения, в том числе на южнокорейской территории было размещено порядка тысячи единиц тактического ядерного оружия. В течение 1976 г. на Юг были направлены новые типы ракетного вооружения на сумму более 600 млн долл., Пентагоном было предоставлено 3 млрд долл. на выполнение программы перевооружения южнокорейской армии²³.

Тихоокеанская доктрина (Pacific Doctrine), провозглашенная президентом США Дж. Фордом 7 декабря 1976 г. в Гавайском университете, предусматривала сохранение военного присутствия США на юге Корейского полуострова и островных базах США на Тихом

океане в непосредственной близости от Азии. Можно констатировать, что с принятием доктрины Форда сформировалась политическая линия США на корейском направлении, предусматривавшая сохранение контроля над югом Корейского полуострова, что само по себе подразумевало присутствие американских войск и оказание содействия милитаризации РК.

Несмотря на сделанные в ходе предвыборной кампании Картера обещания о том, что американские сухопутные силы и тактическое ядерное оружие будут удалены из Южной Кореи в течение четырех — пяти лет, после избрания Дж. Картер подтвердил сохранение оборонных обязательств по отношению к Южной Кореи. Как оказалось, объявленные Картером планы по выводу формирований американских войск (последовали соответствующие заявления в марте, июле 1977 г.) администрация Пак Чжон Хи использовала для того, чтобы инициировать развитие собственных военных программ. В 1978 г. США и Южная Корея создали объединенное командование вооруженными силами во главе с американским генералом с целью установления более жесткого контроля со стороны Пентагона за действиями сеульского режима и его армии. По итогам переговоров Дж. Картера и Пак Чжон Хи 29 июня — 1 июля 1979 г. было сделано совместное коммюнике, предусматривавшее в качестве дополнительной меры безопасности обеспечение Юга американским ядерным зонтиком.

В силу изменившейся геополитической ситуации в АТР в начале 1990-х годов, когда приоритеты американской стратегии сместились от сдерживания СССР к нейтрализации региональных угроз²⁴, США приступили к осуществлению трехэтапной программы вывода своих сухопутных войск из Южной Кореи. В 1990—1992 гг. из страны было выведено 7 тыс. американских военнослужащих и административного персонала, в 1992 г. прекратили существование совместные боевые подразделения США и РК с расформированием Объединенного командования боевыми операциями²⁵. Официальный Вашингтон попытался представить этот шаг как готовность к переходу от конфронтации к сотрудничеству с КНДР, но вскоре США объявили о приостановлении намеченного вывода войск и возобновлении американо-южнокорейских ежегодных крупномасштабных военных

манёвров «Тим спирт» в 1993 г. Причиной начала учений было объявлено «подозрение на наличие в КНДР программы по созданию ядерного оружия». Правомерность данного объяснения была серьезно поставлена под сомнение заключением проведенных в течение года шести инспекций МАГАТЭ о невыявленности фактов, подтверждающих наличие северокорейской военной ядерной программы²⁶.

Реакция КНДР на военные учения США—РК последовала незамедлительно: в марте 1993 г. северокорейские власти заявили о выходе из международного Договора о нераспространении ядерного оружия. Практически сразу в Пхеньяне были проведены успешные испытания ракеты среднего радиуса действия «Нодон-1». Данные обстоятельства лишь побудили администрацию США полностью отказаться от планов поэтапного вывода войск из Южной Кореи, сделать акцент на сохранении мощной американо-южнокорейской системы безопасности, а также активизировать сотрудничество между США, Японией и РК. Так, в начале ноября 1995 г. в условиях секретности проводились учения ВМС США и Японии приближенно к территориальным водам КНДР.

Приход Б. Клинтона на пост президента США в 1993 г. подразумевал снижение конфронтации в отношениях с КНДР по сравнению с подходами предыдущей администрации, когда в период северокорейского ядерного кризиса всерьез рассматривался вариант нанесения ограниченных ударов по ядерным объектам КНДР. Однако Рамочное соглашение 1994 г. было признано провальным с приходом к власти Дж. Буша-младшего²⁷. Более того, со слов бывшего министра обороны У. Перри, «триумф сменился трагедией», обусловленной объявлением Дж. Бушем глобальной войны международному терроризму в связи с событиями 11 сентября 2001 г., тогда как КНДР была причислена к «оси зла». Надежды на возможность разрядки в отношениях США—КНДР возлагались на создание переговорного механизма в шестистороннем формате.

Северокорейскую политику 44-го президента США Б. Обамы принято характеризовать «стратегическим терпением». «Подход, которому следует наша администрация, заключается в стратегическом терпении при тесном взаимодействии с нашими партнерами по шестисторонним переговорам», — заявила государственный секре-

тарь Х. Клинтон после состоявшегося в декабре 2009 г. визита спецпредставителя США по КНДР С. Босуорта в Пхеньян. Достигнутые ранее администрацией Б. Клинтона договоренности с северокорейскими властями были отвергнуты новым военно-политическим руководством США, «стратегическое терпение» переросло в «стратегическую пассивность»²⁸. В 2014 г. военным руководством США и РК было принято решение о формировании совместной американо-южнокорейской боевой дивизии под командованием американского генерала. Основой для нового подразделения стали 2-я дивизия ВС США, 8-й мотопехотный полк ВС РК²⁹, на которые возложены особые боевые задачи по уничтожению ОМУ на территории КНДР в случае начала полномасштабного военного конфликта.

С приходом к власти администрации Д. Трампа американские военно-политические круги стали оказывать заметное влияние на формирование стратегического курса Соединённых Штатов в отношении «опасного потенциального противника» КНДР. Объявив об окончании эры «стратегического терпения» своего предшественника Б. Обамы и твердом намерении разрешить северокорейскую проблему любыми средствами, новый глава Белого дома выступает за активное применение экономических санкций и военного нажима. В рамках выработки новой «большой стратегии», что предусматривает кардинальный пересмотр всей концептуальной базы военно-стратегических установок³⁰, американские власти держат курс на укрепление военно-политических альянсов в треугольнике США—РК—Япония, увеличение масштабов и частоты военных учений с отработкой оперативно-тактических задач уничтожения ракетно-ядерных арсеналов КНДР, проникновения вглубь ее территории и ликвидации северокорейского руководства.

В настоящее время пропорционально экономическому давлению на КНДР со стороны США активно наращиваются военные приготовления. В марте-апреле 2017 г. прошли самые масштабные за всю свою историю военные учения «Ки Ризолв/Фоул Игл», в которых было заявлено 20 тыс. американских и 360 тыс. южнокорейских военнослужащих (в 1,5 раза больше, чем в предыдущие годы). В ходе учений отрабатывались сценарии боевых действий в Северной Корее на ранней и поздней стадиях возможного конфликта, в

том числе массированные бомбовые удары и проникновение вглубь территории противника, ВС Южной Кореи оснащались современными видами вооружений, как, например, беспилотными летательными аппаратами «Грей Игл», предназначенными для сбора разведанных и точечных ударов по командным пунктам. Одни военные учения сменялись другими: «Бльчжи Фридом Гардиан» (август 2017 г.), «Виджилент Эйс» (декабрь 2017 г.). Последние задействовали беспрецедентное количество единиц авиации — 230, в том числе самолеты новейшего поколения с технологией «стелс» F-22 «Раптор», «F-35A», «F-35B»³¹.

В перерывах между ними у берегов Корейского полуострова практически на ротационной основе несли дежурство ударные группы в составе авианосцев «Карл Винсон», «Рональд Рейган» и «Сте́нис». С военной базы ВВС США «Кемп-Андерсон», Гуам осуществлялись полеты в воздушном пространстве полуострова сверхзвуковых стратегических бомбардировщиков B-1B «Лансер», которые однажды приблизились на самое близкое расстояние к воздушной границе КНДР. На Гуам завезли супер-бомбы «GBU-57» для оснащения самолетов Боинг B-52 «Стратофортресс»³². Азиатско-тихоокеанский сегмент глобальной ПРО под предлогом «прикрытия» Южной Кореи материализовался в размещении на ее территории к концу 2017 г. шести батарей ТНААД³³.

Анализ военно-политических аспектов политики США в Корею после 1945 г. позволяет резюмировать, что на протяжении всего периода она скорее носила деструктивный характер и не способствовала созданию на Корейском полуострове долгосрочных механизмов, гарантирующих взаимную безопасность и стабильное сосуществование. Напротив, планомерно осуществлялась закачка вооружений в регион, создавались позиционные районы глобального военного превосходства. Предпринятые новой администрацией Д. Трампа шаги, направленные на усиление роли вооруженных сил³⁴ в выполнении реальных боевых задач, пока лишь свидетельствуют о том, что поддержание контролируемого очага напряженности на Корейском полуострове выгодно Соединенным Штатам с точки зрения сохранения глобального военного доминирования.

Примечания

¹ Согласно приведенным Ю.В. Ваниным архивным данным, И.В. Сталин выступал за максимально короткий срок попечительства и, заручившись обещанием Ф.Д. Рузвельта не вводить в Корею иностранные войска, одобрил установление временной опеки. См. подробнее: *Ванин Ю.В.* Корейская война (1950—1953) и ООН. М.: ИВ РАН, 2006. С. 11—13.

² *Ванин Ю.В.* Там же. С. 14.

³ *Курбанов С.О.* История Кореи: с древности до начала XXI века. СПб.: СПбГУ, 2009. С. 403.

⁴ *Торкунов А.В.* История Кореи: (Новое прочтение) / под ред. А.В. Торкунова. М.: МГИМО, 2003. С. 72.

⁵ *Ли Хансу.* «Несмотря на противодействие конгресса принявший конституцию, вопреки возражениям США, выпустивший военнопленных... Ли Сынман, во всех решительных действиях триумфатор». Чо Ёнджун, собравший материалы о Ли Сынмане // Чосон Ильбо. 2015. 30 янв. С. 8.

⁶ *Ванин Ю.В.* Указ. соч. С. 84—87.

⁷ Подробное освещение ход Корейской войны и переговоры о перемирии получили в следующих трудах: *Ванин Ю.В.* Корейская война (1950—1953) и ООН. М., 2006; *Война в Корее, 1950—1953 гг.: взгляд через 50 лет.* Материалы междунар. теорет. конф. (Москва, 23 июня 2000 г.). М., 2001; *Волохова А.А.* Некоторые архивные материалы о корейской войне (1950—1953) // Проблемы Дальнего Востока. 1999. № 4; *Гаврилов В.А.* Г. Киссинджер: «Корейская война вовсе не была кремлевским заговором...» // Военно-исторический журнал. 2001. № 2; *Игнатьев Г.А., Баляева Е.Н.* Корейская война: старые и новые подходы // Вестник Новгородского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. Т. 21, 2002; *История Кореи.* Т. 2. М., 1974; *Лотоцкий С.* Война в Корее 1950—1953 (Обзор военных операций) // Военно-исторический журнал. 1959. № 10; *Орлов А.С., Гаврилов В.А.* Тайны корейской войны. М., 2003; *Риджуэй М.* Солдат. Воениздат. М., 1958; *Тарасов В.А.* Советская дипломатия в период Корейской войны (1950—1953 гг.) // Дипломаты вспоминают: Мир глазами ветеранов дипломатической службы. М., 1997; *Торкунов А.В.* Загадочная война: корейский конфликт 1950—1953 годов. М., 2000; *Уташ Б.О.* Советская авиация в Корейской войне 1950—1953 гг. // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 1999.

⁸ Ли Сынман выступал против перемирия, ибо не было достигнуто взаимного согласия по ряду вопросов, среди которых спорным был вопрос об обмене военнопленными.

⁹ Соглашение о перемирии [текст на русском языке]. URL: https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/KP%20KR_530727_AgreementConcerningMilitaryArmistice%28ru%29.pdf (дата обращения: 20.03.2018).

¹⁰ *Ким Сонхён*. Более 90 тыс. заключенных военнопленных...данные должны быть перерепроверены так же, как и по разделенным семьям // Чосон ильбо. 2015. 16 апр. С. 10.

¹¹ Mutual Defense Treaty between the United States and the Republic of Korea. URL: www.avalon.law.yale.edu/20th_century/kor001.asp (дата обращения: 20.03.2018).

¹² S. Korean, U.S. troops begin joint field training. 2018/04/01. URL: <http://english.yonhapnews.co.kr/news/2018/04/01/0200000000AEN20180401000600315.html> (дата обращения: 02.04.2018).

¹³ Корейско-американское соглашение, или Протоколы корейско-американских переговоров по военным и экономическим вопросам, подписанные Ли Сынманом и Д. Эйзенхауэром с 27 по 30 июля 1954 г.

¹⁴ *Тихомиров В.Д.* Корейская проблема и международные факторы (1945 — начало 80-х годов). М., 1998.

¹⁵ Общественный закон 480, Закон «О развитии сельскохозяйственной торговли и помощи» принят 10 июля 1954 г. — регулирует вопросы, связанные с распространением американской сельскохозяйственной продукции за пределами США.

¹⁶ *Тихомиров В.Д.* Указ. соч. С. 84—85.

¹⁷ В данный период находится в Пхеньяне и используется в качестве музея в пропагандистских целях.

¹⁸ South Korea implements plan for early OPCON transfer: lawmaker by Yeo Jun-suk. Sept 29, 2017. Updated : Sept 29, 2017. URL: <http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20170929000697>; OPCON Transition in Korea (дата обращения: 30.09.2017).

by General (Ret) Walter Sharp. December 2, 2013. URL: https://sis-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/publication/131216_OPCON_Transition_in_Korea.pdf (дата обращения: 21.03.2018).

¹⁹ *Nixon R.* Joint Statement Following Discussions With Prime Minister Sato of Japan. November 21, 1969 // The American Presidency Project. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=2334> (дата обращения: 22.03.2018).

²⁰ Richard Nixon: “Informal Remarks in Guam With Newsmen”. July 25, 1969. Online by Gerhard Peters and John T. Woolley, The American Presidency Project. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=2140> (дата обращения: 30.03.2018).

²¹ Number of US Troops in South Korea. URL: <https://sites.google.com/site/nzrksociety/number-of-us-troops-in-rok-by-year> (дата обращения: 04.04.2018).

²² *Денисов В.И.* Корейская проблема: пути урегулирования в 70—80-е годы. М., 1988. С. 31.

²³ *Денисов В.И.* Там же. С. 37.

²⁴ Военная политика новой администрации США. Доклад РИСИ. (под рук. Г.Г. Тищенко). // Проблемы национальной стратегии. Москва: Российский институт стратегических исследований, 2017. № 6. С. 53.

²⁵ *Кирьянов О.* США и Южная Корея создадут совместную дивизию на случай войны с КНДР. 5.09.2014. URL: <https://rg.ru/2014/09/05/diviziya-site-anons.html> (дата обращения: 04.04.2018).

²⁶ *Воронцов А.В.* Политика США на Корейском полуострове в 90-е годы XX века. URL: http://world.lib.ru/k/kim_o_i/ag.shtml (дата обращения: 04.04.2018).

²⁷ The North Korean Policy Review: Triumph and Tragedy by W.J.Perry August 11, 2017. URL: <http://www.wjperryproject.org/notes-from-the-brink/the-north-korean-policy-review-what-happened-in-1999> (дата обращения: 04.04.2018).

²⁸ Strategic Patience Has Become Strategic Passivity by James E. Goodby and Donald Gross. December 22, 2010 URL: URL: <https://www.brookings.edu/articles/strategic-patience-has-become-strategic-passivity> (дата обращения: 01.03.2018).

²⁹ *Кирьянов О.* Указ. соч.

³⁰ Военная политика новой администрации США // Доклад РИСИ. Там же. С. 64.

³¹ The UNC/CFC/USFK Strategic Digest 2018 by the Command's Communications Strategy Division. URL: <http://www.usfk.mil/Portals/105/Documents/2018%20Strategic%20Digest-Digital-PUB.PDF?ver=2018-03-26-205659-943> (дата обращения: 01.04.2018).

³² Air Force's Bunker-Busting MOP Receives an Upgrade by Oriana Pawlyk Jan. 28 2018. URL: <https://www.military.com/dodbuzz/2018/01/29/air-forces-bunker-bustin-g-mop-receives-upgrade.html> (дата обращения: 01.04.2018).

³³ В Южной Корее разместили все шесть компонентов ПРО ТНААД. 26 января 2018. URL: <https://topwar.ru/134655-v-yuzhnoy-koree-razmestili-vse-shest-komponentov-pro-thaad.html> (дата обращения: 01.04.2018).

³⁴ Remarks by President Trump to the National Assembly of the Republic of Korea. November 8, 2017. URL: https://kr.usembassy.gov/110817-president-donald-trump-remarks-rok-nationalassembly/?_ga=2.207489939.1288149957.1522752610-2084411150.1519974051 (дата обращения: 01.04.2018).

Р.Н. Лобов

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ В ТРЕУГОЛЬНИКЕ КНДР—РК—ЯПОНИЯ ПОСЛЕ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ: ОСНОВНЫЕ ТРЕНДЫ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ

Автором предпринята попытка систематизации ключевых процессов и проблем взаимоотношений двух корейских государств и Японии. На этом этапе развития корейско-японских отношений происходит актуализация старых и возникновение новых проблем, определяющих их динамику. Среди них — возросшее влияние исторического фактора во взаимоотношениях КНДР, РК и Японии, ядерная проблема Корейского полуострова, территориальный вопрос и т. д. Тем не менее 1990—2000-е годы прошли под знаком развития политического диалога на высшем уровне. Однако с середины 2000-х японо-южнокорейские отношения переживают этап политической турбулентности, связанной с возрастающим влиянием исторического фактора.

Ключевые слова: КНДР, РК, внешняя политика, международные отношения, корейско-японские отношения.

The paper is an attempt to systematize main processes and issues in the DPRK and the Republic of Korea relationships with Japan. The current stage of Japan—Korea relations sees new issues and old problems appearing in policy agenda of the bilateral dialogues. They are having an impact on cooperation between the two Koreas and Japan. The history factor, the Korean Peninsula nuclear problem, the territory issue over Dokdo Island and others are among these issues.

Keywords: DPRK, Republic of Korea, foreign policy, international relations, Korea-Japan relations.

Исторически сложилось, что одним из региональных акторов, влияющих на состояние дел в Корее, остается Япония. Нынешний характер политики Токио на Корейском полуострове определяется неравномерным развитием контактов с Сеулом и Пхеньяном. Взаимоотношения между РК и Японией имеют прочную институциональную и нормативно-правовую базу, основаны на официальных и неофициальных контактах и экономической взаимозависимости. Японское направление остается одним из приоритетных во внешней политике Сеула. В свою очередь, к настоящему времени отношения между Пхеньяном и Токио отсутствуют: не работают каналы коммуникации, полностью отсутствуют возможности для экономического и гуманитарного сотрудничества. Необходимо отметить, что с формально-юридической точки зрения Япония не признает КНДР как суверенное государство, между двумя странами нет дипломатических отношений. В силу этого к настоящему времени северокорейская проблематика преимущественно является частью переговорной повестки Токио с другими странами, влияющими на состояние корейской проблемы, прежде всего — с США и Республикой Корея.

Факторы, влияющие на развитие взаимоотношений между Республикой Корея и Японией

Комплекс внешних факторов, влияющих на развитие отношений между РК и Японией, включает в себя как глобальные тренды международных процессов, так и широкий круг региональных проблем. *Во-первых*, рубеж XX — начала XXI в. отмечен усилением тренда на экономическую кооперацию, что не могло не затронуть отношения между двумя странами, стержнем которых остается торгово-экономическое сотрудничество. Это привело к рассмотрению на высоком уровне концепций зон свободной торговли в регионе. В настоящее время активно обсуждается идея трехстороннего экономического сотрудничества между Китаем, Республикой Корея и Японией.

Во-вторых, с начала 1990-х годов происходит актуализация проблемы нераспространения ядерного оружия. Данный вопрос нашел свое отражение в Северо-Восточной Азии, в частности на Корей-

ском полуострове. Активное развитие Пхеньяном ядерной и ракетной программ и в Сеуле, и в Токио неизменно воспринималось как угроза национальной безопасности. К настоящему моменту в правящих кругах РК и Японии сложился консенсус относительно неприятия ядерного статуса КНДР, хотя после прихода к власти в Сеуле левоцентристской администрации в подходах двух стран обнаружались и некоторые расхождения¹.

В-третьих, сохранил свое значение и фактор американской политики в регионе. В Вашингтоне выступают за более тесное военно-политическое сотрудничество не только по линии США—Республика Корея и США—Япония, но и непосредственно между Сеулом и Токио. Необходимо отметить, однако, что японо-южнокорейский вектор в треугольнике Вашингтон—Сеул—Токио традиционно остается слабым звеном. Здесь сказывается как разность приоритетов внешних политик двух стран, так и влияние иных факторов, существенно осложняющих условия для диалога между РК и Японией.

Следует отметить, что противостояние между Китаем и США, определяющее состояние международных отношений в Восточной Азии, японо-корейские отношения почти не затрагивает. В Сеуле и Токио придерживаются существенно различающихся взглядов относительно сдерживания роста китайского влияния в регионе. Если в Токио изначально выступают с алармистских позиций относительно амбиций Пекина, то в Сеуле к этому вопросу относятся куда более спокойно. Неоднократные попытки Вашингтона привлечь Сеул к антикитайской коалиции значительных успехов не принесли: на данном направлении своей внешней политики южнокорейская дипломатия скорее склонна исходить из своих насущных интересов, а не следовать американской линии.

В-четвертых, с определенного времени деструктивное влияние на отношения Сеула и Токио оказывает комплекс вопросов, связанных с разницей в подходах к оценке событий, явлений и фактов истории двусторонних отношений. Необходимо отметить, что разговорам о необходимости соблюдать историческую ответственность практически столько же лет, сколько существует сама Республика Корея. Впоследствии в Сеуле стали придерживаться политики «ти-

хой дипломатии», излишне не педалируя обсуждение этих тем на дипломатическом уровне и уклончиво оставляя спорные вопросы «будущим поколениям» политиков двух стран. В силу объективных особенностей социально-экономического развития Республики Корея, внешнеполитическая линия страны нередко увязывалась с внутренними потребностями страны. И, соответственно, первоочередной целью южнокорейской дипломатии на японском направлении стало развитие экономического сотрудничества для привлечения инвестиций и технологий, необходимых для проведения комплексной модернизации. Несколько сблизжала Сеул и Токио и «угроза с Севера» в лице КНДР, и отчасти Советского Союза. Вместе с тем одним из итогов демократизации и либерализации политического режима в РК стало вынесение прежде полузапретных тем на публичное обсуждение. Кроме того, на рубеже 1990—2000-х годов в Японии наметились первые шаги к изменению трактовок ряда событий исторического прошлого. Анализ спорных моментов в подходах южнокорейских и японских историков по данному вопросу является предметом отдельной статьи, однако заметим, что наибольшее раздражение в РК встречают попытки пересмотра оценок сущности и последствий японского колониального господства в Корее. Смежной проблемой является и территориальный вопрос вокруг юрисдикции островов Токто. Официально Сеул не признает японских претензий, что, скажем, снижает вероятность вынесения спора в международный арбитраж. Тем не менее аргументация и РК, и Японии в целом лежит в исторической плоскости, зачастую сводя спор к правильности или неправильности тех исторических свидетельств, которые использует противоположная сторона.

Развитие политического диалога между Сеулом и Токио в 1992—2017 гг.

Вышеперечисленные факторы формируют повестку дня в двусторонних отношениях, сказываясь на состоянии политического диалога между Сеулом и Токио. Его активизация стала характерной чертой взаимоотношений между РК и Японией в 1992—2017 гг. Отметим, что первый обмен официальными визитами глав государств

имел место в начале 1980-х. Так, в 1984 г. президентом РК Чон Ду Хваном впервые был нанесен официальный визит в Японию². Ранее, в 1982 г., Южную Корею посещает премьер-министр Японии Ясухиро Накасонэ. С конца 1980-х — начала 1990-х годов практика встреч на высшем уровне окончательно становится неотъемлемой частью политического диалога между Сеулом и Токио. Устоявшейся традицией стало нанесение визитов новоизбранным президентом РК в первый год его руководства страной. Наибольшего пика «челночная дипломатия» на этом направлении достигла в период нахождения у власти президентов Ким Дэ Чжун (1998—2002) и Ли Мён Бака (2008—2012). Упомянутые лидеры страны стремились проводить такую политику, которая привела бы к развитию конструктивного диалога между двумя странами, сглаживала бы сложившиеся противоречия. Интересно, что периоды демонстрации наибольшей готовности к диалогу намечались после этапов серьезного охлаждения отношений между Сеулом и Токио. Так было, в частности, на последних этапах руководства страной администраций Ким Ён Сама (1993—1998), Но Му Хёна (2003—2008), а также в период правления администрации Пак Кын Хе (2013—2016). Во всех случаях причиной ухудшения взаимоотношений между РК и Японией оставались территориальные и исторические вопросы, а также проблема «женщин для утешения», впервые вынесенная на высокий дипломатический уровень при Пак Кын Хе. Необходимо отметить, что особенностью двустороннего политического диалога при её руководстве стало официально декларируемое воздержание от проведения двусторонних встреч между Сеулом и Токио. Условием для развития политического диалога официально была названа «необходимость правильного понимания истории»³ японской стороной. В итоге встреча президента Пак и премьер-министра Абэ состоялась лишь в ноябре 2015 г.⁴, на полях трехстороннего саммита КНР—РК—Япония. Помимо этого, встречи руководителей двух стран имели место на полях международных мероприятий, в частности саммита ядерной безопасности в Гааге (2014), встреч «большой двадцатки» и т. д.

Помимо президента РК, определяющего общие контуры внешнеполитической позиции, тон в ряде аспектов задается и иными центрами принятия решений. Особо следует отметить Министерст-

во обороны, где сконцентрирована большая часть сторонников развития военно-политического сотрудничества с Японией. Кроме того, в условиях открытости политического процесса в стране немаловажную роль в развитии взаимоотношений между Сеулом и Токио играет и Национальное собрание РК. Помимо участия в двусторонней публичной дипломатии по линии межпарламентских и межпартийных связей, депутаты создают и определенный психологический фон, который влияет на политический климат в корейско-японских отношениях.

Вопросы экономического и гуманитарного сотрудничества в японо-южнокорейских отношениях

Важным элементом взаимоотношений между Сеулом и Токио остаётся их экономическое сотрудничество. Япония является одним из важнейших торгово-экономических партнеров Республики Корея (по состоянию на 2016 г. экспорт — 25 млрд 800 млн долл., 5-е место; импорт — 44 млрд 660 млн долл., 3-е место)⁵. Руководство обеих стран по-прежнему придерживается курса на разделение экономики и политики, хотя у этой стратегии есть свои пределы. Пока речь идет о двусторонней торговле, инвестировании и экспорте технологий, подобное разграничение имеет смысл. Однако по мере активизации интеграционных процессов политические факторы начинают оказывать все большее влияние на развитие экономического сотрудничества. В условиях взаимного дефицита доверия, сказывающегося на состоянии международных отношений на Дальнем Востоке, развитие как двусторонних, так и многосторонних интеграционных проектов оказывается затруднено. Показателен пример проекта зоны свободной торговли (ЗСТ) между Республикой Корея и Японией. Переговоры между Сеулом и Токио о создании ЗСТ были начаты еще в декабре 2003 г., однако уже в ноябре 2004 г.⁶ они были приостановлены из-за разногласий, касающихся как экономической (вопрос о тарифах, открытие японских рынков сельскохозяйственной и рыбной продукции для производителей из Южной Кореи), так и историко-политической (в том числе визита премьер-министра Японии Дзюньитиро Коидзуми в храм Ясукуни) сферы. С тех пор

состоялось несколько раундов переговоров на рабочем уровне, которые так и не сдвинули ситуацию с мертвой точки.

К настоящему времени большую актуальность получили проблемы трехстороннего экономического и гуманитарного сотрудничества между КНР, Республикой Корея и Японией. Начало подобному формату во взаимоотношениях трех ведущих стран СВА было положено еще в конце 1990-х годов, на полях диалога АСЕАН+3, однако впоследствии трехсторонние встречи глав государств стали проводиться вне её рамок. Так, в декабре 2008 г. в г. Фукуока (Япония) состоялся первый совместный саммит с участием председателя КНР Ху Цзиньтао, президента РК Ли Мён Бака и премьер-министра Японии Таро Асо⁷. Впоследствии практика проведения подобных встреч, где лидеры трех стран обсуждали насущные проблемы политического, экономического и гуманитарного сотрудничества в Северо-Восточной Азии, также прочно вошла в повестку дня. Вместе с тем процесс трехстороннего диалога между Пекином, Токио и Сеулом также испытывает влияние переменных, связанных как с историческими спорами, так и проблемами безопасности в Северо-Восточной Азии. Необходимо отметить, что, несмотря на определенное сходство позиций по ключевым региональным вопросам, интересы и подходы Китая, Японии и РК обнаруживают и значимые различия. В частности, имеет место разница в понимании путей урегулирования ядерной проблемы Корейского полуострова и выстраивании отношений с Пхеньяном.

ЯПКП и взаимоотношения между Сеулом, Пхеньяном и Токио

Сотрудничество по противодействию дальнейшему развитию ракетной и ядерной программ КНДР остается на сегодняшний день ключевым компонентом стратегического взаимодействия Сеула и Токио. Позиции обеих столиц демонстрируют неприятие фактического или юридического признания Северной Кореи как обладательницы оружия массового поражения. В целом и администрация Мун Чжэ Ина, и кабинет министров Синдзо Абэ придерживаются стратегии давления на КНДР в целях принуждения последней к денуклеаризации. Однако в позициях РК и Японии имеют место и су-

ществленные различия, вызванные политическими взглядами тех, кто в настоящее время находится у власти. В частности, Мун Чжэ Ин, будучи идейным наследником политики «солнечного тепла», предпринимает попытки восстановления межкорейского диалога и сотрудничества в весьма узких сферах, не затронутых санкциями СБ ООН и США. В свою очередь, Синдзо Абэ, представитель умеренно консервативных кругов японского истеблишмента, выступает против любого диалога с Пхеньяном до тех пор, пока в Токио не увидят значимого прогресса по урегулированию ядерной проблемы. В частности, любые попытки форсировать межкорейский диалог, в том числе и посредством Олимпийских игр, намерения направить в Северную Корею гуманитарную помощь воспринимаются в Японии как опасные заигрывания с противником, давление на которого не следует ослаблять.

Вместе с тем подобной, довольно жесткой, позиции в Токио стали придерживаться лишь в середине 2000-х годов под влиянием обстоятельств, связанных с проблемой граждан Японии, похищенных северокорейским спецназом в 1970-е годы, а также после первого ядерного испытания, состоявшегося в октябре 2006 г. Отметим, что с 1960-х годов начинается постепенная активизация японо-северокорейских контактов, прежде всего в экономической сфере. Несмотря на то что Япония до сего момента так и не установила дипломатические отношения с Северной Кореей, между двумя странами был налажен канал коммуникации по линии межпартийных контактов. Время от времени Пхеньян посещали делегации не только КПЯ и СПЯ, но и представители доминирующей в политическом пространстве Японии ЛДП. На определенном этапе развития диалога между Токио и Пхеньяном затрагивались и вопросы, связанные с нормализацией двустороннего диалога. Впоследствии, на волне потепления международной обстановки, а также в рамках идеи «перекрестного признания» двух Корей Вашингтоном, Пекином, Москвой и Токио, между КНДР и Японией начались переговоры об установлении дипломатических отношений. Первый их этап пришелся на переходный период для северокорейской внешней политики. Ухудшение отношений с СССР, сокращение связей с Китаем, крушение мировой социалистической системы и разрушение сложив-

шихся торгово-экономических отношений с государствами Восточной Европы поставили руководство КНДР перед необходимостью расширения внешних связей. Однако в феврале 1993 г. переговорный процесс был приостановлен по северокорейской инициативе в результате первого ядерного кризиса⁸: в Пхеньяне таким образом выразили недовольство политикой Токио, солидаризировавшегося по ядерной проблеме с Вашингтоном. В дальнейшем, во второй половине 1990-х годов, японской стороной предпринимались меры к активизации межпартийного диалога и возобновлению переговоров о нормализации отношений. Так, 28—31 марта 1995 г. Северную Корею посетила совместная делегация ЛДП, СПЯ и Новой партии Сакигакаэ. В ходе визита представителями японских партий и ТПК было подписано Соглашение о возобновлении переговоров четырех партий⁹. Вместе с тем предполагалось, что развитие контактов с КНДР не должно было нанести вред японо-южнокорейским отношениям. Кроме того, после первого ядерного кризиса предусматривалось, что установление двусторонних отношений должно было поспособствовать разрешению ядерного кризиса.

Первый запуск КНДР своего спутника «Кванменсон-1» был воспринят в Токио как ракетный запуск и вызвал ряд ответных мер. В частности, в сентябре 1998 г. Япония ввела односторонние санкции в отношении Северной Кореи, которые охватывали сферу экономических и политических контактов между двумя странами¹⁰. Переговорный процесс между Пхеньяном и Токио был приостановлен, прекращены поставки гуманитарной помощи в КНДР (осуществлявшиеся с 1995 г.), запрещено авиасообщение между двумя странами. Тем не менее уже через несколько месяцев, в декабре 1998 г., в Нью-Йорке состоялась рабочая встреча министров иностранных дел КНДР и Японии¹¹, на которой обсуждалось восстановление переговоров по нормализации отношений. Немалую роль в их возобновлении сыграли как политика «солнечного тепла», инициированная президентом РК Ким Дэ Чжуном, так и потребности внутреннего развития Северной Кореи: страна пережила пять лет «трудного похода», и в этих условиях насущным вопросом стал поиск внешних источников инвестиций и помощи для восстановления экономики. В конечном итоге в 2000—2002 гг. переговоры были возобновлены¹²,

а в 2002 и 2004 гг. премьер-министр Японии Дзюньитиро Коидзуми посетил Пхеньян¹³, где встретился с председателем Государственного комитета обороны КНДР Ким Чен Иром. Во время встречи лидеров двух стран в сентябре 2002 г. Ким Чен Ир признал причастность северокорейских спецслужб к похищению японских граждан. Заметим, что до этого момента тезис о причастности КНДР не рассматривался всерьез за отсутствием мотива к похищениям. Так или иначе, с этого времени вопрос о похищенных гражданах стал прямо влиять на состояние диалога между Северной Кореей и Японией. К настоящему моменту урегулирование проблемы похищенных называется японской стороной одним из первоочередных условий возобновления диалога между Пхеньяном и Токио¹⁴. В ходе нескольких раундов переговоров на рабочем уровне между Северной Кореей и Японией, состоявшихся в 2006—2008 гг., проблема похищенных была выведена на первый план¹⁵.

Первое ядерное испытание, проведенное КНДР в октябре 2006 г., фактически поставило точку в дальнейших попытках нормализации двусторонних отношений. Японский ответ на ядерное испытание выразился во введении полномасштабных односторонних санкций, предусматривавших эмбарго на импорт товаров из КНДР и поставки предметов роскоши из Японии, а также запрет на прием морских судов в японских портах¹⁶. В 2009 г., после второго ядерного испытания, санкции были усилены за счет эмбарго на экспорт японских товаров в КНДР¹⁷. Помимо всего прочего, к настоящему времени запрещен реэкспорт японских товаров в Северную Корею через третьи страны, а также банковские операции, включая денежные переводы¹⁸. Япония последовательно выступает за усиление давления на КНДР, и в этой ситуации проведение каких-либо переговоров между Пхеньяном и Токио, равно как и нормализация отношений, представляются маловероятными.

Заключение

Новый этап развития международных отношений, начавшийся в начале 1990-х гг. с распадом СССР и изменением баланса сил в

Северо-Восточной Азии, прямо или косвенно отразился и на состоянии взаимоотношений двух Корей с Японией.

С одной стороны, происходит активизация диалога между РК и Японией, в практику межгосударственных отношений входят новые формы двух- и многостороннего сотрудничества. С другой стороны, в середине 1990-х годов происходит поэтапный демонтаж политики «тихой дипломатии». Постепенно территориальные и исторические проблемы начинают оказывать все большее влияние на формирование внешнеполитического курса Сеула в отношении Токио. К настоящему времени администрация президента РК Мун Чжэ Ина стремится к нормализации политического диалога с Японией, однако проблема «женщин для утешения» и противоречия по ядерной проблеме Корейского полуострова создают этому определенные препятствия.

Взаимоотношения между КНДР и Японией находятся в состоянии заморозки: практически не работают политические каналы коммуникации между двумя странами, отсутствуют торгово-экономические отношения, нет прямого транспортного сообщения. В Токио воспринимают КНДР как угрозу национальной безопасности, отсюда — крайне жесткая позиция по корейской проблеме. Судя по всему, говоря о бесперспективности диалога ради диалога, японское руководство учитывает неудачный опыт переговоров и сотрудничества в 1990—2000 годах. Тем не менее упущенное десятилетие в урегулировании ядерной проблемы, ситуация нестабильности на Корейском полуострове являются, в том числе, и следствием шагов Японии как участника шестисторонних переговоров и одного из ключевых региональных акторов в СВА.

Примечания

¹ The Japan Times. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2018/02/13/national/politics-diplomacy/japan-says-wont-fall-north-korean-charm-offensive-amid-detente-u-s-south/#.WpZOeWzFKUk>

² Переговоры на высшем уровне между Чон Духваном и Ясухиро Накасонэ. Государственный архив Республики Корея. URL: <http://www.archives.go.kr/next/search/listSubjectDescription.do?id=002862>

- ³ Ёнхап. URL: <http://www.yonhapnews.co.kr/medialabs/election/tvd/tvd1.html>
- ⁴ ChosunBiz. URL: http://biz.chosun.com/site/data/html_dir/2015/11/01/201510101218.html
- ⁵ K-stat. URL: <http://stat.kita.net/stat/world/major/KoreaStats06.screen>
- ⁶ *Hidehiko Mukoyama*. Can Japan and South Korea Build A New Economic Relationship? URL: <https://www.jri.co.jp/MediaLibrary/file/english/periodical/rim/2016/59.pdf>
- ⁷ Чунан ильбо. URL: <http://news.joins.com/article/18955445>
- ⁸ Хроника японо-северокорейских отношений. NKChosun. URL: http://nk.chosun.com/bbs/list.html?table=bbs_26&idyno=3575&page=4&total=141&sc_area=&sc_word=
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ *Satoru Miyamoto*. Economic Sanctions by Japan against North Korea: Consideration of the Legislation Process for FEFTCL (February 2004) and LSMCIPSS (June 2004). International Journal of Korean Unification Studies. Vol. 15. No. 2. 2006. P. 21—46. URL: http://www2.jiia.or.jp/pdf/extpub/061231-miyamoto_satoru.pdf
- ¹¹ Хроника японо-северокорейских отношений. NKChosun.
- ¹² David Fouse. Japan's Post-Cold War North Korea Policy: Hedging toward Autonomy? URL: <http://apcss.org/Publications/Ocasional%20Papers/OPJapansPost-ColdWarNorthKoreaPolicy.pdf>
- ¹³ Вести. URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=47042>
- ¹⁴ МИД Японии. URL: http://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/n_korea/abduction/pdfs/abductions_ru.pdf
- ¹⁵ 이찬우, 북한과 일본의 경제관계 현황과 전망 *Ли Чхану*. Северокорейско-японские экономические отношения: текущее состояние и перспективы // 수은북한경제. 2009년 가을호. P. 48. (Журнал по северокорейской экономике «Суын». Осень 2009. С. 48.)
- ¹⁶ ABC News. URL: <http://www.abc.net.au/pm/content/2006/s1764662.htm>
- ¹⁷ An overview of North Korea-Japan relations. National Committee on North Korea. URL: <https://www.ncnk.org/resources/briefing-papers/all-briefing-papers/overview-north-korea-japan-relations>
- ¹⁸ Коммерсант. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2928619>

Глава 2

КУЛЬТУРА, ЛИТЕРАТУРА, ФИЛОЛОГИЯ

Е.А. Хохлова

СЕМЬДЕСЯТ ЛЕТ ЮЖНОКОРЕЙСКОГО ИСКУССТВА: ВОПРОС САМОБИТНОСТИ

В статье на примере хрестоматийных произведений изобразительного искусства Республики Корея показано, как южнокорейские художники на протяжении последних семидесяти лет решали вопрос культурной самобытности. Дан обзор главных художественных направлений, проанализирована форма и содержание работ. В XX в. корейское искусство развивалось под влиянием европейских тенденций, поэтому задача выйти за рамки подражания и раскрыть корейскую идентичность превратилась в одну из основных. В тексте представлено, как с этой проблемой справлялись художники разных поколений и направлений. Делается вывод, что одни авторы искали ответ в искусстве старой Кореи и традиционной эстетике. Другие считали, что стать современным можно только сочетая глобальное и личное, и отказывались выискивать способы сделать своё творчество «корейским».

Ключевые слова: современное южнокорейское искусство, культурная самобытность.

This article is to show how for the last 70 years South Korean artists have been dealing with the question of cultural originality and identity. We discuss the main artistic movements, the form and meaning of the

typical art works. In the XX century Korean art was developing under the European influence. That is why the task to go beyond imitation and show Korean cultural identity became one of the main issues. In the article we discuss how artists of different generations and movements dealt with the issue. We show that some artists looked for inspiration in Korean traditional art and aesthetics. Others tried to combine global and personal and didn't try to express koreanness in their art.

Keywords: contemporary Korean art, cultural identity.

В 1950-х годах, когда корейцы начали полноценно знакомиться с актуальными направлениями западной живописи, они ощущали себя на периферии, а сегодня их имена всё чаще появляются в списках самых влиятельных художников мира¹. Южнокорейское искусство заинтересовало мировое арт-сообщество после успеха Китая в этой сфере в 1990-х годах, а начиная с 2000-х оно уже выставляется по всему миру. Особенно привлекательными для галеристов и кураторов из разных стран молодые корейские авторы стали после выставки Korean Eye, которая прошла в лондонской галерее Saatchi Gallery в 2012 г.²

На корейском языке ежегодно выходят исследования, посвященные прошлому и настоящему южнокорейского искусства. Так, историю его становления описал, например, О Гвансу — участник многих важнейших событий, которые определяли вектор развития современного искусства страны³. В 2000-х годах появилось несколько серьёзных работ по данной тематике на английском языке: Ким Ённа представила историю южнокорейского искусства как процесс поиска культурной самобытности, Ким Хиён и Чо Ынчжон описали судьбу абстрактной живописи, занявшей центральное место в искусстве Кореи в XX в.⁴ Отметим, что часть изданий на английском языке, как и многие выставки за рубежом, спонсируются государством с целью познакомить мировую общественность с южнокорейским искусством. Постепенно частные арт-институты стали проявлять интерес к творчеству как состоявшихся, так и молодых авторов из РК. Благодаря этому южнокорейское искусство становится все более доступным для зрителей из разных стран. Как пишет искусствовед Ли Хун Сук, сегодня не только сами художники перестали ощущать себя на периферии мирового актуального искусства⁵, но специали-

сты и публика из разных стран все меньше воспринимают корейские работы как нечто диковинное. Правда, на это ушло больше пятидесяти лет.

Каждое поколение южнокорейских художников по-разному понимало задачи творчества и роль искусства. Одни направления сменялись другими, потеря актуальности часто была связана с событиями, происходившими в стране. Одним из самых важных вопросов, которые решали и продолжают решать южнокорейские художники, вне зависимости от того, каких взглядов они придерживаются, — это выражение самобытности.

Чосонский колорит

В 1910-х годах корейские художники стали осваивать технику масляной живописи. В колониальный период основными направлениями были академизм и импрессионизм. Чаще всего корейские художники обучались этой технике в Японии. Одной из первых её освоила На Хесок (1896—1948). В 1924 г. она писала о необходимости выразить особый «чосонский колорит»⁶. О Чжихо (1905—1982), Ким Чжугён (1902—1981), Ли Инсон (1912—1950) и многие другие тоже искали способ перенести импрессионизм и постимпрессионизм на корейскую почву, соединить западную технику с корейской эстетикой. Изображая корейскую природу и деревню, художники пытались раскрыть самобытность своей страны и народа (рис. 1, 2, 3). Для этого у них было несколько причин. *Во-первых*, они понимали, что вестернизация корейского искусства не должна приводить к копированию или подражанию западным мастерам. *Во-вторых*, в условиях японской оккупации творческую интеллигенцию занимал вопрос, как сохранить себя и защитить корейскую культуру от растворения.

В 1940-х годах художники Ким Хванги (1913—1974) и Чан Укчин (1917—1990) предложили иной способ сохранить культурную традицию в современном искусстве. Они выделили элементы традиционной культуры и эстетики, такие как журавль, фарфор, цветы сливы, горы и др., и использовали их для создания оригинальной живописи с эффектом «корейскости» (рис. 4, 5). Ким Хванги и Чан Укчин по-

Рис. 1. На Хесок. Мост Сончжук, 1933

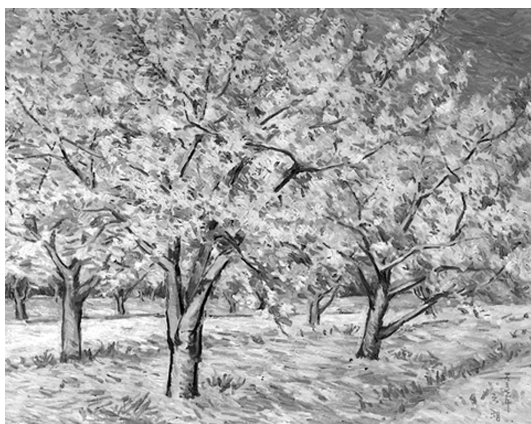

Рис. 2. О Чжихо. Яблоневый сад, 1938

Рис. 3. Ли Инсон. Однажды осенью, 1934

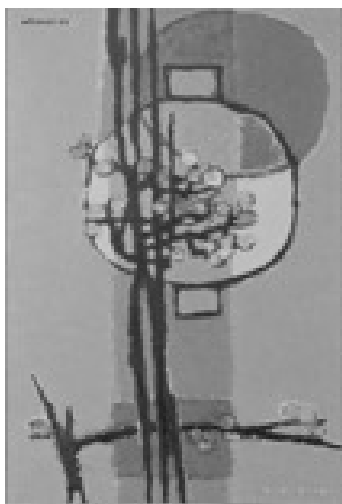

Рис. 4. Ким Хванги.
Луна и сосуд, 1957

Рис. 5. Чан Укчин. Чан, 1949

добрали ключ к решению задачи выражения культурной самобытности, который и сегодня многим художникам представляется верным.

Новаторство и экзистенциализм

После Корейской войны стало возможным узнавать о современных художественных течениях не через Японию, как раньше, а напрямую. Молодые художники стремились создать новый художественный язык. Они объединялись в группы с целью противостоять академизму, который существовал на правах государственного искусства. Пак Собо (род. в 1931 г.), Ким Чанёль (род. в 1929 г.), Юн Мённо (род. в 1936 г.) и др. считали неприемлемой реалистичную живопись, они жаждали нового искусства. Фигуративная живопись, так же как и традиционная, была признана устаревшей. Вдохновлял художников абстрактный экспрессионизм Джексона Поллока (Jackson Pollock, 1912—1956) и европейский информель (фр. *art informel*, «бесформенное искусство»). Абстрактная живопись захва-

Рис. 6. Пак Собо

Рис. 7. Юн Мённо. Татуировка.
1964

тила молодое поколение художников 1950-х годов, она соблазнила их своей доступностью и радикальностью (рис. 6). Возникшее направление стали так и называть — информель.

Применяя новаторские художественные техники Запада, корейские художники решали несколько задач. *Во-первых*, вестернизация представлялась молодым художникам способом модернизировать корейское искусство, преодолеть отсталость и бросить вызов устаревшим формам. «Сегодня, когда абстрактное искусство становится основной мировой тенденцией, мы должны идти в ногу со временем и прогрессом»⁷. Абстрактный экспрессионизм, который американское правительство использовало для создания образа глшатая свободы, ассоциировался с демократией и современностью⁸. Отметим, что уже в 1961 г. абстрактное искусство получило официальное признание. РК стремилась выйти на международную сцену, поэтому новое художественное направление не встретило сопротивления⁹.

Во-вторых, экспрессивная абстракция позволила молодым художниками передать эмоциональное состояние послевоенного поколения. Темная палитра, толстый слой масляной краски, агрессивные мазки — это не только бунтарство художников против устаревшего в искусстве. Это внутреннее ощущение послевоенного поколения, образ страны. Техника, художественный язык были заимствованы и на первом этапе воспроизводились практически в неизменном виде. Но, как отмечает Ли Хун Сук, «информель нельзя считать простым стилистическим подражанием западному изобразительному искусству, необходимо рассматривать его в контексте определенного духовного состояния южнокорейского общества послевоенного времени»¹⁰.

Полотна рождены страхом, отчаянием, пониманием абсурдности и трагичности человеческого существования. Информель может казаться периодом растворения в западном искусстве, но нельзя не заметить, что полотна передают ощущения ужаса и растерянности. Это направление просуществовало до конца 1960-х. В целом корейский информель не представляет собой что-либо оригинальное в мировом контексте, однако для корейского искусства это направление стало учебным материалом, научившим художников выражать себя и подготовившим их к более независимому творчеству.

Национальный бренд

В 1970-х годах абстрактная живопись захватила корейское художественное сообщество настолько, что фигуративная живопись исчезла из выставочных залов. Художников стал занимать вопрос о том, как выйти за рамки очевидного подражания западному искусству. Бунтари достигли поставленной цели: уничтожили академизм, разрушили старые формы; пришло время созидать.

Правительство Пак Чонхи заявило о необходимости сохранять культурное наследие, возрождать национальную культуру. Как выразить национальное в современном искусстве? Как выйти на мировой уровень? Художникам-абстракционистам постепенно удается найти ответ на эти вопросы. Для этого они соединили корейскую эстетику и дальневосточную философию с западной техникой. Зародилось направление абстрактной живописи *тансэкхва* (кор. монохромная живопись)¹¹. 1970-е годы прошли под знаком монохромной живописи.

Тансэкхва — это полотна, покрытые белой, серой, коричневой или какой-либо другой краской нейтрального оттенка. Содержание пропитано дальневосточной философией. Художники воскресили *у-вэй* (созерцательная пассивность, «недеяние») и традиционное понимание роли высокого искусства как способа очиститься духовно и слиться с природой. Вдохновение искали в традиционном корейском искусстве, прежде всего в керамических изделиях периода государства Силла (57 г. до н.э. — 935), белом фарфоре эпохи Чосон (1392—1897) и классическом корейском пейзаже, где все многообразие природы передано оттенками одного цвета. Южнокорейское искусствоведение в это время также решало задачу сохранения культурного наследия. Специалисты пришли к выводу, что белый цвет является программным для корейской эстетики, это удачно совпало с находками художников *тансэкхва*.

Пак Собо — главный представитель *тансэкхва*. До начала 1970-х годов он создавал огромные мрачные полотна в стиле информель, в 1970-х возглавил направление монохромной живописи. Пак Собо покрывал крупные холсты краской молочного цвета, нанося её ритмичными повторяющимися движениями (рис. 8). Ха Чжонхён

Рис. 8. Пак Собо. Техника рисунка, 1981

(род. в 1935 г.) наносил краску на обратную сторону холста до тех пор, пока она не выступала на поверхности лицевой стороны. Другие художники экспериментировали с корейской бумагой *хачжи*. *Тансэкхва* стало попыткой корейских художников отказать от подражания западным течениям, соединить традиции и современность, найти свое место в мировом искусстве. *Тансэкхва* в течение десятилетия существовала в качестве

главного художественного направления, было проведено несколько выставок в Японии и США. При финансовой поддержке РК продолжают проводить выставки *тансэкхва* в разных странах и сегодня¹².

На благо общества

В 1980-х годах зародилось *минджун мисуль* (кор. искусство народа). Художники этого направления критиковали непонятную, по их мнению, обычному зрителю и далекую от действительности монохромную живопись *тансэкхва*. Они настаивали на том, что искусство должно говорить на языке рядового зрителя, а не круга избранных. И что самое главное, оно должно реагировать на текущие события, как лакмусовая бумажка раскрывать язвы существующего режима и тем самым преобразовывать общество. Абстрактная живопись, действительно, заканчивалась на экспериментах с формой, содержание же оставалось неясным зрителю.

Минджун мисуль — это протест против капитализма, превращающего людей в легко поддающихся контролю потребителей. Художники открыто критиковали коррумпированное правительство и проводимую им политику, порождающую не только политическую, экономическую, но и культурную зависимость от США. Запад изображали источником зла. На картинах О Юна (1946—1986),

Глобализация vs глокализация

В 1990-х годах после отмены ограничений на выезд из страны художники начали выходить на международный уровень. В поисках ответа на вопрос, что есть современное искусство, молодёжь отправилась на Запад, где её захватила волна концептуализма. Художники, особенно те, кто находился за границей, ощутили ничем не ограниченную свободу самовыражения; началась эпоха тотального эксперимента, эра глобализации. Ряд южнокорейских мастеров получили мировое признание. Кимсучжа, Со Дохо и др. вывели южнокорейское искусство на общемировой уровень, в чем немалую роль сыграло удачно найденное сочетание универсальных ценностей и самобытных особенностей.

Кимсуджа (Kimsooja, род. в 1957 г.)* одной из первых уехала на Запад, обрела мировую славу. Она училась в Париже и Нью-Йорке. Кимсуджа использовала *поттари* (цветные платки, которые шьют корейки для хранения и транспортировки вещей), чтобы раскрыть

Рис. 10. Кимсуджа. Грузовик платков поттари, 1997

* Сама художница предпочитает писать своё имя одним словом.

тему миграции. Вопрос миграции универсален; *поттары* же являются элементом национальной и гендерной особенности художницы (рис. 10)¹³.

Со Дохо (Suh Do-ho, род. в 1962 г.) учился в Нью-Йорке. Мировое признание художнику принесли сшитые из ткани и висящие в воздухе дома. Со Дохо, как и Кимсуджа, выделяется успешным сочетанием культурной самобытности и опыта жизни за рубежом. Он шьет из полупрозрачной хлопчатобумажной ткани жилые пространства. Материал этих объектов аналогичен тому, из которого шьют традиционный корейский костюм (рис. 11). Жизнь за рубежом дала возможность художнику посмотреть на себя и корейское общество критически. Он создал работы, в которых раскрыл тему взаимоотношений индивида и коллектива, взаимосвязь людей и судеб. Его творчество связано с родной страной, оно рождено из переосмысления реалий корейского общества, но идеи понятны и близки любому человеку независимо от его национальности.

Сегодня в РК наблюдается многообразие художественной деятельности. С падением военной диктатуры исчезла общая идея борь-

Рис. 11. Со Дохо. Дом в доме, 2014

бы. Художники не стремятся объединяться в группы, работают каждый сам по себе, гражданский пафос сменился более частными темами. Молодежь предпочитает работать со всевозможными техниками, часто с готовыми формами. Поскольку художники работают индивидуально, современное искусство — это множество голосов, каждый из которых говорит о своем. Если выделить несколько основных тем, получится следующее: альтернативный взгляд на повседневность; критика стереотипов; власть, иерархия; осуждение общества потребления; человек и глобализация; парадоксы человеческого сознания; феминизм и др.¹⁴

Начиная с 1990-х годов художники оказались в иных социальных условиях, чем предшествующие поколения. Открывшаяся свобода творчества, которую обеспечило им в том числе пребывание на Западе, привела к тому, что они не считают своей задачей доказывать оригинальность или самобытность корейской культуры. Вопрос создания произведений, в которых бы выразилось общее национальное, перестал интересовать авторов, им важнее рассказать о себе и своем личном опыте.

В Японии есть беспроектная тема поп-культуры, жанр анимэ, выполненные в гротескной манере живопись и графика, часто рассказывающие об эротических фантазиях. У Китая есть не менее привлекательный для мирового сообщества «циничный реализм» и «политический поп-арт». У южнокорейского искусства до сих пор нет какой-то одной знаковой темы, своей визитной карточки. Современное южнокорейское искусство — это многообразие. Возможно, современные художники не хотят искать общее направление, поскольку не так много времени прошло с эпохи *тансэкхва* или *минджун мисуль*, вызывающих ассоциации с несвободой и ограничениями.

Южнокорейское искусство сегодня затрагивает общечеловеческие темы и проблемы. Оно успешно интегрировалось в глобальный мир. Часть художников и специалистов настаивают на необходимости выражения в современном искусстве национального, имеющего связь с традиционной эстетикой и мировоззрением корейцев, поскольку считают, что это может защитить корейское искусство от растворения в глобальном мире. Многие хотели бы создать «бренд

корейского искусства», так как кроме прочего это может быть выгодно для арт-рынка. Художники, которые стремятся создавать «корейское искусство», зачастую видят свою задачу в отражении эстетики старой Кореи и создании произведений, в которых считаются традиционная эстетика и миропонимание. Подобное искусство имеет спрос внутри страны.

Однако творчество художников, которых показывала РК на протяжении последнего десятилетия в своем павильоне на Венецианской биеннале, не является узко национальным, в их искусстве не выпячивается национальный колорит, темы произведений универсальны. Сегодня южнокорейские художники не стремятся вариться в собственном соку, изучают философскую мысль Запада, раскрывают общечеловеческие темы, активно интегрируются в глобальный мир искусства.

Мастера считают, что стать современным можно только путем сочетания глобального и личного. Для них понятие «современность» перестало быть синонимом «западности»¹⁵. Южнокорейское искусство XXI в. — это часть мирового процесса, все больше художников отказывается выискивать способы сделать его «корейским». Однако темы, которые они выбирают, так или иначе связаны с реалиями родного им общества, историей Кореи. Но при этом, хотя произведения и рождаются из личного жизненного опыта, содержание раскрывает общечеловеческие ценности. Закончить хотелось бы словами художницы Мин Чжонён: «Идентичность корейских художников универсальна»¹⁶. Их произведения могут быть реакцией на проблемы корейского общества, однако эти проблемы в целом характерны для нашего времени.

Примечания

¹ Art Review. 2017 most influential people in the contemporary art world. URL: https://artreview.com/power_100/ (дата обращения: 05.04.2018).

² См. каталог выставки Korean eye 2012. URL: <http://www.koreaneyeye.org/> (дата обращения: 05.04.2018).

³ *О Гвансу*. Хангук хёндэ мисульса : [История современного южнокорейского искусства]. Сеул: Ёльхвадан, 2010.

⁴ См., напр.: *Kim Yong-na*. Modern and Contemporary Art in Korea: Tradition, Modernity and Identity. Seoul: Holly, 2005; *Kim Hee-Young*. Korean Abstract Painting. Seoul: Hollym, 2013; *Cho Eun-jung*. Korean Painting. Seoul: Hollym, 2015.

⁵ *Ли Хун Сук*. Современное искусство Южной Кореи: преодоление периферийности // Обсерватория культуры. 2016. № 5. С. 554–563.

⁶ *Cho Eun-jung*. Korean Painting. Seoul: Hollym, 2015. P. 13.

⁷ Цит. по: *Kim Hee-Young*. Korean abstract painting. Seoul: Hollym, 2013. P. 32.

⁸ Ibid. P. 33.

⁹ Ibid. P. 66.

¹⁰ *Ли Хун Сук*. Указ. соч. С. 556.

¹¹ *Ко Мисок*. Медитация посредством кисти: выставка корейской монохромной живописи тансэхва // Кореана. 2012. № 2. Том. 8.

¹² Выставка «Духовный аскетизм: корейская живопись тансэхва» прошла в Санкт-Петербурге в музее Эрарта в 2017 г.

¹³ *Ким А., Ли Х.С., Хохлова Е.* Современное корейское искусство: ориентирование на местности. СПб.: Свое издательство, 2017. С. 50.

¹⁴ Там же. С. 56–57.

¹⁵ *Ли Хун Сук*. Указ. соч. С. 561.

¹⁶ Extension.kr: каталог выставки. М.: Галерея Триумф, 2016. С. 7.

И.В. Цой

ЭВОЛЮЦИЯ ТЕМ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ (1948—2018)*

В статье последовательно рассматривается эволюция тематики южнокорейской художественной литературы с момента основания Республики Корея и по настоящее время. Автор выделяет три основных, исторически обусловленных этапа её развития: 1) становление новых тем и вопросов в литературе (1945—1951); 2) травма Корейской войны и попытки её преодоления (1951 — вторая половина 1960-х годов); 3) постепенное уменьшение роли политических и идеологических тем, рост внимания к частному и индивидуальному в художественных произведениях (1970-е годы — настоящее время). Особое внимание уделяется трансформации темы семьи, исторически занимавшей важное место как в корейском менталитете, так и в литературе. В заключении описываются самые последние тенденции в тематических предпочтениях южнокорейских писателей, например судьба общества потребления, феминизм, влияние техники и искусственного интеллекта на жизнь человека.

Ключевые слова: художественная литература Республики Корея, периодизация современной корейской литературы, тематика корейской литературы.

* Данное исследование было поддержано Министерством образования РК и Академией корееведения (AKS-2016-OLU-2250002).

This work was supported by the Core University Program for Korean Studies through the Ministry of Education of the Republic of Korea and the Korean Studies Promotion Service of the Academy of Korean Studies (AKS-2016-OLU-2250002).

The article consecutively examines the evolution of main themes in South Korean fiction since the foundation of the Republic of Korea until the present time. The author outlines three major periods of its development set in historical context: first, the appearance of new themes and problematics in national fiction after Liberation (1945—1951); second, the trauma of Korean war and its overcoming (1951—the first part of the 1960s); third, gradual decline of political and ideological themes, writers are getting more interested in individual life and personal issues of their characters (from the 1970s until today). Special attention is given to the transformation of the topic of family that historically played an important role in Korean worldview as well as in classical literature. The article concludes with the overview of the most recent trends in South Korean fiction's themes such as the future of consumer society, feminism, the impact of technology and artificial intelligence on human life.

Keywords: Korean fiction, periodization of South Korean literature, themes in South Korean fiction.

История развития южнокорейской литературы за последние 70 лет проходила на фоне ключевых исторических событий, которые оказали значительное влияние на всю последующую историю Кореи. Процесс становления современной корейской литературы начался практически сразу после освобождения страны в 1945 г. и продолжался в течение полувека. На протяжении этого времени корейская литература испытала на себе воздействие целого ряда внешних факторов, которые, в конечном счете, и определили общий вектор ее развития.

Возобновление разговора о роли литературы в обществе и степени участия в его жизни литераторов закономерно привело к появлению многочисленных художественных изданий и творческих объединений. Среди них можно назвать «Направления в литературе и искусстве» (*Муне*, 1949), «Литература и искусство» (*Мунхак есиль*, 1954), «Современная литература» (*Хёндэ мунхак*, 1955), «Свободная литература» (*Чаю мунхак*, 1956) и др. Некоторые, например «Интеллектуальные круги» (*Сасанъге*, 1953), отображали интересы корейской мыслящей элиты в целом и были своего рода глашатаем ее умонастроений.

В литературных кругах данного периода прочное место занимают такие ежеквартальные литературные издания, как «Творчество и

критика» (*Чханъчжак-ква пипхёнъ*, 1966), «Литература и интеллект» (*Мунхак-ква чисонъ*, 1970), на страницах которых обсуждаются самые актуальные и злободневные вопросы литературной критики. Продолжают издаваться журналы «Мировая литература» (*Сеге-ый мунхак*, 1976), «В центре литературы и искусства» (*Муне чунъанъ*, 1977) и др. Развивает свою деятельность «Литературная мысль» (*Мунхак сасанъ*, 1972). Появился целый ряд литературных журналов, посвященных поэзии: «Поэзия» (*Симунхак*, 1971), «Современная поэтика» (*Хёндэ сихак*, 1969), «Образы» (*Симсанъ*, 1973). Все они значительно расширяют поле литературной деятельности.

В то же время продолжается дискуссия на тему популяризации литературы и расширения сферы ее деятельности, поднимается вопрос об эстетической ценности литературы как таковой. Все больше внимания уделяется художественным приемам, проблемам формы и стиля. В литературных кругах происходит стремительная смена поколений; возрастает доля художественных произведений, авторами которых являются женщины.

Если рассматривать южнокорейскую литературу второй половины XX в. и по сегодняшний день в контексте глобальных изменений, сказавшихся на литературных устремлениях авторов, в ее развитии можно выделить три основных, исторически обусловленных этапа.

Первый этап (1945—1950)

Литературу первого этапа можно определить как период, начинающийся вместе с возвращением Кореи национальной независимости и завершающийся началом Корейской войны (1950—1953). В это время закладываются основы новой корейской литературной традиции. В качестве отклика на порыв общества к преодолению в себе комплекса бывшей японской колонии и культурной периферии Китая литераторы задаются вопросом, что такое национальная литература в Корее, в каком направлении она должна развиваться, как утвердить ее самостоятельную ценность перед лицом новых вызовов национальной культуре в постколониальную эпоху.

Корейские литературные круги принимают вид определенной структуры, возникают новые имена, литературная деятельность раз-

вивается. Появляются и первые литературные успехи, однако из-за произошедшего почти сразу же политического разделения нации и территории страны единое национальное самосознание и его проекция в литературе не сложились, и как результат общепринятая концепция национальной литературы так и не была выработана.

Второй этап (1950 — вторая половина 1960-х годов)

Временные рамки второго этапа простираются от начала Корейской войны до второй половины 1960-х годов. На литературу данного периода значительное влияние оказывают последствия разделения Кореи на антагонистичные Север и Юг, соответственно, произведения тех лет передают их идеологическое противостояние.

Для южнокорейских писателей того времени Корейская война была одновременно общественным историческим свидетельством и признанием индивидуальной памяти. Их юность превратилась в попытку пережить последствия войны. Для многих из них Корейская война помешала росту физическому, но дала стимул к росту литературному. Хотя война лишила их счастливого детства, именно благодаря ей «были написаны истории их предопределенных судеб»¹. Например, это такие произведения, как «Эпоха героев» Ли Мунёля или «Площадь» Чхве Инхуна, «Рынок и поле битвы» Пак Кённи, «Дом с глубоким двором» Ким Вония, «Горный хребет Тхэбэк» Чо Чоннэ и др. Все эти авторы получили известность благодаря книгам о войне, но на этом их литературная карьера не завершилась. Многие их произведения легли в основу кинофильмов и телевизионных постановок.

Лишь в конце 1950-х годов корейское общество постепенно оправляется от последствий войны, а в литературе появляются ростки сопротивления той идеологии и системе, которая привела к войне, литература начинает задумываться о новых жизненных ориентирах и ценностях. И только пережив революцию 19 апреля 1960 года (где участвовали корейские студенты), послевоенная литература по-настоящему начинает преодолевать последствия ран, нанесенных войной, и осознание душевной и духовной скованности. В результате в этот период литература занимается поисками смысла существования

отдельной личности и в то же время обращается к проблемам общественным. Иначе говоря, литературное восприятие отдельно взятой личности приводит к появлению интереса к обществу в целом и к реалиям того времени. В итоге в литературных кругах возобновляется обсуждение таких проблем, как вопрос роли литературы в обществе, степень участия литераторов в общественной жизни. Для этого периода характерно творчество таких авторов, как Лм Чхочжун («Стена слухов», «Слова-бродяги») и Ким Сыннок («Поездка в Мужин», «Сеул, зима 1964»).

Третий этап (1970-е годы — настоящее время)

Третий этап, нижняя граница которого приходится на последнюю треть двадцатого столетия, продолжается вплоть до сегодняшнего дня. В эти годы корейское общество столкнулось с глубокой структурной перестройкой во всех социальных сферах, пережило стремительную индустриализацию со всеми ее последствиями для культуры и разрушение многих сохранявшихся на тот момент институтов традиционного общества, прошло через диктатуру и демократизацию.

Очертим основные характеристики литературного процесса этого периода. Сопrotивляясь политике подавления со стороны военных правительств, корейская литература начала 1970-х годов открыто вступила в острое духовное противостояние с властью. Кроме того, вновь обсуждается вопрос о теоретических основах национальной литературы и развитии реализма как направления. Вслед за этим активизируется дискуссия о том, какой должна быть общедоступная литература, предпринимаются попытки преодолеть сознание разделенной нации посредством его литературного осмысления. Возникает феномен массовой культуры, а с ним и соответствующей литературы, рассчитанной на неискушенного, рядового читателя. Одной из важных тем, которая привлекает внимание литераторов, становится тема социального неравенства, ищутся пути решения этой проблемы.

С точки зрения художественных приемов и духовного настроения, названные тенденции совокупно проявили себя в том, что в прозе

значительное развитие получает реалистическое направление. Корейские писатели обращают пристальное внимание на частную и общую судьбу, на реалии своего времени, на целостное осознание существования отдельной личности. Основные представители прозы указанного периода — Ким Тонни (1913—1995), Хван Сунвон (1915—2000), Ан Сугиль (1911—1977), О Санвон (1930—1985), Ли Хочхоль (род. в 1932 г.), Чхве Инхун (1936—2018), Ли Чхончжун (1939—2008), Ким Сынок (род. в 1941 г.)

В поэзии авторы, основываясь на индивидуальных эмоциях и придерживаясь концепции «чистого стиха», продолжают традиции корейского лирического стихосложения. В то же время появляются экспериментальные стихи и, кроме того, поэтические произведения, в которых авторы критически высказывались о существующей действительности. Отсюда в ряде произведений корейская поэзия затрагивает, с одной стороны, конфликт между чистой лирикой и идеологией, а с другой — противоборство традиции и экспериментирования.

Основные представители в поэзии — Со Чончжу (1915—2000), поэты «Общества зеленого оленя» — Пак Тучжин (1916—1998), Пак Могволь (1916—1978), Чо Чихун (1920—1968), Ким Чхунсу (1922—2004), Ким Чонсам (1921—1984), Пак Инхван (1926—1956), Пак Чэсам (1933—1997), Ким Кюдон (1925—2011).

В 1970-е годы в корейской литературе появляется большое количество романов. В это же время увеличивается объем издаваемых книг, бестселлеры затрагивают актуальные темы, вырастает интерес к литературе в целом и повышается ее статус. Решающую роль в этом сыграло появление романов таких выдающихся писателей, как Пак Вансо, Хван Согён, Ли Мингу, Чо Сехи и Чхве Инхо. В этот период президент Пак Чонхи, стимулировавший быстрое развитие государства, прибегает к тоталитарным и патерналистским мерам для продвижения национальной модернизации. Этот проект был насильственно осуществлен в смутную политическую эпоху, что привело к подавлению таких либеральных ценностей, как свобода, демократия и человеколюбие. Антикоммунистическая авторитарная идеология, направленная на развитие государства, привела к тому, что герои литературных романов 1970-х годов стали олицетворением

подавленности и бессилия, подобных тому чувству, которое должен испытывать человек, погибающий под натиском чудовищных обстоятельств. И, тем не менее, 1970-е годы стали и временем, в котором соседствовали горечь и надежда, депрессия и страсть. За депрессией таились жажда свободы и дух сопротивления. Роман стал не только полем деятельности молодого поколения писателей, но и фиксатором самосознания и публичным пространством для диалога среди интеллектуалов. Например, об этом пишут такие авторы, как Ли Мунгу (цикл рассказов «Кванчхон», романы и рассказы Пак Вансо, Чхве Инхо (роман «Родина звёзд»).

Иначе говоря, ключевой проблемой современного корейского романа становится восстановление онтологической значимости личности тогда, когда подлинная связь с миром оказывается невозможной. Как было сказано выше, эта проблема коренится в том, какой предстает реальность после Корейской войны, восстания 19 апреля 1960 г. и переворота 16 мая 1961 г. Процесс отчуждения и рефлексии изображается сквозь призму жестоких проявлений войны и идеологии, бедности, голода и смерти. Один из ярких примеров писательского мастерства — автор Ли Мунёль (род. в 1948 г.), который непосредственно на себе испытал трагедию разделения страны и ее последствия. Эти темы волновали Хван Согёна (повесть «Чужая земля»), Чо Сехи (цикл рассказов «Карлик, подбрасывающий маленький мячик») и др.

В результате изменения социальной структуры, а также постоянного усложнения картины мира в новое время идентичность становится все более размытой. Сталкиваясь с изменением структуры механизированного и стабильного индустриального общества, личность не может не чувствовать себя отчужденной. Социальная система, коллективное сознание и механизмы индустриализации послужили причинами, по которым личность стала отчужденной, символической, была деконструирована. Личность, таким образом, вырывается из потока жизни, что приводит к ее внутреннему разладу. Такое состояние можно назвать онтологическим отчуждением. В корейской литературе подобное состояние личности выражалось в образах отдельных героев, приобретающих символический характер. Например, герои произведений Ли Чхончжуна, О Чонхи, Чхве Юн,

Ким Сыннока. Отчуждение (в данном случае ослабление, унижение личности) проявляется тогда, когда речь идет о положении, которое человек занимает в современном обществе. И в художественных текстах такие персонажи становятся универсальными образами. Кроме того, отчуждение можно рассматривать как знак того, что ценность индивида в обществе неуклонно снижается. Корейская литература представляет персонажей, пострадавших от разрыва между личными идеалами и социальной реальностью. В таких ситуациях личный опыт постижения того, что мир абсурден (он венчается, например, кризисом или потерей идентичности), становится собственно жизненным опытом. Такое отчуждение героев в современных корейских романах можно рассматривать как пример потери идентичности. Каждый из этих персонажей, адаптирующийся к своему окружению, утрачивает идентичность, что в конечном итоге приводит к невозможности самореализации.

Июньская революция 1987 г. ознаменовала конец долгого военного правления в Корее. Страна ступила на путь демократии и культурного разнообразия. Литература на политические темы, доминировавшая в предыдущую эпоху, перестает быть ключевой, в ее компетенции оказывается все меньше вопросов политики и идеологии, между тем как такая компетенция до этого была отличительным признаком корейской современной литературы. Литература должна была найти себе новое место в мире, где нечего разоблачать и не с чем бороться. Сфера личной жизни, надежно скрытая за коллективной идеологией, проникает в среду информационного общества и капитализма. В результате в 1990-е годы появляются новые темы, связанные с личной жизнью и проблемами культуры. Авторы пишут о переосмыслении внутреннего мира, феминизме и сексуальности, о городской жизни, о взаимоотношениях с массовой культурой, цифровой средой и киберпространством. Это свидетельствует не только о том, что расширяется круг тем и проблем, но и о том, что в поле зрения современных читателей попадает больше разнообразной информации.

Воспитанные в более тесных, чем предыдущее поколение, отношениях со средствами массовой информации, авторы, которые появились после 1990-х годов, представили в литературе новый взгляд

на жизнь. В середине 1990-х критика открыла для себя таких прозаиков, как Син Кёнсук, Юн Тэён и Сон Сокче, вслед за которыми появились писатели, еще ярче представлявшие свое поколение: Пэ Суа, Ким Ёнха, Ким Ёнсу, Ким Кёнук. Женщины-писатели нового тысячелетия, такие как Чхон Унён, Юн Сонхи, Чон Ихён и Ким Эран, открывают новые эстетические пространства, еще не исследованные предыдущими поколениями женщин-писателей. Благодаря Чон Сонтхэ, Ким Чунхёку, Пак Мингю, Ли Кихо, Пхён Хеён, Хан Ючжу нарративное пространство в литературе 2000-х годов становится более разнообразным. Их так называемое гибридное письмо происходит не из идентичности, рожденной из общего исторического опыта, — оно представляет собой интертекстуальное повествование, устанавливающее связи с множествами иных культурных текстов. Примеры этого можно обнаружить в массовой культуре и в текстах молодых писателей. Для поколения, не устанавливающего исторических связей, контакт с различными культурными текстами играет важную роль в развитии их творческого потенциала. В своих произведениях они выступают не только против литературы реализма, но и исследуют разные способы конструирования реальности.

Для молодых писателей, дебютировавших в литературе 2000-х годов, практически не существует ограничений в утверждении собственной идентичности, так как они не связаны чувством вины и долга перед политической реальностью. Это поколение писателей в первую очередь характеризуется тем, что в своем творчестве оно игнорирует все правила, установленные реализмом, и постулируемую реализмом связь с реальностью. Они смелее и основательнее выстраивают свое повествование, чем литература периода перемен в 1990-е годы, которая все еще зависела от рамок реальности. Важные для литературы 1990-х пространства «эстетического» и «обыденного» не привлекают авторов нового тысячелетия, которые выводят свое повествование за пределы пространства и повседневного, поднимая нарративный потенциал прозы на качественно новый уровень. Это молодые авторы — поэт Ким Тэён (сборник стихов «Исчезнет солнце — не взойдет и луна»), прозаики Хан Ючжу (роман «Невозможная сказка») и Чо Хэхён (роман «Утро Химеры»).

Тема семьи

Еще одна ключевая тема в литературе второй половины прошлого века — тема семьи. Кризис сознания, наступивший вслед за периодами колонизации и войны, вынудил корейцев в первую очередь искать безопасности и счастья для своих родных. Однако с 1990-х годов традиционная модель семьи претерпевает значительные изменения, и молодые писатели начала XXI в. становятся тем поколением, которое видит и документирует признаки перемен².

Традиционно семья является сильнейшим идеологическим институтом. История Кореи второй половины XX в. приводит к исключительному усилению института семьи. Колонизация и Корейская война лишили многие семьи их глав и кормильцев, привели к трагическим расставаниям и потерям. В результате наиболее важным показателем счастья для корейцев стала крепкая семья. Более того, присущая Корее идеология чистокровности придавала гордости за однородную нацию и общую кровь. И такая идеология прямо и косвенно вела к укреплению социальной традиции, в которой поведение определяется семейными узами. Стоит также отметить и влияние традиции почитания родителей, свойственной конфуцианству. Можно сказать, что в корейском обществе семья являлась средой для воспитания чувства принадлежности к общине и традиционных гендерных ролей. Однако начиная с 1990-х годов традиционная модель семьи как идеологического института корейского общества теряет свою силу. Меняется повседневность, на первый план выходит «идеология потребления». Подобные изменения повлияли на процесс формирования личности, порождая асоциальных индивидуумов. Таким людям нравится ходить в кино в одиночестве, общаться только через Интернет, они находят прибежище в виртуальном мире компьютерных игр и фильмов. Можно сказать, что герои современных рассказов приветствуют анонимность, для них это своего рода «защитная оболочка». В Корее становится все больше тех, кто не желает становиться частью традиционной семьи. Поэтому под семьей, описанной в современных романах и рассказах, часто подразумевается не только семья, состоящая из отца, матери и детей, но и группа людей, которые не связаны между собой кровными

узами, а собрались под одной крышей в силу каких-либо жизненных обстоятельств. В таких семьях нет и гендерного различия.

С другой стороны, после того как в 1992 г. Корея официально открыла двери иностранной рабочей силе, резкий приток иностранцев также внес лепту в изменение модели семьи в корейском обществе. Политика «открытых дверей» привела к росту зависимости корейской экономики от иностранных рабочих рук. Возрастание числа трудовых мигрантов в Корею приводит к разрушению мифа об однородности нации и чистоте крови и превращает корейское общество в многонациональную и мультикультурную нацию. Кроме того, отток женщин из села осложняет жителям деревень поиск корейской супруги. В результате корейские юноши из сельской местности вынуждены брать в жены иностранок, и так растет число межнациональных браков. Упомянутые социальные перемены связаны также и с ростом числа китайских корейцев и перебежчиков из КНДР, увеличением количества иностранных студентов. Иными словами, корейский институт семьи оказался в ситуации, когда он обязан принять в себя абсолютно разные расы и культуры, и эти перемены все чаще описываются в литературе, становятся темами многих рассказов и романов.

Писатели все больше внимания уделяют частной жизни, а не социальным процессам. Теперь судьба нации, идеологии интересуют их меньше, чем личные проблемы человека, такие как семья, сексуальность, положение меньшинств и подобное. Эти изменения повлияли и на структуру произведений. С развитием художественных форм все больше разрушаются границы между элитарным искусством и массовой культурой. Вследствие этого литература начала сближаться с другими формами искусства, и новый корейский роман утратил свою традиционную эстетическую основу. Например, раннюю прозу писателя Пак Мингю можно назвать рассказами, основанными на фантастической реальности: в современном мегаполисе наряду с героями-людьми сосуществуют и герои-животные, которые вступают в диалог с центральными персонажами. Все больше появляется произведений, в которых главными героями становятся роботы и искусственный интеллект, в таких рассказах авторы опи-

сывают взаимоотношения уже не только между людьми, но и между человеком и машиной.

Оказавшись в условиях обновленной реальности, корейские литераторы живо воспринимают изменения, происходящие в современном обществе, и вырабатывают новые художественные приемы для их описания. Духовные ориентиры авторов начала второй половины прошлого столетия для писателей поколения 2000-х больше не актуальны. Если ранее основной акцент в произведениях делался на острых политических и идеологических темах, в настоящее время авторов больше привлекают вопросы бытия, которые возвращают человека в первоначальное («первобытное») состояние: человек вспоминает свою природную сущность и пытается, подобно дереву с глубокими корнями, устоять перед надвигающейся техногенной катастрофой. Об этом, например, повествует писательница Хан Ган (род. в 1970 г.) на страницах своего романа «Вегетарианка» (2007)³.

Примечания

¹ The Testimony of History and the Healing of Wounds // _list. Books from Korea. Vol. 2. Winter, 2008. P. 18.

² Towards a New Family // _list. Books from Korea. Vol. 1. Autumn, 2008. P. 12.

³ Перевод романа на русский язык вышел в издательстве «АСТ» в 2018 г. (пер. Ли Сан Юн).

М.В. Солдатова

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ РК И КНДР О КОРЕЙСКОЙ ВОЙНЕ (1950—1953)

В статье язык художественной литературы РК и КНДР о Корейской войне рассматривается как важнейшая составляющая формы произведения, которая наряду с композицией формирует содержание. Делается попытка выяснить, о какой трактовке сущности конфликта и каких нарративных целях свидетельствует выбор южнокорейскими и северокорейскими авторами конкретных способов организации повествования, а также языковых средств (в том числе лексических и грамматических). Кроме того, анализируется эволюция диапазона упомянутых средств, отражающая изменение восприятия военных событий по мере удаления от них во времени, а также в связи с коррекцией внешнеполитических курсов РК и КНДР в отношении друг друга.

Ключевые слова: корейская литература, Корейская война, язык литературы, нарративные стратегии.

In the article the language of the ROK's and DPRK's literature about the Korean War is analyzed as an important component of the form of the work that, along with the composition, determines the content. An attempt is made to find out what interpretations of the essence of the conflict and narrative purposes of the South Korean and North Korean writers and poets are reflected in the choice of methods for building the narrative, as well as linguistic means (including lexical and grammatical tools), and to consider the changes of the abovementioned means over the years, demonstrating the changes in attitude to the War in course

of time in connection with the transformation of the ROK's and DPRK's foreign policy toward each other.

Keywords: Korean literature, Korean War, language of literature, narrative strategies.

Война 1950—1953 гг. закрепила разделение Кореи. Неудивительно, что на Севере и на Юге полуострова события и причины той войны с самого ее начала по-разному воспринимались и, соответственно, изображались в художественной литературе. Мы попытаемся рассмотреть тексты о Корейской войне с лингвистической точки зрения — проанализировать, о какой трактовке сущности Корейской войны и каких нарративных целях свидетельствует выбор южнокорейскими и северокорейскими писателями и поэтами конкретных способов организации повествования, а также языковых средств (в том числе лексических и грамматических), проследить, используя выражение Р. Барта, «логику порождения смыслов». В середине XX в. выдающийся советский ученый В. В. Виноградов писал, что «основной категорией в сфере лингвистического изучения художественной литературы обычно признается понятие индивидуального стиля», подчеркивая вместе с тем, что «в голосе великого художника часто слышится голос всего народа»¹. В рамках данного исследования мы хотели бы уделить внимание не стилистическим особенностям текстов конкретных писателей, а неким закономерностям, которые наблюдаются в посвященных Корейской войне текстах писателей разной величины и, на наш взгляд, являются отражением коллективного восприятия войны южными и северными корейцами.

Доказано, что коллективная память как совокупность представлений определенного сообщества о своей истории оказывают существенное влияние на индивидуальные воспоминания и их оценку, а также играет важную роль в самоидентификации членов сообщества. Историю формирования таковой памяти о Корейской войне на Севере и Юге посредством разного рода социокультурных практик, манипуляций со стороны власти, в том числе с помощью СМИ, мы пока намерены оставить за скобками. Целью своего исследования языка текстов о войне мы ставим, говоря словами Л.В. Щербы, «показ тех лингвистических средств, посредством которых выражается идейное и связанное с ним эмоциональное содержание литератур-

ных произведений»². Параллельно мы стараемся проследить пути формирования коллективного восприятия военных событий северянами и южанами, соглашаясь с тем, что «литература и искусство являются важнейшими источниками исторической информации».³

Особое место среди текстов о Корейской войне занимают произведения, написанные непосредственно в годы войны. А написано их было немало (по данным Дж. де Вита, посвятившего таковым свою диссертацию, 360 на Юге и 116 на Севере⁴). Во многих южнокорейских учебниках по литературе и антологиях произведения этого периода просто игнорируются, критики подчеркивают, что писались они с определенной пропагандистской целью и не отражали реальность⁵. Писатели обеих Корей были активными участниками «тотальной войны» — войны, в которую были вовлечены все, а не только военные. Известно, что история пишется с конца. Писать о войне, которая еще неясно, чем закончится, действительно непросто. В военные годы литераторы были нацелены не на осмысление происходящих событий, а на пробуждение в согражданах патриотизма и ненависти к противнику⁶.

Кто же для кого был противником?

Для южан главным врагом были, судя по всему, коммунисты, независимо от национальности, и коммунизм как таковой. Об этом свидетельствует и крайне высокая частотность употребления слов «красные» (*ппальгэнби*), «коммунизм», «коммунисты», «коммунистический», а в литературно-критических статьях — слова «[коммунистическая] пропаганда». На фоне идеологической борьбы на Юге происходило формирование концепта «нация» (*минчжок*). Именно коммунисты в первую очередь лишались права считаться представителями нации. При этом время от времени в произведениях южнокорейских писателей появлялись, сбивая читателей с толку, такие словосочетания, как «национальная линия фронта» (*минчжок чонсон*). И все-таки в рассказе «Человек типа 0» (0 형의 인간), написанном И Муёном под конец войны в 1953 г., «нация» определяется как «5000-летняя», что подразумевает наличие у Севера и Юга общей истории.

Бывало, сами писатели чувствовали растерянность, и особенно часто — в начале войны, когда Сеул переходил из рук в руки. Так,

поэтесса Но Чхонмён — перешедшая на сторону северян после захвата теми Сеула, осужденная впоследствии южанами на долгое тюремное заключение и раскаявшаяся — использует в стихах официальное название южнокорейского государства *Тэханмингук* и флага *тхэгыкки*, что создает впечатление некой отстраненности автора от событий, между тем как ее современница Мо Юнсук, уверенно занимавшая правую политическую позицию, называет южнокорейских солдат «нашими солдатами» (*ури пёнъса-дыль*). Не случайно, наверное, Но Чхонмён гораздо чаще употребляет вероятностные конструкции, чем Мо Юнсук.

Можно сказать, что южнокорейские писатели искали врагов, прежде всего, внутри «нации», хотя периодически и называли северокорейскую армию «марионеточной» (*пукхан квервегун*), т. е. управляемой извне (и продолжали время от времени это делать и после войны: см., например, стихотворение Чо Джихуна «В Табувоне» [다부원에서, 1959]). После инцидента с Корпусом национальной обороны (*Кунъминпанвигун саккон*), произошедшего во время отступления января 1951 г., к врагам нации были причислены и южнокорейские воры-командующие, по вине которых умерли от голода и болезней десятки тысяч человек. Данный инцидент нашел отражение в таких произведениях, как «Подводное течение» (저류, 1952) Чхе Инука, «Возвращение призывников» (귀환 장정, 1951) Ким Донни и др. В общем и целом южнокорейская литература военных лет имела своей основной функцией идеологическое и, попутно, морально-этическое воспитание нации.

У северокорейской литературы важнейшей всегда была другая функция — она поднимала народ на борьбу с внешним врагом. Слова со значением «враг» (*чок*, *вонссу*) встречаются не только в текстах, но и в названиях произведениях, как то «В логове врага» (원수의 소굴에서, 1986) Хан Сонгёма. Врагом были, в первую очередь, американцы. Различным нелестным эпитетам, которыми они награждаются, несть числа: «американские империалисты», «[американские] империалистические оккупанты», «америкашки», «[американская] империалистическая вражина», «[американские] империалистические бандиты», «[американская] империалистическая захватническая армия», «[американские] империалистические ша-

калы», «[американские] империалистические наемники». Правительство Ли Сынмана называется «марионеточным, пособничающим американским империалистам», и южнокорейская армия — так же, «марионеточной».

Герои северокорейских произведений нередко отправляются сражаться с американцами по получении некоего страшного опыта: став свидетелями бомбежки, расстрела мирных жителей и проч. Так происходит в рассказе Пак Чханмо «Граната» (수류탄, 1951) или в рассказе Хён Дока «Мечь» (복수). О мести мечтает и пожилой герой рассказа И Санхёна «Мой сын — на фронте» (아들은 전선에 있다, 1954?). «Мечь» (*поксу, побок*) становится лейтмотивом множества северокорейских произведений.

Авторы часто вкладывают в уста героев собственные мысли, поэтому в произведениях немало восклицаний и риторических вопросов, как то: «Ну погодите! Еще не все корейцы мертвы!» (Хан Сорья. «Шакалы» [송냥이, 1950]); «Кто дал американцам право убивать корейцев? Должны ли корейцы позволять другим убивать себя?» (Хан Бонсик. «Мать» [어머니, 1951]); «Не надо думать, что мне не посчастливилось. Мне очень даже посчастливилось. Иди, расскажи нашу историю и ненавидь врагов еще больше!» (Хван Гон. «Счастье» [행복, 1953]) и др.

Что роднит северокорейскую и южнокорейскую литературу, так это сравнения врагов с животными или нечистой силой. Американцы в северокорейской литературе — и «дикие звери» (*ясу*), и «бешеные собаки» (*мичхин кэ*), и «стая волков» (*ириттэ*), и шакалы (*сынъ-нянги*), а также «голодные демоны» (*агви*), и «дьяволы» (*анъма*). Так, первый же американец, который появляется в рассказе И Санхёна «Мой сын — на фронте», имеет «собачью морду».

В южнокорейской литературе прямых обзывательств меньше, но, например, в рассказе Пак Ёнджуна «Темная ночь» (암야, 1952) говорится, что у подавшегося в коммунисты брата главного героя «глаза змеи»; Ким Сон в рассказе «Жить вечно» (영원히 사는 것) называет северокорейца «дьяволом». Еще больше на нелюдей похожи китайцы: они безобразны, глупы, насилуют женщин. В рассказе Ю Джухёна «Песня женщины» (여인의 노래, 1952) китаец сравнивается с «дьяволом», «голодным волком». Однако в более поздних про-

изведениях южнокорейских авторов, наоборот, все чаще подчеркивается, что противниками были не звери, а обычные люди. Об этом же заставляет задуматься эпизод из рассказа Ли Донха «Осколок» (과편, 1982), в котором вернувшийся с войны мужчина стреляет в лесу в человека, а в суде говорит, что сначала принял того за кабана, а потом не смог себя остановить. В рассказе Ким Ёнсу «Словами не передать» (뿌녕쉬, 2005) повествование и вовсе ведется от лица китайца, оказавшегося, подобно корейцам, жертвой войны. При этом в южнокорейской литературе китайские народные добровольцы, численность которых, по разным оценкам, достигала 2 млн человек и участие которых в войне определило ее исход, упоминаются не так уж часто.

Язык северокорейской литературы о войне принципиальных изменений не претерпевал ни в годы военных действий, ни после. Правда, на первом этапе войны, когда войска КНДР решительно продвигались вперед, в литературе часто упоминалось имя вождя — Ким Ирсена, а на втором этапе — гораздо реже — говорилось о «стратегическом отступлении» (*чолякчок хутхве*). Когда стало ясно, что война, по крайней мере, не проиграна, снова стали упоминаться командиры. В произведениях, написанных после окончания боевых действий, война представлена как нечто организованное, как цепь спланированных и продуманных операций, именно боевых: на передний план зачастую выдвигается фигура человека, отдающего приказы, — командира конкретного военного подразделения или опять же самого народного Вождя (помимо звания «генерал» используются его разнообразные высокопарные титулы с именем или без: «великий вождь» [*видэхасин сурёнъ*], «гениальный военный стратег верховный главнокомандующий товарищ Ким Ирсен» [*чхончжэчжок-кунса-чолякка-исин чхвего-сарёнъгван Ким Ильсонъ-тонъчжи*] и проч.).

Иногда в северокорейских художественных произведениях война определяется как «великая отечественная освободительная» (*видэхан чогук хэбанъ чончжэнь*) (см., в частности: «В логове врага»), как «священная борьба» (*сонъсыроун ссаум*) (см.: Ким Джегю «Фронтальная полоса» [전선지구, 1969], Чон Чханюн «Канонада» [포성, 1971]) — и это, вероятно, отражение влияния советских источников, посвященных Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Сравнение

своих солдат с красивыми сильными птицами, например «коршунами» (*суригэ*)⁷, также, скорее всего, восходит к советскому военному дискурсу (тут можно вспомнить «сталинских соколов»), хотя в честь птиц называли и называют воинские подразделения и военную технику не только русские. Текстам в целом присущ некий гротеск: в «жарких боях» северокорейские солдаты «героически» и многократно «протыкают врагов штыками», оставляя их отвратительные трупы «гнить в поле».

В южнокорейских произведениях первых послевоенных лет чувствуется растерянность от того, что недавние братья и друзья стали врагами, в противоестественной войне с которыми приходилось рисковать жизнью. В 1960 г. вышло произведение Чхве Инхуна «Площадь» (*광장*), в котором автор без каких-либо околичностей устами своего героя объясняет, что и почему произошло с Корейским полуостровом. Говорит о том, что после освобождения полуострова от японцев отдельные люди, понимавшие глобальный расклад политических сил, стремясь к власти и/или деньгам, вовлекли в свои игры народ, не разбиравшийся в политике. При этом оказавшиеся в экстремальных обстоятельствах люди стали вести себя не самым рациональным и благородным образом.

Примечательно, что в романе «Площадь» ругаются на северян не самые приятные южнокорейские персонажи. Так, полицейский во время допроса называет главного героя «плебейским отродьем» (*ссянъном-е сэкки*), а его отца просто «красным». Позже сам бежавший с Юга главный герой сравнивает северокорейских коммунистов с «попугаями», «собаками», а народ — с «баранами». При переводе на русский все эти и так не самые деликатные пассажи превратились в грязную площадную ругань, не исторгнутую на самом деле полицейским и совсем уж не вяжущуюся с обликом мыслящего студента философского факультета⁸.

Именно на 1960 г. пришелся пик гражданской активности образованного населения РК, вскоре задавленной военщиной Пак Чонхи. Начал складываться дискурс, задававший гражданскому гневу приемлемую с точки зрения власти направленность. Мысль о том, что в военном конфликте Севера и Юга с обеих сторон были виноваты конкретные не очень хорошие люди, была постепенно вытес-

нена. Ее сменила противоречивая мысль, что виноваты все и никто конкретно, но при этом все пострадали. В южнокорейской литературе, написанной после войны, активно используется страдательный залог (в целом более свойственный корейской речи, чем русской), как то в рассказе Ли Донха «Осколок»: «На моих глазах ее с позором протащили по всей деревне, а потом бросили умирать в назвозную кучу, будто бешеную собаку». И в других произведениях людей убивают и третируют безликие правые и безликие левые, нечасто встречается слово «враг / враги», чаще «красный / красные». На принадлежность второстепенного персонажа к сторонникам коммунистов может указывать слово «товарищ» (*тонъму*), использованное в качестве приложения к имени, как в рассказе Пак Вансо «В царстве Будды» (부처님의 근처, 1973), или даже в качестве обращения к другому персонажу, как в рассказе О Санвона «Отсрочка» (유예, 1955). Армии часто называются так, как назывались по-настоящему: «Корейская народная армия» (*Чосон инмингун*) и «Национальная армия Республики Корея», она же в переводе «Национальная армия» или «Национальная армия Кореи» (*Тэханмингук куккун*), при том что в публицистических и исторических текстах широко используется слово «Пукхангун»⁹. Это иногда даже мешает восприятию переводных художественных текстов, требуя хотя бы минимальной исторической подкованности. Особенно учитывая, что на европейские языки слова «Чосон» и «Хангук» переводятся как «Корея». Данную тенденцию мы могли наблюдать уже в произведениях военных лет. Так, в рассказе «Жить вечно» Ким Сон называет северокорейскую армию «Народной армией» (*Инмингун*), а КНДР — *Ингонъ* (сокр. от *Чосон инмингонъхвагук*).

Американцы, с отношением к которым оказалось трудно поделиться, упоминаются не так уж часто, в основном как хозяева складов, на которых хранятся продукты и вещи, необходимые корейцам, а порой и как насильники, в частности в рассказе «Время для тебя и меня» (너와 나만의시간, 1964) Хван Сунвона. Для южнокорейских писателей американцы остаются чужаками. В различных произведениях, непосредственно посвященных военным событиям, персонажи называют американцев «янки» (*янъкхи*) или «большеносными» (*янъкхобэги*), как в рассказах Пак Вансо «Цветы анемона

тех дней, когда убивали в боях» (그 살벌했던 날의 할미꽃, 1977) или «Встреча в аэропорту» (공항에서 만난 사람, 1978), а в повести Ким Джуёна о тяжелой жизни селян после войны «Рыбак не ломает камышей» (고기잡이는 갈대를 꺾지 않는다, 1988) мальчишки даже сравнивают негра с «животным» (*чимсынъ*), «лазающей по деревьям обезьяной». В рассказах военных лет девушки, вступающие в отношения с американскими военными, именуется презрительно «западными подстилками» (*яньгальбо*) или саркастически «западными принцессами» (*яньгонъчжу*) — второе, более мягкое слово, потом стало использоваться чаще, мы видим его, например, в рассказе Сон Бёнсу «Коротышка Ким» (쪼리킴, 1957) и др. Речь пошла о том, что корейские женщины вынуждены были заниматься проституцией, не имея других возможностей добыть во время войны средства к существованию.

Следует отметить, что южнокорейская литература постепенно становилась все более внимательна к личности и ее особенностям, вплоть до внешних, в то время как в северокорейской — все «товарищи» с несколько стертыми индивидуальными чертами являются представителями «нации», членами того или иного коллектива, различаются они по должности или по рангу. Примечательно, что, работая над переводом повести северокорейского писателя Ким Бонсика «Коршуны в тылу врага» (적후의 수리개, 1973), мы никак не могли понять, сколько лет медсестре «товарищу Пак Хесон» и как ее лучше называть в русскоязычном тексте — девушкой или женщиной.

Подводя итог, можно сказать, что язык художественной литературы РК и КНДР о Корейской войне различался с самого начала конфликта. При этом язык литературы КНДР в целом сохранил свои изначальные особенности до сегодняшнего дня, тогда как язык литературы РК понемногу трансформировался на протяжении более чем полувека, отражая постепенное изменение отношения к конфликту южнокорейского общества.

Примечания

¹ Виноградов В.В. О языке художественной литературы. М.: Гослитиздат, 1959. С. 167—258. С. 169.

² Щерба Л.В. Опыты лингвистического толкования стихотворений // Сб. Советское языкознание. Т. II. Л., 1936. С. 129.

³ Мазур Л. Н. Образ прошлого: формирование исторической памяти // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2013. № 3 (117). С. 243—256. С. 247.

⁴ Jerome W. A. de Wit. Writing under Wartime Conditions: North and South Korean Writers during the Korean War (1950—1953). Doctoral Dissertation, the Netherlands, Leiden University, 2015. P.12—13.

⁵ См., например: Сон Донмин. Нампукхан чонси сосоль ёнгу: сытхори юхёнъ-ыль чунъсим-ыро : [Исследование южнокорейской и северокорейской литературы военных лет: Типы повествования]. Докторская диссертация. РК. Университет Тонггук, 2003.

⁶ Jerome W. A. de Wit. Ibid. P. 62.

⁷ См.: Ким Бонсик. Коршуны в тылу врага (1973) — роман; Ри Ён. Коршуны (1974) — сб. стихов.

⁸ См.: Чхе (Цой) Ин Хун. Площадь / пер. с кор. Тё Ен Гир. М.: Готика, 2002. С. 69, 146.

⁹ См., например: И Джунгын. 6—25 чончжэнь 1129 иль [1129 дней Корейской войны]. Сеул, 2014; 6—25 чончжэнь ёнгукёнъхьянь мит сарёхэчже : [Корейская война 1950—1953 гг.: Историорафия и археорафия]. Сеул, 2009.

В.Е. Сухинин

ПЕРЕВОД И ПОЛИТИКА (НА МАТЕРИАЛЕ КОРЕЙСКОГО ЯЗЫКА)

Владение иностранным языком, включая навыки перевода, предполагает, помимо языковых компетенций, усвоение фоновых знаний о культуре и истории народа, о политике данного государства. Применительно к корейскому языку, носители которого уже 70 лет проживают в двух государствах с разным общественно-политическим строем, задача существенно усложняется, поскольку приходится учитывать особенности северного и южного вариантов современного корейского литературного языка, а также специфику политики и идеологии КНДР и РК. Автор, исходя из своего многолетнего опыта дипломатического перевода, анализирует проявления политических моментов при переводе.

Ключевые слова: перевод и политика, роль дипломатического переводчика, варианты современного корейского литературного языка.

Proficiency in a foreign language including translation skills presupposes besides language competences mastering of background knowledge about culture and history of people and policy of a certain state.

In case of Korean language which speakers already for 70 years have been living in two states with different socio-political systems the task becomes much more complicated due to necessity to take into consider-

ation peculiarities of northern and southern variants of modern Korean literary language as well as specific features of policy and ideology of DPRK and ROK.

The author proceeding from his many years' experience in diplomatic translation analyses the examples of political moments in translation.

Keywords: translation and politics, role of diplomatic translator, variants of modern Korean literary language.

Адекватное владение иностранным языком, в том числе умение переводить, предполагает помимо собственно языковых компетенций усвоение и использование фоновых знаний о культуре и истории народа — носителя языка, а также о политике соответствующего государства. При этом в понятие языковых компетенций включается также соблюдение речевого этикета¹, а к фоновым знаниям в широком смысле слова относятся и экстралингвистические особенности общения с носителями соответствующего языка². Специалисты отмечают, что в «последнее время сфера исследований, связанных с проблемой межкультурной коммуникации, была существенно расширена за счет анализа компонентов, находящихся на стыке наук», в том числе социолингвистики, культурологии, лингвострановедения³. Впрочем, ввиду нечеткости границ и недостаточной структурированности указанных отраслей знаний, так или иначе связанных с языкознанием, соотнести те или иные языковые явления и элементы с конкретной дисциплиной бывает сложно. Это, в частности, относится к проецированию политики на язык и перевод, что является предметом нашего рассмотрения. Конечно, указанное обстоятельство не отменяет самих анализируемых здесь явлений.

На первый взгляд, кажется, что политика отражается лишь в содержании высказываний, но не в языковых особенностях их перевода, который стремится к строгой адекватности передачи исходного текста безотносительно к его содержанию. Однако в реальности это не совсем так. В частности, в ситуации с корейским языком, носителем которого уже 70 лет проживают в двух перманентно конфликтующих государствах с разным общественно-политическим строем, задача существенно осложняется, поскольку при переводе приходится учитывать не только особенности северного и южного вариантов со-

временного корейского литературного языка, но и специфику политики и идеологии Корейской Народно-Демократической Республики и Республики Корея, находящую отражение в языке.

Автор, исходя из своего многолетнего опыта дипломатического перевода (в 1973—2012 гг. в системе МИД и затем при контактах с корейскими представителями), попытается проанализировать и систематизировать проявления разного рода политических моментов в работе с корейским языком — как в процессе собственно перевода, так и создания устных и письменных текстов на корейском.

Во-первых, при переводе с корейского на русский, независимо от государственной принадлежности говорящего — КНДР или РК, обнаруживается меньше всего сложностей с политической точки зрения. Поскольку Россия имеет дипломатические отношения и нормально общается как с Севером (с 1948 г.), так и с Югом (с 1990 г.) Кореи, то переводчику достаточно правильно понять и точно передать текст собеседника. У российской стороны, как правило, не вызывает категорического неприятия и отторжения какие-либо корейские выражения, точно переведенные на русский язык, даже если она не согласна по содержанию с чем-либо из сказанного.

Примером некоторого недопонимания сторон могут служить споры вокруг наименования на совместных картах Японского (в КНДР — «(Корейского) Восточного», в РК — «Восточного») моря в ходе работы комиссии по демаркации границы между СССР/РФ и КНДР в 1980—1990-е годы. Российская сторона предпочитала использовать устоявшееся в нашей стране наименование, тогда как корейская с учетом глубоких исторических противоречий между Кореей и Японией отвергала наше наименование, подходя к этой проблеме с политических позиций. В качестве компромисса стороны сначала договорились по-русски писать «Японское (Восточное) море», а по-корейски «Восточное (Японское) море». Однако на более поздних этапах работы северокорейская сторона отказалась следовать такому подходу, и в результате возникла нелепая формула «морское пространство, ограниченное точками с координатами...».

В аналогичных случаях, видимо, следует стремиться к тому, чтобы корейская сторона не навязывала нам свое мнение при переводе на русский язык, а мы ей — при переводе на корейский, если только

речь не идет о явных искажениях. В последнем случае допустима определенная настойчивость с нашей стороны, хотя и северные, и южные корейцы, как правило, болезненно относятся к замечаниям иностранных партнеров по поводу корейского текста совместных документов, полагая, что в этом деле помощь извне им не требуется. Тем не менее в итоге они бывают вынуждены согласиться с предлагаемыми резонными исправлениями.

По нашему мнению, например, нельзя позволять партнерам — северным или южным корейцам иметь своего рода «право вето» при передаче нами на русском корейских имен собственных (слитное или раздельное написание имен людей, отображение отдельных фонем). Часто приходится сталкиваться с ситуациями, когда южные корейцы стремятся в русской транскрипции имен собственных или при переводе разного рода названий исходить не из корейского оригинала, а из английского написания или перевода, что приводит к результатам, весьма далеким от первоисточника. Причем такой подход буквально навязывается российской стороне.

Во-вторых, при переводе с русского на корейский в расчете на северных либо на южных корейцев следует тщательно учитывать лексические, грамматические, фонетические, орфографические и стилистические особенности соответствующего варианта литературного языка. Использование «северокореизмов» в южной аудитории либо «южнокореизмов» в северной, как правило, негативно воспринимается собеседниками⁴.

С учетом взаимного дипломатического непризнания Пхеньяном и Сеулом друг друга особенно осторожно следует обращаться с самоназваниями государства (Корея — *Чосон* на Севере и *Хангук* на Юге) и производными от них (Корейский полуостров, корейский язык, кореец и пр.), а также избегать в официальных высказываниях наименования КНДР как «Северная Корея» (вместо *Пукчосон* лучше использовать *Чосон*, а *Пукхан* будет воспринято как провокация), а РК как «Южная Корея» (вместо *Намхан* можно использовать *Хангук*; *Намчосон* — недопустимо). С другой стороны, в речи на Севере можно назвать Южную Корею *Намчосон*, а на Юге Северную Корею — *Пукхан*. В начале нулевых годов произошел небольшой инцидент, когда посол КНДР на встрече с заместителем министра иностран-

ных дел России отказался слушать молодого российского переводчика, когда тот, видимо из озорства, стал называть КНДР и обращаться к послу по-южнокорейски.

С другой стороны, если осуществляется перевод, особенно письменный, официального российского документа, то там, следуя оригиналу и учитывая наличие у России дипотношений с обоими корейскими государствами, следует давать официальные наименования КНДР и РК независимо от адресата перевода.

Кроме того, переводчику следует хорошо представлять себе структуру органов власти, наименование соответствующих должностей в КНДР и РК и строго придерживаться официально принятых терминов, тем более что одни и те же структуры, должности на Севере и Юге могут называться по-разному. Например, президент — *чусок* (Север), *тэтхоннён* (Юг); МИД — *вемусон* (Север), *вегёбу* (Юг); министр — *сан* (Север), *чангван* (Юг) и т. д. Ситуация осложняется и тем, что с течением времени те или иные наименования изменяются; например, нынешнее южнокорейское название МИД в 1970—1990-е годы использовалось на Севере, а сейчас применяется также в Китае, что отражается в обоих вариантах корейского языка.

В-третьих, наибольшую сложность для переводчика представляют ситуации, когда адресатом перевода одновременно выступают представители двух корейских государств. Такое положение сложилось, например, на шестисторонних переговорах в Пекине по ядерной проблеме Корейского полуострова, начавшихся в августе 2003 г. В процессе перевода в таких случаях необходимо максимально использовать общую для двух вариантов языка лексику, избегая явных северо- или южнокорейизмов. Корейский полуостров назывался тогда либо просто *пандо* (полуостров), либо давались два наименования одно за другим — *Чосон пандо/Ханпандо*. Делегации КНДР и РК именовались *пукчхык тэпхёдан* (северная делегация) и *намчхык тэпхёдан* (южная делегация).

В-четвертых, при переводе на корейский язык следует отражать российскую позицию по тем или иным политическим вопросам, даже если это идет против широко принятого на Севере или на Юге словоупотребления. В некоторых случаях переводчик может даже сделать соответствующую реплику, если обнаруживается явное ис-

кажение российских подходов и реалий. Например, корейцы, включая журналистов, часто называют Российскую Федерацию *Rosia ёнбан конхвагук*, добавляя в конце сочетания слово «республика», как в свое время и к наименованию Советского Союза.

В последнее время в южнокорейских СМИ при описании ситуации с воссоединением Крыма с Россией чаще всего используют термин *пёнхан* либо *ханпён*, одно из значений которых «аннексия» (применительно к аншлосу Австрии Германией, аннексии Кореи Японией). Естественно, наши переводчики должны придерживаться менее употребительного на Юге, но более верного с нашей позиции термина *чэтхонхан* (воссоединение).

Естественно, оговорки или неточности наших ораторов должны корректироваться в переводе «автоматически», без привлечения к ним ненужного внимания. Например, «Корейская Республика» вместо «КНДР», «дорогие китайские друзья» вместо «дорогие корейские друзья», ошибки в именах или должностях собеседников. В случае необходимости переводчик может обратить внимание нашего оратора на такие ошибки наедине позднее.

В-пятых, переводчик должен следить за тем, чтобы в корейско-язычном варианте совместных документов, исходя из принципа суверенного равенства государств, высказывания о российских и корейских лидерах оформлялись аналогичным образом. Например, в КНДР просматривается тенденция к тому, чтобы имя собственного руководителя печаталось более крупным шрифтом, чтобы в отношении него использовались подчеркнуто вежливые варианты окончаний именительного и дательного падежей «*ккесо*», «*кке*» и гонорифический глагольный суффикс «*си*», а иностранного лидера графически и грамматически не выделять. В таких случаях логично будет настаивать на том, чтобы применительно к обоим лидерам использовалось аналогичное языковое оформление.

Вышеперечисленные, возможно незначительные на первый взгляд, моменты имеют прямой или косвенный выход на политику. Щепетильность в этих вопросах, обращение на них внимания при переводе будут способствовать исключению искажений в языке, предотвращению недоразумений и осложнений в отношениях с партнерами из-за неадекватности выражения.

Наконец, поскольку тематика дипломатических бесед завязана на политику, для правильной передачи и трактовки тех или иных высказываний, зачастую отрывочных и неполных, требуются фундаментальные знания о политике соответствующих государств, чтобы при переводе не допустить искажений. Этот аспект, однако, относится уже к предмету беседы и отличается по своему характеру от отражения упоминавшихся выше политических моментов в оформлении высказываний дипломатическим переводчиком.

Примечания

¹ *Дмитриева В.Н., Сухинин В.Е.* Учебное пособие по двустороннему переводу для IV курса (корейский язык). М.: МГИМО, 1988. С. 4—29; *Каплан Т.Ю., Дерюгина Т.С.* Речевой этикет современного корейского языка: учеб. пособие для студентов IV курса. Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 2003; *Васильев А.А., Гурьева А.А.* Как правильно общаться по-корейски. Язык социального статуса в Корее. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2017.

² *Раздорская Н.В.* Экстралингвистические особенности делового общения с японцами // *Филологические науки в МГИМО. Вып. 4.* М.: МГИМО-Университет, 2015. С. 82—95.

³ Там же. С. 83.

⁴ *Сухинин В.Е.* О факторах лексической дивергенции северного и южного вариантов современного корейского литературного языка // *Лингвострановедение: методы анализа, технология обучения. Четырнадцатый межвузовский семинар по лингвострановедению.* Москва, 15—16 июня 2016 г. Сборник научных статей в двух частях. Ч. 1. Языки в аспекте лингвострановедения. М.: МГИМО- Университет, 2017. С. 109—127.

А.А. Гурьева

ОСНОВНЫЕ ВЕХИ РАЗВИТИЯ КОРЕЙСКОЙ ФИЛОЛОГИИ В РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ (С 1948 г. ДО НАШИХ ДНЕЙ)*

В работе представлены основные вехи развития корейской филологии в Республике Корея с акцентом на изучение родной литературы, определяются факторы и особенности ее развития с учетом обстоятельств раннего этапа (первые десятилетия XX в.), определяются подходы, характерные для разных периодов. Внимание уделяется таким явлениям, как активизация научных связей с западными учёными, а также с японскими коллегами, тенденции обращения к достижениям северокорейских филологов. Также рассматривается популяризаторская деятельность исследователей.

Ключевые слова: корейская филология, корейская литература, изучение корейской литературы, наука в Корее.

The paper describes the main stages of Korean philology development in the Republic of Korea with the focus on Korean literature studies. It traces specifics and factors of its development with reference to the

* Работа выполнена в рамках Программы поддержки корееведения в ведущих университетах, реализуемой Министерством образования Республики Корея и Центром развития корееведения при Академии корееведения (AKS-2016-OLU-2250002).

This work was supported by the Core University Program for Korean Studies through the Ministry of Education of the Republic of Korea and the Korean Studies Promotion Service of the Academy of Korean Studies (AKS-2016- OLU-2250002).

circumstances of the earlier period (first decades of the 20th century), defines approaches characteristic for different stages. It also deals with such phenomena as activation of relations with western academia, as well as with Japanese colleagues, and a tendency of regarding works of North Korean scholars. Popularization activities of researchers is also considered.

Keywords: Korean philology, Korean literature, Korean literature studies, academic research in Korea, Republic of Korea.

Собственная филологическая школа формируется в Корее лишь в первой половине XX в., однако исследованию родной словесности здесь исторически придавалось большое значение. Так, традиция комментирования литературных текстов сложилась веками раньше. К своего рода филологическим опытам можно отнести, например, беседы о поэзии *сихва*, получившие активное развитие еще в эпоху Корё (918—1392). Научный подход свойственен трудам ученых эпохи Чосон (1392—1910), которые описывали историю бытования тех или иных текстов, давали им характеристику и фиксировали факты взаимосвязи между ними. Такого рода труды принято относить к так называемой литературной критике¹, представляющей старую традицию и не имеющей отношения к современной филологической науке. Как правило, они были связаны с литературой, а не с языком. Отцом-основателем корейской лингвистики считается ученый Чу Сигён (1876—1914), занимавшийся, в частности, проблемой универсализации правил орфографии корейского языка.

Первым поколением филологов называют специалистов, получивших образование западного образца и, соответственно, работавших иначе, чем ученые прежних эпох. Представители нового поколения были вынуждены заниматься исследованиями в условиях колониального периода. Невозможность свободного доступа к материалам, контроль со стороны японских властей, а впоследствии и ужесточение политики по отношению к использованию корейского языка — все это определило специфику деятельности первого поколения до и после Освобождения страны.

Чем располагала молодая филологическая школа к моменту основания Республики Корея в 1948 г.? *Во-первых*, определенным сложившимся подходом, пусть и скорректированным названными выше обстоятельствами. Ведущими учеными были написаны осно-

вополагающие труды, в которых ставились вопросы терминологии, первичной классификации описываемых явлений, истории их развития. Важной вехой стало основание официальных филологических сообществ, например «Общества изучения корейского языка» *Чосоно ёнгухве* (впоследствии переименованное в *Чосоно хакхве*, затем — *Хангыль хакхве*) на базе основанной в 1908 г. Научно-исследовательской ассоциации исследователей родного языка *Куго ёнгу хакхве*. Общество располагало собственными печатными органами: в журналах *Хангыль*, *Чосон оmun* члены общества публиковали результаты исследований. Существовали и другие общества, имевшие более узкую направленность, например «Общество сичжо» (*Сичжохве*). Кроме того, за первую половину XX в. было опубликовано несколько исследований по общей истории литературы и описанию корейского языка. К ним относятся «История корейской поэзии» (*Хангук сига кан*), изданная Чо Юнчже в 1937 г., исследования Чхве Хёнбэ (1894—1970) «Основы родного языка» (*Ури маль пон*) (1937), (*Хангыль каль*) (1940) и др. В статье мы рассмотрим основные вехи развития корейской филологии в Южной Корее с акцентом на изучение корейской литературы.

Процессы, происходившие в данной области науки после образования Республики Корея в 1948 г., стали результатом предыдущего этапа, на который пришлось формирование корейской филологической школы в современном понимании. Принципиальным фактором в развитии науки, связанной с изучением корейцами своей словесности, своей истории, мысли, по сути, самих себя, стало обретение свободного доступа к письменным памятникам и прочим материалам после освобождения. На протяжении колониального периода корейские деятели прилагали усилия к сохранению своего наследия, шли на определенные жертвы, чтобы распространять и изучать доступные тексты. В то же время и японские власти активно занимались освоением корейского письменного наследия. Неслучайно на следующий же день после освобождения японские сотрудники были лишены доступа к материалам японского генерал-губернаторства, именно это событие положило начало основанию Корейской национальной библиотеки². Обособление корейской науки от японской школы, укоренившейся в Корее, также стало важней-

шим процессом, который охарактеризовался, в частности, развитием так называемого национального направления в лоне корейской филологии³.

На конференции Ассоциации европейского корееведения (АКСЕ) в 2007 г. швейцарско-британская исследовательница Мартина Дойхлер продемонстрировала диапозитивы 1950-х годов, на одном из которых запечатлено, как ученые сидят в окружении сложенных стопками неразобранных книг и бумаг — ими еще предстояло заняться. Такая задача стояла перед всеми исследователями своей страны в те годы и в первую очередь перед филологами, изучавшими родное слово. Огромное количество материалов подлежало элементарному разбору и атрибутированию. Затем следовало осуществить их предварительную классификацию, дать характеристику и определить последующие этапы исследования.

Поэтому первые десятилетия ученые концентрировались именно на исследованиях письменного наследия прошлого вне зависимости от того, занимались ли они языком или литературой. Примером может служить деятельность ученика Чхве Хёнбэ Хо Уна (1918—2004), который изучал среднекорейский язык на основе памятников XV в. «Ода драконам, летящим в небе» (*Ёнби очхон-га*), «Луна, запечатленная в тысячах рек» (*Ворин чхонганчжи-гок*), а также написал общую историю корейского языка.

В этот же период Чо Юнчже (1904—1976) выпустил масштабный труд — «История корейской литературы» (*Хангук мунхакса*). Продолжалось составление словарей и предварительных описаний особенностей корейского языка. Например, наряду с лингвистическим изучением текстов прошлых веков Хо Ун описал фонетический строй родного языка. Кроме того, в поле зрения науки оказывается литература предыдущих десятилетий, которая понимается как существенно новое явление по сравнению с традиционной. Литература, получившая определение «новой» (*кындэ мунхак*), а для произведений после освобождения — «современной» (*хёндэ мунхак*), стала предметом для не существовавшего прежде направления исследований.

Постепенно от общих описаний наука переходит к попыткам подробно охарактеризовать частные явления. В ходе этих исследова-

ний актуализируются вопросы терминологии, датировки, истории происхождения и формирования литературных жанров. К 1960-м годам на основании сделанных в предыдущий период классификаций и предварительных описаний учёные все больше работают над подробными исследованиями отдельных жанров, конкретных авторов. Примеры трудов: «Каса эпохи династии Ли. Избранное» (*Ичжо каса чонгвон*) (комм. Ли Санбо, Сеул, 1965); «Поэзия Сонгана, Ногэ и Косана» (*Сонган Ногэ Косан-ый Сигамунхак*) автора Пак Соный (Сеул, 1966).

Отдельное развитие получает описание письменных памятников, начатое еще первым поколением филологов. Краткие сведения о них помещаются в различных журналах, а затем начинают объединяться в систематизированные каталоги. В качестве примера приведем изданное в 1962 г. исследование Ким Кынсу «Разные записи о письменных памятниках» (*Косо чамнок*) (Сеул, 1962). Примечательно, что научный труд озаглавлен в стиле записок ученых эпохи Чосон: иероглифический слог *чан* («всякий», «разный») в слове *чамнок* традиционно являлся указателем на неофициальный, частный характер записей, на некоторую их неорганизованность. В случае с исследовательской работой, эти характеристики не вполне применимы, однако, возможно, на такой выбор названия труда повлияла традиция комментирования текстов предыдущих эпох.

Примечательно, что исследования родной словесности обогащаются при помощи научных работ, посвященных изучению музыкальной традиции. С целью сохранить, зафиксировать и передать песенное наследие исполнители собирают тексты так же, как филологи, комментируют их, выясняют факты истории их бытования. Одним из известных исследователей песен является Чан Сахун (1916—1991), обучавшийся у хранителей исполнительской традиции жанра *каса* Им Кичжуна (1868—1940) и Ха Кюиля (1867—1937). Проводятся полевые исследования для получения новых образцов песен. Публикуются сборники песенных текстов (например, Ли Чханбэ «Мир корейских песен» (*Хангук качхан тэге*) (Сеул, 1966).

На период 1960-х годов приходится также активизация исследований в области современной корейской литературы. Этому способствовало открытие соответствующих специальностей для магистран-

тов в большинстве университетов Республики Корея. На базе исследовательских центров образуются научные сообщества, постепенно перерастающие в ассоциации.

В период 1970-х годов происходит детализация выявленных явлений и введение этих явлений в контекст. При этом исследуются не только сугубо литературные явления, но и явления, связанные с издательской деятельностью и иными аспектами бытования текстов. Примером может служить статья, посвященная дешевым кустарным изданиям ксилографического типа *пангакпон*, с помощью которых распространялась популярная литература, преимущественно проза⁴.

По мере описания письменного наследия открываются новые тексты, сборники, прежде не известные науке. Осуществляется сведение этих текстов, каталогизация, последовательное описание и введение их в научный оборот. Примером может служить труд исследовательницы Чон Янван (род. в 1929 г.), которая произвела систематизированное описание корейской прозы из дворцового собрания Наксончжэ.

Об активности данного направления деятельности говорит и другой факт. В 1962 г. увидел свет словарь комментированных текстов поэзии в жанре *сичжо* (Чон Пёнук. «Энциклопедия литературы *сичжо*» [*Сичжо мунхак сачжон*]. Сеул, 1962), включавший более двух тысяч образцов произведений. В 1991 г. сборник *сичжо* вышел уже в двух томах и включал в себя порядка 5000 текстов (Пак Ыльсу. «Большой словарь *сичжо*» *Хангук сичжо тэсачжон* [т. 1—2]. Сеул, 1991). Следует отметить, что за последние десятилетия исследователями были описаны еще несколько поэтических антологий. Как итог проделанной работы в 1978 г. выходит из печати многотомное издание: Полное собрание корейской традиционной литературы (*Хангук кочжон мунхак чончжип*), Сеул, 1978.

На этом этапе можно наблюдать объединение усилий филологов-лингвистов и филологов-литературоведов. Так, в 1973 г. публикуется «Словарь родного языка и родной литературы» (*Кугокунмунхак сачжон*). Другой пример — изданный Рю Чхандоном «Словарь языка эпохи династии Ли» (*Ичжо-о сачжон*), Сеул, 1985. Он не только систематизировал результаты исследований лексико-грамматического материала эпохи Чосон, при этом базируясь, в частности, на

литературных памятниках, но и должен был послужить новым исследователям старых текстов.

В 1970-х годах происходит консолидация исследований в области современной литературы. 1978 год ознаменовался образованием Корейской научной ассоциации современной литературы (*Хангук хёндэ мунхак хве*). Сначала её деятельность преимущественно заключалась в проведении дважды в год научных заседаний. С 1991 г. труды Ассоциации выходили в виде коллективных монографий (1—5 выпуски), затем приняли форму периодического издания⁵.

К этому времени исследования традиционной и современной литературы определяются в два самостоятельных направления в литературоведении. В первом случае наука обладает более выраженными корейскими чертами. Так, исследования традиционной литературы схожи с источниковедческими. Для авторов важно проследить историю возникновения текста и его хождение, формирование разных его вариантов. Этот подход отражает особенности комментирования текстов в период до появления официальной филологической школы⁶.

Изучение современной литературы в большей степени следует методам западной науки, активно пользуется её терминологическим аппаратом. Однако можно предположить, что данные особенности сопряжены с тем, что само развитие современной литературы определяется в терминах, применяющихся к литературе Запада: модернизм, романтизм и т. д. Возникшая под влиянием западных течений, с которыми корейские литераторы ознакомились на рубеже XIX—XX вв., современная литература ассоциируется с принципиально новыми явлениями, на признаках которых, как правило, сосредоточиваются исследователи. Однако общей чертой с исследователями литературы традиционной является повышенное внимание к историческому контексту, судьбе автора, исходя из которых осуществляется трактовка образности и прочих особенностей текстов. Глубинные литературные приемы, тем более культурно обусловленные черты, связанные с ментальностью и особенностями картины мира представителей корейской культуры, редко оказываются в поле зрения исследователей. Они склонны обращать внимание на

общее, роднящее тексты с литературным течением, к которому они относятся, порой игнорируя частное.

С 1980-х годов постепенно складывается разнообразие подходов, все более явно формируются научные школы, в которых ученики сосредоточиваются вокруг фигур ведущих исследователей. Новые труды общего характера — истории языка и литературы, комментированные сборники, описания определенных периодов в истории литературы — также становятся более разнообразными. Активизируются научные дискуссии между исследователями.

С конца 1980-х — начала 1990-х годов наблюдается более пристальное внимание к определенным историческим этапам развития тех или иных явлений. На материале текстов и сборников ставятся новые вопросы, более узкоспециальные, рассмотрение которых позволяет уточнить особенности развития литературы в целом. Активно идёт сопоставительная работа, комментируются разные варианты одних и тех же текстов, вошедших в разные издания.

Важную роль начинает играть **популяризаторская деятельность исследователей**⁷. Появляются переводы корейской традиционной литературы на современный корейский язык с комментариями. Данные издания ориентированы на широкого читателя. Публикуются популярные изложения этих произведений. Составляются сборники краткого содержания произведений традиционной литературы, в первую очередь прозы. Лаконичные комментарии, часто расположенные на полях, помогают читателю определить характерные черты произведений и особенности творчества автора. Составителями таких сборников нередко выступают известные литераторы. Отметим, что корейская интеллигенция активно интересуется деятельностью литературных критиков, некоторые из них становятся героями для молодых умов (например, критик Ём Муун, знакомивший соотечественников также с зарубежной литературой).

К этому периоду относится активное подведение итогов деятельности филологов минувшего XX в. Проводятся мероприятия, посвященные памяти крупных исследователей, основателей направлений в филологической науке. Их память запечатлевается как в сборниках статей, так и в установлении им памятников, в присвоении их имен тем или иным объектам (например, здание факультета

гуманитарных исследований в университете Ёнсе, носившее название *Инмунгван*, с 2001 г. переименовано в честь Чхве Хёнбэ: теперь оно называется *Весольгван* — псевдоним ученого Весоль [«Одинокая сосна»]).

В 2000-х годах названные выше процессы развиваются. Научная деятельность филологов все более специфицируется. Кроме того, появляются исследования, пересматривающие выводы предыдущих десятилетий. По-прежнему вводятся в научный оборот новые материалы, обнаружение которых способствует более полному пониманию научного контекста. Примером может служить деятельность исследователя корейской поэзии на родном языке Сон Мугёна, выпускающего литературные и музыкальные антологии с комментариями.

Последнее время корейская филология характеризуется разнообразием подходов, которые становятся все более индивидуализированными. Активно образуются новые сообщества и ассоциации филологов. Как правило, каждое общество имеет свое печатное издание. При этом наблюдается и обратный процесс — определенная стандартизация деятельности. Например, вырабатываются нормы оформления публикаций (последнее время, как правило, используется *Chicago Style*). В 2007 г. вводится система КСИ — корейский индекс цитирования. Рейтинговые журналы перенимают западную систему рецензирования, в которой участвуют представители разных научных сообществ. Определяется круг издательств, работающих в области филологической науки (*Погоса*, *Тхэхакса*, *Мунхакквачисонса*, *Минсогвон* и др.).

Отдельное направление, сформировавшееся в корейской филологии, — исследование вопросов преподавания языка и литературы, его истории и методологии. Некоторые из вновь образованных ассоциаций занимаются сугубо этими вопросами.

Определенным фактором развития корееведения в целом и корейской филологии в частности стала активизация научных связей с западной наукой и знакомство с западными научными направлениями. Важную роль в этом процессе сыграла деятельность Ассоциации европейского корееведения, на заседаниях которой встречаются ведущие представители корейских научных кругов и западные исследователи. В 1970-х годах, когда была основана Ассоциация, ма-

лочисленность участников позволяла им близко познакомиться с исследовательскими подходами друг друга. В отдельных случаях сформировывался научный диалог⁸.

Корейские ученые начинают проводить деятельность за рубежом. Например, крупнейший исследователь современной корейской литературы Квон Ёнмин положил начало преподаванию своего предмета в американских университетах.

Осуществляется перевод трудов ведущих корейских ученых на английский язык (Ким Донук, Ли Ныну и др.). Как правило, это обзорные работы, которые, однако, могут касаться и отдельных явлений. Активно переводятся на английский произведения современной литературы.

Отдельное внимание уделяется освоению западных коллекций письменных памятников корейской культуры. Организуются проекты описания этих материалов, совместной их обработки.

Постепенно в отдельное направление корейской филологии выделяется литература и язык этнических корейцев, проживающих за рубежом. Некоторые из литераторов вовлечены в качестве экспертов в литературные проекты, реализующиеся в Республике Корея.

Постепенно корейские научные круги начинают проявлять все больший интерес к западной деятельности в области исследований корейского языка и литературы. На начальном этапе он носит ознакомительный характер. Издаются обзорные сборники трудов западных ученых. Например, вскоре после установления дипломатических отношений с Россией, увидел свет сборник переведенных на корейский язык статей российских лингвистов, занимающихся исследованиями корейского языка (Ю.Н. Мазур [1924—1999], А.Г. Васильев [1930—2005], Л.Р. Концевич [род. в 1930 г.] и др.). Особо выдающимся западным исследователям присуждается специальная награда — премия Научного фонда Тонсун. Однако постепенно некоторые учёные предлагают более активную совместную деятельность, инициируют совместные мероприятия, приглашают западных специалистов с лекциями. В свою очередь, особенно в последнее десятилетие, корейские специалисты всё чаще информируют западных коллег о своей работе, принимают более активное участие в западных научных мероприятиях.

Последнее десятилетие интерес к достижениям Запада касается также методов преподавания корейского языка и литературы за рубежом. Исследования в данной области, осуществляемые как корейскими, так и западными учеными, получают освещение на специально организованных мероприятиях, в специализированных сборниках.

Последние десятилетия активизируются научные связи между корейскими и японскими учеными. Корейские исследователи занимаются освоением памятников корейской культуры, оказавшихся в Японии. Отдельные ученые осуществляют совместные проекты, двусторонний характер которых обусловлен самим материалом. Примером может служить корейско-японское исследование записей корейских моряков, «по воле волн» отнесенных к берегам Японии в эпоху Чосон (явление, когда моряки непреднамеренно оказывались в чужих краях, получило название *пхёмин* или *пхэхэ*, и с ним связано значительное количество письменных памятников). Этот проект, которым с корейской стороны занимается профессор университета Ёнсе Хо Кёнчжин, вызывает интерес общественности и освещается в прессе.

Следует также отметить сформировавшуюся в последние годы тенденцию обращения к достижениям северокорейских ученых в области изучения корейского языка и литературы до середины XX в. Обсуждаются перспективы совместного развития филологической науки. В 2015 г. в университете Корё состоялась посвященная 70-летию освобождения конференция, организованная старейшим филологическим сообществом Республики Корея *Куго кунмун хакхве* (основано в 1952 г.). Одним из центральных вопросов, обсуждавшихся на пленарном заседании, стала задача объединения усилий ученых по изучению родного слова. Почетный профессор университета, известный филолог Кан Синхан выступил с докладом о достижениях северокорейских исследователей в области изучения традиционной корейской литературы.

Последние годы в корейской науке можно наблюдать более активное применение западных подходов и теорий. Все чаще в корейских исследованиях, посвященных даже традиционной литературе, стали употребляться такие термины, как феминизм, дискурс и по-

добные, что указывает на смену ракурса в научных кругах, на расширение диапазона научных методов и определенные тенденции к глобализации филологической науки.

Примечания

¹ *Kim Hungyu*. Understanding Korean Literature. Translated by Robert J. Fouser. M.E. Sharpe. New-York-London, 1997.

² Более подробно об этом см.: *Гурьева А.А.* Корейская книга в японских проектах колониального периода // *Корея: 70 лет после освобождения*. М.: Институт Дальнего Востока, 2015.

³ В европейской науке процессами, связанными с этим направлением, занимается, например, исследователь Ю. Мёнин, сотрудник Рурского университета в Бохуме (Германия).

⁴ *Ким Тонук*. О [типе издания] пангакпон *Пангакпон-е тэхаё* // *Тонбан хакчи*. (Вестник востоковедения). № 11. Сеул: Востоковедческий центр университета Ёнсе, 1970.

⁵ Энциклопедия корейской национальной культуры. Хангук минчжок мунхва тэбэква сачжон. URL: www.encykorea.aks.ac.kr (дата обращения: 12.03.2018).

⁶ *Гурьева А.А.* Особенности изучения корейской литературы в Корее (в связи с традиционным восприятием литературы) // XXIX международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки «Азия и Африка: наследие и современность». Т. 2. СПб., 2017. С. 193—195.

⁷ Подробнее см.: *Гурьева А.А.* О некоторых методах привлечения интереса к корейской традиционной культуре в современном обществе РК // *Корея: на пороге перемен*. Доклады, представленные на 12-й научной конференции корееведов России и стран СНГ. Москва. Март 27—28. 2008. С. 329—338.

⁸ Например, знаменитая дискуссия французского ученого Даниэля Буше (1928—2014) с профессором университета Корё Чон Кьюбоком по поводу того, на каком языке был изначально написан роман «Сон в заоблачных высях» *Ку Ун Мон*.

Т.С. Мозоль

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ НА КОРЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ СПУСТЯ 70 ЛЕТ ПОСЛЕ РАЗДЕЛЕНИЯ

На протяжении семидесяти лет своего существования КНДР и Республика Корея были изолированы друг от друга, что обусловило формирование разных условий для развития национального языка. В данной статье рассмотрена история языковой политики, а также некоторые аспекты языка и языковой культуры в Северной и Южной Корее. Северокорейский и южнокорейский варианты языка по-прежнему сохраняют единый грамматический и фонологический строй, однако в области языковой политики и идеологии, лексики, фонетики и языковой культуры отмечаются расхождения, которые являются более глубокими, чем диалектные расхождения одного языка. Данный факт вызывает беспокойство, поскольку языковая разница может в дальнейшем стать одним из факторов, затрудняющим процесс социальной интеграции в случае объединения двух Корей.

Ключевые слова: корейский язык, языковая культура, языковая политика, Республика Корея, КНДР.

For the past 70 years the DRPK and Republic of Korea have been isolated from one another, thus creating two very different environments for development and change within the Korean language. This paper aims to take an overview of the history of language policy carried out by

two governments and different aspects of the Korean language and language culture in North and South Korea. In fact, the two variants of Korean language are not much different in the deep structures, however their differences have to be recognized in many aspects such as language viewpoint, vocabulary, language culture, pronunciation and prosody. It cannot be denied that the language differences between the South and the North are much more than dialectal. The language difference can become one of the barriers to social integration after the unification of the Korean peninsula.

Keywords: Korean language, language culture, language policy, Republic of Korea, the DPRK.

За семидесятилетний период разделения Корейского полуострова на два государства с враждебными идеологическими системами сменилось несколько поколений, выросших в разных социальных, экономических, политических, культурных и языковых условиях при практически полном отсутствии контактов с соотечественниками по другую сторону 38-й параллели. Это не могло не оказать влияния на языковую ситуацию, поскольку язык — это прежде всего социокультурный феномен.

Как отмечал Ким Ир Сен в своем труде «О трех принципах объединения родины» (1972)¹, «важнейшим признаком, характеризующим нацию, является общность языка и культурной жизни. Невозможно отнести к одной нации тех людей, у которых различны языки и письменность, разные культура и обычаи, хотя в их жилах течет кровь одних предков». В настоящее время отмечаются существенные различия в северокорейском и южнокорейском языковых вариантах. Так, в южнокорейском «Большом словаре стандартного корейского языка» (1999) и северокорейском «Большом словаре корейского языка» (2006) различия отмечаются у 38 % повседневных слов и 66 % терминов². Согласно исследованию, проведенному среди северокорейских перебежчиков в Республике Корея, большинство из них (71,9 %) испытывали трудности из-за языковой разницы, причем эта разница оказалась серьезнее, чем они предполагали (52,9 %). Почти половина респондентов (44,8 %) ответили, что сначала они «совсем» или «почти» не понимали южных корейцев³.

В качестве основных причин возникновения подобных различий можно выделить почти полное отсутствие контактов в течение долгого времени, разную языковую политику, диалектные различия, установление разных политических режимов и, как следствие, формирование разных социальных и культурных реалий.

Базовыми трудами в области норм корейского языка в начале XX в. являлись «Проект унификации орфографии корейского языка» (1933)⁴ и «Сборник стандартного корейского языка» (1936)⁵. Первые различия между северокорейским и южнокорейским вариантами языка стали появляться с 1948 г. с принятием в КНДР «Новой орфографии корейского языка»⁶. Более заметные различия в языковых нормах формируются после издания в 1954 г. в КНДР «Орфографии корейского языка»⁷. В этом труде по-прежнему используется термин «стандартный язык», однако появляются небольшие изменения в орфографии.

Различия между языками Севера и Юга становятся заметнее после 1960-х годов. Изменение языковой политики нашло отражение в беседах Ким Ир Сена с лингвистами КНДР от 3 января 1964 г. и 14 мая 1966 г.⁸ В беседе от 3 января 1964 г. акцент делается на отказе от использования иероглифических и заимствованных слов. При этом Ким Ир Сен отмечает, что нельзя допустить серьезных изменений в языке, поскольку они могут усугубить разделение Севера и Юга⁹. В 1966 г. выходит «Сборник норм корейского языка»¹⁰, в котором отражаются основные положения беседы Ким Ир Сена 1964 г. Данный труд становится третьим по счету с момента образования КНДР, в то время как на Юге на тот момент по-прежнему используется «Проект унификации орфографии корейского языка» 1933 г. и «Сборник языковых норм» 1936 г.

Спустя два года после беседы 1964 г. позиция Ким Ир Сена о недопустимости языковых изменений претерпевает изменения, и в беседе от 14 мая 1966 г. Ким Ир Сен провозглашает создание нового «культурного языка» в целях сохранения чистоты родной речи. Он отмечает, что язык Юга утрачивает свои национальные черты, в нем появляется огромное количество иноязычных заимствований. По мнению Ким Ир Сена, утрата чистоты языка способствует проникновению империалистической идеологии в культуру¹¹. В связи с

этим он распоряжается создать так называемый культурный язык КНДР, в котором говор Пхеньяна — столицы и колыбели социалистической революции — станет основой корейского литературного языка. А в целях предотвращения путаницы с южнокорейским вариантом термин «стандартный язык» предлагает заменить на «культурный язык». Кроме пхеньянского говора в культурный язык частично входят диалекты провинций Хамгён и Пхёнан. Таким образом, культурный язык содержит в себе пхеньянский говор, элементы стандартного языка, основанного на сеульском говоре, диалекты северных провинций и «упорядоченную»¹² лексику, пришедшую на замену словам иностранного и иероглифического происхождения.

Создание нового литературного языка в КНДР означало культурное разделение Севера и Юга, а собственный язык, олицетворяющий новую культуру, стал символом нового независимого государства. В настоящее время нормы современного культурного языка отражены в «Сборнике норм корейского языка» от 1987 г.¹³, который представляет собой частично исправленную версию «Сборника норм корейского языка» 1966 г.

С другой стороны, в Республике Корея пользуются основанным на современном сеульском говоре «стандартным языком», на котором говорит большинство образованных граждан. Стандартный язык основывается на «Орфографии корейского языка» 1989 г. и «Нормах стандартного языка» 1989 г., которые стали первыми языковыми нормами, официально провозглашенными Министерством образования Республики Корея, и отражают изменения в языке, возникшие после создания «Проекта унификации орфографии корейского языка» 1933 г.¹⁴

В отличие от систематизированной языковой политики КНДР, языковая политика на Юге в большей степени следует естественным тенденциям использования языка. Тем не менее можно выделить несколько важных шагов в реализации языковой политики на Юге.

После освобождения страны Корейский совет по вопросам образования при американском военном правительстве разрабатывает официальную резолюцию об исключительном использовании *хангыля* от 1945 г. Данная резолюция легла в основу Закона об исключительном использовании хангыля (1948 г.), который распростра-

нялся прежде всего на официальные документы. (В КНДР также после 1949 г. было отменено использование иероглифики, однако переход на *хангыль* был более широкомасштабным по сравнению с Югом¹⁵.)

Еще одним значимым событием в области языковой политики можно назвать создание Комитета по очищению родного языка при Министерстве образования американского военного правительства, который должен был рассмотреть повседневную лексику и специальные термины, заменив японские заимствования исконно корейскими словами или более привычными словами иероглифического происхождения. В 1948 г. Комитет издает буклет под названием «Возвращение родного языка»¹⁶ и распространяет его по всей стране.

В 1967 г. Общество корейского языка в целях содействия переходу на *хангыль* и отказу от иероглифики издает словарь «Простых слов»¹⁷, заменив сложные иероглифические слова простыми корейскими. Политика по переходу на *хангыль* стала давать свои результаты с 1970-х годов. Поколение, рожденное после освобождения и живущее в эти годы, воспринимало использование *хангыля* без иероглифов как нечто естественное. Вместе с этим в 1972 г. усилиями сторонников обучения иероглифики, противостоявших сторонникам исключительного использования *хангыля*, вводится обязательный минимум для изучения в школах из 1800 иероглифов для лучшего понимания языка (в КНДР с 1968 г. для изучения в школе рекомендуется 2000 иероглифов).

Во время правления президента Пак Чонхи подчеркивалась важность национальной культуры, и в 1974 г. был создан Комитет по очищению языка СМИ, вступивший в активную борьбу с иностранными словами, а в 1976 г. была создана Ассоциация по очищению родного языка. Движение по очищению языка набрало большую силу после создания Министерства культуры в 1990 г. В 1991 г. при Министерстве культуры был создан отвечающий за реализацию языковой политики Национальный институт корейского языка, который включился в работу по очищению родной речи: ежегодно стали издаваться сборники упорядоченной лексики. В отличие от КНДР эти труды носят рекомендательный характер, и количество заимст-

вованных слов (главным образом английских) в южнокорейском варианте языка значительно больше, чем в северокорейском, а их количество постоянно растет.

Таким образом, культурный язык КНДР основан на пхеньянском говоре. Он «отражает предпочтения и чувства рабочего класса»¹⁸. Язык КНДР — это не просто средство передачи мыслей и чувств, это «мощное орудие борьбы, революции и созидания, направленное на достижение самостоятельности народных масс»¹⁹. Развитие языка тесно связано с идеологией, язык КНДР — это «язык, представляющий собой модель социалистического национального языка, за основу которого взят говор революционной столицы Пхеньяна. Он развивается в соответствии с идеями чучхе великого вождя и правильной языковой политикой ТПК, воплощающей эти идеи»²⁰.

Корейский язык в РК в большей степени идет по пути эволюционного развития: нормой становятся наиболее употребительные формы языка, нет жесткого вмешательства со стороны правительства, как в КНДР. В основе стандартного языка лежит сеульский говор, а с социальной точки зрения — это «широкоупотребительный современный язык образованных людей»²¹.

Лексические различия

Лексика наиболее гибко реагирует на внеязыковые обстоятельства, гораздо быстрее, нежели грамматика, морфология, фонетика²². Между языками Севера и Юга существуют значительные лексические различия в силу разных причин. Культурный язык Севера и стандартный язык Юга основаны на разных диалектах и используются в разных социальных системах; на Севере и Юге упорядочение заимствованных и ханмунных слов шло разными путями, принимались разные языковые нормы.

1. Отличная по форме, но одинаковая по смыслу лексика

1) Диалектная лексика культурного языка КНДР. Примерно 4000 слов из северо-западных и северо-восточных диалектов вошло в состав культурного языка²³. Например, 가깝다 (близкий), 마스다 (слопать), 땅탕 (как попало).

2) Разная лексика, возникшая из-за разного чтения иероглифов. Например, 개준 — 개전 (раскаяние), 오유 — 오류 (ошибка), 외곡 — 왜곡 (искажение).

3) Лексика, отражающая фонологическую разницу двух языков: 거마리 — 거머리 (пиявка), 무데기 — 무더기 (груда), 수집다 — 수줍다 (застенчивый)²⁴.

4) Упорядоченная лексика. Приведем несколько примеров по-разному упорядоченной на Севере и Юге лексики:

Слово	Север	Юг
날조하다 (фальсифицировать)	꾸며내다, 지어내다	가짜 만들다, 생으로 꾸미다
편성하다 (формировать)	짜다, 묶어짜다	짜다, 엮다
벙보 (ланч-бокс)	밥곽, 곱밥	도시락

При этом ряд слов был упорядочен только на Севере, в то время как на Юге эти слова остались в неизменном виде: 주스 — 과일단물 (сок), 햄버거 — 고기접빵 (гамбургер), 샴푸 — 머리비누 (шампунь) и др.

Однако не все упорядоченные слова отличаются. Согласно «Сборнику упорядоченной на Юге и Севере лексики» (2002)²⁵ среди 22 655 упорядоченных на Юге и 38 307 упорядоченных на Севере слов 705 из них совпадают.

5) Орфографические различия. В качестве основных орфографических различий можно выделить правило написания первого согласного в словах иероглифического происхождения, написание составных слов, грамматических форм (деепричастие предшествования, прошедшее время), а также написание заимствованных слов.

2. Одинаковые слова с разным значением

Данные слова вызывают наибольшие затруднения в процессе коммуникации.

1) Слова с разным значением:

Слово	Значение на Севере	Значение на Юге
수갑	Перчатки	Наручники
일없다	Ничего, все в порядке	Не нужно, бесполезно
분주하다	Шумный	Занятой

2) Слова с разной эмоциональной окраской. Под влиянием разных идеологий и длительной языковой изоляции после разделения изменилась эмоциональная окраска отдельных слов:

Слово	Север	Юг
동무	Товарищ (+)	Товарищ (-)
고용	Эксплуатация (-)	Наем на работу (+)
방조	помощь (+)	Пособничество (-)
소행	Поступок (+, -)	Поступок (-)

Кроме того, на Севере отмечается использование резких выражений и сниженной лексики, которые не входят в состав культурного языка, однако часто используются при обращении к врагам Северной Кореи. На Юге, напротив, использование подобной лексики в официально-деловом стиле речи стараются избегать. Приведем несколько примеров:

Слово	Сниженная лексика	Стандартная лексика
Разговаривать	지껄이다	말하다
Голова	대가리	머리
Американец	미제놈	미국사람

3) Слова с дополнительным значением. За годы разделения у отдельных слов появились дополнительные значения:

Слово	Основное значение (Юг)	Дополнительное значение (Север)
바쁘다	Занятой	Трудный
대상	Объект	Жених, невеста
아저씨	Дядя	Муж старшей сестры

4) Безэквивалентная лексика. В Республике Корея появилось много лексики, обусловленной укладом капиталистического общества. Например, 신용카드 (кредитная карта), 인터넷 뱅킹 (интернет-банкинг), 퀵서비스 (экспресс-доставка). Кроме того, немалое влияние на корейский язык оказывает развитие информационных технологий, способствующее формированию особого языка интернета. Например, 랑가 (рад[a]), 엄친아 (сын маминной подруги), 안습 (грустно до слез).

В КНДР, в свою очередь, под влиянием коммунистической идеологии появилась новая лексика, не понятная на Юге. Например, 생활총화 (собрание для подведения итогов), 선진분자 (передовик), 평양속도 (пхеньянская скорость).

Таким образом, на Севере язык развивается в большей степени под влиянием политической идеологии, а на Юге корейский язык испытывает влияние иностранных заимствований и современной интернет-культуры. Разные пути развития языка на современном этапе еще больше усугубляют разницу между северокорейским и южнокорейским языковыми вариантами, изначальной предпосылкой для которой стало различие северных и южных диалектов.

Грамматические различия

Грамматическая структура двух языков остается одинаковой. Существуют различия в подходах к описанию и изучению грамматических явлений. Так, например, на Севере выделяют восемь частей

речи: существительное, числительное, местоимение, глагол, прилагательное, атрибутив, наречие, междометие, в то время как на Юге — девять: к частям речи также относят частицы.

Однако можно отметить и определенные различия в употреблении грамматики (в частности, разное использование суффиксов при словообразовании²⁶).

Фонетические и просодические различия

Фонологический строй северокорейского и южнокорейского вариантов языка одинаков, поскольку для его изменения требуется длительное время. Однако такие монофтонги, как [we], [wi], согласно правилам стандартного произношения на Юге могут произноситься как дифтонги, что не допускается на Севере.

Среди наиболее характерных особенностей можно выделить северокорейский гласный [ʃ], который отличается большей степенью лабилизации по сравнению с южнокорейским [ʃ], поэтому южные корейцы зачастую слышат его как звук [u]. Кроме того, северокорейский звук [o] отличается более низкой артикуляционной позицией и меньшей степенью лабилизации, поэтому южнокорейцам легко спутать северокорейский [o] и [ʌ]²⁷. Помимо существующих фонетических различий, существуют и значительные просодические различия, вызванные диалектными особенностями. В частности, речь жителей пров. Хамгён отличается быстрым темпом, наличием тонов и особой интонацией²⁸.

Языковая культура

Различия языков Севера и Юга необходимо рассматривать и с лингвокультурологической точки зрения, поскольку большинство различий имеет под собой социокультурную основу. Разный социокультурный строй обуславливает формирование разной языковой культуры.

Как отмечают южнокорейские исследователи Ян Сугён, Квон Сунхи (2007); Ян Сугён (2013); Квон Сунхи (2014); Чон Ёнсон (2015); Чэ Ынчжу (2016)²⁹ и др., пропаганда с ее прямолинейно-

стью в определенной степени оказала влияние на языковую культуру в КНДР, поэтому речь северокорейцев в большей степени отличается прямолинейностью, они чаще прибегают к прямым речевым актам. На Юге велика мобильность населения, очень важны межличностные отношения, поэтому речь ориентирована прежде всего на поддержание отношений, что обусловило предпочтение косвенных речевых актов³⁰. Как отмечает южнокорейский лингвист Чон Ёнсон (2015), в южнокорейском обществе большее значение имеют письменные документы, а в северокорейском — слова в равной степени могут наделяться большой степенью доверия. Здесь наибольшую власть имеют слова верховного руководителя. Северокорейцы привычны к тому, что слова значимы и весомы³¹.

В связи с этим представляют интерес результаты исследований специфики речевых актов северян в сопоставлении с южанами, проведенных учеными Чэ Ынчжу, Квон Сунхи и Ян Сугён³². С учетом ограниченности контактов между Севером и Югом подобные исследования практически не проводились ранее, поэтому их работы представляют определенную ценность. Так, учеными было выявлено, что наибольшие сложности у северокорейцев при общении с южанами вызывают речевые акты отказа (34 %), похвалы (21 %), извинения (20 %) и приветствия (14 %). Южные корейцы часто выражают отказ в мягкой форме (давайте не будем торопиться и подумаем, я подумаю и пр.). Согласно исследованиям, северяне, как правило, предпочитают прямой отказ. Среди респондентов было немало тех, кто ждал после собеседования для трудоустройства больше месяца звонка от работодателя после фразы «Мы с вами свяжемся», буквально интерпретировав эту фразу. Речевой акт похвалы также отличался у северян. В то время как южные корейцы часто делают комплименты из вежливости, северокорейцы вместо похвалы могли, напротив, выступить с критикой. Кроме того, в Северной Корее начальство использует похвалу для словесной поддержки подчиненных, поэтому северокорейцы, согласно исследованию, затруднились с комплиментами в адрес вышестоящего. В случае же, если северокореец получал комплимент, зачастую он чувствовал себя неловко. Южане, как правило, выражают просьбу в мягкой форме («Вы не могли бы...?», «Хорошо бы, если вы...», «Что, если вы...?» и пр.), в то

время как северокорейские респонденты чаще выражали просьбы в повелительной форме речи. Согласно исследованиям Квон Сунхи и Ян Сугён, северокорейцы реже говорят «извините», стараясь скорее выйти из неприятной ситуации без каких-либо объяснений. При этом они также были более сдержаны в выражении благодарности по сравнению с южанами. Разница была отмечена и на уровне приветствия. Южанин при встрече со своим знакомым может сказать ему: «Давайте как-нибудь пообедаем вместе», что является выражением симпатии, своего рода приветствием, а вовсе не конкретным предложением о встрече. Многие респонденты-северяне отмечали, что понимали эту фразу как прямое предложение о встрече, обижаясь, что совместный обед так и не произошел.

Исследования Квон Сунхи и Ян Сугён не лишены доли субъективности, однако их попытка привлечь внимание к проблеме формирования разных языковых культур на Севере и Юге безусловно заслуживает внимания и дальнейшего изучения.

Таким образом, за длительный период разделения в северокорейском и южнокорейском языковых вариантах появилось большее количество различий. Сохранение единого грамматического, фонологического и в большей степени лексического строя говорит о принадлежности к одному языку. При этом на Севере и Юге реализуется разная языковая политика, формируются разные языковые культуры, возникает большое количество безэквивалентной лексики, соотносящейся с разными социокультурными реалиями, что означает постепенное формирование более глубоких различий по сравнению с диалектными различиями одного языка. Диалекты одного языка даже при наличии определенных различий, как правило, соотносятся с общими социокультурными реалиями. В то время как большое количество безэквивалентной лексики, соотносящейся с разными реалиями, в большей степени свойственно разным языкам. Данный факт не может не вызывать беспокойства, поскольку с течением времени разница в языках Севера и Юга все больше усиливается, что в дальнейшем может стать одним из факторов, затрудняющих процесс социальной интеграции в случае объединения двух стран.

Примечания

¹ *Ким Ир Сен*. О трех принципах объединения родины. Издательство литературы на иностранных языках. 1972. URL: <http://www.naenara.com.kp/ru/politics/?leader1+3>

² Новостное агентство Ёнхап. URL: <http://www.yonhapnews.co.kr/bulletin/2016/11/01/0200000000AKR20161101088651014.HTML>

³ *Чон Гёниль*. Намхан чончхак пукхан чхульсин чуминэ оно чогин сильтхэ часа : [Исследование языковой адаптации северокаре́йских граждан в Южной Корее] // Министерство культуры и туризма. 2001. С. 47, 49, 69.

⁴ Хангыль матчхумпоп тхонъильан : [Проект унификации орфографии корейского языка] // Чосоно хаххве. 1933.

⁵ Чосоно пхёчжунмаль моым : [Сборник стандартного корейского языка] // Чосоно хаххве. 1936.

⁶ Чосоно Синчхольчапоп : [Новая орфография корейского языка] // Чосономун ёнгхве. 1950.

⁷ Чосоно Чхольчапоп : [Орфография корейского языка] // Чосоно мит чо-сон мунхак ёнгусо. 1954.

⁸ *Ким Ир Сен*. Чосонорыль пальчонсикхиги вихан мёт качжи мунчже : [О дальнейшем развитии корейского языка] // Мунхвао хаксып 2. 1968.

Ким Ир Сен. Чосоноэ минчокчок тхыксоньль олкхе саллё нагальдэ тэхаё : [О сохранении национальной самобытности корейского языка] // Мунхвао хаксып. 3. 1968.

⁹ В частности, здесь Ким Ир Сен выступает против реформирования письменности в виде перехода от морфологического к фонетическому принципу написания, предложенного Ким Дубоном и его единомышленниками.

¹⁰ Чосонмаль кючжончип. 1966 : [Сборник норм корейского языка]. URL: <http://www.tufs.ac.jp/ts/personal/choes/korean/nanboku/Gyubom66-0.html>

¹¹ Ким Чонхи, Чон Сунги. Чучхэе онорирон ёнгу : [Изучение языковой теории чучхе] // Квахак, пэкквасачжон чхульпахнса. 1982. С. 69.

¹² Движение по упорядочению лексики — кампания по пуризации языка, направленная на создание и внедрение новой лексики, образованной на основе исконно корейских слов с целью замены в языке слов иероглифического происхождения и иноязычных заимствований.

¹³ Чосонмаль кючжончип. 1987 : [Сборник норм корейского языка]. URL: <http://www.tufs.ac.jp/ts/personal/choes/korean/nanboku/gyubeom87.html>

- ¹⁴ Хангыль матчхумпоб : [Орфорграфия корейского языка]. Мугёбу, 1989. Пхёчжуно кючжон : [Нормы стандартного языка]. Мунгёбу, 1989.
- ¹⁵ См. также: Ко Ёнгин. Пукханэ оно мунхва : [Языковая культура КНДР] // Соульгэхаккё чхульпанбу. 1999. С. 27—31.
- ¹⁶ Ури маль торо чхатки : [Возвращение родного языка]. Мунгёбу. 1947.
- ¹⁷ Свиун маль сачжон : [Словарь простых слов] // Хангыль хаккхве. 1967.
- ¹⁸ Чосоно мунхвао сачжон : [Словарь корейского культурного языка] // Сах-веквахак чхульпанса. 1973. С. 356.
- ¹⁹ Ри Хогён. Чосоно мунхвао консоль рирон : [Теория создания корейского культурного языка] // Сахвеквахак чхульпанса. 2005. С. 13.
- ²⁰ Хёндэ чосонмаль сачжон : [Словарь современного корейского языка] // Квахак, пэкквасачжон чхульпанса. 1981. С. 1812.
- ²¹ Национальный институт корейского языка. Положения о стандартном языке. 2017.03.28. URL: http://www.korean.go.kr/front/etcData/etcDataView.do?etc_seq=545&mn_id=46
- ²² *Похолкова Е.А., Ким Ире.* 60 лет вместе или врозь? Внутрязыковые лакуны и контрасты корейского языка // Вестник российского корееведения. 2010. № 2. С. 79.
- ²³ Чхве Ёнги. Хангуго чончекэ ихе : [Понимания языковой политики корейского языка] // Хангук мунхваса. 2010. С. 228.
- ²⁴ Северокорейский вариант указан первым, южнокорейский вариант — вторым.
- ²⁵ Намбук оно сунхва чарёчиб : [Сборник упорядоченной на Юге и Севере лексики] // Куннип куговон. 2002.
- ²⁶ См., напр.: *Чо Охён, Ким Ёнгён, Пак Тонгын.* Намбукхан оноэ ихэ : [Понимание южнокорейского и северокорейского языковых вариантов]. Ёкрак, 2002; *Чо Охён, Ким Ёнгён, Ким Чуми, Пак Тонгын, Ким Чунхи.* Пукхан оно мунхваэ ихэ : [Понимание языковой культуры КНДР] // Кёнчжин мунхваса. Чхве Ёнги. 2010.
- ²⁷ *Ли Хёнбок.* Намбукхан оноэ парымчхаиэ кванхваё : [О разнице произношения в южнокорейском и северокорейском вариантах языка] // Кёюк хангыль. 2000. № 12. С. 44—47.
- ²⁸ См. подробнее: Пукханэ ымсонхак ёнгу : [Исследования по фонетике в КНДР] // Хангук мунхваса. 1998. С. 61—72, 213—226.
- ²⁹ *Чэ Ынчжу.* Хангугиннва пукхан итхаль чуминё кочжоль хвахэн силхён янсан пигё ёнгу : [Сравнение речевых актов отказа у южнокорейцев и северокорейских перебежчиков] // Магистерская диссертация. Университет Ихва. 2016.

³⁰ *Квон Сунхи*. Пукханитхальчуминэ оно саён сильтхэва кёюк чивон панхян : [Язык северокорейских перебежчиков и способы их обучения] // Ихваомуннон-чип. 2014. № 34. С. 98.

³¹ *Чон Ёнсон*. Пукханэ оно: сотхонгва пултхон саиэ намбуконо : [Северокорейский язык: языки Севера и Юга между пониманием и непониманием] // Кёнчжин чхульпанса. 2015. С. 53—54.

³² *Ян Сугён*, *Квон Сунхи*. Сэтхомин мёндамьль тхонхан намбукхан хвапоп чхай кочхаль : [Изучение различий в речи Севера и Юга через собеседование с северокорейскими перебежчиками] // Кугокёюк ёнгу. 2007. № 28; *Ян Сугён*. Пукханитхальчуминэ оно чогиын сильхээ кванхан ёнгу : [Исследование языковой адаптации северокорейских перебежчиков] // Диссертация PhD. Сеульский национальный университет. 2013. *Квон Сунхи*. 2014.

Список авторов

Акуленко Вадим Сергеевич, старший преподаватель кафедры корееведения Восточного института — Школы региональных и международных исследований ДВФУ.

E-mail: akulenko.vs@dvfu.ru

Асмолов Константин Валерианович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра корейских исследований Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: asmolov@ifes-ras.ru

Вишнякова Вера Владимировна, кандидат филологических наук, доцент Школы востоковедения НИУ «Высшая школа экономики».

E-mail: vera2_an@mail.ru

Гурьева Анастасия Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры корееведения Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: nastyagur@hotmail.com

Дьячков Илья Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры японского, корейского, индонезийского и монгольского языков МГИМО МИД России.

E-mail: dyachkov@naver.com

Евсеев Владимир Валерьевич, кандидат технических наук, старший научный сотрудник, заместитель директора Института стран СНГ.

E-mail: vlad.evseev@gmail.com

Ермолаева Екатерина Михайловна, кандидат исторических наук, заведующая кафедрой корееведения Восточного института — Школы региональных и международных исследований ДВФУ.

E-mail: ermolaeva.em@dvfu.ru

Жебин Александр Захарович, кандидат политических наук, руководитель Центра корейских исследований Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: zhebin@ifes-ras.ru

Захарова Людмила Владимировна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра корейских исследований Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: ludmila_hph@rambler.ru

Зуева Александра Георгиевна, аспирант Института Дальнего Востока РАН, руководитель Центра Кореи Сибирского федерального университета.

E-mail: fedorovalex87@gmail.com

Казарьян Рубен Левонович, кандидат политических наук, научный сотрудник Отдела Кореи и Монголии Института востоковедения РАН.

E-mail: roubenka@gmail.com

Кику Дмитрий Владимирович, кандидат политических наук, член Группы экспертов Комитета Совета Безопасности ООН по санкциям в отношении КНДР, учрежденного резолюцией 1718 (2006), Департамент по политическим вопросам Секретариата ООН.

E-mail: kiku@un.org

Ким Эн Ун, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Центра корейских исследований Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: kim@ifes-ras.ru

Ким Наталья Николаевна, кандидат исторических наук, доцент Школы востоковедения НИУ «Высшая школа экономики».

E-mail: nkim@hse.ru

Кирьянов Олег Владимирович, кандидат исторических наук, заведующий корпусом «Российской газеты» в Восточной Азии.

E-mail: alec_kir2002@yahoo.com

Ковш Андрей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры американских исследований Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: akovsh@yahoo.com

Курбанов Сергей Олегович, доктор исторических наук, профессор кафедры корееведения Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: sokspb@inbox.ru

Лобов Роман Николаевич, аспирант Центра корейских исследований Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: romanlob@hotmail.com

Мозоль Татьяна Сергеевна, доцент кафедры восточных языков Московского государственного лингвистического университета.

E-mail: yoondanhee@gmail.com

Овчинникова Любовь Всеволодовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры японского филологии Института стран Азии и Африки Московского государственного университета.

E-mail: lovchin@yandex.ru

Синякова Анна Филимоновна, кандидат экономических наук, доцент кафедры японского, корейского, индонезийского и монгольского языков МГИМО МИД России.

E-mail: annasinyakova@yandex.ru

Солдатова Мария Васильевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры восточных языков Московского государственного лингвистического университета.

E-mail: maria_soldatova@hotmail.com

Суслина Светлана Серафимовна, доктор экономических наук, главный научный сотрудник Центра корейских исследований Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: Suslina.SS@mail.ru

Сухинин Валерий Евгеньевич, доцент кафедры японского, корейского, индонезийского и монгольского языков МГИМО МИД России.

E-mail: v.e.suhinin@yandex.ru

Толорая Георгий Давидович, доктор экономических наук, заведующий Центром российской стратегии в Азии Института экономики РАН.

E-mail: asiacenter@inecon.ru

Хохлова Елена Анатольевна, преподаватель НИУ «Высшая школа экономики».

E-mail: lena.khokhlova@gmail.com

Цой Инна Валериантовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры корееведения Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: innachoi@hotmail.com

Шарафетдинова Алина Исмаиловна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела Кореи и Монголии ФГБУН Института Востоковедения РАН.

E-mail: alin5sep@hotmail.com

Эм Павел Павлович, кандидат географических наук, научный сотрудник Института географии РАН.

E-mail: dr.pavelem@gmail.com

Яковлева Любовь Николаевна, научный сотрудник Центра российской стратегии в Азии Института экономики РАН.

E-mail: miyo2008@ya.ru

Научное издание

КНДР и РК — 70 лет

Выпускающий редактор *Е.В. Белилина*
Корректор *Н.И. Иванова*
Компьютерная верстка *С.Ю. Тарасова*
Обложка *Т.В. Иваншиной*

Подписано в печать 20.09.2018.
Формат 60×84/16. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс».
Печ. л. 23,5. Бумага офсетная.
Тираж 500 экз. (1-й завод — 200 экз.).
Заказ № 19

Уважаемые читатели!

Электронные версии книг, выпускаемых ИДВ РАН,
размещаются в электронной библиотеке института
со свободным доступом, находящейся
на интернет-сайте ИДВ РАН
www.ifes-ras.ru

Контакты:

по вопросам работы электронной библиотеки —
Отдел наукометрии и информационных
технологий ИДВ РАН,
тел.: +7-499-124-0802 или e-mail: it@ifes-ras.ru.

Почтовый адрес ИДВ РАН:

Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32.